

ОПЕРКРЮК

БРАТЯ АЛОВЫ

ОХОТА

НА МЯСНИКА

ОЛМА - ПРЕСС

Олма-Пресс
ISBN: 5-224-03860-X
FB2: , 22.01.2023, version 1.0
UUID: 621DFA26-908A-4CFF-A634-FE396026707D
PDF: fb2pdf-j.20160627, coollib.net converter, Jun 18, 2023

Константин Алов
Сергей Алов

Охота на Мясника (Опер Крюк)

Перед Вами третья книга из цикла К. и С. Аловых об опере Крюкове — выдающемся разгильдяе и супермене. Теперь его оппонент — олигарх всея Руси Вагнер. Накануне Нового года он планирует провести ряд терактов глобального масштаба, чтобы перехватить на волне паники денежные потоки и обогатиться. Но капитан Крюков собирается отмечать этот праздник по-другому...

Содержание

#1.....	0005
ПРОЛОГ.....	0006
ЧАСТЬ 1. В ПАУТИНЕ.....	0011
1.....	0011
2.....	0016
3.....	0021
4.....	0026
5.....	0032
6.....	0038
7.....	0049
8.....	0062
9.....	0071
10.....	0077
11.....	0088
12.....	0094
13.....	0101
14.....	0108
15.....	0116
16.....	0131
Часть 2. ФИНАНСОВЫЙ АРМАГЕДДОН.....	0138
1.....	0138
2.....	0145
3.....	0147
4.....	0164
5.....	0170
6.....	0176
7.....	0179
8.....	0182
9.....	0188
10.....	0189
11.....	0193
Часть 3. ЗАВТРА НЕ НАСТУПИТ.....	0198
1.....	0198
2.....	0204
3.....	0209
4.....	0214
5.....	0218
6.....	0224
7.....	0230
Часть 4. ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО 1 30 декабря в Кремлевском дворце происходил правительственный прием, посвященный наступлению 2000-го года. Господин Вагнер в числе приглашенных слонялся по залу и ощущал сильное беспокойство. Поначалу он воспринял его как обычную депрессию, посещавшую его в последнее время все чаще и постарался заглушить лошадиной дозой алкоголя. Но это не помогло.....	0234
#1.....	0234
2.....	0239
3.....	0245
4.....	0249
5.....	0254
6.....	0258

Охота на Мясника

Братья Аловы

*Царь Армагеддон знаменует кончину двадцатого века
Исчадия Марса несут истребленье земле.
Отмерен столетья предел и предел человека.
Лишь Ужас и Страх воцарятся в кровавой удушливой мгле.
Нострадамус, Центурия X, катрен 72*

* * *

Авторы предупреждают, что на самом деле компьютерная сеть "Юнител" называется по-другому и устроена иначе, чем это описано в романе. Все герои и события, изложенные в романе, вымышлены, а совпадения носят случайный характер.

ПРОЛОГ

Хмурый ненастный день медленно умирал. Парк Боженково на южной окраине Москвы выглядел по-осеннему угрюмо и безлюдно. Погода не располагала к прогулкам. Но ни дождь, ни порывы холодного ветра, казалось несколько не пугали молодую пару — девушку лет двадцати и парня немногим постарше. Видимо это была пара влюбленных. О чем они говорили? О любви, конечно.

— Жуткое место. Здесь когда-то убили Савинкова. Тебе это имя что-нибудь говорит? — спросил молодой человек свою подругу.

Девушка задумалась, вспоминая:

— По-моему он был известным террористом начала века. Ленина пытался убить, но стоявшие рядом рабочие помешали. Они вырвали у него пистолет с криками: "Дай стрелкнуть"! — девушка нервно рассмеялась.

Они медленно и осторожно поднимались по глинистому, поросшему огромными старыми елями и липами откосу. Внизу свинцово темнели воды пруда. Под резкими порывами ветра деревья пытались шуметь остатками мокрой листвы. Смеркалось по-осеннему рано.

— Да, он был террористом, — подтвердил молодой человек, зябко подняв воротник куртки. — Чтобы заманить его в Советский Союз и схватить чекистам пришлось самим создать контрреволюционную организацию "Трест". Потом всех создателей за это же и расстреляли. Но свою задачу они выполнили. Савинкова заманили и схватили. Держали его на Лубянке а в последний день жизни его привезли сюда на конспиративную дачу. Он тут здорово нажрался. Вон с того мостика он наблевал в пруд и чуть не свалился в воду. А потом его убили, тело увезли обратно на Лубянку и выбросили из окна.

— Убили прямо здесь?

— Именно. Вот на этом самом месте.

Подъем закончился. Прямо перед ними темнела громада полуразрушенной псевдосредневековой башни с зарешеченными бойницами. Вокруг не было ни души. Сумерки сгущались, промозглый сырой ветер задувал все сильнее.

— Кошмар, — по достоинству оценила обстановку девушка. — Для полноты картины только кладбища не хватает. И вурдалаков...

— Какое кладбище прикажете? В момент организуем! — услужливо отозвался ее спутник. — Видишь те холмики? Это языческие курганы. А там подалее, — указал он вправо, — обычное, на нем недавно опять хоронить начали. Так что на один квадратный метр площади парка в среднем приходится по одному вурдалаку. Ну что, берете? Вам завернуть?

— Отстань! Слушай, зачем ты меня сюда привел? — возмутилась девушка. — Здесь действительно жутко, едем лучше домой! Хочу горячего кофе с коньяком или глинтвейна. Глубокое кресло, шерстяные носки и детектив страшнее.

— Коньяк и детектив можешь получить прямо сейчас, — обрадовал подругу молодой человек и достал из кармана плоскую бутылку. — Прошу коньяк. Носки могу предложить свои, но это будет страшнее любого детектива.

— Хорошо, давай что есть, — девушка взяла у спутника предложенную бутылку и сделала небольшой глоток. — А насчет детектива имей в виду Савинков не в счет. Террористы и чекисты — это не детектив, а шпионский роман.

Другой жанр — дешевая подделка.

— А маньяк для детектива подойдет? Настоящий потрошитель? Маньяк под коньяк!

Девушка капризно надулась, но снисходительно кивнула в знак согласия:

— Ладно, за неимением собаки Баскервилей или профессора Мориарти стодится и потрошитель.

Молодой человек придал своему лицу загробно-мрачное выражение подвел девушку к руинам башни и указал на большое черное пятно на темных камнях.

— Видишь? Это кровь. Здесь убивал свои жертвы кровожадный потрошитель. Ты, наверно, про него слышала. Журналисты его назвали Мясником. Почему-то это место ему особенно нравилось, именно здесь он и нападал. Первым он убил одного парня. Кого — неизвестно. Тело до сих пор опознать не можем. Потом тут же, практически рядом, еще трех человек.

Эти все здешние, гуляли и... А еще говорят, что прогулки в парке продлевают жизнь.

— Из-за чего он их убивал? — обстановка сделала свое дело, девушке уже давно стало страшно. — Из-за денег?

— Загадка следствия. Тела не были ограблены, между убитыми не установлено никакой связи. Все — случайные посетители парка. А раскромсал он их, словно всю жизнь ненавидел. За это его и прозвали Мясником.

Псих, не иначе. Одного мужика распахал как на вскрытии — отсюда и досюда, — молодой человек провел пальцем от кадыка до того места, где кончался его живот и начинались ноги.

— Прекрати! — девушка хлопнула его по руке. — На себе нельзя показывать, примета плохая!

Молодой человек пожал плечами и подвел спутницу к старой почерневшей от времени липе. Здесь он продолжил лекцию:

— Под этим деревом он убил сразу двоих. Мужчину и женщину. Буквально на куски накромсал. Видела бы ты его нож! Сантиметров тридцать длиной, острый как бритва, а по обуху пила. Нашего производства ножичек, между прочим, отечественного. Он так и называется — "Потрошитель". Рэмбо и Шварц со своими "Джангл кингами" отдыхают. И татуировка у Мясника была интересная на левом плече. Оскаленный череп с крылышками и буквы: "ОШ-БОН-Кургай".

— Откуда ты все это знаешь? Вы его арестовали?

— Вроде того...

— А разве ты теперь раскрываешь серийные убийства? — удивленно спросила девушка.

— Нет, конечно, — снисходительно улыбнулся парень. — Вообще-то мы "душманы". Наша специализация — борьба с наркотой. Но мой непосредственный шеф, Крюков, настоящий охотник на маньяков. Он на этом деле задвинутый. Потрошители — его хобби. Он их коллекционирует, как другие собирают марки. Или доллары.

— И много наловил?

— Насильников и прочих мелких извращенцев — немерено. А потрошителей пока только четверо, включая Мясника. Крюков прикинул, что Мясник не просто маньяк, а крепко сидит на игле. Через это дело на него и вышли. А где-

то здесь у наркоторгашей, похоже, нычка имеется. Типа тайничка. Но его пока так и не нашли. В этом деле вообще многое еще не до конца ясно. Если бы я его раскрутил...

Но спутница, похоже, не разделяла его служебного рвения.

— Так ты сюда работать приперся? Тайники дурацкие искать? Да еще меня за компанию притащил в это кошмарное место? — возмутилась она.

— Не обижайся, — на лице молодого человека было написано такое уныние, что сердиться на него было невозможно. — В моей группе по возрасту из троих двое моложе меня. А по опыту работы выходит, что самый молодой — я. Салабон, одним словом.

— Это они тебе так говорят?

— Нет, просто они меня опекают как малолетнего детсадовца. Знаешь, иногда я думаю, что лучше бы надо мной смеялись. Я себя каким-то инвалидом-иждивенцем чувствую. Меня в лучшую группу сунули, а я в ней как балласт-тяжеловес. Для меня их снисходительность иногда хуже пощечины. Поэтому для меня найти склад Мясника — вопрос жизни и смерти.

Девушка вздохнула:

— Про таких как ты раньше говорили: "Он снедаем гордыней". Что ж с тобой делать? Давай искать твой клад, пока твоя гордыня тебя совсем не доседала. А нам здесь болтаться не опасно?

— О чем ты, конечно нет! После нашей зачистки здесь наступила тишь-благодать. Место повышенной безопасности. Считай, что мы с тобой гуляем по музею боевой славы. А я типа экскурсовода.

Молодой человек гордо приосанился. Он был вооружен табельным пистолетом и это обстоятельство немало прибавляло ему уверенности в своих силах.

— Значит вы этого Мясника арестовали? — несколько успокоившись повторила свой вопрос девушка.

— Не совсем, — замялся ее спутник. — Наш Крюков пленных брать не любит. Я же говорю — потрошители и маньяки его хобби. По службе они нам даже в план не засчитываются, скорее наоборот. Начальство ругается, говорит, что мы не своим делом занимаемся. Поэтому Крюк этих уродов от замороженных сразу "передает компетентным органам". Он так патологоанатомов называет.

Девушка покраснела от возмущения:

— Ну ничего себе! Вы со своим Крюковым кем себя вообразили? Латиноамериканским эскадроном смерти? А про судебные ошибки ты слышал? Вы человека убьете, а он не виноват! Назад ведь не вернешь. Или твой Крюков никогда не ошибается?

— Почему? Случается. Недавно как раз ошибка вышла. Настоящий юридический казус. Пасли мы одного урода — трех девочек в Тушино зверски изнасиловал и горло перерезал. Выпасли его, взяли с поличным при попытке очередного изнасилования. И опасная бритва в руке. Знаешь, он нам как родным обрадовался. Спасибо, говорит, что задержали. А то вижу, говорит, что плохими вещами занимаюсь, а ничего с собой поделывать не могу. Страдаю, говорит, без этого дела, ну просто как алкаш без водки. В том смысле, что он не преступник и подонок, а просто больной человек и его не расстреливать, а жалеть нужно. Ну мы его и пожалели.

Помянули даже потом.

— Как это? В каком смысле "потом"?

— После несчастного случая. Упал он. Прямо на ступеньки перед подъездом. И разбился — башка вдребезги.

— Разве можно так сильно разбиться, упав на ступеньки?

— А он с пятого этажа падал. Почти как Савинков. А в морге откатали у него отпечатки пальцев, оказалось — ошибочка вышла. Совсем другой мужик. Этот в Измайловском парке восемь женщин убил. Его с девяносто второго года искали.

— А Мясник тоже упал и разбился? Или был убит "при попытке к бегству"? — в словах девушки послышалась неприкрытая ирония.

— Нет, — лицо молодого человека непроизвольно расплылось в улыбке. — Крюков велел мне написать в рапорте, что маньяк был "растерзан толпой возмущенных очевидцев".

— Здесь? Толпа очевидцев? Откуда? — девушка в недоумении оглянулась. Кроме них двоих в парке по-прежнему не было ни души.

— Ладно, не придирайся к словам. Самое главное — одним уродом на земле стало меньше. И без всяких процессуальных формальностей, как говорит Крюков. Так что Мясник теперь в аду чистосердечное признание пишет. Хотя... — в голосе молодого человека послышалась неуверенность.

— Что?

— Знаешь, когда его подстрелили, он не сразу умер. И очень тихо так, я один слышал, сказал, что еще вернется. Что он вроде как бессмертный. Ну и подох. Я ребятам рассказал, но они, ясное дело, только посмеялись. Чепуха, конечно, дурацкое суеверие. Слушай, под пятницу говорят, сны сбываются. Мне сегодня как раз Мясник приснился. Представляешь? Выходит из-за дерева со своим длинным ножом и заявляет:

"Привет, я вернулся"!

— Прекрати немедленно, мне страшно! — девушка невольно посмотрела в сторону старой липы и вдруг тихо вскрикнула. Из-за толстого ствола дерева выступила фигура мужчины в длинном плаще. В опущенной руке он сжимал громадный нож, усеянный по обуху зубьями.

— Привет, я вернулся, — сказал он.

Молодой человек лихорадочно задергал молнию куртки. Его пистолет находился в подмышечной кобуре. Он понимал, что уже не успеет его достать...

* * *

Вдоль высокого забора, отделявшего парк Боженково от воинской части, спотыкаясь, торопливо шел высокий моложавый человек в длинном плаще. Дойдя до железных ворот с красной звездой, он свернул в проходную КПП.

— Товарищ генерал? Вы? — не сразу узнал его дежурный. — В гражданском прикиде и без машины?

— Моя вчера сломалась, пришлось у компьютерщиков одолжить, которых от "Ипсилон" прикомандировали, у Антона. И эта рухлядь накрылась.

Молодой генерал указал себе за спину, где посреди раскисшей дороги стояли синие ржавые "жигули-копейка".

Дежурный хотел было что-то возразить, но вдруг заметил свежее красное пятно на манжете рубашки генерала:

— У вас кровь на рукаве, — указал он.

— Где? — генерал поморщился. — А, это я в мотор лазил, порезался.

Командир части у себя?

— Только что уехал.

— Я буду у себя в кабинете, — сказал он дежурному.

В кабинете, когда-то принадлежавшем замполиту части, за двойными дверями и толстыми, сложенными руками добросовестных немцев-военнопленных, стенами, экранированными от прослушивания медной сеткой, генерал смог, наконец, взять трубку защищенного скремблером телефона и набрать номер.

— Алло, Риф? Это генерал Павлов. Мне конец!

ЧАСТЬ 1. В ПАУТИНЕ

1

"А-я-я-яй убили негра, убили! — из колонок в салоне припаркованной неподалеку от метро "шестерки" лилась зажигательная песня. — А-я-я-яй ни за что, ни про что! Суки, замочили!"

Лирическими звуками наслаждались четверо коротко стриженных крепышей в кожаных куртках. При их габаритах можно было только гадать, как они поместились в тесных "жигулях". Несмотря на хмурую осеннюю пору все четверо были в темных очках. Их челюсти перемалывали стиморол без сахара в такт зажигательной мелодии.

— Слышь, Пан, — лениво промычал водитель, — а я бы сейчас под настроение поймел пару сникерсов.

— Вон киоск. Слетай и купи. А мне сигарет возьмешь, — отозвался с заднего сиденья другой из коротко стриженных.

— Ты чо, не въезжаешь? Пару негритосов я бы сейчас мочканул ни за что, ни про что!

— Начинай, — так же лениво отозвался сидящий рядом с ним, видимо старший. — Вон как раз клиенты канают. Пара черножопых.

Из-за угла дома действительно показались двое чернокожих парней.

По тому, как они озирались, можно было догадаться — ребята нездешние прибыли издалека. Может даже из Африки.

— Ну что, разомнемся? — спросил старший, которого водитель назвал Паном.

— Нет проблем!

И все четверо слаженно десантировались из уютного салона в промозглый холод улицы. Они, как будто не спеша, но быстро, направились к неграм и взяли их в полукольцо.

— Джамбо, брат! — окликнул одного из них Пан. — Куда так торопишься? Сделай паузу, скушай твикс!

И резко провел удар правой в голову. Но негр неожиданно уклонился, сделал полуразворот и ногой вырубил крепыша-водителя, который находился у него за спиной. Тот, естественно, был не готов, пропустил удар и отлетел к забору автостоянки.

— Проснись, блин замерзнешь! Чего зеваешь? — с негодованием воскликнул Пан.

И сам получил нокаутирующую "мавашку" в голову откуда не ждал от второго. Двое оставшихся крепышей на миг растерялись — то ли врагов бить, то ли своих поднимать, и оба негра рванули за ближайший угол оставив преследователям в добычу свои сумки.

Но на соседней улице их ждал неприятный сюрприз. Из затормозившей волги выкатился двухметровый гигант в бейсболке и реперском прикиде "из-под пятницы суббота" — подол его рубашки свисал снизу из-под куртки едва ли не до самых колен. Он тормознул первого беглеца ударом растопыренной ладони в и без того бесформенный нос.

Второй негр снова среагировал моментально и ударил гиганта ногой в

прыжке. Но удар не дошел. Из-за спины гиганта появился шустрый тип и боковым ударом расплющил негру колено бьющей ноги. Черные парни рухнули на асфальт. Один схватился за лицо, другой за ногу.

— Однажды утром рано лежат как два банана, — прокомментировал шустрый.

— Ты чего, Крюк, какое, на хрен утро? — удивился гигант.

— А какие это тебе, на хрен, бананы? — возразил шустрый. — Давай Птенчик, поднимай клиентов и зачитай им их права.

О'кей командир, — кивнул гигант и продекламировал:

— Вы имеете право пройти с нами в ближайшее отделение милиции и чистосердечно признаться в совершенных вами преступлениях. Если вы этим правом не воспользуетесь, то получите право остаться без зубов и без почек. Хау, мои черные братья, я все сказал! Добавить?

— Не иметь права! — заявил тот, что держался за ногу. — Мы требовать адвокат и переводчик!

— Вам повезло, я адвокат, — сообщил шустрый тип. — А вот и переводчик идет. Знаток греческого и латыни. Эй, Грека, тут кое-кому перевести надо. С Армянского на Ваганьковское.

К ним подошел парень помоложе с невинным лицом античного младенца.

— Я ничего не пропустил? — поинтересовался он.

— Успел в самый раз, — сообщил ему Птенчик. — А вообще у тебя как у того солдата — как в атаку идти, так тебя срать разбирает.

— Это у меня на нервной почве. Слушай, Крюк, — обратился Грека к шустрому типу. — По рации сообщили, что в квартале отсюда снова малолетку изнасиловали. Может раскроем по горячим следам? Клиенты под рукой, ходить никуда не надо.

— Слышали, горячие черные парни? — шустрый защелкнул наручники на запястьях пленных. — Так вот, я капитан Крюков из управления расизма и расовой дискриминации, подраздел пыток и расстрелов. Можете обращаться ко мне "масса капитан" или просто "товарищ сахиб". Предлагаю вам — либо вы колетесь на свою наркоту, либо мы на вас навесим изнасилование и до отделения милиции вы вряд ли дойдете. Песню "Убили негра" слышали?

Она сейчас очень популярна в народе. Вам перевести или уже сообразили?

Вокруг них потихоньку стали собираться зеваки. Некоторые мужики особенно поддатые, уже проявляли понятное нетерпение.

— Эй, братва, а случайно не эти черножопые в четвертом доме девчонку изнасиловали? — поинтересовался кто-то. — Может их линчевать?

Толпа с энтузиазмом откликнулась радостным гулом. Задержанные тут же поспешно поднялись и выразили полную готовность оказать помощь следствию.

— Спокойно, граждане, — успокоил собравшихся Крюков. — Это не насильники. Они — честные наркоторговцы.

Задержанных доставили в комнату милиции при метро. Здесь, в безопасности, они снова попытались закосить под дураков.

— Я не понимать, требовать переводчик, — заявил один.

— И адвокат, — поддержал его товарищ. — Требовать все по закону.

— Хорошо, — согласился Крюков. — Птенчик, организуй кабинет психологической разгрузки. А ты, Грека, — обратился он к самому молодому члену

группы, — принеси из машины следственный чемодан. Пусть все будет по закону. Я тоже люблю закон, потому что закон здесь — я!

Птенчик моментально пристегнул обоих пленников наручниками к батарее отопления. Шурик вернулся через пару минут с большим и старым как у Жванецкого, портфелем. Крюков открыл его и стал любовно раскладывать перед задержанными его содержимое.

Из портфеля один за другим появлялись предметы, способные укрепить память лучше лошадиной дозы фосфора и расположить к откровенности самого закоренелого лжеца. Здесь был огромный шприц с толстой как штык иглой, две пары зубоврачебных щипцов, маленький коловорот, большой прозекторский скальпель, пинцет длиной в руку, электрошокер и моток широкого лейкопластыря. Задержанные в страхе скосили глаза на его приготовления.

Милицейский сержант, любезно предоставивший команде Крюкова комнату милиции, заерзал в своем углу и поднялся.

— Ну я пойду пройду по платформе, — сказал он. — Когда закончите хлопните дверь.

И поспешно вышел. Крюков пощелкал разрядником. Между контактами с треском проскочили голубые молнии. Он протянул электрошокер Греке.

— Запомни, — тоном наставника произнес Крюков, — включаешь, когда проходит поезд. Тогда и рты заклеивать не придется. Пусть орут, все равно никто не услышит. А то у нас этот пластырь последний.

В подтверждение его указания рядом за стеной загредел поезд метро. В комнате все затряслось. Грека подумал и заорал во все горло. Его крик утонул в водопаде грохота.

— Порядок, — удовлетворенно кивнул он. — Слышимость — как в мешке ваты перднуть. Приступаем к исповеди? Цигель ай-люлю! Время! Сейчас как раз поезд в обратную сторону пойдет.

И он, хищно облизываясь, защелкал голубыми молниями.

Крюков обратился к задержанным. Из черных оба сделались пепельно-серыми. Наверно так негры бледнеют.

— Вы официально предупреждаетесь об ответственности за дачу ложных показаний, — грозно прорычал Крюков. — За каждый неправильный ответ — удар током. За каждый правильный — банан. Ток сразу, бананы потом.

Имейте в виду — этого парня выгнали из КГБ за жестокость. Вопросы есть? Или что непонятно? Обратите внимание — это уже первый вопрос.

Негры лихорадочно закрутили головами:

— Все понятно! Мы все отвечать правильно!

Крюков порылся в их карманах и извлек оттуда документы.

— Так, Птенчик, пиши рапорт. Докладываю, что в результате длительной оперативной разработки нашей группой в составе... задержаны...

оставь место — дату и время мы потом впишем... граждане Федеративной республики Нигерия. Джон Оматосо и Якубу Азикиве. Морпехи из охраны посольства вышеназванной республики Нигерия. Птенчик, ты знаешь, где их посольство находится? В особняке Суворова. Бедный Александр Василич, мог ли он предположить, что над его домом будет развеяться зеленое знамя Магомета! Старик, поди, в гробу вертится. Записал?

— Дописываю: "... в гробу вертится". Готово! Шучу, начальник. Так что мы им инкриминируем?

— Больше так не шути, а то шутильник потеряешь. Валяй дальше. Задержаны при доставке наркотиков, чего же еще. Эй, Джон и Якубу! Где товар? Напоминаю: говорить правда — много вкусный банан. Не говорить очень больно Джону и очень больно Якубе. Понимать меня, Джон и Якубу?

— Понимать, — закивали оба. — Товар здесь, — они похлопали себя по животам.

— Окей, Джон и Якубу. Вижу, что вы твердо стали на путь исправления. Разум и доброта — вот смысл жизни. Не люблю я этих пыток и расстрелов. Негра — она ведь тоже человек, — Крюков потрепал Якубу по курчавой голове. — Хоть и арапского звания, как сказал бы мой друг Роберт Мерфи. Птенчик, помнишь его? Такой здоровый черный ФБРовец. По обмену опытом приезжал. Сколько же мы с ним этим опытом наменялись, сколько водки выжрали! А теперь главное. Говорить Якубу: к кому вы несли товар?

Негр поспешно затараторил:

— Нас должен встретить Пусир. Он — человек Касьянофф. Но он не прийти. Мы его искать, но на нас напали скиннер, бритоголовый. Отняли сумки с теплыми вещами. А у вас скоро зима. Холодно.

— Не бойсь, теплые вещи вам в тюрьме выдадут, — успокоил Грека.

— Пузырь? — Крюков задумался. — Это брательник Касьяна? За товаром не дошел, а по соседству кого-то изнасиловали. То есть налицо полное алиби наоборот. Выходит он "два-двадцать четыре"[1] на "сто семнашку"[2] махнул? Это на него похоже. Вот Касьян порадуетя! А что нам говорит метод дедукции?

— На хрена нам дедукция? — проворчал Птенчик. — Все и так давно знают, что Пузырь малолеток в лифтах трахает. Если бы не Касьян, ему бы свои ребята давно горячий кол в очко загнали.

— А что у нас новенького по Касьяну? — спросил Крюков второго помощника. — Давно что-то его группировка в криминальной хронике не фигурировала.

— У него серьезные терки с "РИФом" из-за какого-то банка, — сообщил Грека. — "РИФ" — фирма серьезная. Легальные крышевики. Хоть и называется частным охранным предприятием, а пашут там суперпрофессионалы.

Половине Москвы крышу держат.

— Блин, ведь мы же могли сегодня и Пузырю хомут подвесить, причем по двум статьям сразу! — искренне расстроился Крюков. — Может и на Касьяна поймали бы зацепку. Какого хрена мы тут втроем за всех отдуваемся?

Где группа Панченко? Где наш стажер?

Дверь комнаты милиции распахнулась и в нее вошли четыре крепыша-"скиннера" во главе с Паном. Двое тащили сумки негров.

— А вот и комиссар Мегрэ со своими воробушками. Легки на помине, по приветствовал их Крюков. — Слышь, Панченко, у меня тут имеется заявление от двух граждан братской Нигерии о том, что четверо неизвестных похитили у них две сумки с носильными вещами. Не их ли я вижу? И не стыдно? Офицеры милиции опустили до уличного грабежа! Можете написать чистосердечное признание. Поздравь меня, я раскрыл грабеж по горячим следам — сто сорок пятая, тьфу, никак не привыкну, сто шестьдесят первая, часть вторая, пункты "а" и "г". Лишняя палка к концу года моей группе не повредит. А вам мы передачи носить будем. От трех до семи лет каждое воскресенье.

— Я этих братских граждан сейчас по стене размажу! — Панченко снял темные очки и продемонстрировал миру синяк под левым глазом.

— Щ-щас, раскатал свои срамные губки! — остановил его Крюков. — Я никому не позволяю избивать пленных в моем присутствии. Я делаю это исключительно сам. А ты смотри, на кого прыгаешь. Эти ребята в своем нигерийском спецназе служили. К тому же это моя добыча. Налови себе негров и бей сколько влезет. А то как работать — так никого, а на готовое — как хохлы на сало. Сейчас наверняка и Леха подгребет. Не видели там нигде нашего стажера? У него вчера выходной был. Перебрал, поди.

— Не подгребет твой стажер. Убили его, — Панченко присел на край стола и закурил. — Я в контору отзванивался, мне Абрамыч сказал. Тебя Женька Шабанов из убойного отдела ищет. Похоже снова Мясник поработал.

— Как это Мясник? — не понял Крюков.

Птенчик с Грекой также застыли в изумлении:

— Как это Мясник? Мы же его...

— Леха в Боженовском парке крутился, на том самом месте. С подружкой. Там их и порезали. Леху насмерть, а она жива. Только после "Склифа" ее, похоже, в "Кащенко" придется отправлять. Крыша напрочь потекла. Все про Мясника толкует, — хмуро поведал Панченко и предложил Крюкову. — Ладно, давай договоримся: ты нас в палку вписываешь, а мы твоих негров документируем.

Документировать преступную деятельность Джона Оматосо и Якубу Азикиве означало промывать им желудки и искать в их экскрементах, а проще говоря говне, черные пластиковые капсулы с героином. Крюков быстро согласился на такое разделение труда, предложенное коллегой поднял свою группу и помчался в контору выяснять подробности убийства стажера.

2

Уцелевшие стекла пятиэтажек были покрыты толстым слоем пыли и грязи. Жилой когда-то, район уже давно превратился в промышленную зону, а улица — в проезд между стройплощадкой и комбинатом железобетонных изделий.

На прояснившемся к ночи небе низко стояла бледно-зеленая луна. В ее свете посредине улицы тускло блестело горлышко разбитой бутылки.

Серая полоса асфальта была наискось перечерчена изломанной ажурной тенью подъемного крана. В эту лунную ночь в проезде забили стрелку касьяновцы — члены преступной группировки криминального авторитета Касьянова — и сотрудники частного охранного предприятия "РИФ", служившего "крышей" для многих столичных фирм и банков.

Приехать на стрелку раньше времени — себя не уважать. Опоздать значит автоматически заработать "баранку" — поражение в правах без права обжалования. Машины противников показались практически одновременно. С одной стороны — темно-синий микроавтобус "шевроле-лумина", на борту которого белела надпись "РИФ". По низкому рокоту форсированного двигателя и толщине приспущенного, сильно затемненного стекла, можно было предположить, что машина бронирована.

С другой стороны, рыча шестигоршковым турбодизелем, подкатил черный как окружающая ночь "ниссан-патрол" касьяновой братвы. Машины замерли друг против друга и некоторое время как бы принюхивались. Наконец их двери открылись и из каждой вылезли по два человека. По крайней мере на первый взгляд они не были вооружены.

Пассажир микроавтобуса с надписью "РИФ" был высок, годами — слегка за тридцать. Его волевое лицо несомненно носило отпечаток интеллекта и лидерства. Эдакий русский интеллигент. Из тех, что в царей стреляли. Интеллигента сопровождал кряжистый, "семь на восемь", боевик похожий на медведя. Отсутствие оружия в его руках ни о чем не говорило. Такой при желании смог бы убить и пальцем.

Их противники, ветераны бандитских разборок криминального императора Касьяна, представляли собой типичный продукт возгонки грязи в князи. Оба субъекта находились где-то в середине процесса эволюции.

Еще не обезьяна, но уже давно не человек.

Высокий интеллигент встретил их презрительной улыбкой на полпути между машинами.

— Гляди-ка, а вот и самые крутые мальчиши-плохиши Москвы и Московской области, — процедил он сквозь зубы, обращаясь к своему медведеподобному напарнику.

Тот занял позицию с хорошим обзором чуть сбоку и сзади, откуда контролировал каждое движение противника. За темными стеклами обеих машин также угадывалось нарастающее напряжение.

— Ты узнал меня? — спросил высокий и интеллигентный рифовец у одного из касьяновских парламентариев. — Тогда подтверди!

— Нет базара, — утвердительно кивнул тот в ответ, потом повернулся к своей машине и крикнул:

— Бля буду, пацаны, это в натуре Риф!

После этого касьяновец в сдержанной манере, растопырив веером пальцы, обратился к похожему на медведя боевику Рифа и остальным бойцам, скрытым за темными стеклами микроавтобуса:

— Значит как договорились. Ваш босс — Риф — едет с нами к нашему боссу. За Рифа мы вам оставляем Пузыря. Короче, имейте в виду, — он подтолкнул к ним своего спутника, — Этот пацан — Пузырь — брательник самого Касьяна. Ты, Бурый, его признаешь в натуре?

Кряжистый боевик, похожий на медведя, ответным кивком головы подтвердил, что опознал знатную персону. Пузыря знали многие. И, практически все, кто знал, свои и чужие, либо презирали его, либо ненавидели. Если бы не родство с самим Касьяном, кукарекать бы ему давно на зоне петухом под нарами и жрать свою баланду из миски с дыркой.

Беспредельщик и отморозок, Пузырь был позорным пятном касьяновской братвы. На опасных разборках с конкурентами он, если и появлялся то укрывался в глубоком тылу, за спинами братков. Зато на пьянках и с бабами Пузырь не стеснялся. Но и здесь отличался лишь мелким садизмом унижая и причиняя боль всем, кто не мог в ответ врезать ему по сальной роже.

Касьян знал об этом и держал родственника в стороне от серьезных дел, доверяя ему обкатывать молодых быков-новичков. Обычно Пузырь выставлял их на стрему, пока насиловал в лифте какую-нибудь малолетку.

Это было его любимым развлечением. Или посылал разбомбить ларьки на чужой территории. Но и Касьяну эта обуза начала надоедать. Сейчас Пузырь едва ли не впервые в жизни исполнял непривычную для себя общественно-полезную и ответственную роль, поэтому его пухлая наглая физиономия была нахмурена и бледна.

Его напарник-парламентер тем временем продолжал:

— Короче, пока нас не будет, Пузырь останется у вас, типа, заложником. Через час, край — полтора, вашего босса вернем в целостности и сохранности. Но если с Пузыря хоть одна мандавошка упадет, то и пахану вашему, и вам всем, без базара, ливер на улицу выпустим. Типа — организуем вскрытие при жизни. Так Касьян велел передать. Не каждому такая везуха выпадает — со своими печенками и селезенками повидаться. Говорят, когда кишки вылезают, щекотно в натуре...

— Хорош зубы скалить, босявка! — оборвал его Риф. — Все и так поняли. Едем.

Он пересел в "ниссан" касьяновцев, а гаранта-заложника Пузыря погрузили в микроавтобус "шевроле" и машины разъехались.

Рифа зажали на заднем сиденье две богатырские туши. Парламентер касьяновцев сел спереди и положил на колени кейс. Открыл. Внутри тускло блеснула панель скремблера. Он нажал одну из кнопок, в ответ замигала красная лампочка. Парламентер усмехнулся, потом взял трубку мобильного и набрал личный номер Касьяна:

— Але, босс? Мы его везем. Да, я его только что проверил, бля новым прибором. Ясное дело, он заряжен. Конкретно фонит. Короче, я отключаюсь и врубаю подавитель, бля, радиосигналов. До встречи!

Риф понял, что радиомаяк, спрятанный в каблуке ботинка, ему не поможет. Его люди не смогут определить место, куда его повезут. Оставалась слабая надежда, что им удастся выяснить это старым дедовским способом — слежкой.

2
 Когда джип касьяновцев вырулил на проспект, парламентар переглянулся с водителем:

— Ну что, нас пасут?

— А то нет? — презрительно ощерился водила. — Не ссы, ща оторвемся!

Помнишь как в песне? Шел я лесом, видел чудо — два татарина сидят!...

Вон они, ждут.

И мигнул фарами.

Завидев приближающийся джип касьяновцев, от тротуара резко стартовали два "татарина", как в народе называют КАМАЗы. Самосвалы пристроились в хвост "ниссану", заняв при этом всю середину проезжей части и сбросили скорость до сорока-пятидесяти километров в час. Несколько машин, оказавшихся на ночной улице позади них, также вынуждены были сбавить скорость и возмущенно загудели. Но безрезультатно.

КАМАЗы как пьяные виляли по трассе опасными зигзагами, то сближаясь, то удаляясь друг от друга подобно ходячим скалам Симплегадам. Новых же аргонатов, желающих проскочить между их сварными бортами, с риском превратиться в отбивную, не нашлось даже среди сыщиков "РИФа".

Их машины безнадежно отстали, а касьяновский джип набрал субсветовую скорость и мгновенно исчез в ночной дали.

Темно-синий микроавтобус с белой надписью "РИФ" на борту отъехал немного от места стрелки и свернул в проулок между штабелями железобетонных отходов. Первым из него показался Бурый. При своей массивности двигался он, вроде бы, не спеша, но быстро и ловко. Как медведь. За ним выскочили трое бойцов в черных комбинезонах и вязаных шапках-масках. Они за руки-за ноги выволокли таращившего глаза Пузыря. Его рот был заклеен скотчем, а руки скованы наручниками.

Бурый говорил по мобильнику с группой преследования:

— Потеряли? Глухо? И радимаяк не работает? Да, плохо, но бывает и хуже. Тогда приступаем к реализации плана "Б".

Бурый убрал трубку.

— Касьяновы оторвались, — пояснил он своим помощникам. — Куда повезли шефа — неизвестно.

— Что же теперь делать? — растерянно спросил один из бойцов.

— Как что теперь делать? — переспросил Бурый с недоброй ухмылкой. А что всегда делали, то и сейчас будем. Если чего-то не знаешь, расспроси людей. Они добрые, они всегда помогут. Давай-ка сюда этого любителя белого мяса. Сейчас мы его немножко поспрашиваем.

Пузыря завалили на бетонную плиту и крепко прижали. Бурый наклонился к его лицу и четко проговорил:

— Слушай внимательно, кусок дерьма. Это твое первое и последнее в жизни интервью. От того как ты поведешь себя сейчас, будет зависеть очень многое. Или ты будешь мучиться всю оставшуюся жизнь, а это долго — минут пять, а то и шесть. Или испытаешь неземной кайф от передозировки и остаток жизни проведешь в райских наслаждениях. Допрашивать тебя гуманно — с разными скополаминами — нет времени. Так как, поболтаем?

Из-за спины Бурого показался один из его подручных. В одной руке он держал шприц, в другой топор. Пузырь испуганно таращил глаза. Он все еще не мог оценить серьезности ситуации.

— Выбирай, — предложил пленнику Бурый. — Здесь герыча на полштуки баксов. Заснешь и не заметишь, что помер. Удовольствие дорогое, но для хорошего человека ничего не жалко. Ты сейчас говоришь мне, где Касьян встречается с Рифом и кайфуешь до конца жизни. А если не скажешь, мне придется включить детектор лжи. Вот так...

Бурый взял у помощника топор и одним ударом отхватил Пузырю левую ступню. Тот выкатил глаза и зашелся в неслышном крике.

— Не очень больно? Терпимо? — соболезнующе поинтересовался Бурый. Да, брат, ощущение совсем не то, что от девочек в лифте. Так ты готов отвечать? Приоткройте ему форточку.

Один из державших Пузыря просунул палец под липкую ленту и отодрал ее с одного края. В уши собравшихся ударил дикий рев:

— Вы все, суки, покойники! Мой братан вас всех!...

Бурый кивнул и его подручный снова запечатал рот страдальцу ударом кулака.

Бурый нахмурился:

— Жаль, очень жаль. Значит мы так ничего и не поняли. И правды говорить не хотим.

И отрубил пленнику вторую ступню. Тот от боли даже орать перестал. До него только сейчас дошел весь ужас происходящего. Своими тупыми, заплывшими жиром мозгами он сообразил, наконец, что его начали убивать. Причем способом долгим и мучительным.

Бурый критически оглядел дело своих рук и недовольно покачал головой:

— Надо бы ранки прижечь, чтобы инфекция не попала. Зеленку не захватили? Тогда хоть паяльную лампу принесите.

Побелевшими от ужаса глазами Пузырь следил за тем, как Бурый зажег пламя. Когда огонь лизнул обрубок ноги, он снова дико замычал.

— Хочешь что-то сказать? — наклонил голову Бурый. — Только уговор чур не обзывать! Имей в виду, в зачет идет только информация о том где твой брат встречается с Рифом. Ну что? Споешь нам? Включите ему звук!

Через пару минут Бурый знал, куда именно люди Касьяна повезли Рифа для встречи со своим боссом и общий план места их встречи. Он закрыл блокнот и скомандовал помощнику:

— Грузимся, поехали. Свяжись с нашими, пусть срочно выдвигаются в район Боженово...

— Укол!...Дозу!...- с трудом прохрипел Пузырь. — Ты обещал...

— Что? Ах да, конечно. Я про тебя чуть не забыл, — вскользь бросил Бурый и ударом топора перерубил пленнику шею.

— Мастерски ты ему башку отмахнул! — не сдержал восхищения помощник.

— А, что тут особенного, — скрывая удовлетворение проворчал Бурый. — Вот когда я по молодости на мясника учился, наши мастера между собой соревновались — рубли и трояки бумажные рубили. Не пробовал? Вот это мастерство! А здесь...

Бурый презрительно сплюнул и махнул рукой:

— Грязь убрать не забудьте!

Бойцы в черных комбинезонах сноровисто затолкали тело и обрубки под край бетонной плиты, полили их из канистры остро пахнущей тягучей жид-

костью и подожгли. Вспыхнуло и забилося яростное пламя. Машина умчалась, а на месте трагедии спустя десять минут остались лишь лужа грязи и куча пепла.

Микроавтобус мчался по ночным московским улицам. Его скорость перевалила далеко за сотню. Бойцы проверяли оружие, щелкали автоматными магазинами. Все они были вооружены бесшумными автоматами "вал". Бурый то вынимал наполовину из ножен, то толчком вкладывал обратно длинный сантиметров в тридцать, боевой нож с пилой по обуху.

— Ты сегодня что-то нервничаешь, — заметил Бурому сидевший рядом помощник.

— Да, что-то очко играет, — неохотно признался тот. — А оно меня еще никогда не подводило. Видно беду чувствует.

— За Рифа беспокоишься? Зря. Он же не салабон зеленый. Командир ветеран.

Бурый невесело усмехнулся:

— А что толку? У нас до Рифа командиром был Волкодав. Ты, Сармат молодой, его не знал, это до тебя было. Он один десятка стоил. А погиб странной и нехорошей смертью. Очень странной. Убили его таким же вот ножом. Талисман у него был — золотой череп с крылышками на цепочке.

После смерти пропал этот талисман. Я думаю, убийца его забрал. Может по нему и найду? У меня все наши старики на подозрении.

— Может и себя подозреваешь? — уточнил собеседник.

— А что? Я всякого повидал. Бывало у нас и такое, что человек вроде не с похмелья, а где был и что делал не помнит, — отрезал Бурый. Вот такой расклад. А Волкодав, между прочим, куда круче Рифа был. Но убийцу его я все равно найду и отомщу страшно. Я тут такое раскопал...

— Подъезжаем, — прервал его водитель.

3

Касьяновцы привезли Рифа в его секретную (как думал сам Касьян) резиденцию. Она располагалась в густом лесном массиве сразу за Московской кольцевой автодорогой. Собственно, окружная дорога и отрезала в свое время старую усадьбу от развалин царского дворца в Боженове.

Касьян выкупил ветхие полуразвалившиеся постройки усадьбы буквально за копейки как место несанкционированной свалки с обязательством все расчистить и благоустроить. И благоустроил в соответствии с собственным тонким, как он считал, вкусом.

Рифа подвезли к самому входу в королевски-роскошный, разве что чуть уменьшенный в размерах особняк. Через окно он успел рассмотреть фортификационные ухищрения противника. Примитив. Если его ребята сумеют вычислить местонахождение этого микро-Версаля, то взять его штурмом для них труда не составит.

Касьян по старинке надеялся на высоту стен, крепость ворот и большое число быков с автоматами, слонявшихся по двору с бравым видом.

Наивняк! Если понадобится, рифовцы ворвутся в эту богадельню раньше чем ее нескладные защитники сообразят, что война уже началась.

Рифа выгрузили и проводили сквозь бесконечную анфиладу комнат.

Она показалась ему чуть длиннее, чем в Царскосельском дворце. В роскошном, но безвкусно отделанном светлым деревом кабинете с горящим камином, гостя встретил сам хозяин. Они были одноклассниками, но Касьян выглядел лет на десять старше, обрюзгшим, с мутными водянистыми глазами.

Казалось, причиной его изможденного вида являются массивные золотые "шайбы" на пальцах и тяжелые как вериги цепи на короткой шее.

— Валите все отсюда! — распорядился Касьян.

— Но шеф... — попытался возразить кто-то из приведших Рифа быков.

— Повторить? — нахмурился Касьян. — Сдригнули все на хер! С этим фраером, в случае чего, я и без вас смогу разобраться, — он презрительно кивнул на Рифа, — Такого Кузьму как-нибудь и сам возьму. Лучше по периметру пасите, чтобы его шестерки не заявились.

Охрана с недовольным ворчанием удалилась. Касьян вытащил из наплечной кобуры большой пистолет с изображением змейки, выбитым на кожухе затвора и помахал им в воздухе:

— Если захочешь рыпаться, то имей в виду — я как раз собираюсь новую игрушку испытать. Мне пацаны вчера "гюрзу" приволокли. Видал такую вольту? Маслята бронебойные, с титановым сердечником. Думаю, даже твой каменный лоб пробьет, не отприкошетит.

Охранники давно протопали по коридору, в кабинете оставались только двое паханов. Но Риф, сидя в кресле, услышал, как в темном углу у него за спиной раздавался подозрительный шорох. Значит Касьян вовсе не был так самонадеян, как хотел казаться?

— Слушай, Касьян, — поинтересовался как бы между прочим Риф. — Я слышал, что Мяслик на тебя работает. Учти, с ментами шутки плохо кончаются, он же в федеральный розыск объявлен.

— А ты не верь слухам. И вообще, не пудри мне тут мозги, — оборвал его Касьян. — Давай по делу базарить. От Зелинского банка отвалишь. Я беру его

3
под свою крышу. Или не понял?

— На "понял" берешь, дешевка? — поинтересовался Риф. — Значит, торговли наркотой тебе мало, хочешь мой кусок заглотнуть? А не боишься что от такого заглота жопа треснет?

— Фильтруй базар, мусор недорезанный, ответишь! По правильным понятиям я тебя...

— Шел бы ты со своими правильными понятиями лохов разводить, — посоветовал ему Риф. — А я уже взрослый и леченый. Так что про свои нелепые претензии к банку Зелинского лучше забудь. Здоровее будешь. А тебе хочу сделать встречное предложение, от которого ты не сможешь отказаться. Я вхожу в твою торговлю наркотой и мы поднимаем ее на такой уровень, какой тебе и не снился. И никаких конкурентов, никакого геморроя. Я это гарантирую.

— Мой единственный геморрой — это ты, козлиная рожа!... Касьян взвился было, но внезапно остыл.

Скорее всего вспышка гнева была наигранной, рассчитанной на неопытного новичка. Но Риф таким не был. За демонстрацией всплеска эмоций и внезапно наступившим спокойствием Касьяна он сумел понять, что тот его уже приговорил. И не ошибся.

— Ладно, кончаем базар, — сказал Касьян уже спокойно. — Но имей в виду: если мы с тобой сейчас не договоримся, живым ты отсюда не выйдешь.

— Ну ни хрена себе! — удивился Риф. — Это же голимый беспредел! А как твой братан? Знаешь, что с ним мои ребята сделают?

— Во-первых он мне не родной, а троюродный, — пояснил Касьян. — А во-вторых он меня заколебал — дальше некуда. Под такие разборки, сука отмороженная, подставляет! Я бы сам его в землю зарыл, но не могу какой ни есть, а все ж родня! Как я его мамане потом в глаза смотреть буду? А вот если его твои орлы прикончат, то мои волки от этого только злее будут. Так что можете мочить Пузыря за ради Бога. Про мою наркоту сразу забудь, а на предложение мое лучше соглашайся по-хорошему. От тебя не убудет, а жизнь дороже стоит.

— Ты меня словно целку уламываешь, — усмехнулся Риф.

— А что в этом плохого? — удивился Касьян. — Вон, Пузырь вчера одну молчалку от изнасилования спас. Знаешь как? Уговорил по-хорошему отдаться. Вот и я тебя уговариваю. Отдавайся по-хорошему. Все равно трахну!

— Уж больно ты грозен, сосал бы ты х...й! — посоветовал ему Риф.

Но Касьян не вспыхнул и не затопал ногами. Наоборот, он очень внимательно посмотрел на собеседника:

— То, что ты специально нарываешься, я уже понял. Только вот никак не пойму, в чем твой прикол.

Риф рассмеялся:

— Знаешь анекдот? Дьявол хочет купить душу нового русского и предлагает ему взамен шестисотый мерс. Тот не отвечает. Нечистый прибавляет яхту. Тот все молчит. Нечистый прибавляет виллу на Канарах.

Новый русский опять не отвечает. Тогда лукавый не выдержал и спрашивает: "Тебе что, и этого мало"? Новый русский качает головой и говорит:

"Нет, не в этом дело. Просто я никак не пойму, в чем тут прикол"? Дошло?

Касьян покачал головой и поднял указательный палец:

— Нет. Но имей в виду, умник, стоит мне двинуть этим пальцем, и тебя разделают на шашлык прямо здесь. Сейчас ты мне без выпендрежа сам расскажешь, в чем твой прикол.

Риф пожал плечами:

— Как говорят немцы: "Чего не узнал Гансик, того никогда не узнает Ганс". То есть: всякому знанию свое время. Подожди, не бей меня сразу! Сейчас все узнаешь, но вряд ли тебе это поможет. Ушел твой поезд. Давай теперь, двигай своим пальцем!

Риф вдруг вскочил с кресла и молниеносным движением поймал выставленный палец Касьяна. Послышался омерзительный хруст.

— Ох блин! Мочи козла! — прохрипел Касьян.

В неверном свете камина показалось, что от темного угла оторвалась тень и стремительно рванулась к сцепившимся главарям.

* * *

Бурый из кустов наблюдал за усадьбой Касьяна. Он жевал стиморол без сахара и презрительно сплевывал. Фортификация на уровне Древнего Рима, только еще слабее. Гусей не хватает. Касьян явно сэкономил на средствах оповещения и сигнализации. А бетонный забор с колючкой поверху для серьезного специалиста не преграда. Бурый дал по рации сигнал общего сбора:

— Все на связь. Ответь первому!

Группы отозвались вразнобой, но дружно:

— На месте третий!

— Четвертый на исходной!

— Второй готов!

И так далее. Бурый удовлетворенно прорычал:

— Слушать сюда! Начинаем, только без лишнего шума. Тут по соседству воинская часть. А то вояки, чего доброго, испугаются и шарахнут стратегической ракетой по Штатам. Откуда тогда бабки качать будем? И мебель в доме не ломайте, как матросы в Зимнем. Помните, теперь все это наше. Внимание! Минус два!

Двух минут бойцам "РИФа" хватило на то, чтобы подобраться вплотную к забору и забросить на стену штурмовые средства. Несколько старых инфракрасных камер на воротах и по углам забора были ослеплены с помощью прицельных тепловых лучей. Ровно через две минуты бойцы "РИФа"

оседлали стену и обрушили на слонявшихся по двору быков Касьяна бесшумный и беспламенный, но губительный ливень девятимиллиметровых бронебойных дозвуковых пуль из автоматов системы "вал". Пули прошивали даже тех из касьяновских боевиков, кто предусмотрительно облачился в бронежилеты.

За гулом машин с окружной дороги атака была совершенно неслышна и от этого казалась еще более устрашающей. Многие из касьяновцев умерли, так и не успев понять, что их убивают. Наконец оставшиеся в живых спохватились и открыли ответный огонь. Но к этому моменту черные тени нападающих уже проникли внутрь периметра ограды. В ход пошли бесшумные пистолеты. Теперь кроме выстрелов касьяновцев в ночную тишину врезались скрежещущие металлические звуки.

Бурый недовольно поморщился и выругался. Рядом обозначилась тень бойца. Он присел рядом с Бурым.

— Спокойно, это я, Драгун. Тебя что, зацепило?

— Нет, я в порядке. Звон слышишь? Автоматы в норме, тихо бьют, а пистолеты дрянь. Эти "ПБ" только по названию бесшумные. Ни хрена не годятся. Даром, что двойной глушак, зато затворы лязгают будто слесарная мастерская — за версту слышно.

За время этого монолога Бурый пересек открытое пространство перед дворцом и с группой бойцов вломился внутрь. Навстречу ему полыхнула огнем автоматная очередь. Пули "калашниковая" отбросили Бурого к стене.

Следовавшие за ним рифовцы изрешетили стрелка. Двое бойцов с трудом помогли Бурому приподняться.

— Ты как, живой? — спросил Драгун.

— Хрена ли мне сделается? Я же бессмертный, — проворчал Бурый. Ну, блин, и шибануло меня! Хорошо "антикалашник" не поленился натянуть.

Он, кряхтя и ругаясь, поднялся на ноги. Стрельба затихала. Захват особняка и базы Касьяна занял от силы десять минут.

— Шефа нашли? — спросил Бурый.

— Нигде нет.

— А в кабинете Касьяна смотрели?

Не дождавшись вразумительного ответа, он, болезненно морщась двинулся вглубь дома. Двери в кабинет были заперты. Возле них топтались трое бойцов в черных куртках с желтыми буквами "РИФ-секьюрити" на спине. Один стянул маску. Это был Сармат.

— Ну, что столпились как лошади перед детсадом? — поинтересовался Бурый. — Обуй морду, засветишься.

— Сам же не велел внутри ничего ломать, — развел руками Сармат.

— Тоже верно. В нашем деле главное — аккуратность, — Бурый двинул в дверь ногой.

Внутри что-то гулко хрустнуло и дверь приоткрылась. Бойцы тенями скользнули внутрь. За ними последовал и сам Бурый. Он не сразу сумел разглядеть обстановку — в кабинете было темно. Мерцающий свет шел только от затухающего камина. Бурый пошарил по комнате лучом мощного фонаря. Круг света замер на человеческом теле, скорчившемся на полу возле письменного стола. Вокруг тела растекалась лужа черной крови.

Бурый склонился к убитому. За свою жизнь он повидал немало трупов, но сейчас содрогнулся. Тело было буквально искромсано. Бурый повернул голову убитого лицом кверху. Бойцы замерли у него за спиной.

— Кто это? Шеф?

Бурый отрицательно покрутил головой:

— Нет. Касьян это.

— А где же Риф?

— Найдите, а я покажу! Бегом искать! — приказал Бурый и бойцы направились к дверям.

Бурый принялся внимательно осматривать кабинет. В свете фонаря возле тела что-то золотисто блестнуло. Бурый наклонился. На полу валялся маленький золотой череп с крылышками. Разорванная золотая цепочка лежала тут же.

— Так, — пробормотал Бурый, — а вот и уравнение с неизвестным. Раз он это потерял, стало быть, сейчас вернется. Что застрял? — крикнул он на за-

мешкавшегося Сармата.

Луч фонаря Бурого медленно скользил по стенам. Ему вдруг показалось, что тень в дальнем углу комнаты изменилась. Он посветил туда.

Внезапно в ответ прямо по глазам Бурому ударила ослепительно яркая вспышка света, будто луч его фонаря, усиленный в десятки раз, отразился от зеркала. Но это был выстрел.

Пуля с бронебойным сердечником, выпущенная из пистолета "гюрза" пробила тяжелый "антикалашниковый" бронежилет Бурого. Он упал на труп Касьяна, но тут же попытался снова подняться.

— Ты... Ты, сука! Это ведь ты Волкодава кончил... — едва слышно прошептали его губы.

Рука с пистолетом поднялась, чтобы добить Бурого выстрелом в голову, но по коридору на звук выстрела уже топали тяжелые берцы рифовских бойцов. Рука с пистолетом опустилась. Убийца наклонился, вырвал из цепенеющей ладони Бурого талисман и тень снова слилась с окружающей темнотой в своем дальнем углу.

Когда бойцы вбежали в комнату, они увидели своего шефа. Риф, живой и здоровый, наклонился над Бурым и безуспешно пытался привести его в чувство. Риф разорвал рукав его рубашки. На левой руке Бурого чуть ниже плеча красовалась татуировка — весело оскаленный череп с крылышками по бокам и буквы: "ОШБОН-КУРГАЙ".

— Давай противошоковое! — приказал Риф подоспевшим бойцам.

Он выхватил из поданной аптечки шприц-тюбик и вколол Бурому дозу препарата. Но тот уже ни на что не реагировал. Один из бойцов предложил:

— Может ему искусственное дыхание сделать?

— Поздно, — жестко произнес Риф. — Не трать зря силы. Несите его к остальным. У нас большие потери?

— С Бурым трое. Но может попробовать?...

— Неси, я сказал! — Риф обессиленно присел на край стола. — Эх, Бурый... Теперь надо будет искать ему замену.

— А ведь везучий... был, — вздохнул Драгун. — Вот тебе и бессмертный... Это же надо, антикалашниковый жилет пробить! Из чего, интересно, стреляли? Не из "гюрзы"?

— Сам не врублюсь, — с наигранным недоумением развел руками Риф. Ладно, теперь надо быстро очистить территорию от касьяновской падали.

Раненых добейте. Здесь теперь и будет наша база. Документы на эту избушку оформим завтра. И завтра же начнем перевозить сюда из центра все самое ценное и стремное. На наш офис ФСБшники с налоговиками налет готовят, мне их полковник Спицын стукнул. Так что со дня на день надо ждать гостей.

Риф вышел из дома и победно оглядел поле битвы. Как бы то ни было, этот раунд он выиграл.

"Не забыть бы только тех парней, что были внутри особняка и слишком много узнали, разбросать по дальним точкам. А по возможности убрать", — подумал он.

Драгун кивком подозвал Сармата:

— Подсоби вынести.

Они стали поднимать тело Бурого и тут Сармат заметил золотую цепочку, намотанную на палец Бурого. Он замер.

— Чего застыл? Очнись! — окликнул его Драгун. — Что с тобой?

— Да так, — Сармат подхватил тяжелое тело под руки. — Одну вещь вспомнил. Бурый про талисман Волкодава рассказывал. Ты взялся? Тогда понесли на выход.

* * *

4

Недавно возведенная в центре Москвы многоэтажная башня отсвечивала черными зеркальными стенами. Центральный вход с фасада украшала вывеска "АО Ипсилон-нефть". Со стороны бокового переулка в здание вели более скромные двери, на одной из которых значилось: "Частное охранное предприятие "РИФ". В кабинете на втором этаже сидел директор предприятия, которого все, даже подчиненные, так и называли — Риф. Он разговаривал по телефону.

— Алло, банк? Соедините меня с управляющим, — попросил Риф. — Господин Зелинский? Семен Семеныч? Ну как, решили наконец? Согласны?

Очень рад за вас. Вы приняли правильное решение. Да, с нашей стороны вам будет оказана всяческая поддержка. Думаю, проблем у вас больше не будет. Никаких.

Из коридора донесся шум. Риф недовольно скривился и нажал кнопку селекторной связи:

— Что у вас там за грохот?

— Нас штурмуют! Похоже — это ФСБ.

— Без паники. Никакого сопротивления.

Риф встал и направился было к двери, но та уже распахнулась и в кабинет влетели три богатыря с автоматами, в черных шапках-масках и камуфляже. Когда один из них повернулся, чтобы проверить окно, Риф увидел у него на спине буквы "ФСБ". Действовали они быстро и четко.

Профессионалы.

— Спокойно, не двигаться!- предупредил один из богатырей.

Риф поморщился. При желании он мог бы справиться со всеми троими несмотря на весь их профессионализм. Он покорно сел в свое кресло. В кабинет вошли двое. Одеты они были в штатское, разве что пиджаки на левом боку у них чуть оттопыривались.

— Полковник Тюрин, ФСБ, — представился один из вошедших.

— Полковник Спицын, — отрекомендовался другой.

— Милости просим, — Риф развел руками. — Извините, что не встаю.

Боюсь — как бы ваши волкодавы с перепугу не пристрелили. Чем обязан радости видеть таких гостей? Вы по делам или так, поссать забежали?

— Прекратите паясничать, — полковник Тюрин сурово взглянул на Рифа в упор. — Вот санкция прокурора на обыск вашего офиса.

— Обыскивайте, прошу. У меня вчера железный рубль под стол закатился, а самому лезть и корячиться лень. Найдете — впополаме будем.

Спицын слегка улыбнулся уголками рта, Но главный из вошедших, Тюрин, остался серьезен как комиссар на расстреле.

— Я предлагаю вам выдать добровольно незаконно хранящееся оружие прослушивающую аппаратуру, взрывчатые вещества и незаконно приобретенные ценности.

Риф бросил мимолетный взгляд на Спицына. Тот хранил невозмутимое молчание. Благодаря его предупреждению все, что хоть немного подпадало под перечень полковника Тюрина, было своевременно перевезено на новую базу, в усадьбу Боженково, не только отбитую у покойного ныне Касьяна но и молниеносно приватизированную по всем правилам коррумпированной российской бюрократии.

В дверь вошел толстый лощеный субъект. Риф сразу повеселел.

— Не выдам я тебе ничего, — нахально заявил он Тюрину. — Ищи сам начальник, раз у тебя работа такая. И имей в виду — попробуй только гильзу пустую подбросить, я тебя по судам затаскаю. Валяй, начинай.

Вот мой адвокат, — кивнул он на лощеного толстяка. — Он в прокуратуре двадцать лет оттрубил и все ваши примочки козлиные лучше тебя знает.

Приступайте, не буду мешать.

Обыск шел вовсю. Тюрин медленно прохаживался перед пирамидой с гладкоствольными автоматическими ружьями "сайга", официально состоящими на вооружении у охранного предприятия "РИФ". В "ружпарк" вошел Спицын.

— Ну что? — без энтузиазма спросил Тюрин.

— Ничего, — развел руками Спицын. — Ни автоматов, ни гранатометов ни прослушивающей аппаратуры.

— А наличка? Сейфы хорошо осмотрели?

— Налоговики все перерыли. Только мелочь на хозяйственные расходы. Но ведь сведения были точные. Может мы поторопились?

— А мне кажется, что мы опоздали и кто-то успел их предупредить, Тюрин чуть не просверлил взглядом коллегу. — Если у них есть наш осведомитель, почему бы и в наши ряды не затесаться их казачку?

— И кто это? Сотрудник ФСБ, который стучит охранному предприятию? — презрительно скривился Спицын. — Это что-то из области сказок.

— Коррумпированный сотрудник ФСБ, который куплен с потрохами финансово-промышленной группой "Ипсилон", — поправил Тюрин. — И это уже из области судебной хроники.

— Но, если среди нас работает их стукач, то почему в РИФе до сих пор не расшифровали нашего осведомителя?

— Потому что имя его знаю только я, — усмехнулся Тюрин.

— Ты что, меня подозреваешь? — обиженно выпучил глаза Спицын.

— Нет, просто стараюсь исключить элемент случайности. Ладно, надо сворачиваться. Больше уже ничего не найдем.

Тюрин остановился перед раскрытым металлическим шкафом, в котором хранились пистолеты и спецсредства и взял со стойки один из больших диверсантских ножей.

— Видал такой маникюрный прибор? Им можно пилить, копать, бриться, винты и гайки закручивать, консервы открывать и играть на скрипке вместо смычка. Ну и убивать, конечно. Последняя разработка конструктора Крылова. Называется "Потрошитель". Таким и выпотрошить нетрудно, он провел пальцем по зубьям пилы на обухе клинка. — Знаешь, как это называется? Шоковый зуб. При ударе расширяет рану в три-четыре раза.

— А это колечко для чего? — Спицын потрогал массивное металлическое кольцо, которым заканчивалась рукоятка ножа.

— Карабин с тросом цеплять. Гляди!

Тюрин нажал блестящую кнопку на рукоятке и из перекрестья упора выскочили и растопырились лапы, похожие на якорные. Он зацепил нож одной из лап за крышку оружейного шкафа клинком вверх, просунул свой средний палец в кольцо рукоятки и повис на нем.

— Человека свободно выдерживает. Такой прибор в альпинизме хорошо использовать, с ним на Эверест забраться — как два пальца обсморгать.

Кстати, ты материалы по Мяснику не видел?

— Некогда ерундой заниматься, — проворчал Спицын. — Это ментовская работа, пусть они и ковыряются.

— А я заглянул между делом, — Тюрин внимательно рассматривал нож. Мясник-то точно таким же перышком орудовал. Слава Богу, с ним покончили. Ну все, снимай людей, уходим. Обидно, что так ничего и не нашли.

Боюсь, теперь нас ожидают неприятности.

Спицын кивнул и повернулся, чтобы идти выполнять указание.

"Почему же нас? — подумал он. — Неприятности ожидают лично тебя.

Меня же, скорее всего, ожидает твое освободившееся место".

Перед уходом он успел перекинуться парой слов с Рифом.

— Где тебя найти сегодня вечером? — спросил его Спицын.

— Как обычно, сегодня я играю в теннис в "Вагнеровском центре".

* * *

Ближе к вечеру того же дня на Тверской стояли и разговаривали две молодые и очень привлекательные женщины, блондинка и брюнетка. Чуть позже к ним подошла еще одна женщина, помоложе и тоже очень привлекательная. Брюнетка обняла ее:

— Привет, Машка. Знакомься, это Ира, — она кивнула на блондинку, моя столетняя подруга. Представительница древнейшей профессии — юрист.

А это Маша, когда-то она начинала работать в моей лаборатории, а теперь ведущий специалист в центре лечения крови "Вагнеровского фонда".

Ну как, заморские буржуи зарплату не задерживают? А то переходи ко мне.

— Ну конечно, — согласилась подруга. — Хорошо, когда твой муж банкир Зелинский.

— Кстати, Галка, — обратилась к брюнетке блондинка Ирина, — закинь Семену удочку насчет кредита. Мне Крюков уже плешь проел с частным сыскным предприятием. Хочет, чтобы я создала кооператив. Мотивирует тем, что раз Ленин сказал, что будущее за кооперативами, значит так и будет. Связей у меня достаточно — и дед, и отец всю жизнь опорой трону служили. А вот с деньгами хуже — на оружие, на аренду, на зарплату.

— Поговорю, какие проблемы, — махнула рукой брюнетка Галина. Только у него сейчас какие-то проблемы. Похоже, его лавочку окончательно подгрела под себя финансовая империя "Ипсилон". И из компаньона Сема превратился в наемного высокооплачиваемого служащего.

— Это серьезно?

— Куда уж серьезнее! Теперь наверняка денег станет еще больше, а радости еще меньше. Ну что, девки, пойдём, посидим где-нибудь? Зальём горе стаканом бургундского?

— Извините девчонки, не могу, — блондинка развела руками. — Должна сегодня обязательно встретиться с Крюковым. У него стажера убили и он сейчас в депрессии.

— Слушай, у него же оружие! — испуганно округлила глаза Галина. Депрессия может быть для него очень опасна!

— Для него вряд ли, вот для других — очень вероятно, — возразила Ирина. — Крюков не из тех, кто выбрасывается из окна. Он предпочитает выбрасывать в окно других.

— Я тоже никогда бы не смогла покончить жизнь самоубийством, призналась Галина. — Представляете, что начнут болтать мои соседи! А кроме того я такая невезучая, что мне и самоубийство не поможет.

Ирина посмотрела на часы:

— Ой, мне нужно бежать! Вон мой заботливый племянник с друзьями подкатил. Не машина — утиль. Хорошо хоть окна затемненные, ехать не так стыдно.

И блондинка Ирина направилась к стоявшим неподалеку ржавым синим жигулям первой модели, возле которых околачивались трое молодых людей.

— Ну, а мы никуда не торопимся, — заявила Галина. — Пошли, спрыснем нашу встречу.

И потащила Марию вдоль Тверской в сторону центра.

— Ты мне собиралась что-то сказать, но не по телефону, — напомнила Галина. — Не забыла?

— Нет, помню, — кивнула Мария. — Просто думаю, с чего лучше начать.

Ты знаешь парня по имени Антон? По-моему я его сейчас видела возле той машины, куда села твоя подруга.

— Да, конечно. Антошка — это же иркин племянник. Он у Семена на фирме компьютерами занимается.

— Он имеет какое-нибудь отношение к твоему лечебному заведению? — спросила Мария.

— Разумеется. Все, кто получают деньги от империи "Ипсилон" лечатся или обследуются у нас. Плюс целая армия родственников, знакомых и просто хоявщиков. А почему ты спросила?

— Твой Антон привез к нам в центр кровь на анализ. Я была занята и им занималась моя подруга Лидка. Он объяснил, что кровь не его, что его просил друг. И этот друг не хочет пользоваться твоей лабораторией чтобы избежать огласки.

— И что?

— ВИЧ-реакция оказалась положительной. Я, конечно, еще перепроверю, но боюсь...

— Спасибо, что сказала, — Галина крепко сжала руку подруги. — Ирке если вдруг встретитесь, ничего не говори. Я сама выясню подробности у Антона. Хорошо?

— Конечно, — согласилась Мария. — Но все-таки вопрос слишком серьезный...

— Остановись, пока не поздно! — Галина замерла и вцепилась в рукав Марии. — Скажи честно — ты любишь устрицы?

— Устрицы? — опешила Мария. — Понятия не имею. Никогда не пробовала.

— Тогда за мной шагом марш!

И она потащила подругу к сияющим бронзой и роскошью дубовым дверям ближайшего ресторана.

⁴Громада "Вагнеровского культурно-экономического центра", выросшая на берегу Москвы реки, собирала на своих закрытых от непогоды и посторонних глаз теннисных кортах государственную и околосударственную элиту, а также лоббистов всех мастей. Ничего не поделаешь, закон природы. Раз барин интересуется теннисом, то и все лакеи, от мала до велика, обязаны гонять ракетками маленькие желтые мячики. Да еще денно и нощно Бога благодарить, что хозяин не увлекся боксом или каким-нибудь супермарафонским бегом.

Риф вошел в раздевалку. Здесь было прохладно и пусто. В отличие от нормальных раздевалок пахло здесь не потом, а весенней свежестью.

Он забросил ракетку на один из шкафчиков, скинул рубашку и шорты, взял полотенце и направился в душ. В это время в раздевалку вошел еще один человек, немного моложе Рифа, но такой же широкоплечий и узкозадый.

— Все, финиш! — сообщил ему Риф. — Можешь забрать мою ракетку. С теннисом пора завязывать, надо седло покупать. Будущее — за конным спортом.

— Ты что, не мог выиграть у этого пузатого банкира? — спросил Рифа молодой собеседник. — Или у тебя теперь работа такая?

— И такая тоже, — признался тот. — Не жалею. Я ведь еще когда погоны таскал, понял, что никому мы не нужны. Мне возражали, что родина нас не забудет. И кто оказался прав? Давай вспомним наш славный боевой путь. Когда бригаду вывели из состава КГБ, наш генерал Павлов, дай ему Бог здоровья, пристроил нас к себе в Управление Охраны. Чем все кончилось? Он оторвался от реальности, полез регулировать торговлю нефтью и оружием, то есть в чужой огород. Ему тут же прищемили нос, а Управление Охраны разогнали. После этого всех нас перебросили в группу "активных действий" Управления разработки преступных организаций. Генерал решил, что наступило время для мести олигархам. В результате главный олигарх разбомбил УОРПГ и мы оказались на улице. Где теперь наши орлы с которыми мы когда-то вместе тянули лямку в "ОШБОНе"?

Молодой пожал плечами:

— Говорят, кое-кого ты подобрал.

— Правильно говорят, — подтвердил Риф. — Не всех, конечно. Кто бы мог подумать, что среди наших железных парней окажется столько шлака?

И, заметь, когда все оказались за бортом и перебивались случайной халтурой, первыми сломались самые крутые. А ведь "бессмертные" были нашей гвардией. Теперь кто спился, кто на иглу подсел. Дерьмо жидкое, а не люди. И ведь я всегда пытался им втолковать, что умение убивать — не самое главное достоинство мужчины. Я взял к себе тех, кто не опустил, не превратился в животное. Тех, кто не раскис и доказал, что остался "бессмертным".

Риф не заметил искры ненависти, которая сверкнула на миг в глазах собеседника и продолжал:

— У меня ведь не только мое охранное предприятие. Я, фактически возглавляю службу безопасности всей империи "Ипсилон". И тебя приглашаю. Ты же всегда был одним из "бессмертных". Кстати, как к тебе теперь обращаться?

— Называй меня просто Антоном.

— Да хоть Папой Римским. Я ведь твой должник. Задание по Касьяну ты выполнил просто с блеском. Пользуйся моментом, у меня сейчас открылась хорошая штатная вакансия.

— Кого-то убили?

— Помнишь Бурого? Надежный был мужик. Все хотел выяснить, кто Волкодава замочил. Не успел. Так что давай на его место, не пожалеешь.

— А что я должен буду делать в твоей лавке? Толстопузым банкирам в теннис проигрывать?

— Все. Для начала постажируешься в каждом из подразделений, начиная с охраны банка, кончая проведением спецопераций. А там посмотрим к чему у тебя талант.

— А вы и спецоперациями продолжаете заниматься?

— Чем? — Риф сделал вид, что удивлен. — Какими спецоперациями? Я тебе ничего такого не говорил. Сейчас мои спецоперации — это тот толстяк, которому я проиграл. Рекомендую: Сема Зелинский, банкир. Не человек — золото. Во всех смыслах. И это золото я рассчитываю прибрать к рукам.

— Не трать время на объяснения, я знаю его не хуже тебя. Я занимаюсь компьютерным обеспечением его банка. И ребят наших в охране частенько вижу.

— Они тебя не узнали? — удивился Риф.

— Вероятно я сильно изменился со времен службы, — пожал плечами парень, назвавший себя Антоном. — Так значит ты все-таки специально проиграл?

— Да, специально. В порядке компенсации за те неприятности, которые он благодаря мне поимел и еще поимеет. Банкир, в конце концов, тоже человек, и он вправе получать маленькие человеческие радости.

— Ты что, поимел его жену?

— Нет, дорогой Антон, вчера я окончательно поимел его банк.

— И не противно тебе, боевому офицеру, елозить под торгашами? — скривился молодой.

— Эх ты, наивняк, — снисходительно-наставительно произнес Риф. Истинно говорю тебе: важно не кто под кем лежит, а кто кого трахает.

Запомни это! А то так и будешь на дровах ездить. Это твою синюю развалюху я видел на стоянке?

И он направился в душ, откуда донеслись раскатистые рулады:

— Ты запо-омни сыно-о-ок золотые слова-а-а!...

Его товарищ также разделся и направился в соседнюю кабинку. У обоих собеседников на левом плече синели одинаковые татуировки — весело оскаленный череп с крылышками и надпись: "ОШБОН-Кургай".

* * *

В черной-черной комнате стоял черный-черный стол. На черном столе стояла черная лампа. Ее свет вырывал из мрака комнаты небольшой освещенный круг. За столом сидел человек в черной майке с надписью "РИФ-секьюрити". На плече его синела татуировка — весело оскаленный череп с крылышками и буквы "ОШБОН-КУРГАЙ".

Перед ним на столе в свете лампы лежал большой нож с зубьями по обуху, утолщенной крестовиной-упором и массивным металлическим кольцом в торце рукоятки. Своей тяжестью нож прижимал к столу стопку газетных вырезок. Все они касались одной темы — преступлений маньяка-потрошителя по кличке Мяслик. Рядом на столе лежали трубка мобильного телефона и несколько шприц-тюбиков, предназначенных для производства инъекций в

5
 полевых и боевых условиях.

Человек взял трубку мобильного и набрал номер. Ему ответил женский голос:

— Редакция еженедельника "Версии и доказательства".

— Мне нужен главный редактор вашей газеты, — человек говорил приставив к микрофону трубки коробочку модулятора голоса. — Я хочу сделать заявление. Кто я такой? Ваши п...здоболы дали мне погоняло "Мясник". Меня почему-то считают маньяком, но я с этим категорически не согласен. Я не маньяк. Просто у меня есть одна серьезная проблема и я собираюсь ей поделиться с вами. По крайней мере кое с кем из вас. И надеюсь, вам это очень не понравится.

— Соединяю вас с главным редактором, — испуганно пропищал голос секретарши.

Человек в черной майке прокашлялся. Судя по всему, он собирался говорить долго.

* * *

5

Осень как всегда резко уступила место зиме. С утра над Москвой клубились рваные тучи. Давно пора было выпасть не только первому, но и второму, и третьему снегу. Холодный ветер гонял по подмерзшему асфальту обрывки газет. Судя по заголовкам, главным содержанием жизни россиян традиционно оставались терроризм, инфляция и грядущие выборы. В тяжелой атмосфере города накапливалось гнетущее, тревожное напряжение.

Его давящее присутствие ощущалось физически и казалось, что оно предвещает беду.

Заведующая медицинским комплексом финансово-промышленной компании "Ипсилон" Галина Зелинская ушла в тот день с работы раньше обычного не предупредив даже свою секретаршу, с которой обычно обращалась не как с подчиненной, а как с подругой.

Домой она пошла пешком. Окружающее сейчас воспринималось ею словно сквозь пелену тумана. Слепоглухонемому безногому пацаненку, который попрошайничал в подземном переходе, она не глядя сунула несколько купюр. Тот только свистнул от удивления, догнал ее и крикнул:

— Ты что, ослепла? Сотенные суешь! Лечиться надо!

Но Галина, не оборачиваясь, словно слепоглухонемой была она сама двинулась дальше. Она не помнила как добралась до дома и не заметила что в течение долгой прогулки ее на приличном расстоянии, незаметно но неотступно сопровождал человек в длинном темном плаще. Она вошла в квартиру и только здесь посмотрела на часы. Скоро должен прийти муж.

Как ему сказать? И, главное, как объяснить ему то, чего она не могла объяснить и себе самой?

Выход подсказала излишняя начитанность. Это был неверный выход подсказанный ложными мудрствованиями. Возможно, если бы она читала не Достоевского и Борхеса, а Евангелие, то поступила бы иначе. Но не нам ее судить.

Следивший за ней человек в это время прогуливался в сквере напротив дома. Все это время он был чем-то озабочен, поглядывал на окна ее квартиры и

даже, как будто, собирался перейти улицу и направиться в подъезд, куда вошла Галина. Но его остановил сигнал портативной рации настроенной на жучок в телефонном аппарате Галины.

Галина звонила своей единственной подруге. Может быть, если бы та оказалась дома, все случилось по-иному. Но в трубке раздался лишь голос автоответчика. Галина дождалась сигнала записи и тихо, с перерывами, произнесла:

— Алло, Ира, это я. Прости меня и прощай... Живи долго и счастливо... И держись за своего Крюкова. Я уйду...

И положила трубку. Потом снова сняла и опустила рядом с аппаратом. Она не хотела, чтобы ей помешал случайный звонок. Она боялась что у нее не хватит решимости.

Она прошла на кухню, торопливо черкнула карандашом несколько прощальных слов на газете, которую муж утром второпях забыл на кухонном столе, затем взяла купленную в магазине опасную бритву и прошла в ванную.

"Это ничего, — уговаривала она себя. — Бог всемилостив, он простит мне, что я явлюсь к нему без приглашения".

Но она не могла заставить себя совершить последний ужасный шаг и сторбившись сидела на краю ванны в полной прострации.

Человек в темном плаще, следивший за окнами ее квартиры, посмотрел на часы и пробормотал:

— Пора бы уже...

Он перешел улицу и скрылся в подъезде Галины. Спустя десять минут он вышел оттуда, сел в стоявшие у мусорных баков синие жигули-"копейку" с проржавевшими крыльями и уехал. Еще через десять минут он привычно припарковал свою четырехколесную рухлядь на автомобильной стоянке возле "Вагнеровского центра" между шестисотым мерседесом и еще более шикарным астон-марином. Здесь он вылез из машины и уверенной походкой направился к главному входу в здание.

* * *

Старший опер Управления специальной службы Крюков по мнению столичных наркоторговцев справедливо носил высокое звание "Самого Тухлого Душмана Советского Союза", которое сохранилось за ним и после распада СССР. Кроме этого он продолжал который год носить не слишком высокое звание капитана милиции. И было похоже, что строки Высоцкого о капитане, который никогда не будет майором, касались именно Крюкова. Малейший намек на присвоение ему погон с "лыжней" — двумя просветами и одной звездой — вызывал у крюковского начальства прединсультное состояние. Сам Крюков относился к этой вопиющей несправедливости со спокойствием истинного философа:

"От большой звезды задница тяжелеет".

Этот тяжелый для многих день и у него начался с неприятностей.

Едва он со своей опергруппой отъехал от родной конторы, на его плечо легла тяжелая рука его заместителя, двухметрового стокилограммового паренька по прозвищу Птенчик. Птенчик, полуобернувшись, пристально взгляделся в жутко грязное заднее стекло крюковской волги и проговорил:

— Секи назад, командир. У нас балан на хвосте!

Крюков посмотрел в зеркало заднего вида и убедился, что Птенчик не ошибся. К ним плотно прилипла голубая пятерка с выдвинутой на длину лок-

5
тя антенной.

— Наружка, — с ходу определил третий сотрудник опергруппы Шурик Папастраки, которого все звали Папа-в-сраке или просто Грека, молодой но не по годам развитый. — Легавым буду — за нас особка взялась. Внутренние органы внутренних органов. Говно, блин, в квадрате. Может оторвемся?

— На хрена? — пожал плечами Крюков. — Они на работе и мы на работе.

Мы же не бордели бомбить едем, а выполняем ответственное задание командования.

— Не, ну это беспредел голимый! Что хотят, то и делают! И чем это мы им так понравились? — принялся гадать Грека. — Может на нас кто-то настучал? А если это плановая внезапная проверка, почему нас, как обычно, не предупредили? Слушай, может это из-за нашего Лешки-стажера?

Кстати, сегодня ровно сорок дней, как его с подругой Мясник завалил.

Помянуть бы надо.

— Ни фига, — покрутил головой Крюков. — В смысле да, помянуть надо но пасут нас не из-за Лешки. Он ведь даже не на работе погиб. И за каким хреном его тогда в парк понесло?

— Он не верил, что Мясник погиб и считал, что тот придет к тайнику. И оказался прав. А в особке считают, что мы в этом деле как-то завязаны, потому нас и пасут, — стоял на своем Грека.

— Вот хрена ты угадал, — проворчал Птенчик. — С тех пор сколько времени прошло! Что же они раньше не суетились? Просто это очередная фаза борьбы за чистые руки и за пустые карманы.

— А я думаю — это обычная инициативка, — предположил Крюков. — У ребят, видно, с раскрытием плохо. Месяц кончается, год кончается, век кончается, тысячелетие кончается. Все кончается, а план горит. Вот и шарят наугад, за наш счет свои проблемы хотят решить. Сразу за тысячу лет. Но с нами у них вряд ли выгорит. Не туда попали, ошиблись дыркой.

Сегодня наш девиз — законность!

Утром Крюков получил верную наколку на квартиру в одном из спальных районов, где гости из братской Нигерии, в основном студенты, складировали свои национальные сувениры. Как правило — "черный героин".

Хату Крюкову "сдал" проверенный стукач, также из числа нигерийских студентов, Окике Марафет.

Собственно, студентом "Лумумбария" Марафет был очень давно. С тех пор университета он так и не закончил, зато успел фиктивно жениться на москвичке и получить прописку. Он, разумеется, тоже принимал и перепродавал "товар". При этом он исправно сдавал Крюкову гонцов с далекой жаркой родины, если им не посчастливилось оказаться его родственниками. Нигерия, конечно, страна дикая, но и там не дураки живут. Не хуже нас разбираются: закон есть закон, но семья — дело святое.

Так вышло и на этот раз. Пару дней назад группа Крюкова прихватила "заряженного" героинном негритенка, который при тщательной проверке оказался одним из многочисленных племянников Марафета. В обмен на свободу дальнего родственника Окике, не моргнув глазом, сдал очередной склад земляков-конкурентов. Бизнес есть бизнес.

Бригада Крюкова приехала по указанному Марафетом адресу и выгрузилась из машины. Двухметровый Птенчик нахлобучил на голову козырьком

назад зимнюю бейсболку. Одевался он все так же по-рэперски, из-под теплой куртки-размахайки у него снизу выглядывал длинный свитер, а из-под него до колен торчал подол рубахи. Крюков зябко поежился и поднял белый цигейковый воротник светло-коричневого фирменного "пилота-бомбардира". Грека также был облачен в "бомбардир", только качеством пониже — то ли китайский, то ли турецкий. И мех на его воротнике напоминал цветом порыжевшую от старости войлочную кошму, засыпанную табачным пеплом — очень модная в этом году расцветка.

Бригада зашла в подъезд и поднялась на нужный этаж. Грека прислушался. За дверью квартиры было тихо. Пару-тройку часов они провели в томительном ожидании, не появится ли кто-нибудь из оптовиков-перекупщиков. Наконец терпение сыщиков иссякло.

— Ну что, заглянем к парню на рюмку чая? — Грека подмигнул товарищам. — Шеф, ты не забыл свой набор отмычек?

— Ага, заглянем. Ребята из наружки внизу только и ждут, когда мы законы нарушать начнем, — заверил его Птенчик. — Что будем делать, командир? Может ну его? Давай зайдем в другой раз. Пора бы и пивка попить.

— Ни за что. Раз пришли в гости — звони, — рассудил Крюков.

В ответ на звонок после долгой паузы наконец послышались осторожные шаги. Шаги замерли возле двери.

— Ху? — спросил из-за двери противный нерусский голос.

— Сам ты ху! — возмутился Крюков. — Открывать! Почта пришел!

Крюков при желании умел говорить по-русски не хуже любого иностранца. Но и преступник за дверью был не пальмовым лыком шит.

— Нет почта. Ху? — с непонятным честному человеку упрямством повторил он.

— Открывай, бестолочь заморская! По-хорошему предлагаю!

Видимо, преступные наклонности мешали человеку за дверью последовать этому доброму совету. Он продолжал коснеть в беззаконии.

— Русски не понимать! — цинично заявил он.

— Эй, оупен зе доо! — блеснул незаконченным средним образованием Грека. — Дед Мороз пришел! Санта-Клаус! С мешком подарков!

— Оупен дзю-до! — поддержал товарища Птенчик. — Куклус-Кланус принес тебе мешок п...здюлей! Лучше открывай по-хорошему, черный брат!

Но всем, в том числе и высыпающим на площадку любопытным соседям уже стало ясно, что по-хорошему дверь не откроют.

— Теперь долго не выйдет. Ну что, садимся в засаду? — констатировал грустный факт Грека.

— Не в засаду, а в осаду, — поправил Крюков. — Будем ждать гонца снаружи или вылазки изнутри. Зачитай права осажденного.

— Вы имеете право не открывать дверь и не платить за электричество! — с пафосом изрек Грека и вывинтил пробки из распределительного щита. — Сто первая китайская мудрость Глеба Жеглова: "Вор должен сидеть в тюрьме, а черная кошка — в темной комнате"!

— Вы имеете право не платить за телефон! — прибавил Птенчик.

Пользуясь своим высоким ростом, он разрезал над дверью квартиры телефонный провод и подсоединил к нему принесенный из машины аппарат с определителем. Затворник, вопреки ожиданиям сыщиков, не проявил ни ма-

5
лейшего любопытства по поводу обесточивания его бандитского гнезда.

Похоже, ему нравилось блуждать в потемках. Во всяком случае он так и не высунул за дверь носа, чтобы проверить пробки. Судя по всему это был матерый преступник. Либо он просто не подозревал о существовании электричества.

— Вы имеете право не смотреть телевизор, — провозгласил Грека.

Он потянул из паза необычно толстую телевизионную антенну и сообщил, поигрывая кусачками:

— Ух ты, какой интересный кабель! Может спутниковый? Посмотреть жалко не на чем.

— Вставь его себе в задницу, зажмурь глаза, расслабься и жди когда появится картинка, — посоветовал Птенчик. — Штурм все равно отменяется.

— Подожди, не режь, — остановил его Крюков. — Иначе потом не разберемся, что это за спецсвязь. Без света она все равно работать не будет.

— А на аккумуляторе?

— Думаю, наш черный друг еще не въехал, что его обложили, и сигнал тревоги давать не собирается. Либо он его уже дал. Так что оставь.

Раз приступ не увенчался успехом, придется его, басурмана, измором брать, — вздохнул Крюков. — Организуем осадный лагерь.

— Да? И какие будут особые указания, гражданин начальник? — с кислой физиономией поинтересовался у него Грека. — Спать в лифте стоя?

— Молодец, самую суть осадной тактики ухватил! — похвалил его Крюков. — Нарушение снабжения и канализации отходов — причина многих неудачных осад. Голод, эпидемии с эпизоотиями. Спать в лифте, конечно можно, а вот ссать никак нельзя. Мы, работники милиции, не можем пасть так низко, а должны подавать пример... И все такое прочее... — Крюков широко зевнул. — Поэтому пройдишь по квартирам и подружись с соседями.

Вдруг этот Максимка неделю взаперти проторчит?

— Меня молодая жена из дома выгонит, — предупредил Грека.

— Нет у тебя никакой жены, ни молодой, ни старой, — разоблачил его Крюков. — Поэтому садись по стойке "смирно" и бди.

— Бзди?

— Бди, деревня. От слова "бдительность". Пока он не вылезет. А вылезет — бей на поражение. Помнишь, как Джон и Якубу группу Пана чуть в реанимацию не отправили?

— Кто же знал, что они в своей Лимпампо в спецназе служили? — проворчал Грека. — Главное дело — у самих полная жопа героина, а они машутся как Чук и Гек Норрисы. Короче, я ни с кем ногами фехтоваться не собираюсь. Если этот козел покажется, влеплю маслину в лобешник.

Он выхватил из кобуры табельный "макаров" и загнал патрон в патронник. После чего щелкнул предохранителем.

— Вот бы ему и воду отключить, — размечтался Птенчик. — Только придется весь стояк вырубать. А поссать можно и на улицу выйти.

— Прекрати, мы работаем для простых людей, — пристыдил его Крюков. — Ночами не спим, — он снова зевнул. — А ты этим простым людям хочешь воду отключить. И так про милицию черт те что пишут. Никакого авторитета. И все из-за таких как ты.

И они принялись бдить. Противник затих и не подавал признаков жизни.

Он предпочитал сидеть без света, но не сдаваться. К ночи расстановка сил окончательно определилась. Грека выполнил приказ шефа на отлично. Из соседних, а также выше и ниже расположенных квартир выходили люди с доброжелательными улыбками и знакомились с сыщиками.

Старушка из квартиры слева предлагала горячей картошечки. Томный юноша из квартиры справа в трениках в обтяжку настоятельно приглашал Птенчика заглянуть на чашечку кофе. Внизу вообще гуляли свадьбу и всю группу едва не утащили "буквально на пять минут выпить за здоровье молодых". Во что растянулись бы эти пять минут многоопытный Крюков даже подумать боялся.

Отринув соблазны, опергруппа продолжала стойко переносить тяготы службы. Крюков позволил только Птенчику отвлечься на минуту, чтобы буквально одним ударом пресечь в квартире сверху назревший семейный скандал.

В квартире напротив, дверь которой выходила на ту же лестничную площадку, проживала одинокая дама "чуть за тридцать". Ну совсем чуть-чуть, лет на десять-двадцать максимум. После того, как Грека познакомился с ней, он с торжествующим видом вынес пару табуреток.

— Присаживайтесь, — предложил он товарищам по оружию.

— А себе? — наивно поинтересовался Крюков.

— Молодой ишшо, постою, — отмахнулся коварный Грека. Потом невнятно пробормотал что-то насчет "пойти пописать" и снова исчез за соседкиной дверью, на сей раз всерьез и надолго.

Дисциплинированный Птенчик не обращал на это внимания и целиком был поглощен наблюдением за телефоном — не звонит ли враг? Крюков же по природе был разгильдяем, причем завистливым. Он терпеть не мог тех кто сачковал. Больше, чем он сам. Через полчаса нервного ожидания он встал с табуретки и мстительно заявил:

— А пойду-ка я, и весь оргазм им сейчас поломаю!

Но тут заверещал телефон. Птенчик дернулся было к определителю но напрасно. Звонил мобильник Крюкова. Телефон у него был пиратский абонированный на сотню честных пользователей, каждый из которых, практически, не замечал, что платит "за себя и за того парня". На вопрос:

"Где взял?" Крюков отвечал кратко, но с исчерпывающей полнотой: "С убитого снял". То, что на аппарат можно было звонить, Крюкова иногда радовало, а иногда и нет. И сейчас ему не хотелось отвечать, но врожденная порядочность заставила взять трубку.

— Чаво надо? — прогнусавил он, делая вид, что он вовсе не Крюков а дальний родственник из деревни. Откуда-нибудь с Украины, например.

И предложил, как это принято в тамошних краях:

— Слухаю, жалуйтэсь!

— На что? На твои дурацкие приколы? — спросил строгий женский голос. — Скажи кому, и я с удовольствием пожалуюсь.

В другое время он бы обрадовался ее звонку, но не сейчас.

— Але, Ирина, это ты? Ты не очень вовремя, а если честно, очень не вовремя. Я тут сижу в засаде...

— Засадишь в другой раз, — бестактно перебила она его. — А сейчас заткнись и слушай! Галина Зелинская погибла. Меня не было дома, и она оста-

вила сообщение на автоответчике. Я позвонила ей... Подошел ее муж Семен, сказал, что ее уже нет... Короче, там сейчас милиция.

Крюков опустил мимо табуретки, но даже не заметил своей ошибки.

— Что с ней случилось?

— Вскрыла вены.

— С какой стати?

— Я не знаю, а милицию это вообще не интересует. Факт самоубийства налицо, остальное для них не важно. А Семен не хочет при всех ворошить... Одним словом, приезжай скорее. Адрес помнишь?

— Конечно, базара нет... В смысле уже еду.

Он убрал трубку в карман и поднялся.

— Слушай, Птенчик, я сейчас сдригну на пару часов по шкурному делу. Ты остаешься за старшего! — крикнул Крюков уже на ходу, скатываясь вниз по лестнице. — Кто полезет — стреляй на поражение!

— А если начальство с проверкой заявится? — поинтересовался гигант, перегнувшись через перила.

— Их можно по нога-а-ам! — раскатисто донеслось из глубины лестничного колодца.

* * *

6

Крюков ездил на особой машине. Это была бронированная, с двухсотсильным "чайкиным" движком, волга, прослужившая свои лучшие годы сначала в "девятке" — сопровождении, потом в "семерке" — наружке. Там она и была выкрашена в салатový, с шашечками, цвет тогдашних московских такси. Крюков купил списанную рябуху по цене металлолома и относился к ней крайне бережно — в мотор не лазил, не перекрашивал и не мыл. Даже дырки от пуль на внешнем корпусе не заделывал. С этим был связан единственный недостаток машины — она боялась дождя. Но в остальном проблем не было и рябуха, как ни странно, бегала, причем довольно бодро.

Крюков подошел к верной рябухе, открыл дверцу салона и первым делом отключил сигнализацию. "Русский клиффорд" — граната РГД-5 на растяжке за педалью тормоза. Затем он открыл капот и запустил двигатель одним изящным движением — закоротив толстой отверткой клеммы стартера.

Сама отвертка сгорала за пару месяцев до ручки, зато при такой технологии владелец мог не опасаться угона.

До дома Зелинских Крюков добрался минут за десять, счастливо избегнув неоднократных попыток соискателей славы летчика Талалихина совершить ночной таран. Сориентировался по памяти. Дверь в квартиру оказалась не запертой.

В комнате сидели двое — Семен Зелинский и Ирина. Тело Галины уже увезли в морг, милиция тоже ушла. Крюкову показалось, что даже люстра в комнате горит как-то пронзительно-тоскливо. Так бывает в доме сразу после того, как его посетила смерть.

Крюков имел в скорбных делах удручающе большой опыт. Он поставил на стол бутылку "столичной" и попросил Ирину:

— Принеси стаканы.

Семен сидел неподвижно. Крюков знал Зелинских не очень близко.

Встречались несколько раз. С годами даже старые друзья видятся все реже. Но у него создалось впечатление, что Семен и Галина были идеальной парой. Он — банкир, она — врач, причем, вовремя и много получающая.

Ирина частенько все роняла с белой завистью:

"Живут же Галка с Семеном!"

И тут же, суеверно поплевав за левое плечо, добавляла:

"Дай им Бог"...

Не дал. Не дал детей, а теперь вот и долгой совместной жизни.

Ирина поставила на стол большие стограммовые лафитники. Крюков свернул пробку и налил Семену полную, а себе и Ирине до половины.

Выпили молча и без присловий про "землю пухом" и прочее. Наконец Крюков прервал тягостное молчание:

— Расскажите, наконец, как это произошло.

— Вот, почти, — Семен бросил на стол сложенную газету "Версии и доказательства", на полях которой торопливым почерком было выведено несколько строчек.

Крюков прочитал предсмертную записку Галины:

"Прощай, мой дорогой. Спасибо тебе за то счастье, что у нас было.

Я больна СПИДом. Жить с этим я не могу, объяснить тоже. Прости, если сможешь, и не тяготись моей памятью. Женись и живи. Только вспоминай меня иногда. Твой глупый Галчонок".

Крюков словно мелкий жулик спрятал защипавшие глаза и, прокашлявшись, пробурчал:

— Ментам это не показывал?

— Нет, — покачал головой Семен. — Зачем? Им и так все ясно. К тому же она не им писала, а мне. Это же не докладная: прошу в моей смерти винить такого-то. Я неправ?

— Не знаю. Наверно прав.

Крюков налил еще. Снова выпили не закусывая. Наконец Крюков задал самый трудный вопрос:

— Откуда у нее взялся СПИД? Извини...

— Не за что, — Зелинский впервые за все время поднял голову и посмотрел Крюкову в глаза. — Я не знаю, как и где она могла заразиться.

Понимаешь? Не знаю!

— Успокойся, Сеня.

Ирина положила руку ему на плечо и он снова поник. Крюков сжал зубы и продолжал:

— Я допускаю, что сейчас не время и не место, но если здесь что-то нечисто, то разобраться лучше сразу. Почему у вас не было детей?

Семен снова покачал головой как лошадь, которую одолели мухи:

— Вы будете смеяться, но мы боялись.

— Вы? Чего? — дуэтом выпалили Ирина и Крюков.

— Неустроенности. Все оттягивали, думали — вот еще немного. Окончательно встанем на ноги... А тут кризисы... К тому же в прошлом году на меня начали наезжать.

— Почему не сказал? — проворчал Крюков.

— Мы с тобой еще не были знакомы. Я все время боялся, что меня убьют... Кто же мог ожидать, что она уйдет раньше меня?...

— К делу, — жестко прервал его Крюков. — Если вы не хотели иметь детей, то принимали меры?

— Да, я всегда пользовался презервативом, — кивнул Зелинский.

Крюков насупился:

— А сейчас можешь дать мне в рожу один раз, но сильно. Только ответь: у Галины кроме тебя кто-нибудь был?

Зелинский не пошел навстречу предложению Крюкова и не стал его бить. Он лишь снова затряс головой:

— Нет, не было. Во всяком случае мне про это ничего неизвестно.

Но, думаю, она не стала бы ничего от меня скрывать. Она была необыкновенной женщиной!

Крюков прокурорским взглядом вперился в Ирину:

— А может быть ты что-нибудь знала? Она ведь могла с тобой поделиться как с подругой?

Ирина оскорбленно поджала губы:

— А я бы тебе врезала с большим удовольствием! Не было у нее никого, и быть не могло! Сеня прав. Если бы Галке кто-то настолько понравился, чтобы с ним... Одним словом, Семен узнал бы об этом первым.

— Так, — принялся рассуждать Крюков. — Самую опасную, но самую вероятную версию можно считать практически закрытой.

— Просто закрытой, — поправила Ирина.

— Хорошо, просто закрытой, — согласился Крюков. — Поехали дальше.

Уколы. Наркотики можно сразу исключить. А лекарства?

— Она даже таблеток не пила, а к врачам уже несколько лет не обращалась, — ответил Зелинский. — Лечилась по разным нетрадиционным системам. Раздельное питание, голодание, уринотерапия.

— Это в смысле мочу пить? — Крюков поморщился.

— Я предпочла бы пить мочу, чем попасть на операционный стол, — категорически заявила Ирина.

— Ну если вопрос так ставить, я бы и дерьмо есть согласился... Крюков прикусил язык, сообразив, что сострил не вовремя и не к месту. Извините. Выходит и медикаментозный вариант отпадает?

С ним согласились. Все понимали, что зашли в тупик. А из тупика выход известный — еще по пятьдесят граммов.

— Всем по чуть-чуть, — Крюков снова разлил водку по рюмкам.

Он отодвинул газету с предсмертной запиской Галины, чтобы ненароком ее не облить, и так и замер с бутылкой в руке.

— Вот оно! — шепотом воскликнул он.

В глазах Зелинского и Ирины, обращенных на Крюкова, было написано: "Не надо бы ему больше пить".

Но Крюкова не смутила их несправедливая оценка. Сейчас он сильно напоминал сам себе Архимеда, разве только не голого и не в ванне.

— Эврика, блин! Нашел! Вот это вам ни о чем не говорит?

Крюков повернул к собеседникам лежавшую на столе газету так, чтобы они смогли прочитать заголовки сообщений. И самый крупный из них помещенный между материалами о выборах в думу и предстоящем конце света, гласил: "ВИЧ-террорист орудует на улицах Москвы". В статье говорилось о том, что по улицам столицы бегают больной СПИДом маньяк, который в толпе ко-

лет прохожих шприцем, заправленным его собственной отравленной кровью. Делает прививки смерти. Здесь же приводилось пространное интервью, данное маньяком главному редактору еженедельника.

— И ты веришь в эту галиматью? — с сомнением спросила Ирина. — Наши газетчики, если не могут раскопать сенсации, готовы сами на улицах людей резать.

Крюков резко остыл:

— Ты права, не сходится. Если бы такой маньяк появился, он обязательно прошел бы в сводке происшествий. А нам пока ничего подобного не сообщили.

— Вот видишь, — вздохнула Ирина. — И здесь тупик.

— Да, полный облом, — согласился Крюков.

— Пойдите! — вдруг встрепенулся Зелинский. — А что если газета не врет? Месяца три назад Галина жаловалась, что в толкучке ее что-то больно укололо в бедро. Даже точку от укула показала. Она решила тогда, что укулолась о чью-то булавку или шпильку. Пойдите, дайте вспомнить! Где же это было?

Зелинский изо всех сил постарался сосредоточиться.

— Вспоминай, где это произошло? — наседал на него Крюков. — На рынке? В магазине? В театре? В пивной? В очереди к мавзолею? Где? Вспоминай!

— Отстань от него! — потребовала Ирина.

— Вспомнил! Это случилось!...- растерянно воскликнул Зелинский и осекся.-... Это случилось в моем банке на презентации.

* * *

Семен уныло смотрел в пол и монотонно бубнил:

— Конечно, в моем банке есть служба безопасности. Но ее дело вести разборки с конкурирующими крышами. Чем они, собственно, сейчас и заняты. С Касьяновской группировкой никак покончить не могут. А чтобы разобраться в смерти Галины, следует провести квалифицированное частное расследование. Кроме того, я не могу доверить такое важное для меня расследование посторонним.

— Ты им не веришь? Так и скажи. Но я не знаю, — Крюков развел руками. — Я пока не вижу ничего, за что в этом деле можно было бы зацепиться.

— Хорошо, слушай самое главное, — выдавил Семен. — Я не знаю, стоит ли про это говорить... Короче, я не уверен, что Галина покончила с собой.

— Как это? Ты же сам сказал, что она вскрыла вены! И записка!

— Не хотеть жить и хотеть умереть — не одно и то же, — вздохнул Зелинский. — Выброситься из окна можно под влиянием секундного порыва но вскрыть вены — на это нужна воля к смерти, причем не одномоментная а достаточно продолжительная по времени. А ее у Галины быть не могло.

— И поэтому ты считаешь, что ее убили?

— Не только поэтому. Пойдемте со мной.

В прихожей Семен остановился и указал пальцем на входную дверь:

— Вот, смотрите. У меня две двери — внутренняя и наружная. Но петли на них с разных сторон, так получилось. Поэтому чтобы, выходя из квартиры, открыть наружную дверь, нужно сначала до конца распахнуть внутреннюю. Видите? Если ее только приоткрыть, она будет мешать подобраться к замку. Но когда внутренняя дверь распахивается до конца, она каждый раз сбивает с крючка вешалки мою старую шляпу. Вот эту. Галя собиралась ее почистить,

поэтому и не убирала в шкаф. Так вот, когда я пришел, шляпа лежала на полу возле двери ванной. То есть сначала была закрыта дверь ванной, потом открыта входная дверь.

— Почему ты не сказал об этом следователю?

Семен пожал плечами.

— Это ничего бы не изменило. Когда я вошел, то первым делом автоматически поднял шляпу с пола и повесил на место. Не мог же я сбросить ее обратно. К тому же следователь не велел ничего трогать.

— Детский сад! — развел руками Крюков. — Сначала он прячет все улики, а потом требует, чтобы я на пустом месте убеждал следствие искать убийцу.

— Не надо никакого следствия. Я хочу, чтобы вы нашли убийцу Гали.

Вы не имеете права отказывать мне, — Зелинский ударил ладонью по столу. — Я должен, я просто обязан разобраться с этим делом! Ты, — указал он на Ирину, — хозяйка частного охранно-сыскного предприятия...

— Оно еще не открылось, — возразила она. — Сначала мне нужно оформить лицензию на себя, а для этого представить бумагу об окончании спецкурса. Потом нужно будет подготовить учредительные документы и пробить лицензию на создание охранного предприятия.

— Разве это проблемы? Диплом тебе сделаю хоть завтра — у меня в Латвийском филиале Международной академии безопасности старый друг работает. Фирма мирового уровня, туда месяцами в очереди стоят. Что еще нужно? Деньги? Завтра получишь беспроцентный кредит на двадцать лет.

Как депутат или генерал. Что скажешь, хозяйка?

— Никакая я не хозяйка! Меня Крюков в это дело втравил, пусть он и отвечает! Крюков, зачем тебе понадобилось делать из меня владелицу частного сыскного предприятия? Я была преуспевающим юристом...

— Ты им и осталась, так что ничего не потеряла, — возразил Крюков. — Зато приобрела...

— Что?

— Ну... Как бы это сказать... — Крюков замялся, подыскивая аргументы.

— Признайся, — потребовала Ирина, — что это нужно было не столько мне, сколько тебе!

— Мне? Зачем? — вытаращил глаза Крюков.

— И слепому видно! — кипятилась Ирина. — Сейчас в милиции наконец-то начали бороться с коррупцией.

— А я причем? — обиделся Крюков. — Коррупция и я — две вещи несовместные.

— Скорее нераздельные, — поправила Ирина. — Поэтому ты собираешься оплату своих трудов...

— Заметь: праведных! — вставил Крюков. — Я не ворую и взятки не беру. Я не следователь и не прокурор. Я сыщик. Все, что я могу — это искать преступника.

— Но ты можешь его и не искать. А иногда именно за это и платят, поддела его Ирина. — Ладно, одним словом, ты собираешься оплату своих праведных трудов проводить через мою фирму, — закончила она свою мысль.

— А кому от этого плохо? — спросил Крюков. — Пойми простую вещь:

природа любой бюрократии такова, что она идет к цели наикратчайшим и наипростейшим путем. Возьмем раскрытие преступлений. Если у следователя

в руках есть простая, убедительная версия и подходящий кандидат в преступники, то переубедить его и навязать что-то более сложное практически невозможно. Бритва Оккама.

— Что это еще такое? — не поняла Ирина.

— Не усложняй.

— Я и не усложняю, — обиделась она.

— "Не усложняй сверх необходимого"- это принцип Оккама, — разъяснил Крюков. — Не ищи сложного объяснения, если есть простое. А в том варианте, который я тебе предлагаю, клиент заказывает за собственные деньги собственное расследование любой сложности. И ведут его не домотканые любители, а профессиональные сыщики и следователи. При посредничестве твоего частного сыскного предприятия. Естественно, неофициально. А официально наберешь в штат человек десять безобидных отставников-пенсионеров, которые не сильно пьют и в мафии не состоят. От таких тебе не придется ждать неприятностей, за которые твоя фирма может лишиться лицензии. Посадишь их охранять магазин или автостоянку и будешь платить скромную зарплату, отстегивать в казну скромные налоги и жить спокойно. А охрану, раскрытие преступлений и розыск пропавших я тебе обеспечу. Чего тебе еще надо?

— Сдаюсь! Давай отложим этот разговор, — Ирина виновато посмотрела на Зелинского. — Прости, Семен. Мы с Крюковым, кажется, слишком увлеклись своими проблемами.

— Теперь это и мои проблемы, — возразил Зелинский. — Так вы беретесь за это дело?

— Конечно!

— Ни за что!

Одновременно выпалили Крюков и Ирина.

Зелинский вдруг грустно улыбнулся и произнес:

— Слушайте, ребята, ну что вы тянете? Вы же созданы друг для друга. Женитесь! Из вас вышла бы замечательная пара. И Галя этого так хотела...

Ирина и Крюков в недоумении взглянули друг на друга, словно случайно встретившиеся кошка с собакой. Из смущения их вывел писк крюковского мобильного.

— Да? Нет! Сейчас еду, — Крюков убрал трубку в карман и обратился к Семену и Ирине. — Братцы, мне надо ехать. Боевая труба зовет. Тебя подвезти? — спросил он Ирину — Не надо, за мной мой Антон заедет.

— Он давно тебя ждет, — сообщил Крюков. — Когда я шел сюда, его гнилая синяя "копейка" стояла возле мусорных баков. Самое подходящее для нее место. Прах к праху...

Он опять сообразил, что сострил не ко времени и проворчал:

— В общем срамота, а не тачка. Давно бы новую купил.

— Это вообще-то не его машина, она за нашим банковским гаражом числится. Рухлядь, конечно, но мы с этим что-нибудь придумаем. Так как мое дело? — упрямо напомнил Зелинский.

— А ты разве еще не понял? — удивился Крюков. — Я им уже занимаюсь.

И тебе советую чем-нибудь заняться. Тебе необходимо хоть немного отвлечься. Что там по ящику?

Крюков нажал кнопку пульта. Сам он редко включал телевизор. То времени не было, то желания. Новостей он принципиально не смотрел чтобы не

6
раздражаться из-за всякой ерунды. Еще меньше ему нравились бесконечные интервью и ток-шоу. Он не мог понять, то ли люди резко глупеют, оказавшись перед телекамерой, то ли их, таких, специально отбирают и выращивают.

Ему было смешно, когда он слышал о насилии, якобы переполняющем западные боевики. С таким же успехом в пропаганде насилия можно было бы обвинить сказочников братьев Гримм. С экранов телевизоров и в самом деле лились потоки насилия, но источниками их, увы, была сама постсоветская действительность.

Крюков скорее запретил бы всякие криминальные телепатрули и хроники, которые спешили подать обывателю к завтраку полдюжины свежих с хрустящей корочкой, а на сон грядущий пару разложившихся трупов.

Не отставали от них парламентские поединки — бои без правил по системе "нон-стоп" — и демонстрации публичных актов вандализма: гарантов — над конституциями, ветвей власти — над народной задницей, а оппозиции — над властью и народом вместе взятыми.

А с приближением выборов смотреть телевизор стало просто невозможно. Невольно вспоминался завет Аристиды Справедливого своим и чужим избирателям: "Всех политиков — в один бы мешок, да в речку"!

Вот и сейчас на экране разглагольствовал один из клоунов. Одет он был в военную форму и звали его генерал Павлов. Он был сравнительно молод и горяч. Говорил генерал, как и полагается военному, "о войне в Корее и о порядке в батарее". То есть обо всем и ни о чем, благо за последние годы он отметился в борьбе с прихвизаторами, оттоптался на успевшей облысеть шкуре дерьмократов, потом резко переменял курс и врезал с плеча красножопым заглочикам.

Теперь генерал целиком переключился на защиту нравственности. Видимо в связи с кончиной академика Лихачева генерал всерьез решил претендовать на роль Совести Нации.

Из генеральского выступления Крюков сделал вывод, что главные враги нравственности и духовности россиянина — это подлый блок НАТО и продажное российское телевидение. А гаранты нравственности — святой Пушкин, святой Ермак (первый сибирский воин-интернационалист) и святой Кутузов.

Генерал приглашал всех поголовно отдать на выборах голоса за КГМ — "Конгресс Гражданского Мужества". В народе, правда, название расшифровывали как "Куча Говна и Мусора". Как и большинство представленных в парламенте партий, КГМ не имел ни программы, ни малейшего представления о том, как вытаскивать страну из дерьма. Ничего кроме пары-тройки дешевых популистских лозунгов. Смотреть и слушать подобный бред мог бы разве что полностью парализованный человек, лишенный возможности выключить телевизор или позвать на помощь. При виде мудрого политика лицо Крюкова исказила гримаса страдания. Он поднялся.

— Ладно, я поколбасил. Завтра созвонимся, — сыщик крепко стиснул руку Семена и хлопнул по плечу. — Держись.

Семен закрыл за ним дверь. Ирина тем временем заглянула на обратную страницу еженедельной газеты, где печаталась программа телевидения на неделю.

— По первой программе какой-то "Миллениум". "Тысячелетие". Кажется это фантастический сериал. В самый раз, чтобы отвлечься.

Она щелкнула пультом, переключая программу. На экране возник интеллигентного вида бородатый ведущий.

— А где же фантастика? Где "Миллениум"? — спросила Ирина — Наша программа называется "Миллениализм", — поправил ее ведущий.

— Это что еще за фигня?

— Это слово означает "Синдром конца тысячелетия", — сообщил с экрана ведущий. — Этой проблеме и будет посвящена наша сегодняшняя передача.

— Это не фильм, я ошиблась, — призналась Ирина и выключила телевизор.

* * *

— Повторяю, слово "миллениум" означает синдром конца тысячелетия! — ведущий ослепительно улыбнулся.

В телестудии раздались записанные на пленку аплодисменты. Выглядело это так, словно ведущий сказал что-то умное. Перед камерой сидели гости, напротив них, как водится, зрители, приглашенные в студию.

Чувствовали они себя, конечно, не такими полными идиотами, как например, исходящая слюнями аудитория кухонной феерии Андрея Машиновича "Хлебосол вприглядку". По крайней мере они не рисковали нажать язву желудка.

Но многие переместились сюда из соседних студий с записи программ "Угадай и отними", "Болваны-меломаны" и "Страна дураков". В смысл происходящего они въехать не могли, как ни старались. Многие совершенно осоловели в испепеляющем жаре юпитеров и задремали. Всплески аплодисментов будили и пугали их. Некоторые вздрагивали и роняли на пол предметы, забывая, что передача идет в прямом эфире.

Ведущий расхаживал между участниками и гостями с умным видом.

Речь держал один из докладчиков, молодой человек в массивных очках.

Говорил он неторопливо, держался солидно. Так, что все присутствующие ощущали весомость его слов.

— Таким образом, — важно вещал докладчик, — с наступлением двухтысячного года нас ожидает компьютерный конец света. Все компьютеры, у которых в программе вместо полной даты — тысяча девятьсот девяносто девятый год — будут стоять только две последние цифры — девяносто девятый — просто сойдут с ума. А таких машин у нас большинство. Наше правительство и органы массовой информации явно недооценивают опасность. Так американцы, хотя их компьютерный парк значительно совершеннее нашего, уже запаслись продуктами, горючим, батарейками и прочими аккумуляторами на несколько месяцев.

— Реникса! Чепуха! — вскочил с места другой гость, видимо оппонент первого. Его почти облысевшую голову венчал задорный вихор. — Бред собачий! Россия — это вам не Америка! У нас полтора компьютера на сто тысяч населения. Даже если один-два испортятся, ничего страшного не произойдет!

— А если откажет бортовой компьютер самолета, на котором вы будете в этот момент лететь?

— Я Новый год дома встречаю, в кругу семьи. Что и всем вам советую, — не сдавался его оппонент. — Меньше шляться надо.

— А если такой самолет упадет на тот самый дом, в котором вы встречаете Новый год в кругу вашей семьи? Или, возьмем менее трагическую ситуацию, нарушатся банковские расчеты. Ваши деньги по ошибке отправят неграм в

Африку или вам перечислят деньги за сто лет и один месяц. Чем отдавать потом будете?

— Не беспокойтесь, — рассмеялся оппонент. — Вы их только отсчитайте, а как дальше быть — это моя забота.

— Это не ответ. Нарушится вся финансовая структура. А энергосистемы? Мы же посреди зимы можем остаться без тепла и света! А оборона?

— Бойтесь, что в новогоднюю ночь на нас американцы нападут? — съязвил оппонент.

— Я боюсь, что по вине вышедшего из строя компьютера произойдет самозапуск ядерных ракет стратегического назначения. А международная обстановка сегодня так накалена, благодаря очередной выходке господина президента, что натовцы и впрямь могут расценить это как демонстрацию нашего ядерного потенциала и начало войны и примутся их сбивать. А потом ответят. И тогда война действительно начнется!

— Вот мы и добрались до критической точки! — ведущий сумел, наконец, вставить слово в бурную полемику гостей. — Армагеддон! Апокалипсис! Конец света! Существует ли такая опасность? И если да, то какой конец света нас может ожидать? Виртуальный или реальный? Что говорили по этому поводу пророки и предсказатели? Обратимся к специалистам. У нас в гостях известный российский нострадамусовед, хиромант и астролог Михаил Нашебаб. Наш гость и сам не лишен дара предвидения. Это так Михаил? Могу я задать вам один вопрос?

Нострадамусовед скромно кивнул:

— Разумеется, я отвечу на любой вопрос, если только он не касается результатов предстоящих выборов.

— Что вы, никакой политики. Скажите, Михаил, какая завтра будет погода? Ха-ха. Шучу. Меня, как и всю нашу аудиторию, интересует главное — будет конец света или нет? Что говорил по этому поводу великий Нострадамус?

— А вы-то сами чего больше хотите? — Нашебаб взял микрофон. — Чтобы конец света наступил или чтобы он не наступал? В тысяча четыреста девяносто втором году на Руси отмечали ровно семь тысяч лет от Сотворения Мира. По этому случаю тоже ждали конца света. И когда он так и не наступил, разочарование народа оказалось столь велико, что Новый год перенесли с первого марта на первое сентября. Видите ли, рубежи определенных дат, а именно начало века, тем более тысячелетия, отличаются бурной генерацией профетических, то есть пророческих, тенденций. Это называется синдромом миллениализма.

— Я в курсе, именно поэтому мы и назвали так нашу передачу. И все же вернемся к Нострадамусу, — не отставал ведущий. — Что он говорил о двухтысячном годе?

— Ничего. Нострадамус довел свою хронологию до три тысячи семьсот девяносто седьмого года, так что впрямую конец света нам не угрожает.

Но с тысяча девятьсот девяносто девятым годом у Нострадамуса связаны серьезные тревоги. Точный перевод его семьдесят второго катрена десятой центурии невозможен, но смысл его таков: в этом году с неба сойдет король устрашения или террора. Великий царь монголов возродится и повсюду воцарится война. Это предсказание связывали с затмением Солнца, с падением космической станции "Мир" или огромного метеорита.

Микрофон снова перехватил первый докладчик в массивных очках:

— Это как раз то, о чем я говорил. Для Европы мы, русские, всегда считались монголами. Наши потерявшие управление баллистические ракеты — это, в переносном смысле, спутники Марса Фобос и Деймос, то есть Страх и Ужас — сойдут с неба и на всей земле воцарится война, террор и смерть. Что тут еще непонятного?

— Опять чепуха! — снова встрял его вихрастый оппонент. Подгоняете решение под ответ. Ваш Нострадамус — безответственный шизофреник. Молол языком все, что ему в голову приходило, а вы теперь раздумываете что же он хотел сказать? А ничего! Жулики вы все!

Ведущему удалось вырвать микрофон раньше, чем дело у оппонентов дошло до драки. Он снова вернулся к хироманту. Тот, по крайней мере не преступал рамок уголовного кодекса.

— Вы можете как-нибудь прокомментировать сказанное? — спросил ведущий.

— Скажу, что развитие событий с участием наших ракет в роли посланцев Марса не исключается. Вспомним также Апокалипсис — пророчество Святого Иоанна. Тот также связывал приход антихриста, в известном смысле отпавшей даты в проблеме наступления конца света, с тремя шестерками, которым соответствуют также три девятки. Число-оборотень.

Спорить со Святым Иоанном трудно. Вспомните его пророчество относительно звезды Полюнь и Чернобыльскую катастрофу.

Неожиданно в объектив камеры влез третий участник передачи. Его одежда представляла странную смесь сутаны священника и военной формы.

— Аминь, братья и сестры! — воззвал он. — Я, отец Дионисий, глава храма света истины, целиком и полностью согласен с хиромантом господином Нашебабом. Грядет скорый конец света, и он неотвратим. Так восславим истинное царство света, которое ожидает избранных после окончания земных злоключений! Блаженны праведные, ибо спасутся! Но следует помнить — чтобы спастись, нужно отринуть путы мнимой и греховной земной жизни, и в первую очередь — материальные блага, убивающие живую бессмертную душу! Вы можете и должны пожертвовать эти путы нашей церкви.

— А зачем вам, собственно, столько тленной собственности, если вы проповедуете вечную жизнь?

— Самим нам, как я уже сказал, ничего не нужно. Мы просто освобождаем верующих от непосильного груза и раздаем все неимущим. А если и оставляем что-то себе, то это сущие гроши — на хлеб, на воду, на канцелярские скрепки.

— Да уж. Глядя, сколько вы выгребаете у своей паствы, можно подумать, что ваши скрепки из золота! — снова влез маргинал.

Ведущему программы, практически, не давали вставить слова. Он привык диктаторски дирижировать своими гостями — попсовиками-тусовщиками, средней руки политиками, визажистами-гомосексуалистами и лесбиянками-феминистками. Все они раболепно хохотали над его плоскими шутками и неплохо платили за предоставленную возможность показаться перед телезрителями. Но сейчас он совершенно не владел ситуацией. Он не мог подавить приглашенных ни властью, ни интеллектом. Ведущему оставалось только многозначительно улыбаться и рассеяно кивать в те редкие моменты, когда

ему самому случайно удавалось попасть в поле зрения телекамеры. Вот и сейчас он неуверенно улыбнулся и без энтузиазма произнес:

— А теперь предоставим слово последнему участнику нашей дискуссии — православному священнику отцу Николаю.

На экране появился священник, молодой, с худым и утомленным, в отличие от большинства его коллег, лицом.

— Прошу простить за опоздание, — сказал он. — Много времени отнимают заботы мирские. Ко мне обратились сотрудники организации "Врачи мира". Их автобус медицинской помощи бомжам и наркоманам стоял возле храма у Павелецкого вокзала. Это не понравилось ни тамошним верующим ни святым отцам. Пришлось подыскать для него место возле храма, где я являюсь настоятелем.

Ведущий постарался вернуть гостя к основной теме разговора:

— Как вы считаете, конец света, Армагеддон, в двухтысячном году это реальность? Какова, так сказать, воля Бога?

Священник пожал плечами:

— Почему бы концу света и не наступить, если этого возжелают миллионы? Ведь мировые войны именно так и начинались. Тогда люди во всем мире хотели убивать и быть убитыми. Но только Бог здесь не при чем.

Это будет результат свободного выбора человека. К тому же Армагеддон это не конец света, а последняя решающая битва сил добра с силами зла.

И она уже происходит, как верно заметил писатель Достоевский, в сердцах людей. И если победит зло, мир рухнет. И это может случиться в двухтысячном, в две тысячи первом и в любом другом году. Точную же дату этого события знает только Отец Небесный.

— Что ж, спасибо всем, кто нас смотрел, — завладел наконец инициативой ведущий. — В заключение хочу поправить одного из наших гостей который сказал, что правительство не принимает никаких мер по решению проблемы компьютерного конца света в двухтысячном году. При правительстве России создана компетентная комиссия, которая, мы все уверены успешно справится с этой задачей. Это позволяет нам с оптимизмом смотреть в будущее! До новых встреч в новом году, в новом столетии, в новом тысячелетии, дорогие друзья!

* * *

Правительственную комиссию по решению проблемы наступления конца света в 2000-м году, а по-научному "Проблемы Y-2KAG" возглавлял вице-премьер Асташков. В правительстве он курировал направление безопасности.

Кроме него в комиссию входили: его заместитель, специалист в области средств связи, чиновник Министерства телекоммуникаций (бывшего Минсвязи) Биркин, представитель ФАПСИ генерал Павлов и представитель структур безопасности генерал ФСБ Лентулов. Лентулов привел на совещание своего нового помощника, полковника Спицына. Не так давно тот сменил на этом посту проштрафившегося в связи с неудачным захватом офиса "Ипсилоннефти" полковника Тюрина.

Асташков собрал комиссию на Лубянке, в старом здании КГБ, на седьмом этаже в бывшем резервном кабинете начальника Первого Главка (ныне Службы Внешней Разведки), который когда-то сам и занимал. Нынешние начальники отказались от этого кабинета, поскольку он был неудобен. Мешал шум с улицы, летом в нем было жарко, зимой холодно. Ни стеклопакеты, ни кондиционеры не помогали. Но Асташков любил этот кабинет. Здесь ему все нравилось. Мебель в стиле "сталинский ампир", карельская береза, зеленое сукно. Огромный глобус с довоенными границами государств — Восточная Пруссия, единая Индия (и никакого Пакистана) жюльверновская Африка с волнующими кровь названиями: Французское Конго, Бельгийское Конго. И Советский Союз без западных областей и Прибалтики.

Биркин заканчивал доклад:

— Таким образом приходится признать, что просто заменить имеющийся на сегодня компьютерный парк невозможно. Американцы утверждают, что в зоне риска остаются даже аппараты девяносто седьмого и девяносто восьмого годов выпуска. Только замена компьютеров в системе "Сбербанка" потребует около тридцати миллионов долларов. Полная же замена программного обеспечения в масштабах страны требует фантастической суммы — шестисот миллиардов долларов США.

— И чем мы рискуем? — спросил Асташков.

— Из строя могут выйти не просто отдельные компьютеры, а целые компьютерные линии. Это особенно опасно для корпоративных систем, таких как управление движением поездов и самолетов, банки, связь, медицина, энергетика, в особенности атомная, и, наконец оборона. Самопроизвольный запуск наших ракет может привести к необратимым последствиям.

— Другими словами к началу Третьей мировой? — насупился Асташков.

— Не пори чушь, — оборвал докладчика генерал Павлов. — Без сигнала "красной кнопки" из президентского "ядерного чемоданчика" ни одна ракета не взорвется.

— Этого и не потребуется, — снисходительно пояснил Биркин. — Учитывая осложнившуюся политическую обстановку, ракетам достаточно просто взлететь. Дальше все пойдет своим ходом: американцы с испугу врежут нам, мы ответим... Исход ясен.

Представитель ФСБ генерал Лентулов заерзал в своем кресле:

— Дожили, умники. А все ваша западная зараза — генетика-кибернетика.

То людей клоунируют, теперь, того гляди, весь мир угробят. Мало вас при Сталине расстреливали...

— Что предлагает рабочая группа? — спросил своего заместителя Асташков.

— На замену компьютеров нет ни времени, ни денег.

— Как всегда, дотянули до последнего, — снова не удержался Лентулов. Это понятно. Я другого понять не могу — с чего вдруг именно сейчас спохватились как ошпаренные? Что это вдруг все так засуетились?

Нашли проблему! Ну упадет пара самолетов или банки лимон-другой потеряют. У нас такие катаклизмы по восемь дней на неделю случаются. И без всякого двухтысячного года.

— А медицина? — парировал Биркин. — Искусственное сердце, почка легкие. Все это действует по компьютерной программе. Тысячи пациентов...

— Ты мне, старику, мозги не пудри. Срали вы на тысячи, и на десятки, и на сотни тысяч больных и здоровых. В чем дело-то?

— Вы неправы. У нас каждый больной...

— А, теперь понял! — презрительно усмехнулся генерал Лентулов. Все верно, больной. Больной номер один. Опять, что ли, злоупотребил? К тому же Новый год на носу. Как не вмазать? Обязательно вмажет. А как раз в этот момент вся медицинская электроника из строя выйдет! Ладно с этим разобрались. Раз надо, так надо. Только где же мы на все денег-то возьмем? Нет, всю эту халабуду заменить мы никак не сможем.

— Тогда что? Вы можете предложить что-нибудь конкретно? — председатель Асташков снял очки и принялся протирать их мягкой тряпочкой.

Этой нехитрой манипуляцией он обычно прикрывал свою растерянность.

Биркин прокашлялся и сделал глоток минералки.

— "Фонд Вагнера" предлагает свою помощь. Его учеными создана новая компьютерная сеть — "Юниверсл телевижен", сокращенно — "Юнител".

Уже сегодня она охватывает полмира. В основном это международные финансовые структуры, входящие в финансовую империю самого Вагнера. Из всех существующих в мире компьютерных систем она надежнее всего защищена от всяких неожиданностей, и эта защита постоянно совершенствуется. То есть не надо ничего изобретать, все давно работает. К тому же у нас с Юнителом уже заключен контракт на обслуживание выборов.

Генерал Лентулов заерзал в своем мягком кресле.

— Опять компьютерная сеть? Вам что, Интернета мало? На прошлой неделе какая-то зараза снова опубликовала там списки нелегальных доходов кандидатов в депутаты госдумы и перечень принадлежащей им собственности. И это перед самыми выборами!

Биркин поправил ногтем мизинца безукоризненный пробор.

— По нашим предварительным расчетам система Юнител способна по ряду технических параметров создать конкуренцию пресловутому Интернету. В отличие от Интернета Юнител жестко структурирован и надежно защищен. Опять же, Интернет не подчиняется правовому регулированию и контролю. Все попытки обязать интернетовских провайдеров устанавливать у себя системы обеспечения оперативно-розыскных мероприятий СОРМ и СОРМ-2 пока не увенчались успехом. Мы считаем, что развитие в нашей стране Юнитела позволит покончить с системой свободных провайдеров Интернета. Мы сдела-

ем так, что в систему Интернета можно будет входить только через Юнител. Через Юнител мы сможем контролировать любую подобную сеть. В нашей стране уже создана достаточно разветвленная система Юнителя. Здесь сыграла роль простота подключения — через телевизионную антенну — и пирамидальная структура охвата. Каждый пользователь, нашедший троих желающих, получает назад половину суммы, уплаченной им за подключение. Но Юнителу нужна государственная поддержка. И не просто поддержка, а карт-бланш.

— И запируем на просторе! — снова подколот Лентулов. — Предлагаете создать еще одну естественную монополию?

— Не совсем, — поправил Биркин. — Это будет совместное предприятие на базе уже существующей естественной монополии, скажем, "Россвязи".

— И, разумеется, под контролем ФАПСИ и ФСБ, — добавил генерал Павлов.

— Таким образом мы сможем продублировать все важнейшие информационные системы, а отдельные просто переведем в Юнител. Проблема компьютерного конца света решается легко и быстро. Заодно и с Интернетом разберемся.

— Ох, не верю я в легкие решения, — влил свою ложку дегтя Лентулов.

— Помимо всего прочего, создание такого предприятия сулит большую экономическую выгоду. Бюджет страны сможет получить доход, сравнимый с поступлениями от Газпрома, — закончил Биркин.

Последнее особенно понравилось председателю комиссии.

— И ведь это не торговля сырьем! — воодушевился Асташков. — Это же современные технологии! Что думает наша безопасность по поводу сети Юнител?

— Сетка-то, может, и ничего, а вот хозяин... Не нравится мне этот немец, — сдвинул брови Лентулов.

— Вагнер не немец, он еврей, — поправил Биркин.

— Тем более. Боюсь данайцев и кредиты приносящих. А уж этого проходимца... Но попробовать можно. Если будет рыпаться, придушим. Кстати и офшорные счета наших беглых миллиончиков может быть удастся отследить на разных Крокодильих островах.

— Каймановых, — снова поправил Биркин.

— Иди в жопу, совсем заучил, — проворчал Лентулов. — Добре, запускай своего козла Вагнера в наш огород.

— Ну хорошо, — согласился Асташков. — Думаю ни правительство, ни президент возражать не будут. Но необходимо проработать один вопрос.

Тридцать лет назад Интернет внедрялся по инициативе и при поддержке ЦРУ. Впоследствии он вышел из-под контроля американского правительства. Если нечто подобное ожидает нас с Юнителом, последствия будут куда серьезнее. За Вагнером, — Асташков повернулся к генералу Лентулову, нужен особый контроль. Поэтому вам придется работать в тандеме с внешней разведкой.

— По моим сведениям Вагнер давно сотрудничает и с Первым, и со Вторым Главком, — хмуро сообщил генерал Лентулов. — Как бы он сам нас под контроль не поставил.

— Вот вы этим и займитесь. Поручите это вашему бывшему заму полковнику Тюрину. Ему нужно дать возможность реабилитироваться после неуда-

чи с "Ипсилоннефтью". Все могут быть свободны.

Встав, чтобы проводить собравшихся, Асташков уже в дверях снова обратился к Лентулову.

— Вы не помните, кто из наших генералов занимался реорганизацией Управления оперативной разработки преступных группировок?

— Я и занимался, — ответил Лентулов. — Что конкретно вас интересует?

— Что стало с группой "Активных действий"? Ее тоже реорганизовали?

— Никак нет. Практически вся группа "АД" вместе с начальником подала в отставку. Кажется, они перешли в систему безопасности той самой финансово-промышленной группы "Ипсилон", на которой ожегся Тюрин.

— Это кое-что проясняет, — произнес Асташков. — Они все ушли в отставку?

— Не все, конечно. Несколько человек у меня в охране остались, в другие службы перевелись. Ребята надежные. Но основная часть ушла. Их группа была полностью укомплектована бывшими офицерами и сержантами Отдельной штурмовой бригады оперативного назначения воздушно-десантных войск КГБ СССР. ОШБОНа, как ее называли.

— Штурмовиками-десантниками? — уточнил Асташков.

— Так точно. Когда у КГБ десантников отобрали, бригаду расформировали. Мой теперешний зам полковник Спицын тогда их курировал. Их база дислоцировалась в Кургае. Они сперва и в Управление Охраны вместе пришли, а потом в УОРПГ перевелись. Так же вместе и ушли. Одно слово боевое братство. Они вас интересуют? Утечки боитесь?

— Сами же сказали — боевое братство, круговая порука. Наведите пожалуйста справки, — совсем не по-военному попросил Асташков. И без лишнего шума.

— Сделаем, не волнуйтесь. Спицын их курировал, ему и поручу.

— Не надо Спицыну. Пусть этим также занимается Тюрин. Я его хорошо помню по работе в Афганистане. Считайте это моей личной просьбой.

Заранее благодарен.

— Служим Советскому Союзу, — проворчал генерал и вышел из кабинета председателя комиссии.

* * *

Генерал Лентулов вернулся в свой кабинет. Несмотря на ночное время, работа в отделе не прекращалась. Генерал нажал кнопку селектора:

— Тюрин на месте? Пусть зайдет.

Полковник Тюрин вошел сразу, словно ждал за дверью.

— Разрешите?

— Проходи, садись, — генерал закурил. — Как на новом месте? Не обижают? Ладно, не расстраивайся. Асташков дал тебе шанс реабилитироваться. Займись Вагнером.

— Уже занялся, — полковник положил на стол перед генералом папку с меморандумом.

— Откуда ты знал, что мне понадобится именно Вагнер?

— Здесь не только Вагнер. В папке материалы по контактам наших богатейших финансово-промышленных групп с иностранными миллиардерами.

И в первую очередь господином Вагнером.

— Почему в первую очередь?

— По Вагнеру информация особенно настораживающая. Миллиардер владелец компании Голд Петролеум и благотворительного Фонда Вагнера.

Финансирует на территории России работу ряда предприятий. В основном химических заводов. Лауреат Нобелевской премии мира, большой друг Советского Союза, а теперь России. Передал в музейные фонды ряд картин русских художников и письма Ленина, купленные на европейских аукционах. Неоднократно разорялся и снова поднимался в число богатейших людей мира. Одним словом — авантюрист.

— Или аферист? — пробормотал Лентулов. — Ну-ка давай подробнее.

Полковник Тюрин взял из папки лист составленного им меморандума и стал читать:

— Арнольд Вагнер, гражданин США. Его дед эмигрировал в двадцатом году из Одессы. Отец сидел в тюрьме за мошенничество. Сам Арнольд женился на Голде Лейбовиц, дочери Айзека Лейбовица, основателя и владельца крупнейшей нефтяной компании "Айзек петролеум". В приданное получил дочернюю фирму Лейбовица "Голд петролеум", которая занимает четырнадцатое место в иерархии американских монополий. Он также является создателем и абсолютным распорядителем крупнейшего в мире благотворительного "Фонда Вагнера". Дружба с Советским Союзом переросла у него в дружбу с Россией. Имеет личные контакты с чиновниками высшего ранга, в том числе и с окружением президента. Заслужил признательность святейшего патриарха тем, что вернул церкви "Златовласый Спас" — список тринадцатого века с иконы двенадцатого века. Владеет в Москве комплексом зданий, так называемым "Вагнеровским центром". Инвестор, держит крупные пакеты акций нескольких российских химических заводов. Хозяин мировой компьютерной сети Юнител.

— Ну хорошо, — генерал встал и подошел к окну. — Держи это дело под личным контролем. Докладывай мне или Спицыну. Больше никому.

За окном тихо падал запоздавший в этом году первый снег.

* * *

На улице Биркин, скрипя подошвами по свежему снегу и оскальзываясь на каждом шагу, с трудом догнал генерала Павлова возле самой машины:

— Послушайте, нам необходимо обсудить одну проблему. Это касается нашего участия в программе Юнител.

Генерал встретил его суровым взглядом:

— Никак не могу. Завтра Конгресс гражданского мужества проводит геосеминар под названием "Нравственность — основа русской культуры". Я делаю доклад по проблеме нравственности в политике. Мне нужно еще раз поработать с тезисами.

Генерал нырнул в салон черного "ауди" и скомандовал водителю:

— Давай молнией в Боженковский гарнизон. Поди, баня уже остыла водку выжрали, а баб всех перетрахали, пока я тут с этими мудаками штаны просиживаю. А ведь жизнь дается только раз и прожить ее нужно так... Ох, е... твою мать, раз...ебай! Уволю на хер!

Водитель так резко рванул с места, что генерал едва не откусил себе язык. В дороге он успокоился и даже пришел в хорошее расположение духа. Он следил за вихрем снежинок, разбивающихся о лобовое стекло и верил, что если дождь к удаче, то снег, а тем более первый, и подавно.

Он мог надеяться только на чудо и сейчас вдруг подумал, что в этом нет ни-

7
 чего невозможного.

В жизни генералу Павлову фатально не везло. По крайней мере он сам так считал. Не успел он принять Отдельную штурмовую бригаду оперативного назначения ВДВ, в просторечье именуемую "ОШБОНОм", как ее вывели из состава КГБ, а затем и упразднили сам всеильный комитет.

Служить в армии генерал не собирался. Он занял высокий пост в президентской охране, но в схватке за мозговую кость проиграл главному президентскому телохранителю и снова был вынужден уйти. На сей раз недалеко — в только что созданное при ФСБ Управление по разработке преступных группировок. Чтобы возглавить его, он принялся откровенно ва-банк, интриговать против своего начальника. Но бессовестный олигарх, на которого генерал Павлов сделал ставку и на чью помощь рассчитывал, не только устранил начальника Управления, но и ликвидировал всю опасную для него контору.

Генерал Павлов вынужденно принял оскорбительное для себя "предпенсионное" назначение в ФАПСИ и ударился в политику, когда на него наконец, снизошла удача — его пригласили в правительственную комиссию.

Тут как раз и случилось самое непоправимое в его жизни. И теперь ему хотелось одного — устроить грандиозный фейерверк. Фейерверк с большой буквы. Последний "Фейерверк".

* * *

Одинокий шестиэтажный дом, некогда задуманный как "домик друзей" и построенный для президента и его свиты в Зимнем проезде, ныне пустовал. Из обитателей здесь осталось жить лишь двое — помощник президента Шнопак и недавно перебравшийся в престижный дом незаменимый лейб-цирюльник, по-нынешнему визажист, Марат Тоцкий.

Они сидели в новой квартире Марата, откуда недавно съехал бывший премьер. Причем отбыл он так стремительно, что забыл закрыть краны в ванной. Следы потопа и сейчас виднелись на вздувшемся паркете.

Помощник президента и парикмахер президента пили джин с тоником.

Разумеется не из банок. Это был старый добрый "Мясоед".

— Что скажешь? — уныло спросил Шнопак.

— Хватит ныть, противный, — грубо оборвал его Марат. — Эта комиссия не первая и не последняя. И я не затем сюда забрался, чтобы поднимать ручки и раздвигать ножки при первом же шухере.

— Но что мы завтра скажем президенту? — недоумевал Шнопак. — К тому же этот новый премьер, рожа кегебешная, все время за мной следит. Я это чувствую.

— А ты не чувствуй, ты ощущай. Приятнее будет, — посоветовал Марат. — Во-первых я увижу президента раньше, чем ты и уж тем более раньше, чем премьер. И все ему объясню.

— Что ты объяснишь? — наседал Шнопак. — Рекламный проспект Юните-ла ему покажешь? Будешь советовать президенту встретиться с Вагнером самому и за стаканом разобраться?

— Шнопак — дурак. Один-ноль в мою пользу, — Марат поднялся и добавил в стакан джина.

— Хватит трепаться! — обиделся Шнопак. — А как ты собираешься объяснить, что интересы и безопасность государства, все его, блин, секреты мы должны доверить заморской импортной фирме?

— Во-первых не импортной, а совместной. Почти государственной монополии! — поднял палец Марат. — А во-вторых все наши государственные секреты и так давно находятся в руках импортных фирм. Какая, по-твоему, видео и телефонная аппаратура стоит в Кремле? В Думе? В Белом доме? Может быть наша? Завода "Пролетарская связь"? Нет, противный мой друг! "Филипсы" стоят, да "сименсы". И все телевизионные и телефонные сети, соответственно, тоже их. Так чего нам бояться? Пусть эти комиссии ежика голой жопой пугают!

— Если ежик увидит твою жопу, он умрет от инфаркта, — сказал Шнопак и залпом выпил свой стакан.

* * *

На ночные улицы тихо опускался снег. Черное небо было сплошь усеяно мелькающими белыми точками. В открытый ветровичок резко задувал ветер со свежим снежным запахом. Уличные фонари, казалось, горели особенно ярко. Хотелось стихов.

"Ну кто бы мог подумать? — негодовал Крюков. — Зима, вроде, только началась и вдруг на тебе — снег. Как снег на голову".

В соответствии с национальной традицией Крюков оказался абсолютно не готов к приходу зимы. "Дворники" с рябухи у него недавно поперли, а резина на колесах была совершенно лысой — на такой удобнее выделывать финты и кульбиты типа полицейского разворота. Зато сейчас, по легкому слегка подтаявшему снеговому покрытию, его рябуха катилась как корова по льду. Но выбора не было, приходилось торопиться.

Крюков спешил не напрасно. Над засадой нависла серьезная опасность. Ему позвонил дежурный и сообщил, что начальник управления вместе со своим замом по оперработе отправились в ночной рейд по Москве дабы со всей строгостью проинспектировать группы, работающие в ночную смену, и, в первую очередь, их смелую засаду.

Недавно переведенный с целью "укрепления руководства" из ФСБ и назначенный начальником Управления Специальной Службы полковник Старшинов привел с собой и зама по оперработе — майора Майорова. Должности у обоих были перспективные, на служебный вырост в генералы. В оперработе же ни тот, ни другой не смыслили ни бельмеса, поэтому с рвением принялись внедрять во вверенный им коллектив тезис: "Нам умные не нужны, нужны дисциплинированные".

И новый шеф, и его заместитель имели нездоровую тягу ко всякого рода секретным проверкам и прочим детским приколам. Чуть ли не каждый день они то подсылали к очередному дежурному по управлению "проверяющего из главка" с заведомо фальшивыми документами, то подбрасывали постовым коробку с кирпичом и будильником. Оперативный состав был им правда, не по зубам, но начальники не отчаивались и усиленно работали и в этом направлении. В основном занимались "вынюхиванием" и поиском пустых бутылок в столах сыщиков.

Коллектив управления моментально сплотился в борьбе с новым руководством, которое с легкой руки Крюкова получило прозвище "двойка нападения". И сейчас дежуривший в управлении Петрович, лишенный Старшиновым премии и летнего отпуска за сон на посту (во время ночной проверки у него были красные глаза — значит спал), старательно обзванивал все группы, которые могли подвергнуться налету руководства и злорадно ухмылялся:

7
 "Мы еще поглядим — кто кого"!

Подобно молнии — не то, чтобы так быстро, но такими же зигзагами — Крюков достиг своего многоэтажного окопа и поднялся на лифте. Птенчик дремал напротив заветной двери, Грека — вероятно на своей бальзаковской подруге.

"А оргазм я им все-таки поломаю!" — с недостойной радостью отметил про себя Крюков, и возвестил:

— Аларм! Ахтунг! Увага!

И зазвонил во вдовью дверь.

Птенчик флегматично приподнял голову. Если бы не красная штанцмарка у него на лбу, которым он во сне опирался на стену, никто бы и не подумал, что он спал. Грека появился из соседней квартиры как ни в чем ни бывало, застегивая ширинку.

— Вот пописал, — не без смущения пояснил он товарищам. — А что случилось? Индейцы напали?... Иль гонец появился наконец?

— Сейчас дорифмуешься. Будет тебе гонец на твой конец, — пообещал Крюков. — И потный индеец под длинный язык. К нам едет ревизор. Начальство с проверкой.

— Кто именно едет? Абрамыч или кто-то из "двойки"?...

— Угадал, приятель. Флаг тебе в руки и мешок семечек от президента. Едут, причем оба сразу в одной упаковке. Один трахает, другой сушит, потом первый снова трахает. И так по кругу. Технология апробированная минздравом. Приказываю занять места согласно боевому расчету, — распорядился Крюков.

— Встретим салютом и парадом?

— Отставить, — Крюков нахмурился. — Есть мнение инстанции, что проверка будет негласной. Враг подкрадется незаметно, на задних лапках чуть дыша. Ну и получит отпор. По рогам и в упор.

— Не понял. Мы их что, бить, что ли, будем? — недоумевал Птенчик.

— Можешь расцеловать в ягодицы, если это тебе доставит удовольствие, — предложил Крюков. — А я врежу. Один раз, но сильно. Когда еще такой случай представится? Все, шагом марш по норам! Грека, ты скроешься у вдовы. Глупый Птенчик робко спрячет тело жирное за мусоропроводом.

Нападаем по моему сигналу — один зеленый свисток.

Грека кивнул и исчез за дверью. Где-то внизу дернулся и пошел наверх лифт. Крюков прислушался. Лифт остановился этажом ниже, потом пошел дальше наверх.

— Ты врубился? — спросил Крюков своего помощника. — Ух и умные у нас начальники. Прямо как Маркс и Энгельс. Или Каменев и Зиновьев.

Один ниже вышел, второй наверх поехал. В клещи берут. Птенчик, ты вешаешь хомут тому, кто пойдет сверху. Бей наповал, не мучай. Повторяю другого такого случая не представится.

— А если убью? Посадят ведь.

— Не бзди! Я скажу на суде, что он первым на тебя напал и ты защищался. Но зато в управлении о тебе сложат песни и былины, а ради этого стоит жить. Даже в тюрьме. Стоп, замри!

Снизу осторожно поднимался человек. Сверху также слышались осторожные шаги. В ночном подъезде трудно пройти незамеченным. Крюков и Птенчик укрылись в непроницаемой тени мусоропроводного стояка. Гости

один сверху, другой снизу — сошлись на площадке перед квартирой и майор зашептал на весь подъезд:

— Я же говорил, товарищ полковник, что их здесь не будет! Никого!

Я бы этого Крюкова!...

Полковник раздраженно пробасил:

— Утром всех ко мне, майор. Всю команду на ковер!

— Ты берешь стихоплета! — Крюков хлопнул Птенчика по плечу.

Ревизоры за разговором не расслышали приближения опасности. Крюков подкрался к майору Майорову, нагнулся, дернул его за ноги и уложил носом в пол. Затем пропустил под свое правое колено согнутую правую ногу противника и заломил ее на болевой. Ловкость ног и никакого рукоприкладства.

Птенчик тем временем поступил еще проще. Он прихватил полковника Старшинова за большой палец руки и небрежным движением, как бы легонько встряхнув, завел его за спину к полковничьему же затылку. Полковник, хрюкнув, уткнулся носом в резиновый коврик рядом со своим замом.

Крюков с трудом удержался от желания засветить начальнику по затылку рукояткой пистолета. Он громко и внятно произнес:

— Один зеленый свисток!

Грека тут же вынырнул из-за вдовьей двери, звеня наручниками.

— Младший лейтенант Папасраки, зачитайте задержанным их права! — торжественно, как слова пионерской клятвы, произнес Крюков.

— Я не Папасраки, а Папастраки! — Грека растерянно замычал, соображая, что именно надо говорить. В основном в голову ему лезли сцены из американских боевиков и попури на темы родной Конституции. — Вы имеете право на труд, право на отдых и право... на самоопределение! — выпалил он наконец.

— Вплоть до отделения. Аминь! — подтвердил Крюков. — Теперь можете подняться. Но что это? Кого я вижу? Товарищ майор? Вот так встреча!

Товарищ полковник? Быть не может! Ай, как нехорошо получилось! От лица вверенного мне подразделения прошу прощения за причиненные телесные повреждения! Как менее, так и более тяжкие.

— Ничего-ничего, — полковник Старшинов вовсе не обиделся. Он с кряхтением поднялся и принялся отряхивать пальто и брюки. — Это мы, с проверкой. Вижу, службу несете бдительно, ничем, так сказать, не отвлекаясь. Отмечу в приказе. Что, не ждали?

— Ну прямо как снег на голову! — лживые глаза Крюкова выражали неподдельное изумление.

— Как ты меня заломал? — спросил его майор Майоров. — Что за приемчик?

— Секретный, — таинственно сообщил Крюков. — Из арсенала ниндзей.

Называется "Падение спелой сливы на опавшую листву сакуры".

— Спелой сливы? Красиво, блин! Надо запомнить. Молодец. Ладно имей в виду — мы больше не приедем, так что если еще кто в квартиру полезет — бей на поражение. Как меня. Хе-хе. Шучу. Хвалю от лица службы. Можете поздравиться от имени руководства.

Начальство вызвало лифт и отбыло восвояси донельзя довольные результатами проверки.

— Я знаешь, о чем думаю? — поигрывая ненужными кандалами задумчиво протянул Грека. — Если Майорову подполковника дадут, фамилию он тоже

7
менять будет?

— А ты свою поменять не хочешь? Тебе бы больше подошла простая русская фамилия Какашкин, — осадил подчиненного Крюков.

— Во-первых лучше иметь фамилию Какашкин, чем такое имя, как у тебя! — с обидой воскликнул Грека. — А во-вторых за мою фамилию большие бабки платить надо. Меня в школе за десять лет учебы всего три раза к доске вызывали. И каждый раз весь класс полчаса от хохота лежал. И в армии лишний раз ни в наряд, ни в караул не ставили. Конечно, заделаться депутатом или президентом с такой фамилией мне не светит. Зато так жить спокойнее.

— Хорош умничать, Шопенгауер. Вали к своей безутешной вдове, — напутствовал его Крюков. — Двигай, Грека, раком в реку.

— Она не моя вдова. Я во-первых живой, а во-вторых неженатый, — Грека с обиженным видом скрылся за дверью.

— Вот так всегда. Кто по бабам, а мне опять всю ночь под дверью торчать, — посетовал Птенчик.

— Вот хрен-то, — принял непростое решение Крюков. — Поехали ко мне.

Назло начальству и всем бабам в мире проведем ночь как мужчина с женщиной. Ну, чего ждем, противный? Поколбасили!

В скромной однокомнатной квартире Крюкова они уселись на кухне и откупорили принесенный с собой пузырь. Крюков достал из холодильника НЗ в виде банки соленых огурцов и окаменелого от древности фаллического фрагмента копченой колбасы, похожего на уменьшенную модель памятника русско-грузинской дружбы на Тишинке.

— Ну что, помянем Лешку? — предложил Птенчик, — разливая водку по стаканам.

— Я сегодня только и делаю, что поминаю, — посетовал на судьбу Крюков, но стакан взял.

По старинному обычаю воинов они бесшумно чокнулись костяшками кулаков с зажатыми в них стаканами. Выпили, похрустели огурцами и надолго замолчали, перемалывая зубами каменно-твердокопченые куски колбасы.

— И, все-таки, кто же мог убить Лешку? — Птенчик первым смолот свою порцию и закурил. — Я же этого Мясника сам мертвым видел, вот как тебя.

— Он же обещал, что вернется, — буркнул Крюков. — Вот и вернулся.

Не завидую я моему другу Жеке Шабанову из "убойного". Они с этим Мясником еще дерьма нахлебаются. А Лешку жалко. Толковый был парень. Ему бы опыта поднабраться — настоящим сыщиком мог стать.

— Странный он был, — вставил Птенчик. — Он мне поначалу шизанутым показался. Сколько раз так было — ему помочь хочешь, а он дергается будто его по яйцам ударили. Какие-то детские приколы.

Крюков потянулся до хруста костей.

— Наверно он книжек детективных начитался. Из серии: "Один умный а все остальные — дураки". А когда видел, что и он не умный, и другие не дураки, страшно из-за этого обижался. Поэтому все сам хотел сделать. А у нас работа как на ЗИЛе — коллективная. Давай еще по одной что ли? И бабу лешкину помянем. Так в дурдоме и сгинула. Зря он ее с собой тогда потащил.

— Нет базара.

Птенчик согласно кивнул и налил. Они снова стукнулись кулаками и опрокинули стаканы.

— А сам ты что думаешь? — не отставал Птенчик. — Кто его убил? Не может же это быть тот наш Мясник? Туфта это все — зомби, вурдалаки.

Нету их в природе. И быть не может! А тогда кто?

Крюков пожал плечами:

— Да кто угодно. Группа товарищей-единомышленников косит под маньяка-одиночку. Комиссары в пыльных шлемах, из которых одного убьют а на его место двое становятся. Зачем им это надо? А хрен их знает.

Мало ли на свете уродов? Сатанисты, сумасшедшие, просто идиоты по жизни, наконец. Сам видишь, народ совсем сдурел. Конец света им подавай.

В Бога верить не умеют, в себя не хотят. Один Нострадамус у них и остался. Помнишь, как летом с затмением солнца носились? Не сработало теперь Нового года ждут. Если опять сорвется, многие этого просто не переживут. И все-таки я уверен, что Мясник завязан на наркоте. И еще что-то такое его толкает, чего я пока не знаю и не понимаю. Какой-то серьезный мотив. Мания или блезнь. Если мы эту причину правильно определим, то и Мясника получим на блюдечке с голубой каемочкой. Даже если там целое гнездо маньяков. Ты спать собираешься?

— Расхотелось что-то, — буркнул Птенчик.

— Ну как хочешь. Сиди, кукуй. А я пойду маленько покемарю. Через час надо выдвигаться.

* * *

На парк Боженово и соседствующий с ним гарнизон тихо ложился первый снег. Высокие ели и островерхие крыши военного городка неузнаваемо преобразились. Ни дать ни взять — Рождественская сказка.

Мясник не мог не отметить волшебной красоты окружающей картины.

Секунду-другую он следил за полетом снежинок в ярком луче прожектора потом подозвал часового-контрактника, стоявшего на страже склада артвооружения.

— Держи, — он протянул часовому маленький пакетик со шприцами. Тут две дозы. Уколешься, когда сменят, не раньше. Смотри, узнаю, что на посту стоите наширявшись — холява кончится.

— Да ни в жизнь! Что я, не понимаю, что ли! — выпучив глаза забожился солдат.

Но Мясник знал, что тот врет. Стоит ему отойти подальше, как тот зайдет за угол и вколет дозу. Но это его не беспокоило. Он остался доволен результатами обследования. По его прикидкам на складе хранилась по меньшей мере несколько тонн снарядного гексогена. Опасный груз долго возили по железным дорогам, отфутболивая от одной станции к другой потом он торчал на запасных путях и наконец его привезли сюда, в забытую Богом и министерством обороны воинскую часть, именуемую гарнизоном Боженово, и свалили на склад до лучших времен.

В конец спившийся, погрязший в сделках и склоках с арендаторами командир части видел проблему в особом свете — гексоген пришлось разместить на складе, который он собирался сдать наркоторговцам, и уже успел получить с них аванс.

Но Мясник не собирался решать для него эту проблему. Столько гексогена ему было не нужно. Для фейерверка хватило бы и пары сотен килограммов. Чтобы фейерверк удался, кроме гексогена требовались и другие материалы,

но и с этим проблем не было. Мелкодисперсный порошковый алюминий был закуплен, его оставалось только вывезти. А аммиачную селитру он мог в любой момент и в любом количестве достать на любом заводе удобрений.

Мясник не был профессиональным взрывником и знакомился со взрывным делом по энциклопедиям и военно-патриотическим пособиям. Поэтому ему очень важно было правильно составить пропорции — от процента селитры в смеси зависело очень многое. Ведь если делаешь бомбу, чтобы взорвать с ее помощью царя или гауляйтера, селитры не нужно вовсе, а когда требуется поднять на воздух церковь или школу, в которой расположился немецкий штаб, ее должно быть много. Как говорил Сережка Тюленин: "Чем больше школа, тем больше селитры". И Олег Кошевой это признавал.

Следовало подумать о другом. Для того, чтобы готовить взрывчатую смесь и хранить аммонал, требовалось помещение. Сырой подвал для этого не подходил. Мясник знал, что готовый аммонал достаточно удароустойчив, но боится воды. От влаги он мог сдетонировать в ответ на механическое или тепловое воздействие. Кроме того аммонал терял силу от длительного хранения, но этого Мясник не боялся. Он собирался использовать взрывчатку в самое ближайшее время.

Мясник растер по лицу влажные снежинки и криво усмехнулся. Наутро его ждало много работы и его это радовало.

* * *

Утро следующего дня выдалось на редкость солнечным. Центр столицы сверкал остатками снега. Он был полон народа и выглядел, по обыкновению, празднично. Экономические кризисы, импичменты и прочие политические баталии казались отсюда реалиями другой жизни. Если бы не кучка бомжеватых люмпенов с гармонью, красными флагами, портретом Сталина и плакатом "Призедент казёл!" — ни дать ни взять — центральный дурдом на прогулке — можно было бы подумать, что находишься в приличной цивилизованной стране.

Маньяк вошел в двери ГУМа. Народ здесь не переводился никогда.

Правда, подтверждая исконно русский примат духовного над материальным покупали далеко не все. Многие посетители только смотрели и облизывались. Советская разновидность дегустации — есть глазами.

Магазин празднично сверкал, возвещая о неслыханных распродажах в связи с наступлением нового века. Правда о том, что новый век наступит лишь через год, в две тысячи первом, нигде не упоминалось. Магия круглой даты овладела людскими массами. Казалось, народ рванул по магазинам только затем, чтобы иметь потом возможность сказать: "Эта вещь была куплена в прошлом тысячелетии".

Небольшое столпотворение — это было как раз то, что и требовалось. Маньяк нащупал в кармане шприц-тюбик и наощупь сдернул с иглы предохранительный колпачок.

Шприц-тюбик представлял собой разовое устройство для уколов, состоящее из иглы и плоской пластмассовой груши, заполненной тем или иным препаратом. Чаще всего это мог быть антидот на отравляющие вещества противоядие или сыворотка. Пользовались шприц-тюбиком в военно-полевых условиях, когда пострадавшему требовалась экстренная медицинская помощь и речь шла о спасении жизни.

Но шприц-тюбик маньяка был заряжен не жизнью, а смертью. Он был наполнен кровью. Его собственной кровью. Кровью человека, больного СПИДом. Таким способом маньяк мстил окружающим, он делал им прививки вируса иммунодефицита. И хотя в своей беде виноват был только он сам но винил весь мир. На него он и обрушил свой праведный гнев.

В толчее сделать укол было проще простого. Жертвы даже не понимали, что с ними произошло. Что ж, они поймут это позже. И почувствуют на своей собственной шкуре — каково жить обреченным. Если СПИД — это Божья кара, то сам маньяк считал, что вполне подходит на роль карающего меча в Божьей деснице. А Бог не разбирает правого и виноватого, на то он и Бог. Наверняка в городе Содоме жили не одни педерасты, тем не менее наказание постигло всех, имеющих содомскую прописку и их гостей кроме Лота и его семьи (жена Лота, которую потянуло на соленькое, не в счет). Но содомская кара была впереди. А пока — легкая разминка.

Маньяк долго, предвкушая удовольствие, выбирал жертву. Наконец он посмотрел молодую женщину в дубленке. Ее лицо показалось маньяку знакомым. Он пригляделся и вспомнил. Ее звали Марией. Она была из тех людей, кто поставил ему непоправимый диагноз. Сейчас он вернет ей долг.

Он осторожно, стараясь не попасть на глаза, двинулся за Марией выбирая подходящий момент, чтобы воткнуть иглу и впрыснуть свой яд. Он ждал, чтобы жертва хоть на пару секунд оказалась в куче людей, она же сторонилась окружающих, словно пришла на экскурсию в лепрозорий.

Наконец подходящий момент настал. Маньяк изготвился к атаке, но тут же заметил, как проходивший мимо невзрачный мужичонка "давит косяка" — кинул в его сторону рентгеновски-пронзительный взгляд. Тревога отдалась ознобом в позвоночнике. Хомут — менты.

Его засекли. Маньяк это сразу почувствовал. Нет, не следовало ему идти в ГУМ, битком набитый легавыми-"мелкачами" — мастерами по отлову карманников. Они тут шныряли пачками и у каждого глаз — ватерпас и детектор лжи в одной упаковке. Срисовали, суки, засуетились, забегали. В кольцо берут. А он не Солнце, чтобы вокруг него всякая хренотень вращалась. И чем он им не понравился? Теперь поздно выяснять, надо обрываться.

Маньяк знал, что сразу его брать не будут. Не за что пока. Сначала потаскают. Если легавые приняли его за щипача, то будут ждать, когда он сделает заход на "покупку", то есть на кражу, чтобы взять с поличным. Здесь ему бояться нечего. Но если менты решат, что он слишком долго тянет, могут просто "проколоть" — задержать для проверки личности. А этого ему совсем не хотелось. Сейчас он даже не мог незаметно скинуть шприц-тюбик и нож, а сделать это было необходимо, причем как можно быстрее.

Маньяк ходил и присматривался — делал вид, будто выбирает новую жертву. На самом деле он искал совсем другое. Наконец нашел. На галерее второго этажа мелькнул мужик в похожей на его собственную синей куртке. В остальном — росте и цвете волос — тоже наблюдалось некоторое отдаленное сходство. Издалека и со спины их вполне можно было спутать.

По крайней мере на несколько секунд, а больше ему и не требовалось.

Маньяк завернул в арку и бегом рванул по лестнице вверх. Он правильно рассчитал. Мужик в синей куртке только что прошел мимо и удалялся по галерее дальше.

Маньяк же поднялся выше, на третий этаж, заскочил в туалет для персонала и закрылся в кабинке. Здесь он выжал в унитаз содержимое шприц-тюбика, а саму машинку бросил в урну — мало ли наркоманов сюда заглядывает, чтобы наширяться? Туда же бросил и завернутый в газету нож — авось не разберутся. Затем он снял куртку и вывернул наизнанку.

Вместо подкладки его куртка имела вторую лицевую сторону. Под курткой у маньяка была надета только майка с короткими рукавами. Левый рукав задрался, и на его плече мелькнула татуировка — череп с крылышками и надпись: "ОШБОН-КУРГАЙ". Маньяк быстро надел куртку другой стороной теперь она стала бежевой.

Он осторожно выглянул из туалета. Преследователей не было видно если они и поняли свою ошибку, то среагируют не сразу. Он быстро спустился по противоположной лестнице вниз до самого подвала и открыл дверь со строгой надписью "Посторонним вход воспрещен". Отсюда он спустился еще ниже — в подземный город, где разгружались машины с товаром. Человек с пустыми руками, торопливо идущий с деловым видом, не привлек внимания охраны и маньяк беспрепятственно вышел на улицу.

* * *

8

Крюков и Птенчик, разумеется, через час никуда не выдвинулись.

Крюков выспался, послушал могучий храп Птенчика, доносившийся из кухни и решил, что теперь самое время размяться.

Проблема поддержания спортивной формы стояла перед Крюковым очень остро. Перерыв между тренировками в пять дней грозил утратой формы, а в пятнадцать и больше — серьезными потерями. Поэтому он старался выкроить в своем кошмарном распорядке дня хотя-бы час-полтора для разминки и легкой тренировки.

Он сотню раз отжался на кулаках и попрыгал на них, изображая склол-пендру, поприседал раз по тридцать "пистолетиком" на каждой ноге по очереди и столько же раз перепрыгнул через спинку стула.

Вместо люстры в центре комнаты висел сорокакилограммовый боксерский мешок. Крюков натянул на руки снаряженные перчатки-"блинчики", взял в каждую руку по килограммовой гантельке и принялся обрабатывать мешок сериями ударов и пинков.

Сначала удары были несильными, рассчитанными скорее на скорость чем на силу. Но постепенно их мощь возросла. Наконец небольшой каскад пушечных залпов разбудил Птенчика. Тот так же оглушительно зевнул и произнес:

— Ты че, командир, опять дурью маешься? Сколько раз тебе повторять, что в тренировке самое главное — правильное питание. У тебя там в холодильнике размяться нечем?

Птенчик от природы был наделен внушительными размерами и богатырской силой и по этой причине физическими нагрузками обременять себя не любил.

Они позавтракали в ближайшей пивной, а когда, наконец, они добрались до своей засады, то были приятно удивлены, обнаружив под охраняемой дверью Греку. Тот важно вышагивал как аист по болоту и так же широко зевал во весь клюв.

— Твоя красотка выставила тебя погулять? — поинтересовался Крюков. — Неужели ты не сумел ее удовлетворить как подобает истинному джентльмену? Или она узнала твою фамилию и решилась лучше умереть, чем стать госпожой Папасраки?

— Папастраки! — невозмутимо поправил начальника Грека. — Но дело не в этом. Моей замечательной фамилии она так и не узнала и удовлетворил я ее как подобает истинному джентльмену — по самые гланды. А сейчас она просто ушла на работу.

— И выставила тебя за порог как паршивую собаку? — усмехнулся Крюков. — О женщины, вам имя — вероломство!

— Это точно, — сокрушенно вздохнул Грека. — Все бабы стервы, потому у них и сиськи растут! А вы как? Обошлись теплой мужской компанией?

Сочувствую и почти завидую.

— Ты за телефоном следил, извращенец? — строго спросил его Птенчик.

— Глаз не спускал! — заверил его Грека с такой искренностью, что даже старый хитрый Крюков ему поверил. И напрасно.

— Ты, гвоздика, не п...зди-ка! — процедил Птенчик сквозь зубы.

Он проверил память определителя и выдал на-гора свежий результат:

— Ночью был звонок. Командир, запиши номер. Надо его проколоть.

— Бу-сделано, господин хороший! — отрапортовал Крюков. — Ты пока узнай по номеру адрес, позвони в местную контору, участковому, поспрошай его. А я потом сгоняю и прокручу оперативную установочку по месту жительства. А сейчас крепко всех целую! Гр-р-руппа! Слушай приказ: по табуреткам сидеть! Так держать, с якоря не сниматься! Ждите изо всех сил. Может сегодня кто-нибудь вылупится?

— А ты куда?

— На кудыкину гору воровать помидору. У меня плановая встреча с агентом. Всем привет! — он посмотрел на часы. — У-ю-юй! Опаздываю!

И исчез. Птенчик с Грекой понимающе переглянулись.

— П...здит? — задал риторический вопрос Птенчик.

— Как Троцкий, — кивнул Грека. — Он при мне вчера в "Иллюзион" звонил. Спрашивал сеансы на сегодня.

— Опять, что ли, "Гений дзю-до" смотреть помчался? В который раз?

— Наверно сотый, юбилейный. Старческие причуды, — пожал плечами Бугаев. — Налицо ураганно прогрессирующий маразм и необратимое впадение в детство.

Оба покивали головами с сочувствием к преклонному возрасту начальника. Крюков был лет на пять старше Птенчика и на все десять сопляка Греки. Обоим он казался ветхозаветным старцем.

* * *

— Назовись! — голосом российского артиста Балашова потребовал японский артист Тосиро Мифуне, прихватив своего противника Момму на болевой прием.

— Убей! Убей меня! — в бессильной ярости хрипел подлый Момма, наставник школы джиу-джитсу "Разящие наповал".

Крюков и Сугата Сансиро затаили дыхание. Сансиро возле моста, на экране. Крюков — в зрительном зале кинотеатра "Иллюзион".

— Не убью и руку не сломаю! — обнадежил Момму Тосиро Мифуне, он же

наставник школы дзю-до Яно Сигоро. И вновь потребовал:

— Назовись!

Крюков непроизвольно вжался в спинку кресла. Он смотрел "Гения дзю-до" в пятьдесят четвертый раз. Дома у него имелись три видеокассеты с этим фильмом: одна дублированная, одна с переводчиком и одна вообще без перевода на русский (текст он и без того знал, практически наизусть). Но полное впечатление он мог получить только здесь — в почти пустом, пропахшем пылью зале кинотеатра "Иллюзион".

Крюков хорошо помнил, что творилось здесь во время показа "Гения"

в семьдесят девятом году, в пору буйного расцвета каратэ. К кассам невозможно было подойти, очередь занимала все пространство перед кинотеатром, а дальние подходы были буквально забиты отчаявшимися соискателями лишних билетов. Подобный ажиотаж ему приходилось видеть разве что у гостиницы "Россия" перед концертом группы "Бони-М".

С тех пор Крюков пересмотрел несчетное множество "колотушечных"

фильмов, но среди них не было ни одного, который мог бы сравниться с этим антикварным шедевром. А посещения "Иллюзиона" остались для него священным ритуалом. И все, о чем он мечтал в жизни — это посмотреть когда-нибудь ранние варианты "Гения" — "Сугату Сансиро" и, если очень повезет, сам первоисточник — "Легенду о дзю-до" самого Куросавы, которую тот снял сразу после войны. А там и помирать можно. Но до этого ни-ни!

Тем временем события в фильме приближались к концу.

— Ты сейчас почувствуешь, что такое каратэ! — многозначительно пообещал Сугате Сансиро один из братьев-физкультурников Хигаки под аккомпанемент дебильных выкриков другого.

Но на этот раз Крюкову не было суждено насладиться тонкостями настоящего японского каратэ. К леденящим кровь завываниям Хигаки Гинзабуро присоединился зуммер мобильного в кармане Крюкова. Как всегда не вовремя. Крюкову скрежеща зубами от злости пришлось в потемках покинуть зрительный зал, хотя до конца рабочего дня оставалось еще несколько часов.

— Чаво надо? — неласково поинтересовался он в трубку. — Ах, это вы Сан Саныч?

Подлинное имя и отчество начальника отдела оперативной разработки Управления спецслужбы майора Галкина, прямого и непосредственного начальника Крюкова, было Александр Абрамович, но звали его по привычке застойных времен Сан Санычем.

— Я, — ответил начальник. — А это вы, Пал Палыч?

— Я, — отозвался Крюков, хотя звали его совсем не Павлом.

— Вы сейчас где? — поинтересовался начальник.

— В засаде! — бодро отрапортовал Крюков.

— И как дела?

— Будем брать... — Крюков едва подавил зевок.

— Ничего не берите, — распорядился шеф. — Двигайтесь в отдел срочно.

Я вместо вас группу Панченко пришлю.

— Ну что вы, Сан Саныч, — заныл Крюков. — Вы же знаете, сколько моя колымага бензину жрет. Может не надо в отдел?

— Надо. Кстати, можете для разнообразия прокатиться на метро.

— Два рубля тратить? — испугался Крюков.

— Какие два рубля? Уже давно четыре! Тьфу, от общения с вами Крюков, маразм прогрессирует. Для милиции проезд бесплатный!

— Разве? Нет, вы это точно знаете или только так думаете?

— Я вам когда-нибудь врал? — обиделся начальник.

— Сейчас вспомню. Вроде нет, но ведь я мог что-то и забыть.

— Вы нахал, Крюков, я вам отпуск перенесу!

— Спасибо, гражданин начальник! Поскольку на прошлой неделе вы мне его уже перенесли на следующую зиму, значит теперь перекидываете обратно на лето?

На том конце трубки что-то громко упало. Спустя несколько секунд начальник смог возобновить диалог:

— Все! Не приезжайте! С меня довольно! Слушайте внимательно: проводится общегородское мероприятие. Объявлен розыск СПИД-террориста.

Спуститесь в ближайшее метро и возьмите в комнате милиции его фоторобот. С утра в дежурной части телефоны раскалились. Ходит, подлец, по центру города и шприцом со СПИДовой кровью людей колет. Его в ГУМе сыщики из спецотделения случайно выпасли, думали — карманник, но упустили. В туалете в урне нашли шприц-тюбик с остатками крови и нож вроде того, что изъяли у Мясника. Фоторобот и приметы маньяка по всем отделениям и комнатам милиции разослали, даже в вытрезвители. Вы проедете по лабораториям, где работают с кровью. Особенно по тем, где делают анонимный экспресс-анализ на СПИД. Покажите фоторобот персоналу, может быть кто-то его опознает. Пишите адреса лабораторий, я продиктую.

Поспрашивайте там как следует. Персонал в основном женский, вы это любите. К тому же маньяки — ваше хобби.

— Значит все-таки проявился СПИДовый террорист? Вот здорово! — искренне обрадовался Крюков. — Диктуйте ваши адреса!

— Да? — обиделся начальник. — И чему же вы, Крюков, радуетесь? И что же здорово? С нас за этого террориста семь шкур спустят! А у нас между прочим, своя линия работы имеется! Борьба с распространением наркотиков. И план горит!

— Учитесь радоваться предстоящим трудностям, так йоги советуют.

Нам хлеба не надо — работу давай! Я вам завтра уши этого террориста подам на блюдечке с голубой каемочкой. А еще лучше — натолкаю ему полные карманы маковой соломки. Тогда он и нам, убогим, в план пойдет.

Хотите? Или вы мне не верите? Почему это вы так тяжело вздыхаете? Вам плохо? Ответьте!

— Ох, Крюков, я вам верю. Потому и вздыхаю. Я все никак не решу что же опаснее для общества? Иметь такую преступность, или такого борца с преступностью как вы? Ладно, диктую адреса лабораторий. Пишите. И не забудьте взять компьютерный фоторобот преступника.

Крюков достал ручку с блокнотом и скептически усмехнулся. Техника составления фотороботов за последнее время значительно продвинулась вперед, чего нельзя было сказать о наблюдательности свидетелей. Ее недостаток зачастую компенсировался буйной фантазией. Поэтому, как правило, фотороботы выходили на одно лицо, причем кавказской национальности. Лучше бы свидетели, да и опера, кстати, конкретные приметы запоминали, чем портреты по памяти сочинять.

В комнате милиции станции метро "Площадь Ногина" (новых названий Крюков до сих пор не знал) кроме дежурного околачивался младший лейтенант Иванашко. С Крюковым его объединяло большое взаимное чувство они друг друга на дух не переносили. Иванашко работал в одном из центральных отделений милиции и за приличную мзду прикрывал банду пенсионеров, которые пополняли свой стариковский бюджет за счет распространения наркотиков в розницу, как другие торгуют сигаретами.

Крюков такую старость не уважал и искоренял наркоторговлю без скидки на почтенный возраст диллеров, которые, прожив жизнь, не нажили ни ума, ни совести. Иванашко платил ему тем, что в отместку старательно отлавливал среди мелких нарушителей порядка крюковских стукачей и накручивал им административные санкции на полную катушку. Его постоянно мучила совесть, оттого что он не может впясть им какую-нибудь статью уголовного кодекса.

— Чего приперся? — ласково встретил Крюкова старый недруг. — Я твоего жиденка-стукачонка, который с табличкой "Куплю золото" крутится вчера на десять суток оформил. За "поссал в общественном месте". Я же тебе говорил — здесь моя земля. Хочет покупать рыжье в моем переходе пусть мне отстегивает. Ваши отношения меня не кантуют. Понял, легаш?

Иванашко был не одинок в своем стремлении досадить коллеге. Особым шиком в работе милиции и основной формой взаимодействия работавших бок о бок отделов и управлений было соцсоревнование — посадить как можно больше осведомителей и доверенных лиц своих коллег-конкурентов.

— Заткни помойку, ****ашка, не до тебя сейчас, — отмахнулся от него Крюков и обратился к дежурному. — Где тут у тебя фотоморда спидоносца?

Тот протянул ему стопку фотороботов. Как Крюков и предполагал это был плод коллективной фантазии, помноженной на компьютерную графику под названием "Портрет неизвестного мужчины". Лицо, лишенное какой бы то ни было определенности. Особые приметы — усов и бороды нет, очков не носит. Крюков посмотрел на фоторобот, потом на себя в зеркало и обнаружил с разыскиваемым поразительное сходство. Потом пристально взглянул на дежурного. Тот тоже оказался похож. Крюков сличил фоторобот с личностью недруга-микромайора. Маньяк был вылитый Иванашко, ну просто как две капли воды.

— Слушай, ****ашка, а спидоносец-то на тебя смахивает! — обрадовал его Крюков. — Дашь пять долларов, тогда никому не скажу!

— А рублями не возьмешь? — нахально поинтересовался друг стариков.

— Рублями теперь даже твои старые наркопердуны не берут, — осадил его Крюков. — Значит не дашь? Ну и хрен с тобой! Мне эта морда еще пару-тройку знакомых напоминает. Пойду их потрясу, может раскошелятся.

Не все же такое говно как ты!

И гордо покинул комнату милиции.

— Сам ты говно! — Иванашко не сразу нашел что ответить, поэтому ему пришлось орать через весь вестибюль к неописуемому восторгу публики.

Еще бы! Когда менты ругаются между собой, для народа это — праздник души. А уж когда дерутся!... Но такое, увы, случается крайне редко.

Крюков остановил машину у очередного белого здания с красным крестом. В отличие от обследованных им ранее, бюджетных и убогих, это можно было считать утопающим в богатстве. Дорожки не растрескались облицовка не выщерблена, фонари горят. Чем не роскошь по нынешним временам?

На табличке у двери значилось: "Центр исследований крови. Фонд Вагнера". Собственно, Центр исследований крови занимал небольшую боковое крыло основного, действительно роскошного здания медицинского вагнеровского комплекса.

На вахте Крюкова остановил охранник в камуфляже. На его нарукавном шевроне значилось: "РИФ-секьюрити".

— Странно, — заметил Крюков, помахав перед носом охранника своей ксивой. — Ведь вашу контору, вроде, разогнали.

— Это там проблемы, — страж неопределенно покрутил над головой пальцем, — наверху, в главном офисе. Мы к их паклям отношения не имеем.

Наше дело порядок поддерживать, а главным образом — наркоманов гонять.

— Смотри-ка, одно дело делаем, — удивился Крюков и представился. Крюков из спецухи.

Он протянул охраннику руку. Тот пожал ее и представился в ответ:

— Драгун.

— Это погоняло или еврейская фамилия? — поинтересовался Крюков.

— Прозвище, — ответил охранник. — По фамилии меня последний раз старшина в карантине называл, когда я в бригаду служить пришел. Я от фамилии отвык давно.

— А почему Драгун? Ты кавалерист, что ли?

— Нет, снайпер. Из СВДшки, винтовки Драгунова, когда-то неплохо бил. И спать, и срать с ней ходил. Вот и прозвали.

Крюков на всякий случай продемонстрировал охраннику универсальный фоторобот. Но тот лишь отрицательно покачал головой.

— По такому документу и себя не узнаешь! У персонала поспрашивай.

Только когда внутрь пойдешь, клевый прикид не забудь надеть.

И выдал Крюкову обязательный для прохода в помещение комплект:

безразмерный белый халат и белый же поварской (на докторский он мало походил) колпак, который сразу съехал Крюкову на уши. На ноги пришлось намотать похожие на тряпичные валенки бахилы.

Приобретя столь молодцеватый вид, Крюков вяло поплелся по коридору. Он чувствовал себя пугалом и полным идиотом. Ходить по Центру и приставать с вопросами к женскому персоналу как-то сразу расхотелось.

Но альтернативы не было. Крюков вздохнул и открыл первую дверь в надежде, что наткнется на мужика. А если на женщину, то на некрасивую и немолодую. Ему повезло. За дверью снова оказался охранник в камуфляже.

— Сюда нельзя, — предупредил он. — Здесь отделение тяжелобольных.

В подтверждение его слов из-за стеклянно-матовых дверей отделения раздался стон, больше похожий на звериное рычание. Крюков недоуменно покрутил головой:

— У вас там что, медведь болеет?

— Ага, бурый, — непонятно чему ухмыльнулся охранник и закрыл перед носом Крюкова дверь.

Крюков пошел дальше. За следующей дверью ему повезло гораздо меньше. Хозяйкой кабинета была женщина молодая и красивая. За неимением шпор Крюков звякнул завязками бахил. Не получилось. При этом он особенно четко ощутил как колпак съезжает ему на уши.

— Здрате, доктор, — как можно веселее сказал он. — Я ищу брата пропавшего в годы войны в блокадном Ташкенте. Не поможете? Вот его портрет, взгляните. Видите, как мы похожи? А что вы делаете сегодня вечером? В смысле как вас зовут?

— Вечером, как видите, я работаю, делаю анализы крови. А зовут меня Мария.

— Правда? А "Кровавую Мэри" — это не в честь вас назвали?

Хе-хе... Или наоборот?

Почему-то когда ощущаешь себя идиотом, то и шутки выходят идиотские.

— А почему вы ищете своего брата у нас? — судя по тому, что Мария просто улыбнулась, а не расхохоталась, бравый вид Крюкова не произвел на нее должного впечатления. Наверно привыкла.

— Он страдает вампиризмом, — страшным шепотом сообщил Крюков. — Куда же ему еще податься, как не к вам? Кушать-то хочется. А у вас тут крови, поди, залейся — как на Лубянке или в гестапо. Я неправ?

Дверь открылась и в нее осторожно вошел ребенок. Крюков посмотрел на него и чуть не подавился очередной плоской остротой. Мальчику было лет шесть, и он напоминал фильмы о заключенных немецких концлагерей или о голоде в Поволжье.

Это был обтянутый кожей скелетик на тонких ножках. В глубине огромных глаз таилось недетское выражение, какая-то стариковская мудрость. Может быть это было предчувствие смерти? Ребенок был обвешан резиновыми трубками как собака работы Павлова.

Он подошел к Крюкову и попросил:

— Дяденька, нагнитесь. Я что скажу...

Донельзя расстроганный — впору слезу пустить — Крюков наклонился к нему. Мудрый старичок ловко ухватил маленькими пальчиками за края крюковского головного убора и натянул колпак ему на глаза, чуть ли не по самый подбородок.

— А за свет надо денежки платить! — счастливо пропищал он.

Когда Крюков стянул докторско-поварской колпак с головы, малолетнего хулигана уже и след простыл.

Мария светилась так, будто ребенок был ее собственным и только что наизусть отбарабанил стихотворение Пушкина "Ленин и печник" вкуче с таблицей умножения.

— Это не вы его научили таким изящным приколам? — поинтересовался Крюков. — Исключительно тонкий галльский юмор.

— Нет, но я рада, когда он так шутит, — призналась Мария. — У него это единственная радость в жизни. И, боюсь, последняя.

Крюков вдруг почувствовал себя совсем погано и тоскливо передернул плечами:

— Хорошо, хоть, что он сам этого не понимает.

— Почему? Понимает, — вздохнула Мария. — У него здесь в стационаре были друзья — мальчик и две девочки. Они все умерли.

Крюкову стало совсем не по себе.

— А что с ним?

— СПИД. Заразили в роддоме.

— И у него нет никаких шансов?

— Его шанс — это деньги, — Мария в ярости так сжала карандаш, что тот сломался в ее руке. — А еще говорят — здоровья не купишь! Конечно где же нам взять для этого денег? Вот если нужно войну начать, на Луну слетать или золотой храм до неба построить, на это деньги находятся сразу! На это у нас всегда есть деньги. И детям готовы помогать любым и где угодно — в Ираке, в Сербии, в Африке, в Антарктиде, лишь бы не своим и не у себя дома!

— Не любите политиков? — догадался Крюков.

— Да хоть бы они все подошли, дармоеды! Особенно те, кто громче всех орут... Извините, я просто сильно устала.

— Но у вас ведь свой персональный спонсор имеется. Он, вроде, мужик не бедный.

— Наш спонсор, господин Вагнер, финансирует исключительно центр пересадки органов. Нам остаются лишь крохи, — вздохнула Мария. — У меня такое впечатление, что весь этот медицинский комплекс он содержит с одной целью — подстраховаться на тот случай, если с ним самим что-нибудь случится. На остальное ему наплевать... Ладно, что вы там наплели про вашего брата? И давайте без дураков, я действительно сегодня очень устала. Да еще подруга у меня погибла...

— Надо же, какое совпадение, — пробормотал Крюков и показал ей фоторобот:

— К вам не обращался похожий человек? Внизу отмечены параметры его крови: четвертая группа, резус отрицательный.

Мария нервно усмехнулась:

— Вы не себя имеете в виду? Этот портрет похож на вас, а заодно на половину моих знакомых. Лучше признайтесь откровенно, зачем он вам понадобился. Или ваше ведомство без секретов жить не умеет?

— Какие секреты могут быть от красивой женщины? — Крюков произвольно приосанился, забыв об идиотском колпаке на ушах. — Маньяк шляется по улицам и ширяет всех подряд шприцем со спидовой кровью. Может знаете такого или слышали что-нибудь?

По глазам женщины и вазомоторной реакции (если не выпендриваться это значит, что у нее лицо покраснело) он безошибочно определил, что она что-то знает. Но не скажет, это он тоже понял.

— Вряд ли я смогу вам помочь, — неуверенно протянула Мария.

Помявшись, Крюков приподнялся со стула.

— Тогда я пошел. Извините. Не буду мешать.

Он вышел в коридор и исполнил детский прикол — потопал ногами на месте, изобразив затихающие шаги. Потом он припал ухом к неплотно закрытой двери. Он, конечно, сильно рисковал — мог бы и дверью по уху получить. Но мог также получить и ценную информацию. И она не заставила себя ждать. Судя по всему, Мария кому-то звонила. Причем вместо того чтобы набрать номер, она просто постучала по рычагу для трубки. Крюков догадался, что у них на один номер как минимум два аппарата и Мария как раз вызывает тот, другой. Он напряг слух.

— Алло, Лидка? — спросила Мария. — У меня только что был человек из милиции. Он интересовался маньяком, который колет людей шприцом с зараженной ВИЧ-инфекцией кровью. Помнишь парня, который привозил тебе кровь на анализ, якобы его Галина рекомендовала? Анализ тогда оказался положительным. Ты с ним случайно не...? Да ладно, вы же как-то встречались пару раз. У тебя нет его данных? Очень жаль. Почему я на него подумала? Нет, фоторобот вообще не похож, но на нем отмечены группа крови и резус. Людей с четвертой группой и отрицательным резусом не так много. Его анализ делала я, поэтому и запомнила. Конечно, совпадение возможно, но очень маловероятно. Разберешься? Ну пока!

Крюков никаким образом, даже с риском получить не только по ушам но и по носу, не смог бы услышать другого телефонного разговора, который состоялся вслед за этим. Закончив разговор с Марией и положив трубку, Лидка тут же набрала нужный номер.

"Только бы он взял трубку", — думала она.

Он взял трубку. Лидка была счастлива.

— Хэлло, Антон? Узнал? Что звоню? Сегодня тобой интересовались. К Марии приходил мент с фотороботом, она предупредила меня. Нет, фотка непохожа, но там отмечена группа крови. Предупреди своего друга. Ну того, чью кровь на анализ привозил. Хорошо, узнаю подробности, тогда встретимся.

* * *

Спустя час после ухода Крюкова Мария собралась идти домой. У дверей ее остановил охранник. У него было какое-то странное имя. То ли Гусар, то ли Драгун. Он наклонился к ней и тихо спросил:

— Чего хотел этот парень из ментовки?

Мария пожала плечами:

— Искал какого-то маньяка.

— А он не упоминал таких имен: Риф или Бурый?

— Нет, ничего подобного. Он вообще никаких имен не упоминал.

Мария почувствовала, что ее охватывает раздражение. Мало того что она устала как ломовая лошадь и ничем не могла помочь своим пациентам. К этому добавилась внезапная смерть Галины, визит этого болвана из милиции, а теперь еще и идиотский допрос.

— Слушай, Гусар, я могу, наконец, пройти? — резко спросила она.

Драгун не обиделся.

— Конечно. Иди, но будь осторожна. И поменьше распускай язык.

Возможно, от этого будет зависеть твоя жизнь.

— Ты мне угрожаешь? — изумилась Мария.

— Дура, я тебя предупреждаю. Почувствуй разницу.

По дороге домой Марией овладело необъяснимое чувство тревоги. Пару раз ей даже показалось, что ее преследует какой-то тип в длинном плаще. Но на пересадке в метро он отстал и больше не появился.

* * *

— Разрешите, товарищ генерал? — полковник Тюрин вошел в кабинет Лентулова.

— Входи, не стесняйся. Здесь все свои.

Генерал имел в виду своего нового зама. Полковник Спицын стоял у большого окна кабинета и, казалось, был целиком погружен в созерцание заснеженного городского пейзажа.

— Разрешите доложить информацию по Вагнеру? — спросил Тюрин.

— Валяй, — махнул рукой генерал. — Может что новенькое услышим.

— Сведения настораживающие. Международный аферист. Имеет тесные связи со спецслужбами, в том числе и с нашими. Работает на всех и всех использует. Об этом свидетельствуют утечки совершенно секретной информации на разных уровнях, вплоть до самого высокого. Мне удалось напрямую связаться с нью-йоркским резидентом нашей внешней разведки полковником Рудаковым. По его мнению Вагнер очень опасен. Подтверждение жду сегодня вечером с курьером. По моим данным осведомители Вагнера имеются и в нашем управлении.

Брови Лентулова в недоумении поползли на лоб:

— И с такими данными этот Вагнер еще ходит на свободе? Я немедленно свяжусь с Премьер-министром...

— Не спешите, — вздохнул Тюрин. — Это не поможет. Вагнер является лучшим другом и спонсором помощника президента господина Шнопака и Марата Троцкого, главного президентского визажиста, а по-просту говоря цирюльника. Президент очень считается с их мнением.

— По вопросу прически?

— По разным вопросам.

— Это же какие-то пережитки самодержавия, — развел руками генерал и, помолчав, добавил. — Зарубежная информация исходит из Первого Главка?

Он по-прежнему ревниво относился к успехам внешней разведки.

— Не только. Через два часа мой связник из Нью-Йорка представит нам полную и исчерпывающую информацию по интересующему нас вопросу, — отчеканил Тюрин. — Он везет коды к доступу в святая святых сети Юнител и материалы по какой-то операции "Армагеддон". Информация сверхсрочная и сверхсекретная, возможно она имеет отношение к проблеме двухтысячного года.

— Источник вашей информации входит в окружение Вагнера? — снова спросил генерал.

Тюрин бросил взгляд на напряженную спину застывшего у окна Спицына. Казалось, тот весь превратился в слух.

— Нет, — Тюрину пришлось несколько исказить факты. — Информация получена от его конкурентов из Межгосударственного финансового фонда.

Его председатель Ван Дер Декен давно мечтает свернуть шею нашему филантропу и меценату. Вагнер у него не то, что в печенках — в прямой кишке сидит.

— Пошлите своих людей встретить связника, — распорядился генерал.

— Они готовы. Вот мой приказ. Завизируйте.

Тюрин положил перед ним бумагу.

— Почему так серьезно? Всех дел — человека встретить. И на это нужна моя санкция?

— С вероятностью высокой степени допускаю применение автоматического оружия. Международный аэропорт, сами понимаете. Надо предупредить милицейские посты на месте и по пути следования.

Генерал заглянул в приказ и покачал головой:

— Дай Спицыну, ему все равно делать нечего. Не генеральское дело такие бумажки подмахивать.

Полковник Спицын небрежно расписался, мельком отметив перечень технических средств, задействованных в намеченной операции. Особенно марку и номерной знак машины.

— У тебя все? — спросил Тюрина генерал. — Тогда свободен. Почаще докладывай. Связника, как приедет, сразу ко мне.

— Я, пожалуй, тоже пойду, — заспешил вдруг Спицын. — Надо в структуре Юнитела покопаться.

У себя в кабинете он достал трубку мобильного телефона и набрал номер.

— Алло, Риф? Нужно срочно встретиться. Очень срочно.

* * *

Внутреннее убранство одной из казарм Боженовского гарнизона, в которой располагались контрактники из взвода охраны, напоминало бункер Гитлера сразу после взятия его советскими войсками. Отличие было в одном — вряд ли на полу фашистского логова валялось столько использованных шприцов.

Мясник ворвался в казарму и обвел ее уничтожающим взглядом. Свободные от караула, в основном, пребывали в глубокой отключке. Единственным дееспособным человеком среди них казался Сармат. Он валялся на койке, потягивал пиво и смотрел по виду "тряпочную" копию еще не вышедшего на экраны "И целого мира мало" с Джеймсом Бондом.

— Сармат, подъем по тревоге! Халтура подвернулась, — сообщил Мясник. — Есть маза пострелять.

Сармат быстро поднялся и стал обуваться. Было заметно, что предложение повоевать его обрадовало.

— Давно пора, — тихо проворчал он. — А то без боевых совсем тут сдуреешь. Чем вооружаться?

— Возьми "винторез" и "шмель". Я жду на улице.

И Мясник поспешно вышел на свежий воздух.

* * *

Черная волга двигалась от центра Москвы по Ленинградке в направлении аэропорта Шереметьево. Машина проскочила мост над каналом, не снижая скорости миновала блокпост ГАИ. Инспектор только покачал головой, посмотрев вслед. Номера ясно указывали на принадлежность машины к автопарку ФСБ. Она пролетела новую автомобильную развязку с окружной дорогой и помчалась по трассе в сторону Питера. Справа мелькнули огни жилых домов, потом потянулись бесконечные заводские заборы. Автомобильная рация зашипела:

— Сто четырнадцатый, ответь Старикуну!

Молодой, спортивного вида, человек, сидящий рядом с водителем невольно подтянулся и выкинул в окно сигарету. Он узнал голос начальника — полковника Тюрина.

— На приеме сто четырнадцатый!

— Где находитесь?

— Проскочили Химки, скоро поворот на Шереметьево. Успеем, не волнуйтесь, встретим курьера вовремя!...

Он не договорил. Из кустов с обочины шоссе прогремел выстрел. Зажигательная капсула, выпущенная из огнемета "шмель", ударила в машину и превратила ее в пылающий факел. Горящая волга слетела в кювет и опрокинулась. Никто из экипажа даже не попытался открыть заклинившие дверцы — все сторели почти мгновенно.

А буквально через пару секунд после взрыва от обочины отъехала такая же черная волга-близнец с точно такими же ФСБшными номерами и направилась в сторону аэропорта.

* * *

Самолет прилетел в "Шереметьево-2" вовремя, но солидный, похожий на дипломата пассажир так торопился покинуть его, словно опаздывал на встречу Нового года. Вещей у пассажира, кроме небольшого кейса, не было. Он беспрепятственно миновал "зеленый коридор" и прошел к выходу из аэропорта. Стеклопакеты дверей аэровокзала автоматически раздвинулись перед ним и он оказался на улице.

Увидев солидного клиента — на вид вылитый дипломат или крутой фирмач — к нему тут же рванулись пираты асфальтированных просторов, но тот не обратил никакого внимания на посыпавшиеся с разных сторон заманчивые предложения прокатить с ветерком и девочками. Солидного пассажира должны были встретить. И он не ошибся.

Расталкивая возмущенных извозчиков, сквозь их нестройные ряды как ледокол "Ленин" среди байдарок и каноэ пробился сумрачного вида человек в черной кожаной куртке. Он подошел вплотную к дипломату и тихо сказал:

— Вы Николай Романович? Все в порядке, я от Тюрина. Можете называть меня Антоном. Я буду сопровождать вас до места.

Он предъявил удостоверение сотрудника ФСБ, после чего кивнул на стоящую поодаль черную волгу:

— Едем, нас ждут.

Солидный пассажир бросил взгляд на номера и убедился, что машина принадлежит его службе. Он сел на заднее сиденье и расслабился. Встретивший его человек сел рядом и хлопнул водителя по плечу:

— Давай, Сармат, гони!

В машине сопровождающий скинул куртку. Короткий рукав черной майки задрался и на левом плече обозначилась татуировка — весело оскаленный череп с крылышками и надпись: "ОШБОН-Кургай".

— Можете отдохнуть, считайте, что вы уже дома. Давайте ваш чемоданчик, — предложил он связному.

Тот в ответ лишь отрицательно покачал головой и продемонстрировал железную цепочку, соединяющую его запястье с ручкой кейса. После этого связник откинулся на спинку сиденья и как будто задремал. Чувствовалось, что последнее время он находился в сильном напряжении.

Неожиданно гость открыл глаза. Волга летела по великолепно отделанной кольцевой дороге.

— Скажите, Антон, разве мы едем не в Москву? — спросил гость.

— Нет, в Москву сейчас ехать опасно, — пояснил сопровождающий. — У Вагнера везде свои люди. Даже у нас. Буквально за несколько часов до вашего прилета нами разоблачен его человек, внедренный в наше управление.

— Я знаю, это полковник Спицын, — подтвердил гость. Это подтверждается документами, которые я везу. Так куда мы едем?

— Мы спрячем вас на нашей новой базе в Боженово. Там прекрасные дачи. Там вам будет удобнее встретиться с ребятами из "леса". Вы ведь работали в контакте с внешней разведкой?

— Да, они мне здорово помогли, — признался гость. — Особенно Рудаков в Нью-Йорке.

— Приехали, сворачивай, — велел водителю сопровождающий.

Машина притормозила и свернула на узкую дорогу, тесно обсаженную по обеим сторонам высокими старыми липами. Здесь машина остановилась.

— Прибыли. Дальше пешком, — сопровождающий полез из машины.

Гость вылез следом. Сопровождающий повел его мимо темного длинного барака. В лицо дипломату пахнуло тиной и сыростью.

— Мы идем к реке?

— Да, там мост, — кивнул провожатый.

По шуму воды дипломат определил, близость плотины. Они свернули за угол, и он понял, что не ошибся. Свет луны отражался в неподвижной глади водоема. На плотину падала черная тень от высокого штабеля прогулочных лодок, вытасненных на зиму из воды.

— Ну вот и пришли, — сопровождающий повернулся к связнику и ткнул его парализующим электрошокером. — Теперь можете называть меня просто Мясником.

* * *

— Сармат, помоги! — Мясник склонился над лежавшим на земле связником. — Сумку захвати!

Сармат подбежал, вынимая на ходу из кожаной сумки небольшой врачебный несессер. Он собрал шприц и наполнил его из большой ампулы.

— Держи его, засучи рукав. Слишком сильно ты его вырубил, — сделал он замечание Мяснику, но тот лишь отмахнулся.

Сармат медленно, сверяясь с секундной стрелкой на светящемся циферблате, ввел лекарство в вену связнику. После долгой паузы тот стал приходить в себя. Он открыл глаза и сделал попытку дернуться, но его удержали. Мышцы связника напряглись. Предупреждая его попытку вырваться, Мясник ударил его основанием ладони в лоб. Удар привел к неожиданным результатам. Вместо возбуждения пленник вдруг стал обмякать и прямо на глазах отключился.

— Блин, я же его слегка приложил!

— Дело не в этом, — сказал Сармат. — Это действие "сыворотки правды".

— А что ты ему вколол? Пентотал или скополамин?

— Десятипроцентный барбамил. Десять кубиков.

— Да ты что? — изумился Мясник. — Куда ж ты десять кубов загнал? Он теперь надолго отключится!

Сармат покачал головой:

— Ерунда, сейчас кофеина вколем.

— Поздно, он уже спит.

— Не бзди, сейчас разбудим. Свяжи его, только покрепче. Чтобы рыпнуться

не мог.

Сармат говорил тоном начальника и Мяснику оставалось лишь повиноваться. Он принес из багажника толстую веревку и крепко стянул руки и ноги связника. Потом посмотрел на Сармата:

— Что ты теперь хочешь сделать?

— Сейчас вколю ему лошадиную дозу амфетамина. При пробуждении у него будет мощный выброс энергии и вся она сублимируется в словесный понос. Будет языком чесать — хрен остановишь.

— Откуда ты все знаешь? Ты что, был врачом?

— Зубным техником. А в детстве посещал кружок "Юный химик". Во видишь? Проснулся. Задергался! Диктофон врубай!

Спустя десять минут связник окончательно вырубился.

— Отстегни кейс, — Мясник снова обрел свое руководящее положение.

Сармат быстро справился с браслетом и отнес добычу и кассету с показаниями связника в машину. Когда он вернулся, Мясник уже разрезал связывавшую пленника веревку.

— Помоги, — сказал он.

Вдвоем они подхватили тело и потащили к возвышающемуся над плотной высокому речному берегу. Здесь из глубокой пещеры вытекал ручей.

Вглубь горы уходил горизонтальный штрек, укрепленный гнилыми деревянными подпорками. Самые отчаянные смельчаки не рисковали проникать в пещеру далее десяти-двенадцати метров.

Сгибаясь в три погибели и матерясь, Мясник с Сарматом затащили бесчувственное тело метров на тридцать. Сармата невольно пробрала дрожь.казалось, что он уже никогда не увидит звездного неба.

— Хорош, — сказал наконец Мясник. — Уходим.

— Мы оставим его здесь? — спросил Сармат.

— А ты бы хотел переть его и обратно?

С недоброй усмешкой Мясник извлек из-за пояса нож и наклонился к связнику.

— Посвети, — приказал он Сармату.

Тот понял, что если он сейчас выкажет слабость, Мясник оставит в пещере не один, а два трупа.

Он направил луч фонаря туда, куда велел ему Мясник и отвернулся.

Но внезапно взгляд его зацепился за маленький блестящий предмет. На шее Мясника на золотой цепочке болтался маленький золотой череп с крыльшками — талисман, взятый убийцей у Волкодава.

— Ты что замер?

Из оцепенения Сармата вывел окрик Мясника. Пока тот мыл окровавленные руки и нож в ледяной воде ручья, Сармат ломал голову на предмет того, как ему вылезти из смертельной ловушки, в которой он оказался. И о том, сколько еще времени ему отпущено.

* * *

Генерал Лентулов и полковник Тюрин сидели в генеральском кабинете. Из всего освещения горела лишь массивная зеленая лампа. Она придавала лицам обоих мертвенный оттенок. Полковник Тюрин был и без того бледен. Его твердо сжатый рот превратился в узкую щель. Он взглянул на часы. Операцию можно считать полностью проваленной.

9
Полковник нажал кнопку связи.

— "Старик"- всем! Отвечать только тому, у кого есть информация по объекту или группе обеспечения!

— Докладывает сто восемнадцатый. Самолет объекта прилетел черыре часа назад. На таможне он не отмечен, вероятно прошел "зеленым коридором". Из аэропорта уехал на черной волге. Номерной знак..."

— Машина наша, — заметил генерал.

В динамике рации снова щелкнуло.

— Сто третий на связи. Докладываю: машина с группой обеспечения была взорвана на Ленинградском шоссе и полностью сгорела вместе с людьми. Это затруднило идентификацию, поэтому нам сообщили только сейчас. Видимо это случилось в тот самый момент, когда с ними прервалась связь.

— Почему не среагировали сразу? — спросил генерал.

— Сочли, что связь прервалась по техническим причинам, — пояснил полковник. Сами знаете — материальная часть на ладан дышит. Аппаратура латаная-перелатаная.

— Это ясно. Мне другое непонятно, — остановил генерал привычный поток жалоб полковника на отсутствие современной техники. — Откуда люди Вагнера могли узнать о прилете связника?

Тюрин развел руками.

— Полной информацией обладали трое: вы, я и Спицын. Решайте сами кого подозревать.

— Ну хорошо, — генерал потер затылок. — Допустим, мы трое вне подозрений. Кто остается?

Тюрин пожал плечами:

— Американская сторона. За наших людей я ручаюсь. А вот внешняя разведка... Полковник Рудаков, конечно, тоже мужик проверенный, но кто знает, не ведет ли их контора свою игру на стороне Вагнера?

— Да, сплошные загадки, — генерал Лентулов снова закурил. — Хотел бы я знать, что же там случилось, в этой Америке. Ох, как бы хотел знать!

За окнами по-прежнему тихо падал снег.

* * *

В Нью-Йорке было тепло. Градусов пятнадцать. Деревья шумели зеленой листвой. Длинный представительский мерседес мистера Вагнера двигался через Манхеттен по прихотливым изгибам Бродвея. Следом за ним но на почтительном удалении, следовал микроавтобус ФБР. Кроме него в наблюдении были задействованы еще две машины.

Кавалькада давно проскочила между Линкольновским центром искусств и Центральным парком, миновала церковь Грейс-черч. За ратушей, не доезжая Федерального резервного банка, длинный мерседес непонятно как свернул под острым углом, потом повернул еще раз и выскочил к Бруклинскому мосту.

— Объект движется через Ист-ривер на Лонг-Айленд, — доложила рация. — Предположительно в направлении Бруклина...

Тут она поперхнулась и замолкла. Руководивший операцией специальный агент ФБР Роберт Мерфи, похожий на актера Эдди Мерфи, заgrimированного под Майка Тайсона, изрыгал проклятия:

— Вот дерьмо! Где связь? Фак е маза-фаза-систа-браз!

Так ругаться его научил далекий друг мистер Крюк, с которым они вместе боролись когда-то против международной наркомафии.

"Неужели Вагнер направился к русским"? — гадал специальный агент Мерфи.

Рация снова ожила:

— Шеф, он движется через Бруклин в направлении на Рокауей. Как слышно? — доложил помощник.

— Тебя нормально. Если бы также слышать то, что происходит внутри салона вагнеровской телеги!

— Шеф, с этим проблема! Микрофон не работает, но радиомаяк исправен. Сигнал хороший, сидим на хвосте плотно.

Месяц назад оперативной группе под руководством Роберта Мерфи, с большим трудом удалось внедрить к Вагнеру шофером своего агента. ФБР получило информацию, что сегодня Вагнер собирается встретиться с завербованным русской разведкой высокопоставленным чиновником. Таким образом Мерфи рассчитывал убить одним выстрелом двух зайцев — притянуть к ответу Вагнера и обнаружить русского шпиона. Поэтому с раннего утра Мерфи со своей группой неотступно преследовал Вагнера от самого дома.

Но сейчас, в самый ответственный момент, связь с агентом почему-то прервалась. К счастью радиомаяк, который агент поставил на представительский мерседес Вагнера, исправно посылал сигналы о его местонахождении.

— И все же не нравятся мне такие совпадения, — заявил Мерфи.

— Шеф, так может быть взять его?

— И что мы ему предъявим? Неоплаченный счет из "Макдональдса" или штраф за неправильную парковку? Хотя мой друг Крюков именно так бы и сделал. Но это там, в далекой, благословенной и счастливой России, где народ так беден, что не в состоянии содержать армию пронырливых адвокатов, а назойливому журналисту можно просто врезать по носу.

Мерседес снова непостижимым образом свернул в узкий проулок, где едва мог проехать, не ободрав свои черные лакированные бока.

— Куда это он, шеф? — не понял водитель микроавтобуса, в котором ехал Мерфи.

— Понятия не имею. Смотри, сейчас мотоцикл собьет.

Дорогу мерседесу перегораживал мотоцикл без седока. Мерседес затормозил и едва не уперся в него бампером. Микроавтобус с сыщиками остановился на почтительном удалении.

— Что будем делать?

— Не могу понять, зачем он сюда забрался.

— Смотри!

Люк в крыше мерседеса открылся и из машины выскочил человек. Он ничем не напоминал Вагнера. Судя по фигуре он был молод. Определить точнее не представлялось возможным — голову незнакомца скрывал мотоциклетный шлем с темным стеклом. На неизвестном были надеты кожаные штаны и кожаная безрукавка. Он пробежал по капоту машины, спрыгнул на землю, затем вскочил на мотоцикл и завел движок.

— Уйдет! — воскликнул Мерфи.

Как всегда специальный агент Мерфи оказался прав. Оставив шлейф дыма, мотоциклист рванул по проулку и скрылся за ближайшим углом.

— За ним!

Куда там! Мерседес перегораживал проулок так, что мимо него и человеку было трудно пролезть. Одна машина попыталась вести преследование, но из этого ничего не получилось. Мотоциклист как в воду канул.

Остальные оперативники собрались возле мерседеса. За тонированными стеклами разглядеть что-либо внутри салона не представлялось возможным.

— Разглядели парня? — спросил Мерфи.

— Как ты его разглядишь? Он же был в шлеме.

— А примет не было?

Рост выше среднего, физически развит. Стоп! У него на плече была татуировка! То ли птица, то ли череп с крыльями и какие-то странные буквы. Может китайские? Почему он был в безрукавке? Ему жарко?

— Да, жарко, потому что он русский и привык к морозам. И буквы у него на плече не китайские, а русские, — подтвердил Мерфи.

— Значит все-таки русская мафия?

— Что будем делать? Вагнер, кажется, не собирается никуда уезжать.

— Ал, залезь внутрь и отгони машину на более широкое место, — велел Мерфи своему водителю. — Не думаю, что внутри ты обнаружишь мистера Вагнера. Но если я ошибаюсь, не забудь с ним поздороваться. И постарайся не продавить крышу.

Водитель залез на багажник, затем проследовал до люка. Здесь он засунул голову внутрь салона и тут же высунул обратно.

— Шеф, — крикнул он, — отогнать машину не удастся, придется тянуть.

— Это еще почему?

— Там водитель. Он сидит за рулем. Он убит, сэр!

— Вот дерьмо! — прорычал Мерфи. — Этот подлец убил нашего парня!

— Он его зарезал, сэр! — сообщил водитель. — Причем зверски. Тут все залито кровью!

— Этот подонок его расшифровал, поэтому и микрофон не работал! Мерфи с такой силой саданул кулаком по багажнику мерседеса, что от удара осталась

неглубокая вмятина. — Теперь мистер Вагнер, чего доброго, потребует, чтобы мы вымыли и почистили обивку его салона.

— Его надо брать, шеф, — стоял на своем помощник.

— А в чем ты собираешься его обвинить? Уверен, в полицию давно поступило его заявление об угоне мерседеса. Операция закончена,ждемся криминалистов и едем в отдел.

* * *

В это время сам мистер Вагнер, миллиардер, председатель международного "Фонда Вагнера", спокойно сидел в маленьком ресторанчике, потягивал чай со льдом и ожидал прихода нужного ему человека. Он давно заметил пристальный интерес, проявляемый к его персоне, спецслужбами разных стран, а особенно Соединенных Штатов и России. Такое внимание не могло ему понравиться, но и оставить подобные выпады без ответа он не мог. Особенно сейчас, когда практически все было поставлено им на карту. Необходимо было срочно принять контрмеры. К этому он был давно готов.

Бесспорно Арнольд Вагнер был одним из самых загадочных людей в мире. Владелец одной из двадцати крупнейших фирм США "Голд Петролеум" друг демократически избранных президентов и кровавых диктаторов арабских шейхов и коммунистических генсеков, голливудских кинозвезд и голодающих африканцев, лауреат Нобелевской премии мира, он считался одним из влиятельнейших людей в мире. Одним движением мизинца он мог опрокинуть любую финансовую империю или обрушить экономику не то что отдельной страны, а целого региона.

Его дед был известным одесским ювелиром по фамилии Вайнберг. Начиная с побегушек у знаменитого мошенника и афериста Рахумовского. То-го самого, что сделал собственными руками и продал французам в 1896 году тиару, то есть корону, великого скифского царя Сайтафарна.

Лувр отвалил за "древнее" сокровище без малого 75 тысяч золотых рублей. Юному Вайнбергу Рахумовский доверил вычеканить на лбу короны дарственную надпись типа: "Дорогому тирану Сайтафарну от благодарных жителей Ольвии". На чем, собственно, и погорел.

С приходом в Одессу советской власти начался такой бардак, что папаше Вайнбергу выдали новый паспорт на фамилию Вагнер и приписали в нем лишних полсотни лет. Новоявленный старец не стал ожидать продолжения комедии и отбыл с семейством в землю обетованную, коей для евреев всех стран тогда была Америка.

Путь деда и отца Арнольда Вагнера был усыпан отнюдь не розами, но терниями. И в тюрьме пришлось посидеть за мошенничество. Но благодаря настойчивости и неразборчивости в средствах своих предков Арнольд смог занять в обществе подобающее положение.

Отец Арнольда Вагнера не забыл оставленной в детстве милой родины и при первой же возможности завязал дружбу с Советским Союзом. Когда народные комиссары принялись распродавать сокровища церкви, Эрмитажа и прочую бижутерию типа золотых скифских сережек (пятого века до Рождества Христова, оценивались в пределах пяти фунтов стерлингов), то встретили непонимание и обструкцию со стороны акул империализма. Те упорно не хотели покупать по дешевке культурные ценности, награбленные народной властью у собственного народа.

Делалось это буржуями, понятное дело, с единственной целью — заморить голодом молодую республику советов. На помощь российским пролетариям прошел папаша-Вагнер. Он организовал сеть аукционов, на которых выстав- лял сокровища России по фальшивым документам. И дело пошло. Сам Ар- нольд также немало преуспел на ниве торговли антиквариатом, особенно краденными иконами и картинами из запасников уже советских музеев.

А с началом приватизации он и вовсе развернулся, скупив на корню несколько российских нефтехимических заводов-гигантов, в том числе и во- енного назначения. Мистеру Вагнеру очень нравилась политика российских властей — стелиться перед заграничными предпринимателями и души- ть собственных. Поэтому он очень любил Россию.

Господин Вагнер не любил Америки и постоянно это демонстрировал.

Он предпочитал все еропейское, в том числе и машины. Себя он считал культурным европейцем и очень гордился своей немецкой фамилией. Госпо- дин Вагнер любил повторять: "Америка отличается от кефира только тем что в кефире культура дрожжевая, а в Америке вообще никакой".

Его нью-йоркский особняк снаружи напоминал готический замок, а изнут- ри уменьшенный Лувр или Эрмитаж. Скорее последний, так как многие из картин ведущего советского музея перекочевали в его коллекцию.

Не раз директор Эрмитажа был близок и инфаркту, находя на месте картин Ботичелли, Рафаэля или Рубенса таблички "Картина на реставрации". Акции изъятия проводились, как правило, ночью по согласованию КГБ с Министер- ством культуры. Директора в известность не ставили.

Подлинной гордостью его особняка был вывезенный из Эрмитажа в семи- десятые годы Рыцарский зал. Всадники и кони в полном вооружении заполня- ли просторный холл. Сейчас господин Вагнер вел переговоры относительно эрмитажной коллекции "Малых голландцев", которой он собирался украсить кухню-столовую, выдержанную в голландском стиле, где внуки господина Ваг- нера вместо киндер-сюрпизов играли яйцами работы Фаберже.

Американских художников, всяких эрлов и бингемов, господин Вагнер не признавал. А когда однажды кто-то из гостей спросил его, почему у него нет картин Ремингтона, господин Вагнер с презрительной усмешкой ответил: "Предпочитаю Смита и Вессона".

Немудрено, что господин Вагнер имел самые тесные связи с русскими спец- службами. И был вовремя предупрежден о том, что его финансовые интересы, увязанные в настоящий момент с проталкиванием в Россию программы Юни- тел, находятся под угрозой. Он привык действовать быстро и решительно. Именно поэтому сейчас, сбросив ФБРовский хвост, он сидел в уютном ресто- ранчике в ожидании очень нужного ему человека. И тот, наконец, появился. Метрдотель проводил гостя к столику мистера Вагнера.

— Мистер Геймс, если не ошибаюсь? — начал господин Вагнер. — Очень рад. Ведь вы начальник Русского отдела Центрального Разведывательного Управления? Моя фамилия Вагнер.

— Можете не представляться, я вас узнал. Что вам угодно? — гость даже не старался скрыть своего раздражения.

— Расслабьтесь, здесь хорошая кухня, — посоветовал мистер Вагнер. Что будете пить?

— Мне все равно, — мистер Геймс по-прежнему держался настороженно.

Мистер Вагнер жестом подозвал официанта.

— А что вы посоветуете из вин?

— Из дорогих — красное бугундское "Романи конти" урожая восемьдесят пятого года, — расплылся тот.

Вино тут же принесли и официант плеснул немного в бокал мистера Вагнера. Тот покачал бокал, посмотрел на свет и отпил. Подержал немного во рту и поморщился:

— Нет, слишком молодо. Отошлите на кухню поварам.

— Но бутылка стоит восемь тысяч долларов, сэр!

— О, да, — вздохнул господин Вагнер. — Все сейчас так дорого... Вы чего-то ждете? Что еще можете предложить?

— "Шато латур" шестьдесят первого года.

Вагнер снова покачал бокал, посмотрел на свет, понюхал. Затем немного отпил и зачмокал. Наконец снисходительно кивнул:

— Да, это подойдет. А сколько оно стоит? Я не скряга, просто всему нужно знать цену.

— Всего три тысячи долларов, сэр, — согнулся в почтительном поклоне официант.

— Да, — снова вздохнул господин Вагнер. — И кто сказал, что деньги — мерило всему? Ложь. Какой букет! И почти даром. Прошу!

— Вынужден извиниться, такой стол не для меня, — отклонил угощение мистер Геймс. — У меня, знаете ли, почки.

— Ерунда. У всех людей почки, — слабо улыбнулся мистер Вагнер. — У меня, кстати, тоже с почками не все в порядке. Одну уже пришлось заменить. Мой врач, зануда, без конца твердит мне: нельзя то, нельзя другое. Но я живу один раз, и должен взять от жизни все, по максимуму. Я обычно отвечаю ему, что если я буду сидеть на диете и во всем себе отказывать, то мы оба умрем — он от голода, а я со скуки. На то и врачи чтобы лечить. Я предпочитаю использовать орган на все сто, а потом заменить его. Для этого у меня в Штатах, в Швейцарии и России собственные клиники, которые, в основном, занимаются трансплантацией органов.

Доход с них, откровенно говоря, небольшой. Очень уж они дорого обходятся. Но приходится идти на жертвы — вдруг опять самому понадобится.

Приятно быть человеком, который знает, где упадет и может подстелить там что-нибудь мягкое. В такие моменты ощущаешь себя равным самому Господу Богу.

— Это опасное состояние, — прервал напыщенную тираду Вагнера собеседник. — К тому же на поверку всегда выходит, что это не более, чем иллюзия и провокация врага рода человеческого. Но вернемся к делу. Зачем вы меня сюда пригласили?

— Сейчас объясню, — с готовностью поменял тему беседы господин Вагнер. — Очень любезно с вашей стороны было встретиться со мной. Надеюсь, вы приняли необходимые меры предосторожности? Ну и замечательно.

Тогда расслабьтесь, посмотрите, как здесь красиво. Вы здесь раньше не бывали? Я так и думал. Ведь с вашим русским другом господином Рудакофф вы обычно встречаетесь в другом месте.

Геймс вздрогнул.

— Я не...

— Перестаньте, не унижайте себя ложью или оправданиями. Я не требую от вас признания. В конце концов это ваш маленький гешефт. Просто хочу напомнить, что вы предатель. Это для того, чтобы вас не удивило мое предложение. Вам придется выполнить привычную работу. Но, разумеется, если вы будете согласны.

— Что я должен сделать?

— Вы должны будете передать своим русским хозяевам некую секретную информацию...

— Информацию или дезинформацию? — уточнил Геймс.

— Это не важно. Ваше дело — пустить ее дальше. И учтите, у меня имеется возможность проконтролировать ее прохождение по инстанциям русской разведки.

— А почему бы вам сразу не воспользоваться этими каналами?

— Перефразирую Екклезиаста: забота одних — собирать камни, забота других — сортировать их и оценивать. Собирать и передавать сведения должны одни службы, а делать из них выводы — другие. Информация, которую вы должны передать, не может возникнуть сама по себе в кабинете моего человека в Москве. Ее должны отправить вы, мистер Геймс. И чем быстрее, тем лучше. Иначе... Думаю, мне не стоит пугать вас, вы не ребенок. Даю вам время подумать. Целую минуту. Ну как, надумали?

— И что это за информация? — севшим голосом спросил Геймс. — Я же должен знать хотя бы общий смысл того, что передаю.

— Это фамилии. Фамилии американских шпионов, завербованных вами из числа сотрудников русской внешней разведки и федеральной безопасности. Кому же еще знать их фамилии как не вам, начальнику русского отдела ЦРУ? Что вы раздумываете? Вам же за это орден дадут и денег заплатят. Русские будут благодарны вам за работу, а родина — за то что вы не продали настоящих агентов. И овцы сыты, и волки целы.

— А не наоборот?

— Только так. Мы живем в эпоху, когда следует учитывать все факторы, даже самые противоречивые и незначительные.

Мистер Геймс нервно облизнул пересохшие губы:

— Вы что, хотите, чтобы этих людей расстреляли?

— Очень хочу, — признался господин Вагнер. — Но вряд ли это получится. Русские уже не расстреливают предателей. А жаль, так было бы гораздо надежнее.

В оконное стекло громко барабанили крупные капли холодного зимнего дождя.

* * *

В Москве по-прежнему мело и морозило.

Вернувшись к засаде, Крюков первым делом поинтересовался:

— Ну что, телефон, по которому сюда кто-то звонил прокололи?

— Так точно, — доложил дисциплинированный Птенчик. — Вот адрес.

Квартира принадлежит пенсионеру Финочкину. Он ее сдает каким-то парням.

— Давай-ка звякнем для начала, — Крюков принялся набирать номер. Может там вообще никто не живет?

— Засветимся, — предостерег Птенчик.

— Ни хрена.

В трубке слышались длинные гудки. Наконец ответил молодой, с хрипотцой, мужской голос:

— Смольный на проводе.

— Эй, старик, позови Джимми Хендрикса, — залепил Крюков первое что пришло в голову.

— У нас нет такого парня, — ответил неизвестный и повесил трубку.

* * *

В небольшой однокомнатной квартирке на тринадцатом этаже веселье было в самом разгаре. Телефонный звонок лишь на секунду привлек общее внимание. Трубку снял хозяин, а вернее съемщик помещения, хакер по кличке Бонза. Во времена появления этой азартной игры он просадил на нее целое состояние.

— Смольный на проводе, — по обыкновению представился он.

— Кого там? — глубоко затянувшись сигаретой с дрянью спросил его приятель Никсон.

— Хрен его знает, — Бонза в непонятке покрутил головой. — Какого-то Джимми Хендрикса. Наверно не туда попали.

— Если им действительно нужен Джимми Хендрикс, они точно не туда попали, — ухмыльнулся Никсон. — Здесь крепче дури и колес не употребляют.

Он вернулся к подружке, которая не сводила глаз с их третьего друга, Антона. Тот, в свою очередь, целиком погрузился в изучение информации, светившейся на компьютерном мониторе. Внезапно он встал и направился к холодильнику за очередной бутылкой пива. Девушка тут же заняла его место за компьютером. Никсон подошел к ней сзади:

— Эй, Мальвина, не влезай — убьет! — предупредил он.

Девушка была бы довольно привлекательна, если бы не зеленовато-голубой цвет торчащих в разные стороны волос.

— Но это же обычная игра. "Армагеддон", — прочитала она на экране монитора.

— Да, игра. Только не совсем обычная, — страшным шепотом сообщил ей Никсон. — Тут непонятно — кто с кем играет. Вроде ты кнопки нажимаешь, а она тебя тем временем зомбирует. Поиграла полчаса, потом берешь ножик, убиваешь соседку и снова садишься играть. И ничего не помнишь.

— А Антону почему можно? — с вызовом спросила Мальвина.

— Это кто тебе сказал, что мне можно? — Антон бесцеремонно приподнял ее со стула. — Я вот еще полчаса поиграю и пойду людей резать как тот Мяслик. Смотри, этой ночью мне не попадись. И вообще, вали в угол, развлеки Питера. Видишь, скучает человек.

— А кто он? Я его не знаю.

— Вот и познакомишься. Это наш лучший друг — нод из Питера. Они там своих хакеров нодами называют. А мы его зовем Питером. Давай, он не укусит. Тем более Питер — это то же, что Пьеро.

— А может мне как раз надо, чтобы укусил! — Мальвина хлопнула Антона по спине и разочарованно направилась в угол комнаты, где сидел питерский хакер.

— И вообще, надо говорить не "хакер", а "хэкер", — поправил Бонза.

Никсон наблюдал за этой сценой с явным неудовольствием.

* * *

В особняке Боженено царила темнота. Пространство вокруг ограды просматривалось инфракрасными камерами. В бывшем дворце Касьяна все окна были закрыты глухими ставнями.

Риф вошел в комнату связи. Здесь царил полумрак. Светились лишь экраны компьютерных мониторов и лампочки подсветки.

— Что случилось? — спросил он начальника группы связи.

— На конспиративную точку номер шесть, прибыл гонец из Нигерии.

Доложил по электронной почте. А телефон не отвечает.

— Хорошо, — ответил Риф. — Сегодня же пошлю связного для проверки.

Возможно обычная неисправность. Что еще?

— Точка снабжена спецкабелем и через "Армагеддон" имеет выход в малую пирамиду. Если это не "обычная неисправность", оборудование необходимо уничтожить, — сообщил начсвязи. — Оно ни в коем случае не должно попасть в чужие руки.

— Не волнуйся, — успокоил его Риф. — Я пошлю квалифицированного специалиста. Он сам на месте разберется и примет адекватные меры.

* * *

В квартире номер тринадцать снова зазвонил телефон. На сей раз трубку взял Питер.

— Антон, это тебя, — сказал он.

Антон выслушал короткое сообщение.

— Понял, уже выхожу, — ответил он и положил трубку, потом обратился к друзьям. — Мне надо отвалить. Срочное дело.

— Да? Ну тогда и я исчезаю, — капризно сообщила Мартышка.

— Я, пожалуй, тоже, — поддержал ее Никсон.

— Ну и валите, козлы, — обиженно протянул Бонза. — Мы с Питером лучше телок вызовем. — Да, Пит?

Но тот, видимо перебрав горячительного, уже дремал в глубоком кресле.

* * *

В засаде наметились первые признаки разложения. И протухла рыба как всегда, с головы. К ночи Крюков окончательно заскучал.

— Пора завязывать, — решительно заявил он. — Абрамыч обещал прислать Панченко на замену. Вокруг такие дела творятся! Тарелки летают маньяки свободно ходят! А мы здесь вчерашний день караулим. Табуретки на выносливость испытываем.

— А что тут плохого? — не согласился Грека. — Тепло, светло, табуретки новые, люди вокруг хорошие.

— Особенно твоя вдова, — съязвил Птенчик. — Но у нас с Крюком, в отличие от тебя, здесь родственников нет. Я согласен, командир, пора сваливать. Хоть сейчас.

— Тихо! — прошипел Крюков.

Снизу из гулкого колодца ночного подъезда слышались осторожные шаги. Человек осторожно поднимался по лестнице, стараясь не производить лишнего шума. Криминала в подобных действиях, конечно, не содержалось, но людей знающих такая манера настораживала.

Крюков знаками отправил подчиненных вместе с табуретками на верхнюю площадку. Он отвернулся, так как при виде крадущейся машины Птенчика и

мумия Ленина не смогла бы удержаться от смеха. Сам Крюков снова укрылся в тени мусоропроводной трубы. Где же еще спрятаться мусору как не рядом с мусором?

Неизвестный не заставил себя ждать. Голову его закрывала шапка-маска, на нем был надет черный бушлат армейского покроя и черные штаны, заправленные в ботинки с высокими берцами. Эдакий ниндзя в зимнем исполнении.

Бушлат был перехвачен широким ремнем, на котором крепилась поясная сумка и большой нож. В опущенной руке гость сжимал пистолет с глушителем.

Гость подошел к двери квартиры, возле которой больше суток торчали сыщики и она открылась. Причем он не стучал, не звонил и даже не произносил заклинаний. Скорее всего связался с временным жильцом по рации. Тут Крюков и покинул свое убежище.

Противник, услышав шум за спиной, резко обернулся. Черный набалдашник глушителя качнулся в сторону Крюкова, но в этот момент с грохотом горного камнепада с верхней площадки скатился Птенчик, а за ним правда с меньшим шумом, Грека.

Ночной визитер отвлекся лишь на долю секунды, но Крюкову хватило и этого, чтобы ударом ноги выбить у него пистолет. Тому пришлось отскочить от двери, чтобы не быть раздавленным массой Птенчика. Путь в квартиру был ему теперь закрыт.

— Держите дверь, — скомандовал Крюков.

Услышав шум, осажденный попытался было захлопнуть ее изнутри, но Птенчик так рванул ее на себя, что наверняка вывихнул бедняге руки из суставов. Грека крутился за спиной гиганта, не имея возможности прорваться к полю битвы.

Но битвы не получилось. Таинственный посетитель, не принимая боя скользнул к окну лестничной площадки и выхватил из ножен огромный нож с крупными зубьями по обуху. Крюков потащил из-под куртки свою главную артиллерию — двуствольный обрез. В критические дни этот предмет неизменно вселял в него чувство уверенности.

Противник взмахнул ножом. Раздался щелчок и из упора-ограничителя рукоятки вдруг растопырились крючкообразные лапы. Одну из лап он зацепил за железные перила лестницы и ломанулся спиной прямо в оконное стекло. Крюков успел заметить, что от массивного кольца в основании рукоятки ножа к сумке на поясе визитера тянется тонкий трос.

Через мгновение ночной посетитель исчез в ночной тьме и только колебания натянутого троса и сквозняк из разбитого окна говорили, что это был не бестелесный призрак.

Крюков извлек из кармана выкидной нож, щелкнул клинком и полоснул по тросу. Послышалось звяканье металла о металл.

— Стальной, зараза! Грека, кусачки! И в лифт!

Но и кусачки, которыми Грека с такой ловкостью перегрызал всевозможные провода, оказались бессильны. А прежде, чем Крюков сумел подналечь на них изо всех сил, натяжение троса ослабло. Это означало, что беглец достиг земли. В ту же секунду гостеприимно раскрылись двери подошедшего лифта.

— Отставить лифт, — распорядился Крюков. — Птенчик, как у тебя?

— В отличие от остальных Птенчику было, чем гордиться. СкОВанный наручниками черный постоялец нехорошей квартиры лежал носом вниз.

— Тащи понятых, приказал Крюков Греке. — Лучше поздно, чем никогда.

— Картина художника Лисснера "Выход поляков из Кремля", — блеснул интеллектом Грека. — Он там мышей и кошек не сожрал?

И отправился будить свою вдову.

Мышей и кошек осажденный не жрал. Зато на кухне Крюков обнаружил рассыпанные по столу среди черных пластиковых капсул с героином запасы крупы, растворимого кофе и сахара.

— Похоже он это все на сухую трескал, — предположил Птенчик. — Водичкой бы, что ли размочил. Плохо без электричества?

Пленный радостно закивал и ткнул пальцем в угол. Крюков заглянул за стул и увидел, что осажденный в поисках утечки электроэнергии развентил розетку. Та же участь постигла и остальные, кроме той, в которую был включен компьютер. Он был снабжен стабилизатором напряжения с аккумулятором, поэтому наркоторговец успел забить в память материал, с которым работал.

Теперь этот материал был перед глазами. На экране виднелись списки на английском языке, снабженные комментариями. Крюков посмотрел на атрибуты открытого файла. Цепочка была довольно странной. Сначала значилась сеть Юнител, затем шла надпись "Игра "Армагеддон", после нее "Апекс", замыкала цепочку "Малая пирамида".

Надпись внизу экрана спрашивала — собирается ли пользователь удалить программу. В этом случае вся информация могла быть уничтожена одним нажатием кнопки подтверждения. Крюков вовремя уловил движение пленника и торопливо нажал клавишу "N", то есть "нет". Списки на экране сохранились, но в углу появилась красная маска-табличка с надписью: "Информация строго конфиденциальная. У вас есть минута для подтверждения права пользования".

— Минутка!

Вирусная программа с таким названием уничтожала всю информацию на носителе, а также размыкала и заклинивала информационную цепь по прошествии одной минуты с момента предупреждения, если в нее не вводился условный код или пароль. После этого повторно войти в сеть с данного компьютера было уже невозможно. Поэтому ее часто использовали в качестве шифра для особо важных материалов.

Бытовало мнение, что "Минутку" изобрели яйцеголовые умники Юнитела для борьбы с конкурирующими сетями.

Крюков и Птенчик растерянно пялились на экран как два барана. Нигериец не скрывал детской радости.

— Он наверняка пароль знает, — высказал свое мнение Птенчик.

— Тогда спроси у него, — предложил Крюков. — Ты знаешь английский или суахили? По-человечески он вряд ли поймет. Скажи: "Акуна матата"!

— А что это значит?

— Хрен его знает. Может ругательство? Типа — ты бы мог быть моим сыном, если бы я тогда забыл надеть презерватив. Ну, короче, маму твою... По звукам очень похоже.

— Тогда лучше не говори. А если на языке жестов спросить?

— Как это?

— Ствол ко лбу приставить. Может поймет?

— Не поверит. Нашего так расколоть еще можно, а эту табуретку черного дерева — хрена.

"Бум! — сообщила надпись на мониторе. — Армагеддон. Конец света! Вы проиграли и ваш мир уничтожен!"

Крюков плюнул и выключил ставший ненужным прибор. В прихожей слышались голоса приглашенных Грекой понятых.

* * *

Пока делали обыск, составляли протокол и доставляли пленника в ближайшую ментовку, где имелась камера, пока приехали в родную контору отписываться и отчитываться о проделанной более чем за сутки работе бесконечно долгая ночь подошла к концу. Большие напольные часы в кабинете начальника пробили шесть часов. Крюков упал на продавленный диван в секретарской и пригрозил:

— Кто разбудит меня раньше восьми, тот получит большую сладкую конфету. Во всю пасть.

Но разбудили его через минуту. Бледная физиономия дежурного и глаза "по пятаку" исключали возможность розыгрыша. У стоявших рядом Птенчика и Греки морды лица были не лучше.

— Полчаса назад наш дом рвануло, — сообщил Птенчик. — Только что в сводке передали.

— Какой наш? — не понял спросонья Крюков.

— Где мы в засаде сидели, — пояснил Грека трясущимися губами. Весь дом рухнул. Это что же, выходит, я теперь в натуре вдовец?

— Как это могло случиться?

— Рвануло в подвале, — пояснил дежурный. — То ли газ, то ли чеченцы. Вы там ничего подозрительного не углядели?

Все трое в растерянности pokrутили головами.

— Не было там ни газа, ни чеченцев, — ответил за всех Крюков. Негр был, мы его повязали. Связник приходил, мы его благополучно упустили. До него "Двойка нападения" подъезжала. Они не могли бомбу заложить? Стой! Был взрыв, только не реальный, а виртуальный. Компьютерная игра "Армагеддон". Бум! И конец света.

— Иди на хрен, я серьезно.

— Да куда уж серьезнее. Очень не нравится мне эта игра, — процедил сквозь зубы Крюков.

* * *

В тот же день мистер Геймс встретился со своим куратором — резидентом Службы Внешней Разведки России в Нью-Йорке полковником Рудаковым, после чего тот отправил в Центр зашифрованное сообщение. Оно сопровождалось следующим адресом: "Господину Иванову Р — 78 — 51299 — 91 111 — 121". Это означало следующее:

Господину ИВАНОВУ (в 1-е управление — Северная Америка) Р (разведданные) — 78 (от источника) — 51299 (декабрь 99-го года) — 91 (агентурный источник) — 111 (абсолютно надежен) — 121 (источник работает в правительственных кругах).

Само сообщение было архиважным. Оно содержало ряд фамилий сотрудников ГРУ, СВР и ФСБ среднего и высшего звена, завербованных за последнее время американской разведкой. Его источником был сам начальник русской службы ЦРУ мистер Геймс.

Рудаков работал нелегалом всю жизнь. Он прошел резидентуру в Иране и Пакистане. Не раз ездил с рискованными заданиями в Афганистан. В нью-йоркскую резидентуру его перетащил Асташков, когда возглавил внешнюю разведку.

Надо сказать, когда Асташков ознакомился с положением дел во вверенной ему отрасли, у него волосы встали дыбом. Кадры бойцов незримого фронта на девяносто процентов состояли из номенклатурных сынков, настолько зажавшихся, что справиться с ними не мог и грозный Андропов.

Асташков попробовал укрепить наиболее ответственные участки. Одним из его назначенцев и стал полковник Рудаков. Весь аппарат внешней разведки был разбит по корпоративному принципу на региональные группы — "мафии". Были ближневосточная, западноевропейская, латиноамериканская и другие мафии. Для североамериканской мафии Рудаков был чужим.

Встретили его на новом месте в штыхы. До него Нью-Йоркскую резидентуру возглавлял Герой Советского Союза полковник Шнопак. Судьба его была очень показательна для того времени.

Во время учебы в "Лесной школе" Шнопак был в числе лучших учеников отправлен на стажировку в Западную Германию, где на заводе фирмы "Сименс" получил специальность механика по обслуживанию и ремонту кухонного оборудования. Это и стало его первой специальностью разведчика. Вернувшись домой и успешно сдав выпускные экзамены, он приступил к сервисному обслуживанию импортной кухонной техники высшей партийной номенклатуры. При этом он, разумеется, числился лейтенантом, а затем досрочно получил звание старшего лейтенанта КГБ.

Мастер из Шнопака был никудышный, но полезными связями он обзавелся и через два года опасной и нелегкой службы получил направление за океан. Работа нелегала в цивилизованной стране походила на жизнь наследного принца. Сплошные права и никаких обязанностей. Время от времени Шнопак отправлял на родину ценную развединформацию — то статью из научно-популярного журнала, то пленки с записью болтовни консульской obsługi.

Подлинной находкой для Шнопака стал господин Вагнер. Миллиардер часто появлялся на посольских приемах. Шнопак сразу понял, что если сумеет склонить Вагнера к сотрудничеству, то это будет вербовка века.

Он проявил недюжинную смекалку и энергию. Казалось, это совсем не сложно. Вагнер сам охотно шел на контакт. Шнопака даже удивляло, что такая гениальная мысль — завербовать Вагнера — не пришла никому в голову до него. Он даже кличку ему подобрал — агент "Вашингтон". От предчувствия близкой победы уже кружилась голова. Энтузиаст пришел в себя только когда понял, что сам плотно сидит у Вагнера на крючке.

Сначала он хотел прыгнуть в Гудзон с моста имени все того же Вашингтона, но потом передумал. И не пожалел.

Для начала господин Вагнер помог русскому другу приобрести за бесценок ракету "Скайуиндер". Шнопак на этой "секретной" сделке еще и наварил, слупив с любимой родины за покупку втрое против рыночной цены. Затем Шнопак сумел "добыть" чертежи не менее секретного гидролокатора. Апофеозом его деятельности стала покупка комплекта чертежей и технологических карт атомного подводного ракетносца типа "Джордж Вашингтон". Это имя стало для него просто фатальным.

За чертежи Шнопак был представлен к золотой звезде Героя Советского Союза и вскоре назначен резидентом. Первый гром грянул, когда технари пришли к выводу, что Шнопак геройским трудом добыл чертежи гидролокатора образца тысяча девятьсот сорок второго года. Тогда его спас скандал, разразившийся неделей раньше в Западноберлинской резидентуре. Тамошние орлы, рискуя жизнью, привезли в Москву увеличенные в три с половиной раза чертежи пылесоса. Управление не в силах было снести еще одну пощечину и дело Шнопака замяли.

Но когда построенная по образу и подобию "Джорджа Вашингтона" советская субмарина сначала едва не сгорела, а потом, после нескольких серьезных аварий, затонула со всем экипажем, звезда Шнопака закатилась. Шнопак получил пожизненную кличку "Иван Вашингтон".

Сначала его хотели перевести на преподавательскую работу, но руководство пришло к выводу, что никаким положительным опытом полковник Шнопак поделиться с курсантами не может по причине отсутствия такового. Тогда его вернули в Нью-Йорк кадровиком в консульство. И здесь ему помогла связь с Вагнером.

Рудаков взялся за работу всерьез. И лучшим подтверждением правильности его назначения была вербовка начальника Русского отдела ЦРУ Олдриджа Геймса. Шнопак же ничего не забыл и ничему не научился. Он тайком пил по ночам водку и считал виновником всех своих бед полковника Рудакова.

Неожиданно для всех, и, в первую очередь, для самого себя, Шнопак был вызван в Москву. Сначала он был введен в аппарат президента России, а в скором времени занял пост одного из его помощников. Снова сработали связи Вагнера. Официально он занимался прессой и имиджем. Из недр его службы и вынырнул ставший незаменимым имиджмейкером президента парикмахер Марат Тоцкий.

Сам Шнопак был мастером организовать застолье и быстро приобщился к роли придворного шута. Случалось ему испытывать и монарший гнев. Так во время дружественного визита президента в братскую Сибирь Шнопак сильно достал владыку своими приколами и был по его приказу сброшен за борт с высоты третьей палубы в холодную енисейскую пучину.

Для спасения ценного специалиста в десятиградусную воду пришлось ны-

рять генералу Павлову и Рифу, служившим тогда в президентской охране. С тех пор и завязалась их тесная дружба со Шнопаком.

Рудаков был несказанно удивлен, когда встретил Шнопака у дверей консульства. Такие встречи вернее стаи черных кошек сулили беду.

* * *

Контрразведчик или оперативник, как правило, встречается со своим агентом или доверенным лицом на конспиративной квартире, где выслушивает и записывает его сообщение, после чего дает ему новое задание и по мере необходимости инструктирует. Разведчику такая роскошь недоступна.

Завербовав агента, он общается с ним как можно реже, в основном через тайники. Единственной формой прямого контакта для них остается "МП" моментальная передача контейнера с информацией или заданием. Поэтому полковник Рудаков был просто поражен, когда его агент Геймс позвонил ему по телефону и открытым текстом сообщил:

— Нам необходимо срочно встретиться. Минус два на обычном месте.

Это означало, что Геймс будет ждать его в метро, где они до этого никогда не встречались, и идти на встречу следует немедленно. Рудаков оделся и спустился в гараж. Для подобных экстренных целей он держал мотоцикл — на нем проще было уйти от преследования, а вид немолодого байкера ни у кого удивления не вызывал.

Через пять минут Рудаков был на платформе. Геймс ждал его. Подошел поезд. Они вошли в вагон через разные двери и как бы невзначай уселись рядом. Конспирация не Бог вещь какая, но иногда важнее выиграть время. Сейчас, похоже, был именно такой экстренный случай.

Рудаков профессиональным взглядом окинул почти пустой вагон. Их попутчиками были трое белых парней — типичная шпана из Бруклина или Южного Бронкса, явные наркоманы. Поэтому другие пассажиры не стремились попасть в один вагон с ними, а попав, тут же переходили в соседние. Но Рудаков давно перестал бояться местных хулиганов. Видимо и Геймса они тревожили куда меньше, чем принесенные им новости.

— Вы уже отправили мое сообщение? — спросил он.

— Да.

— Вот дерьмо! Не нужно было этого делать!

— Почему? — нахмурился Рудаков. — Это дезинформация?

— Да. Я подозревал, что он...

— Кто? — перебил агента Рудаков.

— Вагнер. Он заставил меня передать фамилии сотрудников российских спецслужб как моих агентов.

— Вагнер! Я так и знал, — Рудаков выругался сквозь зубы. — Интересно, чем эти люди ему помешали? Или могут помешать? Я с самого начала был уверен, что вагнеровский Юнител — самая настоящая афера. А теперь он решил утопить всех, от кого можно ждать неприятностей. Но он забыл внести в список меня!

— Может быть и не забыл, — мрачно проговорил Геймс. — Когда мы с ним прощались, я прицепил ему микрофончик. Решил послушать. И услышал нечто ужасное: он собирается сдать меня. И, соответственно, вас. Следующим этапом он хочет подсунуть через меня точно такую же дезинформацию на сотрудников ФБР, которые слишком плотно стали его опекать. Он задумал ка-

кую-то провокацию вселенского масштаба... Криминальный Армагеддон. Но почему он думает, что, когда меня возьмут, я не назову его имя и не расскажу тем же ФБРовцам все, что знаю о нем самом?

Рудаков вздохнул:

— У меня на это только один ответ — список этих имен найдут в кармане вашего трупа... Или моего, что вернее.

Он не договорил. Два хлопка слились в один. Шприц-стрела со слоновьей дозой снотворного попал ему в плечо. Второй такой же вонзился в спину Геймса. Он успел заметить как трое "бруклинских наркоманов" рванулись к ним. Отключаясь, он услышал русскую речь. Или ему это только показалось?

Наутро все газеты пестрели сенсационным сообщением:

"Вчера в вагоне подземки был найден мертвым начальник Русского отдела ЦРУ Олдридж Геймс. Он был убит ножом, с особой жестокостью. В его кармане обнаружен список сотрудников ФБР, работающих на русскую разведку. Рядом с телом Олдриджа Геймса полиция задержала русского атташе по культуре мистера Рудакофф с окровавленным ножом в руках.

Русский дипломат, как и полагается русскому, был сильно пьян. Ему предъявлено обвинение в умышленном убийстве Олдриджа Геймса. Видимо в самое ближайшее время мистер Рудакофф будет объявлен "персоной нон грата" и выслан из страны.

Сотрудники ФБР, перечисленные в списке Геймса, отстранены от работы, расследованием их деятельности занимается специальная комиссия.

Вероятно им будет предъявлено обвинение в шпионаже. Это сотрудники ФБР Роберт Мерфи, Джон Уиндем, Чарлз Спенсер и другие (всего восемнадцать фамилий)".

Прочитав эту заметку, полковник Рудаков прекратил паковать свои чемоданы и закрыл глаза.

"И так, ФБР обезглавлено. Похоже, в наших спецслужбах сейчас творится то же самое, — подумал он. — Одному Богу известно, что сейчас творится в Москве".

* * *

Участковый инспектор московской краснознаменной милиции капитан Мурашов органически боялся начальства. Кроме незаслуженных разносов и втыков он не видел от него иных знаков внимания — ни тебе очереди на квартиру, ни путевки в Сочи.

Поэтому он предпочитал пребывать на своем опорном пункте, находившемся в самом сердце спального микрорайона Годуново или на объекте — непосредственно в жилмассиве этого самого микрорайона. Заходя в родное отделение милиции, он старался сделать свои дела и исчезнуть как можно быстрее и незаметнее. Он был рабочей лошадью системы правопорядка, причем изрядно ею заезженной.

Но сегодня день был особый. Последний день службы. Приказ уже подписан, с завтрашнего дня он свободный человек. Ему уже поступило с десяток предложений от местных коммерсантов относительно дальнейшей работы. Мурашов проработал на своем участке десять лет и как облупленных знал не только алкашей и хулиганов, но и членов серьезных группировок. Будучи мужиком честным и принципиальным, но не нахрапистым, он пользовался авторитетом среди людей самого разного уровня и социального положения, по-

этому сейчас испытывал уверенность не только в завтрашнем, но и в послезавтрашнем дне.

Не успел Мурашов войти в отделение, как его заметил дежурный:

— Что, Петрович, сегодня гуляем отвальную? Не зажмешь?

— Обижает, гражданин начальник, вечером жду всех в "Зеленом змие", — отмахнулся было участковый, но дежурный не отставал:

— Тебе тут под занавес халтурка одна перепала. Ребята из спецухи звонили, квартиркой одной интересуются. Квартира номер шестьсот шестьдесят шесть в тринадцатом доме. Тьфу, — дежурный сплюнул через левое плечо и едва не перескрестился левой же рукой.

— Это в "Красном" что ли?

Дом получил свое название из-за цвета балконов. Во всех соседних домах они были голубыми.

— В "Красном", — подтвердил дежурный. — Что там у тебя, притон?

Спецуха просто так носом крутить не станет. Или не владеешь информацией? Эх ты, пенсионер!

— Да знаю я, — махнул рукой Мурашов. — В десятом подъезде и на тринадцатом этаже. Там два пацана квартиру снимают. Хотя какие они пацаны — в армии уж отслужили. Семью заводить пора, а у них все гулянки на уме.

— Притон, что ли, держат? — сдвинул брови дежурный.

— Да какой притон. Так, пошумели пару раз, соседка заявление накатала. Проверил документы.

— Не черные?

— Да нет. Наши. Один москвич, другой из Питера. Регистрация в порядке.

— А то смотри, с черными поостороже, — напутствовал дежурный. — Про взрыв дома слышал? Говорят — чеченцы сработали. Поступила установка проверить бесхозные подвалы и чердаки. Выполняй!

Мурашов поспешно вышел на улицу.

"Ну вот, блин, нашел напоследок работенку на свою жопу. Может плюнуть? — подумал он. Но привычное чувство долга одержало верх. — А ладно, устрою дембельский аккорд. Схожу посмотрю. Лишь бы в конторе не торчать".

* * *

Напротив десятого подъезда "Красного" дома стояла синяя "копейка" с прожавевшими крыльями. В квартире шестьсот шестьдесят шесть на тринадцатом этаже, согнувшись над клавиатурой компьютера, сидел Бонза.

На экране компьютерного монитора засветилось название игры: "Армагеддон". Бонза нажал на "Enter".

"У вас есть минута, чтобы подтвердить правомерность доступа"- сообщила надпись в углу экрана.

Бонза ввел пароль и надпись исчезла. Его пальцы забегали по клавиатуре. Это было проворство пианиста или карманного вора. На экране монитора замелькали картины Армагеддона — грядущей битвы, которая ознаменует собой конец света.

На Бонзу со всех сторон наседали чудовищные танки с башнями в форме черепа. Их поддерживала целая армия скелетов-роботов. С багрового неба на него со свистом пикировали самолеты-штурмовики, похожие на птеродактилей с перепончатыми крыльями и метали атомные ракеты.

Бонза двигался прихотливым маршрутом. Он уничтожал не всех врагов, а

только некоторых, известных одному ему. При этом двигался он в строго определенной последовательности. Наконец на экране появилась надпись "Апекс. Вход в Малую пирамиду". Он удовлетворенно фыркнул:

— Слышь, Антоха, я за полторы минуты до "ворот" дошел. Мой личный рекорд. А тебе слабо? — сообщил он приятелю, развалившемуся позади него в глубоком кресле с беломориной в зубах.

— Отвянь, вислоухий. Достал своей игрой.

По особой манере держать беломорину, зажав между большим и указательным пальцами, горящим концом строго вверх, и по специфическому запаху нетрудно было догадаться, что Антон зашмалил косячок дури и помаленьку тащится. Поэтому Бонза не обиделся и не стал приставать к товарищу, а целиком погрузился в работу. При этом он бубнил вполголоса:

— Так, мы в Малой пирамиде. Что у них на входе? Защитная программочка "файрволл"? Обходим, вошли в "СУНФС". Так, имеем "юзерс френдли"- подсказочку для тупых. Теперь выбираем дичь пожирнее.

Сейчас картинка на экране монитора ничем не напоминала игру. Это были какие-то списки. Имена, цифры, малопонятная информация на английском языке. Наконец Бонза оторвался от блуждания среди компьютерных сетей:

— Секи, Антоха, вот подходящий кабан. Дэн Торнтон, сорок восемь лет, работает в аппарате президента Клинтона. Бабок — немерено. Думаю, если мы с его куста баксов немного сострижем, штук этак по десять на рыло, он даже не почешется. Как считаешь?

— А если почешется? — лениво поинтересовался Антон.

— Никаких проблем! — отозвался Бонза. — Перекидываем бабки, — он разговаривал сам с собой и при этом двигал курсором по очередному списку, — на счет посреднической фирмы... Вот! Эта подойдет. Теперь оттуда перебрасываем... Куда? А вот куда! На счет салона эротического массажа "Либиδο-ленд". Есть! Теперь пусть чешется. Сейчас ребятам из аппарата Клинтона только еще одного скандала на сексуальной почве не хватает. Порядок. Теперь эти бабки можно брать.

— А не стремно? — Антон сделал глубокую затяжку.

— Ни в коем разе, — ухмыльнулся Бонза. — Я же их не сразу на твой счет положу, а пропущу сначала через банк на Каймановых островах, а потом через очень хитрую контору. А к тем ребятам лучше с вопросами не соваться. Могут нос прищемить по самые яйца.

— Мафия, что ли? — предположил Антон.

— Вроде того... Шабаш, Антоха, бабки на твоём счете, — Бонза потянулся и откинулся на спинку стула. — Можно идти обналичивать и пропивать. С наступающим!

— До него еще дожить надо, — хмуро проговорил Антон.

* * *

12

Ирина перехватила Крюкова прямо возле его конторы.

— Хорошо, что ты мне встретился, — сказала она. Есть дело. Семен просил заказать в церкви заочное отпевание.

— Как это заочное? — удивился Крюков, запуская двигатель рябухи и трогаясь с места. — Без Бога или без попа?

— Заочное — это когда без покойника.

— Понятно, — Крюков, из последних сил борясь со сном рулил в потоке Садового кольца. — То есть поп в таком случае говорит Богу: "Господи, прими душу раба Твоего такого-то, ибо за него уплачено. Я покойного, правда, и в глаза не видел, но видел кассовый чек. Аминь", — Крюков грустно вздохнул. — Воистину, берегитесь засолки фарисейской!

— Засолки? — удивилась Ирина.

— Ну закваски, какая разница. Кстати, ты в курсе, что самоубийцы не отпевают?

— Это как попросить. Подумай об этом хорошенько, ибо просить будешь ты. Вот аргументы, — Ирина сунула в карман крюковской куртки пять долларовых бумажек.

— Предлагаешь Бога подкупить или слугу Божьего в соблазн ввести? — усмехнулся Крюков. — Ну-ну. Нам, комсомольцам, это как два пальца облизать. Одно слово — развеем религиозный дурман и посрадим ханжество церковников. Вон крестики светятся. Заглянем?

Войдя в церковь и перекрестившись, они оказались прямо перед витриной со всевозможной церковной атрибутикой и литературой.

— Театр начинается с вешалки, храм — с прилавка, — вполголоса заметил Крюков.

За прилавком маячила черная бабка весьма зловещей внешности.

"Ей бы не в церкви, а в избе на курьих ногах сидеть", — отметил про себя Крюков.

— Мы хотели бы заказать заочное отпевание, — сказала Ирина.

— Поздно, уже отпевают. Завтра приходите, — отрезала ведьма.

— Завтра нам будет некогда. Может быть сегодня оформим? — попросила Ирина.

Черная бабка как будто сжалилась, водрузила на нос очки и взяла замусоленную тетрадку.

— Свидетельство о смерти принесли? — сурово, как на допросе, спросила она.

— Мы не знали. А зачем?

— Зачем-зачем! Вас не спросили. Значит так надо! Имя усопшей.

— Галина.

— Возраст, — продолжала ведьма свой допрос.

— Лет тридцать пять...

— А что такая молодая? Какая причина смерти?

— От СПИДа, — сообщил Крюков.

— Самоубийство, — одновременно с ним выпалила Ирина.

— Да вы что, очумели? — зашипела старуха. — Самоубийцу пришли отпевать! Креста на вас нет! А ну пошли вон из храма!

— Это на вас креста нет, — сказала старой ведьме Ирина. — Вы же в церкви, Богу служите, а такая злая...

— Вам бы в мавзолее работать, — заметил Крюков и, игнорируя дальнейшие бабкины завывания, обратился к Ирине. — Кто тебя за язык тянул?

— Богу надо правду говорить, — возразила она.

— Во-первых где ты тут Бога увидела, — Крюков покрутил головой. А, во-вторых, я и сказал правду. Если бы не СПИД, Галина не умерла бы.

А в-третьих, — кто бы говорил! Пятнадцать минут назад ты сама меня уговаривала дать взятку священнослужителю! Ладно, поколбасили дальше.

Тем временем отпевание закончилось. Сладкогласный речитатив сменился вдруг диалогом на повышенных тонах. Из резких замечаний Крюков сумел понять, что попы по небрежности отпели не всех, кто был оплачен.

И теперь родственникам усопшего Михаила, накладная которого упала под прилавок, да так и осталась там лежать, настоятельно советовали воспользоваться не востребованными освященными материалами безвременно почивших Толяна и Коляна.

— Мы сейчас имя перепишем, а Михаила вашего завтра отпоем, — предлагал благочинный. — Какая вам разница?

Но безутешные родственники Михаила почему-то не соглашались.

Шум послышался и со стороны церковного кануна. Там бдительный храмовый служака застукал прихожанку, совершившую тягчайшее по нынешним временам преступление пред Богом — грешница натыкала и зажгла свечи не купленные здесь же в лавке, а принесенные с собой.

Крюкову невольно припомнился главный лозунг развитого социализма:

"Приносить и распивать строго запрещается". Злодейка пыталась оправдаться тем, что свечи были куплены ею в церковном магазине "Софрино" напротив храма Христа Спасителя.

— Вот и катись в храм Христа Спасителя! Они на бюджете сидят, им бабки девать некуда, а у нас каждая копейка на счету! — напутствовал злостную разрушительницу патриот местной святыни, выдергивая ее свечи из подсвечников.

— Смотри, как он добр к этой грешнице, — отметил Крюков. — А ведь мог и по шее надавать. Несомненно прав был Господь, изгнав из храма торгующих. Но времена поменялись. Торгующие вернулись в храм и поперли оттуда Его. Причем всерьез и надолго. Блаженны приватизировавшие Царство Небесное, ибо у них ключи от входа. И от дверей склада.

— Где деньги лежат?

— Где опиум для народа лежит. Аминь.

— Не "опиум для народа", темнота, а "опиум народа", — поправила Ирина. — Пошли отсюда. Здесь на дверях следует повесить табличку: "Бога нет, когда придет — неизвестно. До второго пришествия по всем вопросам обращаться к коммерческому директору".

— Ладно, сектантка, переговоры сорваны, едем дальше, — сказал Крюков, когда они сели в машину и двинулись дальше. — Только теперь я буду договариваться сам. Твоя дипломатия обойдется нам значительно дороже пятисот долларов. Так где тут дорога, ведущая к следующему храму?

— Не ищи, — Ирина захлопнула атлас московских достопримечательностей, по которому Крюков безуспешно пытался отыскать ближайшую цер-

ковь. — Я знаю одного священника, который отпоет бедную Галину без бюрократической волокиты.

— А что же ты сразу про него не вспомнила?

— Боюсь, что из-за своих принципов он давно расстрижен или валит лес в какой-нибудь отдаленной обители. Но попробовать поискать его можно. Поехали.

По дороге они, понятное дело, обсуждали вопросы веры и религии.

— Я думаю, если бы Иисус Христос пришел к нам сегодня, его снова казнили бы по приговору святейшего синода под аплодисменты публики, — убежденно заявил Крюков. — И единственные, кто заступились бы за него это наши всеми оплеванные правозащитники.

— А что бы ты хотел? — печально усмехнулась Ирина. — Ведь Он пришел бы к бомжам, проституткам, наркоманам. Ко всем тем, кого наша церковь в лучшем случае предпочитает не замечать. Когда священник взасос целуется с сильным мира сего, он перестает служить Царю Небесному и становится рабом князя тьмы. Третьего, к сожалению, не дано.

— Уж не хочешь ли и ты завести шарманку насчет конца света? — с опаской поинтересовался Крюков.

— Наоборот. Я уверена, что эта сатанинская, рабская конструкция размером в одну шестую часть земной поверхности не сегодня-завтра развалится и люди здесь смогут, наконец, жить как подобает людям, а не скотам. Все, приехали, заворачивай в этот переулок, — указала Ирина.

Первое, что они увидели, была не сама церковь, а нелепая постройка из шифера.

— Что это за дворец? — поинтересовался Крюков у бомжеватого на вид типа, который с весьма довольным видом вышел из дверей шиферной избушки.

— Дворец не дворец, а кормят нормально, — хмуро отозвался тот окинув машину и самого Крюкова неодобрительным взглядом. — Хочешь попробовать? Боюсь, ты от нашей шамовки рыло отворишь. Рябчиков и икры тебе вряд ли подадут.

— И не надо, у меня диета — три раза в день сто грамм водки и огурец. До и вместо еды, — охотно пояснил Крюков.

Бомжеватый усмехнулся, на этот раз куда дружелюбнее.

— Этого здесь тоже не водится. А жаль. Столовка тут бесплатная.

От церкви, значит. Отец Николай тут руководит.

— Отец Николай? — переспросила Ирина. — Ну слава Богу, он на месте.

— Это точно, на своем месте, — поддержал ее собеседник. — Там он, в церкви.

Церковь была небольшая и явно нуждалась в ремонте. В притворе были сложены трубы строительных лесов, в левом приделе стоял массивный металлорежущий станок, так и не вывезенный предыдущими владельцами помещения. И хотя икон в храме было немного, а стены и потолок не сверкали золотом и яркой росписью, Крюков испытал вдруг необъяснимое чувство присутствия Бога. Причем не только в храме, но и в себе самом.

В храме пели. Певчих было только двое, мужчина и женщина, но они стояли целого хора. Никогда в жизни Крюков не слышал ничего подобного.

Это пение переворачивало все внутри его сознания, убирая из него темное и вынося на свет Божий все лучшее. Еще чуть-чуть, почувствовал Крюков, и

он будет не в состоянии выстрелить даже в самого отвратительного ублюдка.

Он не выдержал и вышел на улицу. Посмотрел на милые сердцу морды сограждан, послушал их лай, втянул носом привычный запах испражнений организма большого города. И ему полегчало.

Когда он вернулся в церковь, служба уже закончилась. Ирина разговаривала со священником. Тем самым, что выступал по телевизору в дискуссии по проблеме двухтысячного года.

— Мы хотим заочно отпеть мою подругу, отче, — сказала она.

— Сказать вам, что я думаю о заочном отпевании? — спросил священник.

— Не стоит, мы и сами догадываемся. Что-то вроде коллективной исповеди. Вы знаете, отче, она покончила жизнь самоубийством. Некоторые считают этот грех смертным.

— Самоубийство есть следствие смертного греха — уныния, — пояснил отец Николай. — Но тот, кто смеет осуждать за это, сам впадает в другой смертный грех — гордыню. Судить — прерогатива Господа. Я не вижу причин отказать вам.

— Но это может не понравиться вашему начальству, — вставил реплику Крюков.

— Я служу не начальству, но Богу, — ответил священник.

— Странно, что вас еще терпят. Впрочем, у меня похожая ситуация.

Сколько это будет стоить? — поинтересовался Крюков.

— У меня не магазин по продаже таинств, прейскуранта нет. Вон стоит банка для пожертвований. Положите сколько сможете. К сожалению по причине моей строптивости наш храм финансируют по остаточному принципу. Не подумайте, что я жалуясь. И спонсоры у нас есть, только специфические. Слишком часто их отпевать приходится.

— А я и не подумал, — Крюков переглянулся с Ириной и опустил в банку пятьсот долларов. Потом подумал и добавил сто рублей от себя.

На улице он едва не прослезился от сознания собственной праведности, но вовремя вспомнил, что праведник не может манкировать служебными обязанностями. А он так и не провел оперативную установку по адресу, откуда кто-то звонил прошлой ночью на квартиру наркоторговца.

Крюков развернул бумажку с адресом:

"Дом тринадцать, квартира шестьсот шестьдесят шесть. Это называется ирония судьбы", — подумал он и не поленился трижды плюнуть через левое плечо.

* * *

Риф по-хозяйски расположился в кресле Касьяна в его особняке.

Вместе с усадьбой он унаследовал и наркобизнес покойного авторитета.

И до сих пор прав на касьяновское наследство у него никто не оспаривал.

В дверь сунулась лохматая яйцеобразная голова одного из ипсилоновских гениев-программистов. Вчера Риф дал ему задание вычислить канал утечки денег с касьяновских счетов.

— Есть, шеф, я его засек! Снял тридцать штук. У нас пока недостача не замечена. Но даже если это не наши бабки, то дело еще хуже — нас подставляют. Тот, у кого их увели, обязательно будет их искать и придет за ними к нам.

— Вора вычислили? — спросил Риф.

— Да, вот его адрес. Это в районе Годуново. Я рядом живу, это место хорошо

знаю. Такой дом с красными балконами. Дом тринадцать квартира шестьсот шестьдесят шесть.

— Как ты сказал? — Риф встревожился не на шутку. — Ладно, все равно молодец. Получи почетную грамоту, — Риф отсчитал несколько сто долларовых купюр.

Когда дверь за лохматым гением закрылась, Риф встал и нервно прошелся по комнате. Дело принимало очень неприятный оборот. Внезапно он остановился. Его взгляд замер на лежащем на столе огромном ноже, украшенном мощной пилой по обуху клинка.

"Неужели придется лезть в эту грязь самому"? — с неудовольствием подумал он.

* * *

Участковый инспектор Мурашов вошел в десятый подъезд тринадцатого дома и спустился в подвал. Металлическая дверь была закрыта на большой амбарный замок. Женщина из домоуправления осталась стоять на верхней ступеньке.

— Что там? — грозно спросил Мурашов.

— Откуда я знаю? — сотрудница домоуправления замахала руками. — Ну тебя, Петрович. Я что теперь, за каждого арендатора должна отчитываться? Склад там. От магазина запчастей.

— Проверить бы надо, — неуверенно проговорил Мурашов.

— Как ты проверишь? Соображаешь, что ты говоришь? Ну сиди и жди здесь, когда хозяин придет. Может он неделю не появится.

— А если открыть и посмотреть? — настаивал Мурашов.

— С ума сошел? Под суд захотел? У меня ключа нет. Давай, ломай замок.

— Но я же должен проверить! — Мурашов давно не попадал в такую идиотскую ситуацию. Он и сам не понимал, чего от него хочет начальство.

— Тебе велели проверить бесхозные подвалы и чердаки, — втолковывала ему дама из домоуправления. — А здесь все в порядке. Хозяин имеется.

Не будет же он свой собственный склад взрывать.

— А что я в рапорте укажу?

— То и укажешь, что бесхозных помещений на твоем участке нет. Все при деле. Никаких бомжей и наркоманов, — женщина тяжело вздохнула. Петрович, скажи честно, это точно бомбы ищут? А то, может, опять налоговая под нас копает на предмет — кто за аренду сколько получает? Так у меня все честно, я же всегда вовремя плачу. Ты меня знаешь.

— А, катитесь вы все, — Мурашов без особого энтузиазма подергал замок и двинулся на выход. — Ладно Зинаида, возвращайся в свой ЖЭК. А мне еще тут квартиру на тринадцатом проверить нужно.

* * *

В квартире на тринадцатом этаже кипели страсти.

— Не тяни! Иди обналичивай бабки! — наседал на Антона Бонза. — Я свое дело сделал!

Антон наконец докурил травку, неохотно поднялся и стал обуваться.

— Слушай, а что стесняться? — вдруг замер он с одним ботинком в руках. — Чего мелочиться по дичке на рыло, если все равно не найдут?

Давай по полтинничку снимем!

— Нельзя, — покрутил головой Бонза. — Те крутые ребята, через чью фирму

я бабки прогнал, не должны ничего заподозрить. Тридцать штук баксов — это мелочь, они на нее и внимания не обратят, если это не из их кармана утекло. Проверено. А если у них мимо носа полторы "кати"

проедут, точно заинтересуются, вычислят и хвост прищелят. А уж тогда придут сюда и горло перережут.

Бонза за компьютером не заметил, что Антон ушел и продолжал свои странненькие разъяснения:

— Если бы не этот отдельный, но неприятный недостаток, я бы уже на мерсе раскатывал. Но — никак нельзя. Заметят, вычислят, придут и попишут, причем так, что ты и сам не заметишь. Вот так ты сидишь, ничего не подозреваешь, а дверь распахивается и врывается...

Дверь резко распахнулась и в комнату ворвался взъерошенный сосед Бонзы, с которым тот делил снимаемую площадь, питерский хакер Питер.

— Где Антон? — с порога спросил он.

— Только что тут был, — отозвался Бонза. — Видно только что свалил.

Странно, что ты его не встретил.

— Сам ушел, а тачку оставил?

— А он недалеко. Тут рядом, за углом. Бабки пошел обналаживать.

— Какие бабки? — глаза Питера сузились. — Ты что, опять, сука, в "Армагеддон" лазил? Я же тебя предупреждал. Нас всех из-за твоих копеек перережут! Брать надо один раз и много! И сваливать. А ты, козел нас под нож подставляешь! Считаю допрыгался!

— Да ладно, кончай, Питер, — вытаращился на него Бонза. — Перепугал до смерти! Я же немножко! Я больше не буду!

— Поздно! Сматываться надо, зажопили нас! Информация стопроцентная. Через пять минут здесь будет море крови. Хочешь убедиться? Тогда оставайся.

При этом Питер лихорадочно бросал в спортивную сумку свои вещи.

— Ну ни хрена себе! — расстроился Бонза. — А я телку пригласил!

Скоро прийти должна. И бабки за квартиру за три месяца вперед уплатил а теперь отсюда сваливать?

— Ты что, не понял? — Питер даже растерялся от такой непосредственности. — У нас минута на сборы! А ты о какой-то телке болтаешь! И бабки, между прочим, за квартиру отстегнул мои. Лучше подумай, куда двинем? К Антону?

— Куда же еще? Но его надо подождать... И Валька приканает.

— Нет, у тебя совсем крыша течет, — тяжело вздохнул Питер. — И как долго ты здесь светиться собираешься? Звони Антохе на пейджер и давай ключи от его тачки. А из-за бабы твоей нас точно заметут.

Уже в машине Питер спохватился:

— Ты компьютер выключил? Или так в "Армагеддоне" и оставил?

— Да, в малой пирамиде, — уныло протянул Бонза. — Но я не пойду!

Хочешь — сам иди выключай. Да ты не ссы, Пит. Там же "Минуткой" заминировано. А кода кроме меня никто не знает. Я от Антохи через Юнител попробую войти в свой аппарат и замкнуть информацию.

Питер сплюнул в окно и дал газу. Он едва не задел человека в черной куртке и вязаной шапке, лица которого нельзя было рассмотреть за поднятым воротником.

И уж конечно никто не смог бы рассмотреть длинного ножа с пилой по обу-

ху, который тот скрывал под курткой.

* * *

Участковый инспектор Мурашов поднялся на тринадцатый этаж дома номер тринадцать и остановился возле квартиры с шестьсот шестьдесят шесть. Дверь была приоткрыта. Это показалось участковому странным. В Москве, несмотря на всем известное столичное гостеприимство, не принято оставлять дверь нараспашку. Он покашлял и заглянул в прихожую.

— Есть кто дома? — культурно поинтересовался он.

Никто не ответил. Мурашов позвонил в соседнюю квартиру. Ему открыла чем-то сильно недовольная старуха в фартуке. Инспектор поздоровался и представился.

— Скажите, а где ваш сосед слева? — спросил он.

— Что он мне, брат или сват? Я его сторожить не нанималась, — в ворчании старухи отчетливо прозвучала ветхозаветная тема. — Сдал он свою квартиру, а сам у бабы живет. В Кузьминках где-то. Мне не докладывает.

— И кто сейчас здесь проживает? — продолжал инспектор.

— А я почему знаю? Молодые какие-то. Может бандиты, а может эти челноки какие. Кто их разберет? Шумят, таскаются туда-сюда. Зайди к ним сам, да спроси!

С этими словами она захлопнула дверь перед самым носом инспектора и припала к дверному глазку в ожидании продолжения. Участковый обзвонил остальные квартиры на этаже, но там то ли никого не было, то ли открывать не решались. Милицейскую форму сегодня любой бандит надеть может.

У Мурашова была альтернатива. Он мог оставить дверь открытой и сходить за понятыми на другой этаж или войти в квартиру один, без понятых. Поиски понятых могли затянуться на неопределенно долгое время поэтому он толкнул дверь и вошел. За спиной послышался тихий шорох любопытство заставило соседку выйти из квартиры и на приличной дистанции последовать за участковым. Он не стал закрывать дверь в квартиру.

"Пусть хоть издалека наблюдает, — подумал Мурашов-какой-никакой а свидетель".

Он вошел в прихожую. В квартире было тихо. Упавший на пол мужской зонт и сдвинутый половик свидетельствовали об экстренной эвакуации здешних жителей. Похоже, в квартире действительно никого не было. Но что-то сильно тревожило участкового. Что? Соседка замерла за входной дверью, войти она побоялась. Мурашов напряг слух, но ничего не услышал. Что же ему не нравилось? Запах!

В затхлом и прокуренном воздухе квартиры ощущался специфический запах "травки". Но не это встревожило участкового. Что-то примешивалось к нему такое, что заставило его нервы собраться в комок. Терпкий запах свежей убоины! Мурашову уже приходилось ощущать такой запах на скотобойне, а также на человеческой бойне в Грозном и Самашках.

Инспектор шагнул в комнату. Здесь также царил беспорядок. На столе в углу стоял включенный компьютер. А в центре комнаты лежало тело женщины, судя по одежде, скорее девушки. Пол вокруг нее был залит кровью.

Мурашов поспешно рванулся вперед. В этот момент скрип за спиной заставил его напрячься. Еще не повернув головы, он понял, что убийца сзади. Участковому необходимо было сделать немного: открыть кобуру извлечь из

нее пистолет, снять его с предохранителя, передернуть затвор, направить оружие в сторону подозреваемого, предупредить его голосом о применении оружия, в случае неповиновения сделать контрольный выстрел, а там можно и стрелять. Лучше по ногам, на худой конец — на поражение. И на все эти процедуры у него оставалось ровно полсекунды.

* * *

13

Крюков остановился возле подъезда и окинул взглядом уходящие в высь ряды красных балконов. Других красных домов поблизости не было.

Он вошел в лифт, поднялся на тринадцатый этаж и нос к носу столкнулся с растрепанной старухой. Крюков в совершенстве владел искусством оперативной установки, которое, главным образом, сводилось к умению запудрить мозги объекту установки и его соседям. В голове Крюкова с компьютерной быстротой защелкали комбинации:

"Кем прикинуться на этот раз? Сантехником, бродячим фотографом или работником собеса? Главное, чтобы никто не догадался, что ты мент".

Старуха в упор посмотрела на Крюкова:

— Ты из милиции?

Хороший вопрос и, главное, вовремя. Типа: "Пал Андреич, вы шпион"?

— Ммм... — Крюков замялся. — Как вам сказать...

— Быстро примчался! Я же только что позвонила. А ты что, один?

Без автомата, без бронежилетки? Ну-ну, гляди, тебе жить, — и старуха исчезла за дверью соседней квартиры.

Дверь в шестьсот шестьдесят шестую была приоткрыта. Как в мышеловку. Интересно, что именно имела в виду бабка?

В квартире Крюков внимательно огляделся. В прихожей имело место легкая неразбериха. Эдакая картина Ван-Гогена "Дети, сбежавшие от грозы". При чем сбежали они весьма поспешно. Испугались? Значит было чего.

В комнате что-то мягко упало. Сбежали не все? Крюков проявил природное любопытство и пошел посмотреть — что там зашумело. Может люди?

Его ожидания оправдались, в комнате были люди. Их было трое. Из них двое мертвых и один живой. На полу в лужах крови лежали тела девушки и капитана милиции в форме. Человек в черной куртке как раз подтаскивал их поближе друг к другу, чтобы уложить покомпактнее.

"Не иначе — ждет еще кого-то и хочет, чтобы всем места хватило.

Хороший хозяйственник", — отметил про себя Крюков.

Человек в черном разогнулся и в лоб Крюкову уставился ствол пистолета. Неизвестный процедил сквозь зубы:

— Грабли в гору!

Крюков дисциплинированно поднял руки и спросил:

— Я только пописать зашел. Извини, но у тебя было не заперто. Ты не подкажешь, где тут можно отлить?

— Ща уссышься прямо здесь, — утешил его человек с пистолетом.

Его рука со стволом находилась от Крюкова удручающе далеко. Как город на Каме из фильма "Детство Горького": не достать руками, не достать ногами. Крюков рассмотрел оружие. Оно ему сильно не понравилось.

"Не "макаров". Похоже "гюрза", бронебойный, — определил он. — Хорошо,

что я броник не надел. — Только зря бы парился”.

— Ты кто? Мент? — спросил человек в плаще.

— Нет, я простой советский труженик. Такой же как и ты. Не мент не негр и не еврей. За что же ты хочешь меня убить? Я почти что твой брат. Неужели ты выстрелишь в брата?

— Еще как выстрелю, — заверил человек с пистолетом. — А могу и пером почикать, как этих. Выбирай, что больше нравится.

— И пальцы тянутся к перу... Нет уж, лучше мне умереть от переедания. Что скажешь?

— Веселый ты, — отметил убийца. — Прямо клоун. Тебя бы вместо Петросяна по ящику показывать!

По суженным зрачкам парня Крюков понял, что тот недавно укололся поэтому расположен немного поболтать. Но только ненадолго. Скоро кайф кончится.

В правой руке убийца сжимал пистолет, левой поигрывал длинным окровавленным ножом, усаженным по обуху крупными зубьями.

— Знаешь, сюда за вход — рупь, а за выход — жизнь. Эти уже заплатили. Теперь твоя очередь, — ухмыльнулся маньяк.

Крюков развел поднятыми руками:

— Это хорошо, что выход не за деньги. Мне, честно говоря, даже за вход платить нечем, я деньги дома забыл. Так что давай считать, что я и не входил.

— Я тебе сделаю исключение, — утешил его убийца. — День открытых дверей. Но только в одну сторону.

В этот момент его внимание привлек шум за окном. Он бросил быстрый взгляд на улицу. Крюков даже дергаться не стал, по скупым, но точным движениям убийцы он определил, что имеет дело с профессионалом.

— Твоя мусорня прибыла, — сообщил тот Крюкову. — Но ты, легаш, не радуйся. Тебе уже никто не поможет. Лови пулю — стреляю!

— Замри! Последнее желание можно? — попросил Крюков.

— Валяй. Какое?

— Желая в репу тебе дать. Один раз, но сильно.

— Наглеешь? Борзый ты, как я погляжу. Что, смерти не боишься?

— А что, прикажешь тебя, что ли бояться, сопля оборзевшая? Ты из этого шпалера хоть раз стрелял? У него отдача знаешь какая? Так что ты в меня пади сначала!

— Ща попробую!

По глазам убийцы Крюков определил, что период эйфории у того кончается. Первые признаки растущей тревоги и раздражения были налицо.

Это состояние следовало усугубить. Крюков продолжал:

— А сам застрелиться не хочешь? Один хрен тебе кранты. Через пять минут сюда войдет СОБР и начнет тебя мочить. А через пять с половиной — кончит.

— На хрена я буду лоб подставлять? — ухмыльнулся убийца. — Я же не дурак. Я дурак со справкой. Башка у меня контуженная. Так что сначала я тебя до кучи замочу, а потом янычарам сдамся. Мой дом — "Серпы"[3].

Подлечусь и выйду. Не в первый раз. Душевнобольной я, неменяемый. А вас, мусоров, резал и буду резать. Как в книжке "Дембель режет ментов".

— Ладно, ментов ты не любишь. А девка в чем провинилась? — поинтересовался Крюков. — Песком в тебя бросалась? Нет, ты не душевнобольной а

просто мудака по жизни. Таких в раннем детстве убивать надо, чтобы воздух не портили.

Убийца заводился прямо на глазах. Ему уже требовалась очередная доза. Его рука с пистолетом начала немного дрожать, глаза забегали.

— Попробуй! — прорычал он. — Может я и мудака, только я буду жить, а вы все подохнете! И ты первый.

* * *

Риф сидел в за рулем черного "лексуса". Машина стояла в пробке возле Белорусского вокзала, когда засигналил мобильник. Риф поднял трубку:

— Слушаю!

— Не узнал?

— Спицын, ты? — оживился Риф. — Ну что, морда КГБшная, все в полковниках бегаешь? Что поделаешь, это твой потолок. Шестеркам генеральских званий не присваивают. За помощь спасибо, выручил.

— Можно без фамилий?

— Не бзди. Моя линия защищена.

— А моя нет.

— Ты что звонишь? — поинтересовался Риф. — Надыбал ценной информации или просто бабки кончились?

— И информация для тебя есть, и бабки мне не помешают. Только что ОМОН с СОБРОм обложили Мясника в квартире жилого дома. Оттуда ему не уйти. Он взял заложников. Двух ментов и девку. Кого-то из них уже убил.

Риф сделал вид, что сильно удивлен:

— А почему ты мне об этом сообщаем? Что это вдруг тебя Мясник заинтересовал? Я слышал, ты в комиссию по проблеме двухтысячного года пристроился? Не пойму, какое отношение Мясник имеет к концу света? И причем здесь я? Или ты думал, что я и есть Мясник и хочешь проверить мою реакцию? Тут ты что-то спутал. Я к этому не имею ни малейшего отношения. Извини, я сейчас занят. Звони.

Риф отключил связь и заскрипел зубами:

"Проклятье, только этого не хватало!"

Полковник ФСБ Спицын тоже раздраженно бросил трубку. Он нервно прошелся взад-вперед по комнате и остановился перед книжным шкафом где на одной из полок в виде украшения лежал огромный нож с чудовищными зубьями по обуху.

* * *

В прихожей хлопнула дверь. Крюков оглянулся на шум. Дверь в комнату распахнулась и в нее вломилась пара молодых балбесов в камуфляже бронежилетах и с автоматами. Из тех, которые долго не живут, потому что это скучно.

— Всем лечь на пол! — заорали они, вместо того, чтобы сразу стрелять на поражение.

Убийца перевел ствол на ближайшего из бойцов. Крюков почувствовал — сейчас пули "гюрзы" с бронебойным сердечником прошьют обоих спецназовцев навывлет вместе с их бронежилетами и вдобавок попортят стену позади них. Придется ее штукатурить и переклеивать обои. А это нынче дорого. Допускать этого было нельзя.

Крюков нырком рванулся к убийце. Тот быстро поменял цель и выстрелил

в него. Как и предвидел Крюков, пуля прошла выше и он сумел перехватить вооруженную пистолетом кисть. При этом ударом ноги он выбил нож из левой руки маньяка. И тут понял, что погорячился. Выкручивать или заламывать такую руку — с этим же успехом Крюков мог бы попытаться заломить лошадиную ногу или корень дуба. Палец убийцы потянул спусковой крючок. Крюков понял, что пацанам однозначно — кранты.

Предохранитель!

Дело в том, что пистолет "гюрза" снабжен не одним, а двумя предохранителями. Одна кнопка на спусковом крючке, другая — на задней стороне рукоятки. Такое оружие не выстрелит ни от удара о землю, ни в случае, если кто-то случайно зацепит спусковой крючок. Чтобы произвести выстрел, нужно плотно сжимать пистолет в руке.

Согнутой фалангой среднего пальца Крюков врезал по предплечью убийцы там, где проходил нерв мышцы-разгибателя большого пальца. Хватка мощной кисти с пистолетом сразу ослабла. Убийца снова и снова пытался нажать на спусковой крючок, но основание парализованного большого пальца не могло оказать на заднюю кнопку предохранителя необходимого давления. Крюков не остановился на достигнутом.

Он врубил убийце свой коронный апперкот в голову. Таким ударом он отправил в нокаут своего старого знакомого — чернокожего ФБРовца Роберта Мерфи в боксерском поединке на Всемирных играх полицейских и пожарных в Стокгольме. Тот Мерфи был очень похож на своего однофамильца актера Эдди Мерфи, загримированного под Майка Тайсона.

Затем Крюков одной рукой подхватил убийцу за ногу и рванул кверху, а локтем другой резко толкнул под нижнюю челюсть. Звон разбитого стекла смешался с криком удивленных СОБРовцев. Убийца перевалился через подоконник, взмахнул ногами и исчез.

— Надеюсь, оцепление внизу уже выставили, — с надеждой предположил Крюков. — А то рухнет как снег на голову. Эти засранцы-маньяки только и ищут, чтобы человек хороший попался. Ну что, будем считать, что теперь дело Мясника закрыто. Или опять "продолжение следует"?

* * *

С улицы послышался звук упавшего тела. СОБРовцы все еще в недоумении глядели на Крюкова.

— Это был Мясник? — спросил один из бойцов.

— Похоже он. Его перышко, — Крюков нагнулся над хорошо знакомым ножом с пилой по обуху и металлическим кольцом в основании рукоятки. А что, грифы-стервятники из убойного отдела уже прибыли?

— Внизу ждут, — ответил боец.

Крюков получил, наконец, возможность спокойно осмотреться. На тела, лежащие на полу, он старался не обращать внимания, с ними разберутся ребята Шабанова. Он подошел к столу, на котором стоял невыключенный компьютер и лежали некоторые интересные предметы.

— Эй, орлы! — позвал Крюков. — Гребите сюда. Вот, обратите внимание: видите шприц-тюбик? Это ваше внеочередное звание. Похоже, наш потрошитель им кололся. Шабанову обязательно покажите, он его очень заинтересует. Пусть разбирается. Сто пудов за то, что СПИДовый маньяк и Мясник — это два флакона в одной упаковке.

Крюков наклонился к компьютеру и засветил экран. На нем показалась уже знакомая картина — опять списки людей и какие-то данные на английском. Крюков собрался было просмотреть их, но как только прикоснулся к кнопке, в верхнем углу экрана появилась красная маска с предупреждением:

"Информация строго конфиденциальная. У вас есть минута для подтверждения права пользования".

— Снова "Минутка"!

Крюков плюнул и стал обреченно ждать, пока вирус закончит свое черное дело и экран снова засветился. Но этого не случилось.

"Бум! Армагеддон! Конец света! — сообщила надпись. — Вы проиграли.

Он снова проиграл. Компьютер безнадежно завис. Самое лучшее, что можно было теперь с ним сделать, это переформатировать винт или использовать прибор в качестве подставки под цветы.

Крюков плюнул еще раз и повернулся к бойцам:

— А теперь выходим, закрываем дверь, и вы начинаете ее ломать.

Скажете — вошли, а маньяка уже нет дома. Упорхнул, ведь ночью за окном темно, а она улетала все равно...

— А ты?

— А меня вообще здесь не было, — Крюков посмотрел на часы. — Я в настоящий момент встречаюсь со своим особо доверенным лицом в вестибюле "Театра имени трех хохлов" — Станиславского, Немировича и Данченко.

— Что это, блин? — один из бойцов ткнул пальцем в экран.

Крюков обернулся. На экране вроде бы намертво переклиненного компьютера засветилась надпись:

"Я еще вернусь. Я бессмертный. Мясник".

— Нет, это никогда не прекратится, — обреченно, — с тоской подумал Крюков и двинулся к выходу.

* * *

В окне одной из лабораторий "Центра крови" допоздна горел свет.

Телефонный звонок оторвал Марию от работы и заставил посмотреть на часы. Ничего себе, засиделась! Лидка в своем кабинете не брала трубку.

Наверно уже ушла. Мария неохотно оторвалась от микроскопа.

— Слушаю.

Голос был мужской, незнакомый. Вероятнее всего измененный.

— Запомни, сучка, разинешь пасть — на куски разрежу, — сказал он.

— Кто это? — Мария была в недоумении.

— Мясник.

Вслед за этим слышались короткие гудки. Мария тоже положила трубку. Она не могла понять, что имел в виду неизвестный. Скорее всего того больного, что лежал у них в платном отделении. Его палату охраняли неразговорчивые парни с автоматами, а лечил таинственного пациента проходящий врач из отделения хирургии.

Дверь в кабинет резко распахнулась. Мария вздрогнула от неожиданности. На пороге стояла Лидка. Ее покачивало. Мария с изумлением поняла, что ее подруга и коллега пьяна.

— Что с тобой? — спросила она. — Я думала, что ты уже ушла.

— А, ерунда, — Лидка отмахнулась. — Расслабилась немного. А ты что-то с лица сбледнула. Съела что-нибудь? На, запей.

— Она протянула Марии бутылку мартини и громко икнула. Мария взяла у нее бутылку и поставила на стол.

— Мне сейчас звонил какой-то урод, — сообщила она подруге. — Назвался Мясником и велел молчать. Иначе обещал, что разрежет на куски. Ни фига себе, пионерская клятва!

— И молчи, — посоветовала Лидка и снова икнула. — А я не буду. Надоело!

— Успокойся, сядь! — Мария усадила Лидку на кушетку. — Говори, что ты знаешь! Кто этот Мясник?

Лидка дотянулась до стола, ухватила бутылку и сделала могучий глоток вермута.

— Помнишь того хмыря, что от Галины анализы привозил? Его Антоном звали. Зовут. У которого анализы на ВИЧ положительными оказались? Так вот. По-моему про друга он наврал, его это анализы.

— Я это знаю...

— Ну и не перебивай! — пьяно обиделась Лидка. — Так вот, я с ним пару раз встречалась. Нет, не трахалась. В кабаке посидели, потрепались. Очень он мне не понравился.

"Логично, — подумала Мария, — встречаться с человеком, который тебе очень не нравится".

— Он показался тебе странным? — спросила она.

— Нет. Он показался мне страшным. Когда в кабак забежали легавые и стали проверять документы, он протянул мне тяжеленный сверток и велел спрятать. Я его еле засунула в сумку рядом с зонтиком.

— И что это было?

— Никогда не догадаешься, — лидкина улыбка сияла торжеством. — Огромный нож! С одной стороны острый как бритва, я едва не порезалась, а с другой кошмарная такая пила. Я такой ножик видела потом в криминальной хронике, когда убитого Мясника показывали. Больше я с Антоном не встречалась. Только знаешь, что я думаю? — Лидка перешла на страшный шепот, каким дети рассказывают кошмарные истории. — Я думаю, что он и есть Мясник.

— Ты же говорила, что Мясника убили, — не поняла Мария.

— Ха, деревня! Кантри! Ты свой ящик хоть иногда включаешь? После того случая Мясник еще четверых раскрошил. Убьешь его, как же! У этого Антона и глаза как у убийцы, зрачков совсем нет. А потом зачем, думаешь, его мент приходил искать? Сама же мне говорила. Я Антоше потом брякнула, он сильно обосрался. Тоже пугал насчет язык за зубами.

— Слушай, хватит, — Мария прервала поток буйной фантазии подруги. Мне домой пора. Ты идешь?

— Не, я попозже. Пойду к себе в кабинет. Вздремну часок. потом двинусь.

Мария подождала, пока дверь за Лидкой закрылась и сняла трубку телефона. Визитная карточка Крюкова лежала под стеклом. Он отозвался сразу же:

— Крюков на проводе.

— Это Мария. Вы были в нашем "Центре исследований крови". Помните? Вы интересовались одним человеком, фото его показывали. Только оно совсем непохоже. Я бы хотела вам кое-что рассказать.

— Готов встретиться хоть сейчас.

— Нет, сейчас уже поздно, — возразила Мария. Давайте завтра. Я вам сама позвоню.

* * *

Чтобы добраться от "Центра исследований крови" до остановки автобуса, нужно было пересечь довольно обширный, засыпанный строительным мусором и заросший бурьяном пустырь. Сейчас все препятствия прятались в сугробах, но между ними отчетливо извивалась утоптанная тропинка.

Через пустырь шла девушка в недорогой шубе. Фонарей вокруг не было, но снег отражал свет окон далеких домов. Где-то невдалеке отчетливо скрипнул снег. Девушка остановилась и прислушалась. Крутом, как ей показалось, не было ни души. Но так ей только показалось.

Две тени быстрым шагом двигались за ней следом. Девушка снова оглянулась и теперь разглядела преследователей. Она бросилась бежать ежесекундно проваливаясь в снег и оскальзываясь. Тени тоже прибавили шагу. Расстояние между преследователями и жертвой быстро сокращалось.

Они почти нагнали ее, когда впереди в белесом мраке вдруг резко обозначился силуэт. Девушка приняла его за одного из грабителей и без сил упала на снег. Но и преследователи замерли. Они явно были озадачены ничуть не меньше своей жертвы.

— Ты что за хрен? — поинтересовался у незнакомца один из них. — А ну сдрихни по-быстрому!

— А ты что, газет не читаешь? — рассмеялся тот в ответ.

В его руке сверкнул длинный клинок ножа, усеянный по обуху острыми зубьями.

— Блин, Мясник, что ли?! — выдохнули грабители одновременно.

Незнакомец не ответил. Одним прыжком он приблизился к противникам. Тот, что стоял спереди, грязно выругался и потянул из кармана тулупа облезлый ТТ. Взмахом ножа Мясник перерубил ему высунувшуюся из рукава руку в запястье словно топором, вместе с суставом. Вторым ударом он практически отсек грабителю голову. Тот кулем рухнул на землю.

Его напарник тем временем отступил немного назад. В его руке раскрывшимся веером замелькал тусклый металл. Сначала половинка рукоятки, затем клинок. Длиной он лишь немного уступал ножу Мясника, но был значительно уже.

Это был нож-бабочка — болизонг. В умелых руках он представлял большую опасность, а грабитель, вне всякого сомнения, имел опыт работы с боевым ножом. Он вытянул вперед левую невооруженную руку. Нож он держал прижатым рукояткой к правому боку, острием вперед, в сторону противника. Позиция немудреная, но при хорошей реакции и отработанных навыках она обещала успех.

Мясник перехватил свой нож обратным, "иньским" или "испанским"

хватом. Он прижал клинок к предплечью и тот слился с его правой рукой причем острие доставало почти до локтя. Грабитель сделал обманное движение и нанес молниеносный прямой укол в корпус. Мясник заблокировал удар предплечьем с прижатым к нему клинком. Ножи встретились с лязгом.

Острие болизонга грабителя пропахало рукав куртки на плече Мясника. Сам Мясник неуловимым движением кисти полоснул лезвием своего ножа по его руке, рассекая мышцы волнообразным разрезом от запястья до локтя и дальше по плечу. Тем же движением, завершая выписывать прихотливую кривую, Мясник концом лезвия располосовал горло противника. Через секун-

ду тот упал на тело своего сообщника, заливая его и себя собственной кровью.

Мясник повернулся к девушке. Она уже пришла в себя, но сидела неподвижно в ужасе от происходящего. Казалось, она навеки утратила дар речи.

— Вставай, — он похлопал девушку по щекам. — Эй, примерзла, что ли?

Поднимайся!

— Кто это? Антон? — она наконец отвела глаза от трупов и едва слышно проговорила. — Ты их... убил?

— А ты что, сама не видишь? Или тебе справка о смерти требуется?

— Спа... Спасибо... — еле слышно произнесла она.

— Не за что, — Мясник схватил ее за воротник и погрузил клинок в тело. Потом снова и снова.

При этом края его располозованного ножом противника рукава разошлись и в разрезе мелькнуло плечо с татуировкой — весело оскаленный череп с крыльшками по бокам и буквы: "ОШБОН..."

* * *

14

Крюков очень расстроился из-за того, что Мария перенесла встречу на завтра. От ее информации могло зависеть очень многое. Но при этом он не пренебрегал и менее ценными источниками, поэтому, как и обещал бойцам СОБРа, двинул по театрам, в одном из которых рассчитывал перехватить одного знакомого говоруна.

Став коренным москвичом, Окике Марафет пристрастился к худшим порокам столичных жителей, в частности к театру, завел кучу знакомых среди сценической богемы и таскался по премьерам. Не у "Трех хохлов" и не сразу, но Крюкову удалось поймать Марафета на выходе из небольшого но очень модного театра-студии и привлечь его внимание сигналом клаксона. Марафет сел к нему в рябуху и оскалил все свои сорок четыре зуба.

— А, масса капитан! Давно не виделись!

— Что скажешь? — спросил Крюков вечного студента.

— Не знаю-не знаю, — Марафет сделал в воздухе пальцами неопределенный жест. — Не люблю я этой современной драматургии и не понимаю.

Инвалид войны и его больная мать три часа выясняли отношения. Исключительно матом. В конце все блюют в оркестровую яму и умирают. Кошмарная трагедия.

— А имя автора не Шекпир? — поинтересовался Крюков. — Сюжет на "Гамлета" смахивает, когда его Сантя и Мантя смотрели.

— Нет, автора зовут Сергей Федоров. Талантлив как Мольер и работоспособен как Лопе де Вега.

Не знаю, никого из них не сажал. А теперь разъясни: кого ты нам подсунул? Что это за землячок твой такой там сидел и кто к нему в гости заходил? На редкость скромные ребята. Но что самое интересное — кто же, все-таки дом взорвал?

— Я сам ничего не понимаю, — покачал головой Марафет. — Раньше поставки героина контролировал Касьян. Но недавно, где-то с месяц назад появились эти, новые. Касьяна с тех пор никто не видел и ничего о нем не слышал. Новые пока ведут себя тихо, но подгрести под себя касьяновский бизнес. Наши нигерийцы уже вовсю на них работают.

— Твои люди среди них есть?

— Есть, — печально вздохнул Марафет. — Мой племянник Абдулла. Молодой, глупый. Говорит — хорошие бабки платят. Больше, чем при Касьяне.

Он в Америке жил, пока его не выслали.

— За что?

— Он в банк уборщиком устроился, чтобы секретные банковские коды узнать. Его поймали, когда он залез в главный компьютер банка. Мы, нигерийцы, лучше всех в мире делаем две вещи: торгуем наркотиками и взламываем компьютерные программы.

— А я думал, что в этих делах самые лучшие — это мы, русские, — удивленно пожал плечами Крюков.

— Ты ошибался, но теперь ты знаешь правду, — заверил его Окике. Хочешь докажу?

— Я тебе и так верю, давай к делу. Что это за новая группировка?

— Пока не знаю.

— Узнай. Я буду ждать. Куда тебя подбросить?

— Давай в центр, — распорядился Марафет. — Там разберемся.

"Неужели снова передел сфер?" — думал Крюков. — Снова война? С чего бы?"

Причин могло быть три: первая — на рынке труда появилась новая сила, вторая — на рынке предложения появился жирный кусок, ради которого стоит повоевать, и, наконец, третья — появилось и то и другое.

* * *

Высадив Марафета, Крюков принял твердое и неуклонное решение ехать домой и как следует выспаться. Но тут, как всегда не вовремя запищал его мобильник. Звонила Ирина:

— Ты где? Не забыл, что взял халтуру на дом? Семен уже выдал первую пачку денег.

— В таком случае конвертируй их как можно быстрее и жди меня.

— Конвертировать доллары? — удивилась она. — Во что?

— Во что хочешь. В коньяк, водку, джин, лосьон "Свежесть"! Хорошему человеку все на пользу.

Через полчаса Крюков вошел в знакомую квартиру. Башенные часы украшавшие когда-то кабинет Геббельса, встретили его звоном курантов.

Крюков устроился в любимом кожаном кресле с низкой спинкой в стиле "сталинский ампир".

— Я уже почти жалею, что втравил тебя в эту историю, — признался он.

— С чего бы ты так быстро изменил свое мнение? — Ирина налила ему крепчайшего кофе-эспрессо темной французской обжарки с привкусом дыма.

Крюков потянул носом горячий аромат.

— Это дело воняет политикой. А я не Штирлиц, политикой не занимаюсь.

— С чего ты взял?

— Что я не Штирлиц?

— Что здесь замешана политика.

— Как сказал бы Глеб Жеглов, мафия — это дракон о трех головах: преступность, большие деньги и политика.

— А мафия-то здесь причем?

— Не так давно я передал компетентным органам маньяка-потрошителя,

условно именуемого Мясником. Он обещал, что вернется. И вернулся.

— И что здесь странного? — не поняла Ирина. — Обычное дело — дал взятку, его и отпустили.

— С того света не отпускают даже за очень большую взятку. Сегодня я передал тем же компетентным органам второго потрошителя-Мясника.

Этот пообещал то же самое. И я ему почему-то верю и не удивлюсь, если он снова появится. Альтернатива — проще некуда. Либо нужно поверить в зомби, вурдалаков и прочую сверхъестественную чушь, либо здесь имеют место мафиозные дела, и маньяк — только верхушка айсберга. Боюсь, мы сами не поняли, с чем столкнулись. А когда пойдем, поздно будет.

— Хорошо, допустим это так. Но давай по порядку, — Ирина села напротив него.

Крюков одним глотком выпил обжигающий напиток.

— Во-первых подтвердилась информация относительно СПИДового террориста. Все так и было, как предполагал Семен. Ходит какой-то недоносок и колет в толпе шприцом с зараженной кровью. Предположительно своей собственной.

— А причем тогда Мясник?

— У второго Мясника я нашел шприц-тюбик.

— И тоже с кровью?

— Нет, с дозой героина. Но он из той же партии. Можно сказать рядом лежали. В одном кармане.

— Хорошо, дальше.

— У обоих Мясников на левом плече была татуировка. Череп с крылышками и надпись "ОШБОН-Кургай".

— Что это значит? Название банды или секты?

— Вроде того. Это значит Отдельная штурмовая бригада оперативного назначения ВДВ. Раньше говорили: "особого назначения". В недалеком прошлом — элитный спецназ войск КГБ. Кургай — место их дислокации. Я чисто случайно узнал, что в службе безопасности семенова банка служат бывшие бойцы этого подразделения. И в банке же на презентации Галине была сделана смертельная инъекция. Круг замкнулся.

— Значит Мясник работает в охране банка. — Закончила за него Ирина. — К тому же вероятно он болен СПИДом.

— Молодец, — похвалил ее Крюков. — Мешок урюка тебе от Ленина. Остается поднять результаты анализов крови сотрудников "Ипсилона" и Мясник у нас в кармане. Особенно если учесть его редкую группу крови.

Нормально, Холмс? Элементарно, Ватсон!

— Это ты так думаешь. А мне кажется, все несколько сложнее.

Во-первых в "Ипсилоне" сотни, если не тысячи, сотрудников. Во-вторых забраться в их файлы не так просто. А в-третьих Мясник мог принять меры и сам поработал над файлами. Ты же не будешь в принудительном порядке брать у всех сотрудников "Ипсилона" анализ крови?

— Да, — мечтательно завел глаза к потолку Крюков. — Человечка бы к ним внедрить.

— Эврика! — Ирина радостно вскочила с дивана. — Антон, мой племянник, служил в этом самом Кургае. Я ему несколько раз деньги отправляла ко дню рождения и на Новый год.

— А сейчас где он работает? Случайно не у Семена в банке?

— Случайно у него.

— В охране?

— Нет. Семен устроил его пусконаладчиком в фирму "Росюнител". А его банк с ней крепко завязан.

— Юнител — это наш ответ Чемберлену? В смысле Интернету?

— Юнител лучше. У меня он уже установлен. Кайф. Телевизор и компьютер в одном флаконе. Причем телевидение интерактивное. Выбираешь в меню то, что хочешь смотреть и нажимаешь кнопку. И занимает всего один канал.

— Все что хочешь можно смотреть? — с сомнением спросил Крюков.

— Абсолютно все.

— И "Ленин в октябре"?

— И в декабре, и в марте, и в Польше.

— А "Гений дзю-до" можно заказать?

— Думаю можно. Хочешь попробовать? Давай пульт, — Ирина протянула руку.

— Не надо. Ты же все равно не дашь спокойно посмотреть. Потом как-нибудь.

— Ладно, посмотри пока просто телевизор. Я пойду соображу что-нибудь на стол. И подтяни гири в часах, если не трудно, а то призрак старикашки Геббельса заявится. Говорят, он всегда подтягивал их сам никому не доверял. Он ужасно не любит, когда часы встают.

— Ну что ж, продолжим дело дедушки Геббельса, — Крюков встал с кресла и направился к часам. — Не тревожьте старика, хватит с нас и Мясника.

Ирина включила телевизор.

— У тебя случайно нет кассеты "Русский Плейбой"? — поинтересовался Крюков.

— Нет. А что там?

— Ну как же, прокурор и министр юстиции трахают девочек в сауне министр дошкольного образования — мальчиков в лифте, а министр культуры писает в подъезде.

— Посмотри-ка лучше новости, — Ирина вышла из комнаты.

Новости Крюков смотреть не стал, а бесцельно пощелкал по разным каналам. Большая часть из них уже закончила работу. На кабельном выступал все тот же сектант. Он снова пугал народ концом света и приглашал в свою пирамиду вместе с вещами. В основном с недвижимостью.

По коммерческому каналу передавали интервью с генералом Павловым.

Крюков органически не переносил высокомерных идиотов, постоянно имитирующих состояние тлеющего гнева. Генерал делал вид, что его оскорбляет буквально все: реклама на улицах, порнография в детских передачах, наличие денег в чьих бы то ни было карманах, кроме его собственных.

Вперив тяжелый немигающий взгляд в экран "а-ля Кашпировский", генерал требовал от каждого честного человека немедленно вступать в "Конгресс гражданского мужества".

Время от времени генерал подбивал ведущего спеть на два голоса то "Боже, царя храни", то "Отче наш". А на вопрос о причинах его глубокого рейда в политику он ответил просто:

— В сорок первом, чтобы спасти родину, лучшие люди шли добровольцами

на фронт. Сегодня я с той же целью иду в политику.

Крюкову захотелось дать генералу в рожу. Один раз, но очень сильно. Он потянулся, чтобы выключить телевизор, но интервью было прервано экстренным выпуском новостей.

— Сегодня ночью в Москве взорван еще один дом, — сообщил ведущий.

Крюков понял, что знает номер этого дома. И не ошибся. Второй дом, второй нож, второй компьютер с игрой "Армагеддон" и второй взрыв.

Сначала на экране, потом наяву.

* * *

В черной комнате черный человек с татуировкой на плече снова разговаривал по телефону. Его аппарат был защищен скремблером, поэтому он и его абонент говорили свободно.

— Ты соображаешь, что ты натворил? — орал в трубку собеседник.

— А что особенного? Убрал следы пребывания наших людей. У меня было указание сделать это любой ценой.

— Но зачем было дома взрывать? Ты и в самом деле мясник! Тебя теперь вся контора ищет! И менты, и ФСБшники.

— Меня? — Мясник усмехнулся. — Включи телевизор или радио. Они ищут чеченских боевиков с кавказской внешностью. Пусть правительство мне спасибо скажет. Им нужен был повод для войны с чеченцами — я его дал.

Учись, как надо работать. Свои дела устраиваю, при этом мимоходом и государственные проблемы решаю.

— Почему ты так ненавидишь людей?

— Скажу — не поверишь. Поэтому промолчу. Твою благодарность я уже услышал. Что еще скажешь?

— Не вздумай повторить свой фейерверк! — вышел из себя собеседник.

— Ха! Хорошо сказал. Фейерверк! Ты сам не понял, как хорошо ты сказал! — осклабился Мясник. — Ладно, посмотрим.

— Никаких посмотрим! Если ты устроишь хоть один взрыв, то...

— То что? Еще не придумал? Тогда перезвони попозже, когда надумаешь. У меня сейчас важные дела.

* * *

Приехав на место, где еще недавно стоял многоэтажный дом, из окна которого накануне выпал очередной Мясник, Крюков не узнал его. В воздухе все еще стояла мелкая пыль. Тяжелый запах пожарища проникал не только в легкие, но и в мозг.

Толпа зевак слонялась из стороны в сторону. Здесь же оказывали первую помощь потерпевшим из соседних домов, после чего отправляли их в соседнюю школу. Из жителей взорванного дома не выжил никто.

К самому месту взрыва никого не подпускали. Там работали спасатели МЧС. Крюков не стал лезть туда. Он обошел оцепление и углубился в соседний дворик. Ему нужны были свидетели. Все, кто мог что-то рассказать, находились возле автобуса следственной бригады. Из их шумных, на весь двор, объяснений Крюков узнал, что рвануло где-то внизу, возможно снова в подвале.

Внимание Крюкова привлек одинокий старик. Он прижал палкой и разглядывал что-то на земле. Крюков приблизился и посмотрел. Это была раскрытая страница наполовину обгорелой детской книжки. Скорее учебника. На картинке военные саперы выкапывали из земли снаряды. Под картинкой шел

текст:

"... Там лежали проржавевшие мины и снаряды. Это фашисты, отступая, оставили под землей страшный клад — тысячи мин и снарядов".

— А этот клад кто заложил? — старик ткнул палкой в сторону развалин. — Что молчите, юноша?

Крюков ничего не ответил. Старик отошел к стене дома и принялся писать на ней обломком кирпича. На обожженной странице учебника Крюков прочитал стишок:

"Наша армия родная И отважна и сильна Никому не угрожая Охраняет нас она"...

— Ну вот, — старик отбросил кирпич и удовлетворенно оглядел свое творение. Белая стена была исписана корявыми, в виде лесенки Маяковского, строчками:

"Наша армия грозна Словно пушка из говна.

Как пальнет — так всех придавит.

Хоть своих, но до хрена.

Хлеще всяких оккупантов Обобрала нас она".

— Ну, что скажешь? — старик ткнул палкой в стену.

— По-моему чересчур, — осторожно высказался Крюков.

— Ничего не чересчур. Все как есть. Скажи мне, откуда по-твоему взялась эта взрывчатка? Из Америки? Из Чечни? С Марса? Или из закровов нашего министерства обороны? Угадал! А теперь скажи, почему не взрывают дома в какой-нибудь Эстонии или в Чехии?

— Вы здесь случайно вчера не видели... — начал было Крюков, но старик оборвал его, будто и не слышал:

— Европейцы, американцы, все нормальные народы — те просто оскорбляют менталитет наших людей тем, что постоянно доказывают: можно иметь мощное государство, не надрывая при этом пупок, а, напротив удовлетворяя прихоти и похоти не только кучки жирных политиканов, но и каждого члена общества. Я прожил всю свою жизнь ради всевозможных идиотских завоеваний. Сначала была победа мировой революции, потом освобождали себя и Европу от братских немецких пролетариев с товарищем Гитлером во главе, потом взялись за космос. Теперь с помощью армии будем пытаться сохранить целостность агонизирующей империи, которая не сегодня-завтра все равно развалится. Была бы армия, а война найдется!

Дед был неправ. Наша армия была и храброй, и могучей как рыцарь в сверкающих доспехах. Но в условиях современной войны она была также нелепа как тот же рыцарь, окажись он со своим двуручным мечом среди дыма пушечных залпов Бородинской битвы.

И дело было даже не в техническом оснащении, а в специфических условиях ведения войны, когда дом — это не укрепленная огневая точка подлежащая уничтожению, а место вероятного пребывания мирных жителей.

Когда из санитарного фургона вдруг звучала автоматная очередь, а из машины с беженцами раздавался залп противотанкового гранатомета.

Тут впору было говорить о введении штатных должностей ротного пресекретаря, батальонного адвоката и полкового правозащитника.

— Я хотел спросить... — снова попытался напомнить о себе Крюков но старик криво усмехнулся:

— Знаю-знаю. А как же фраза: "Если народ не хочет кормить свою армию, то будет кормить чужую"? А ты знаешь, кто это сказал?

— Наполеон, кажется, — неуверенно ответил Крюков.

— Вот именно, Наполеон! — старик гневно потряс кулаком. — Уж я не знаю, как французский народ кормил своих гренадер и кавалеристов, наверно неплохо. Тоже, поди, "все для фронта, все для победы" отдавали.

Но русских казачков ему пришлось не просто угощать, а бегом бегать. Не зря слово "бистро" у них на памяти осталось. А за казачками и англичан, и австрияков, и пруссаков — всех обслуживать пришлось! И Гитлер туда же. Вот и думай — кого стоит кормить, а кому и поварешкой по морде съездить.

— Скажите, а вчера...

— А мы? Чью армию мы только не кормили? И вьетнамскую, и кубинскую, и занзибарскую! И все из своего кармана. Я бы нынешним горлопанам, кто память потерял, напомнил. Когда это они при советской власти хорошо жили? Всю жизнь псу под хвост, по карточкам да по талонам. А займы, когда в зарплату вместо денег шиш получали? Распишись в ведомости и иди. И не на месяц, не на два твои трудовые копейки забирали.

Навсегда! Тогда только плакали да помалкивали, а сейчас орут. Нет, никогда тут люди по-человечески жить не будут! Кабы у нас работать умели и хотели, а не воевать!... Вот, сызнова все начинается. Опять все для победы! И что я вчера у Степаныча ночевать не остался? Сейчас бы вместе у Господа Бога опохмелялись...

Возле тротуара затормозила машина с красным крестом. Возле нее сразу стали собираться пострадавшие. Из машины выскочили трое крепышей в белых халатах и, расталкивая страждущих, кинулись ловить старика.

Один из эскулапов налетел на Крюкова и постарался отпихнуть его с дороги. Крюков слегка подсек его и направил носом в талую лужу.

Тот вскочил и с обидой в голосе заорал:

— Чего, блин, мешаешь? Помог бы лучше!

— С какой стати? — удивился Крюков. — Я же клятвы Гиппократ не давал. А вы бы лучше раненым помогли, чем здорового ловить.

— Сам ты здоровый! — обозвал Крюкова санитар. — У этого деда диагноз — вялотекущая шизофрения. Ты, блин, не знаешь, что это такое. Он очень опасен.

"Да у нас половина парламента с таким диагнозом", — подумал Крюков.

Слаженными совместными усилиями санитарам удалось отловить старика и затащить его в машину. Старик извернулся и помахал Крюкову рукой.

— Эй, парень! Сидели мы вчера со Степанычем тут, под грибком. Чекушку на двоих делили. Видел я того, кто тебе нужен.

Крюков одним прыжком оказался возле машины и как кегли раскидал санитаров.

— Говори, дед, кого ты видел?

— Приходил он, когда уже стемнело. Одет — точно как тот, которого ты из окна спустил.

— Так ты и про это знаешь? — удивился Крюков.

— А что тут особенного? Да, пришел он в темноте, спустился в подвал минут на десять, потом поднялся и уехал.

— На чем уехал?

— На жигулях. Машина, видно, старая. Дребезжала сильно. Цвет я не разобрал. Может синяя, может коричневая — в темноте разве разглядишь?

Куртка на нем была — как на этих читсоплюях, только без надписи.

Старик указал в сторону развалин, где среди разбивавших завал грязных МЧСовцев выделялись чистенькие ФСБшники. Облачены они были в черные куртки с большими желтыми буквами на спине.

— Ну, бывай, парень. Удачи тебе!

Старик без посторонней помощи забрался в санитарную машину и постукал палкой в стенку водителя.

— Поехали, на завтрак опоздаем!

Крюков вернулся к месту взрыва и пригляделся к ФСБшникам. Они бродили среди руин с хозяйским видом как художники на персональной выставке. Один из них поговорил по телефону и вдруг засуетился. Он замахал руками, призывая людей из оцепления и добровольцев. Под его чутким руководством они принялись расчищать небольшой скверик.

"Полевой госпиталь хотят организовать или столовку для пострадавших", — догадался Крюков и присоединился к работающим.

И ошибся. Через несколько минут возле скверика затормозил черный "ауди" и из него выбрался генерал Павлов. Из микроавтобуса, подъехавшего следом, показались его помощники. Они вытащили несколько больших коробок и расставили их на расчищенной части скверика. Вокруг них тут же образовалась небольшая толпа.

— Товарищи, — обратился генерал. — Все вы видите как распоясались преступники. Их распустила нынешняя власть. "Конгресс гражданского мужества" покончит с этими безобразиями. Мы отомстим за ваши слезы!

— А пошел бы ты на хер, мститель гребаный! — раздалось из задних рядов. — Ты лучше помоги материально!

Генерал, не моргнув глазом, продолжал:

Голосуйте за нас на будущих выборах в Государственную Думу! Мы не оставим вас без помощи. Я обращаюсь к тем, чьи дома еще не взорваны.

Несите сюда все! Раскладушки, одеяла, одежду! Мы все должны помочь пострадавшим!

Генерал взмахнул руками. По его сигналу помощники открыли коробки и принялись раздавать яркие листовки с рекламой КГМ. Сам генерал, видимо посчитав свою миссию выполненной, сел в машину и отбыл восвояси.

Парни в чистеньких куртках с крупными буквами "ФСБ" на спине снова задержались и засуетились. К скверику приближался лимузин следующего народного заступника.

* * *

15

Генерал Лентулов вошел в двери Дома правительства, или, как его уже привыкли называть, Белого дома на Москве-реке. Дом сиял ослепительной белизной, но генерал хорошо помнил его почерневшие от копоти и багровые от полыхавшего пламени стены. И теперешняя сверкающая чистота здания неотступно навевала ему мысли о шлюхе, сделавшей операцию по имплантации девственной плевы.

В дверях проходной он заметил знакомое лицо генерала Павлова.

Тогда же, в октябре девяносто третьего, генерал Лентулов и познакомился с генералом Павловым. Те кровавые события начались, о чем сегодня мало кто помнил, с нападения макашовско-тереховских боевиков на Центральный штаб управления ракетными войсками стратегического назначения находившегося в районе метро "Аэропорт". Тогда от пуль бандитов погибла женщина из соседнего дома.

После подавления бунта президент отдал приказ создать на территории Москвы резервный штаб управления ракетами. Техническая работа была поручена генералу Павлову. Генерал Лентулов обеспечивал ее секретность. Для создания резервного штаба управления ракетами использовали базу давно передислоцированного за территорию Москвы полка ПВО. Эта база располагалась в лесу, за лесопарком Боженово. Пост управления был развернут в кратчайшие сроки. Но вскоре обстановка в стране стабилизировалась, пост управления законсервировали и забыли о его существовании. Не все. Генерал Лентулов, например, помнил. И генерал Павлов не забыл.

Но сейчас он пришел по другому поводу. Вице-премьер Асташков уже ждал его, и генерала провели прямо в его кабинет. Полковник Спицын тенью маячил за его спиной.

— Сергей Владимирович, — без предисловий начал генерал, — обязан доложить вам, что обстановка выходит из-под контроля. Проект Вагнера лоббируется мощной теневой структурой, связанной с нашей политической элитой и верхушкой силовых структур. Все наши попытки проконтролировать работу совместного предприятия Росюнител наталкиваются на неприступную стену. В стране развернулась массивная компания по подключению к Юнителу. Средства массовой информации нагнетают истерию вокруг предстоящего "Конца света". Сетью Юнитела уже охвачено подавляющее большинство банков и стратегических государственных служб.

Генерал замялся, не зная, как продолжать.

— Ну, что еще? — Асташков почувствовал возникшее в его голосе напряжение.

— По непроверенным сведениям все деньги, выделенные фондом Вагнера для внедрения Юнитела, осели в иностранных банках на счетах наших продажных чиновников.

— Но тогда кто же все это оплачивает? — нахмурился вице-премьер.

— Юнител в России монтируется за счет наркомафии.

Асташков так растерялся, что даже забыл про очки.

— Да, ситуация... Но ведь мы сами хотели этого. Согласитесь компьютерная проблема конца света...

— Мы пытались решить одну проблему, — перебил его генерал, — а полу-

чили другую, стократ более опасную. Попали из огня, да в полымя. Я только слегка копнул, как у меня волосы дыбом встали.

— Волосы — это еще не доказательство, — Асташков пытался собраться с мыслями, но полученная от генерала информация его подавляла.

— Вы хотите доказательств? Их нет, потому что мой связной с секретной информацией из Соединенных Штатов так и не приехал. Скорее всего он убит, а доказательства изъяты — это первое. Второе — после скандала в Нью-Йорке с резидентом внешней разведки в Лефортовском изоляторе оказались практически все дееспособные сотрудники ФСБ кроме меня и Спицына. Остальные, я не сомневаюсь, либо ни на что не годны, либо куплены тем же Вагнером. Если так пойдет и дальше, у нас вообще не останется никого, кто сможет справиться с его организацией. Вас и это не убеждает? Жаль. Иногда отсутствие доказательств говорит красноречивее любых доказательств.

Асташков вспомнил про очки и принялся старательно их протирать.

Потом посмотрел на генерала и его помощника:

— Вы меня убедили, но я сегодня должен улететь в Швейцарию на переговоры по Чечне. Сами понимаете, это гораздо важнее. Я оставляю вам самые широкие полномочия для выяснения ситуации. Можете прямо завтра начать доскональную проверку деятельности Юнитела и Росюнитела. В мое отсутствие докладывайте обо всем моему заместителю Биркину. И постарайтесь встретиться с бывшим нью-йоркским резидентом Рудаковым. Он сегодня прилетает из Нью-Йорка. Вы ведь с ним знакомы?

— Да, знаком по Афганистану, — подтвердил генерал. — В одной оперативной группе были. Он от Первого Главка, я от Второго. И в одной вертушке горели. Постараюсь увидеться с ним завтра же.

Генерал хотел что-то добавить, но промолчал и вышел. Вслед за ним исчез и его помощник.

* * *

Полковник Спицын расстался с генералом и долго колесил по Москве проверяясь, нет ли за ним хвоста. Хотя следить за ним было, практически, некому. Наконец он остановил машину и из ближайшей телефонной будки позвонил Рифу.

— Нужно увидеться, — потребовал он. — И как можно скорее.

— О'кей, — отозвался тот. — Подъезжай к "Метрополю". Пообедаем.

— У меня пропал аппетит. У тебя он тоже скоро пропадет, — заверил Рифа полковник. — Давай лучше встретимся в парке.

— Хорошо, тогда в Боженово. У меня дела в том районе. Давай через полчаса возле северной стены Большого дворца. Найдешь?

— Не беспокойся, — Спицын положил трубку.

Под ногами хрустел снег. Потемневшие кирпичные стены дворца навевали мрачное настроение. Рифа Спицын увидел издали. Тот подошел как всегда улыбающийся и всем довольный.

"Сейчас перестанешь улыбаться"- с мрачным удовлетворением подумал Спицын. И с ходу заявил:

— Асташков улетает в Швейцарию. На прощанье он оставил приказ провести тотальную проверку "Росюнитела".

Риф нахмурился, правда ненадолго:

— За Асташкова остался Биркин? Так какие проблемы?

— Первая проблема — это мой шеф генерал Лентулов. Биркин не сможет приказать ему отменить проверку. А если даже и прикажет, генерал пошлет его на хер.

— И что ты предлагаешь?

— Генерала надо срочно убирать, — жестко процедил Спицын.

— Ха! Ты не слишком много хочешь? — Риф покачал головой. — Генерал Лентулов — это тебе не полковник Тюрин. Его так просто не свалишь, для этого нужно время. А его как раз нет.

— Если нет времени действовать терапевтически, надо применить хирургию. Нужно радикальное средство.

— Да? Какое? Не слышу. — Риф откровенно насмеялся над полковником.

— Генерала надо убить. И немедленно.

— Ух какие мы крутые! — губы Рифа исказила презрительная усмешка. Надо, так возьми и убей. Интересно, за что ты так своего шефа ненавидишь? Чем он тебе так насолил? Может он тебя в жопу трахает, а ты отказать стесняешься? Или просто у тебя порода такая? Хорошо, что не я твой начальник. Есть у меня один бригадир, уши у него как и у тебя оттопыренные, и ноздри точно так же как ты раздувать любит. Надо будет ему несчастный случай организовать. От таких ребят надо подальше держаться — дольше проживешь. Ладно, а какая вторая проблема? Ты пока только одну назвал.

— Сегодня прилетает Рудаков, тот самый облажавшийся резидент из Нью-Йорка. Генерал собирается с ним встретиться. Наверняка узнает много интересного.

— Рудаков — моя забота. С ним проблем не будет, — заверил Спицына Риф. — А Лентулова убивай сам, здесь кроме тебя дураков нет.

— Не знаю. Я попробую... Но я еще никогда никого...

— Тем более, надо же когда-то начинать. Гайдар в шестнадцать лет уже счет убитым потерял, а ты все целку из себя строишь. Вот так и договоримся, — Риф снова презрительно улыбнулся. — Я займусь американским Штирлицем, а ты убережешь своего начальника.

* * *

Рудаков прилетел в Шереметьево совершенно разбитым. Мало ему служебных неприятностей, так пришлось лететь в одном самолете со Шнопаком — того зачем-то срочно вызвали в Москву — и весь бесконечно долгий полет любоваться на его продажную рожу.

Из аэропорта экс-резидент проехал прямо в ясеневский "лес" к основному месту работы. Как выяснилось, уже бывшему. Директор службы внешней разведки ни в чем его не упрекнул, просто предложил написать заявление об отставке в связи с уходом на пенсию. Директор был смущен но помочь опальному разведчику ничем не мог.

— Поверь, сказал он на прощанье, — если бы это зависело от меня, я нашел бы тебе достойную должность. Но решение пришло сверху. Так что не могу предложить тебе даже преподавательскую работу. Впрочем есть одно место...

— Что может быть хуже "памятника"[4]? Резидентура в Гренландии? _предположил Рудаков.

— Нет, но вроде того. Камчатский отдел нашей контрразведки сейчас занимается делом военного журналиста Шарко...

— Которому шпионаж в пользу япошек пришить никак не можете? Да пло-

хо дело. Лаврентий Палыч, поди, в гробу ворочается, глядя на вашу топорную работу, — усмехнулся Рудаков.

— Я могу сделать так, чтобы тебя перевели туда, хотя бы временно.

А там что-нибудь придумаем. Ну как, поможешь ребятам?

— В чем помочь? Большой ложкой дерьмо хлебать? Нет, спасибо. Я в козлы отпущения не стремлюсь. Этот "душ Шарко" пусть принимают без меня. В шею, так в шею.

— Ну как знаешь, — директор поднялся из-за стола, чтобы попрощаться и протянул Рудакову руку. — Асташков просил тебя позвонить, когда вернешься. Может быть он чем поможет?

— Спасибо тебе за все, — в который раз горько усмехнулся Рудаков.

* * *

Разговор Рудакова с Асташковым состоялся в служебной машине вице-премьера по дороге в аэропорт. Асташков не находил себе места:

— Значит твоя информация оказалась полной дезой?

— Да. Вагнер подсунул ее мне через Геймса.

— А как он узнал, что Геймс — наш агент?

Рудаков усмехнулся:

— Об это я вас хотел спросить. Хотя сейчас это уже не важно. Сначала Вагнер избавился от контроля российских спецслужб. Часть сотрудников он просто купил, часть подставил с моей помощью, используя Геймса. Затем он таким же приемом, через меня и Геймса, убрал опекунов из ФБР.

— Ты знал об этом и ничего не сделал? — насупился Асташков.

— А что я мог сделать? — развел руками Рудаков. — Сообщения моим верить перестали. Может быть мне надо было заявить через газеты и поклясться на Библии, что ни Мерфи, ни другие из обвиненных ФБРовцев не были моими агентами?

— А как ты вообще вышел на Вагнера? — поинтересовался Асташков.

— Конкуренты помогли. "Гномы" из Эдинбургского финансового клуба.

— Масоны? — насторожился Асташков. — Только этого нам не хватало! А я-то голову ломаю, для чего Ван дер Декен к нам прилетает!

— Клин клином вышибают, — успокоил вице-премьера Рудаков. — Вагнер ведь тоже масон. Только "эдинбуржцы" относятся к "шотландскому обряду", а Вагнер — к "мемфисскому". Между ними идет война на истребление.

"Шотландцы" мечтают купить весь мир, а потом продать, чтобы купить снова. И так перепродавать без конца. Их кумир — доллар, чего они и не скрывают. Поэтому их девиз — стабильность. А "Мемфис", и стоящий во главе его Вагнер, собирается устроить очередной финансовый катаклизм чтобы нагреть руки на кризисе. Его мечта — запихнуть всю современную цивилизацию в революционную топку крематория. И для этого он готов топить ее рублями и долларами. Все последние финансовые кризисы — дело его рук.

— Но тогда я одного не понимаю, — признался Асташков. — Зачем ему понадобилась именно Россия?

Рудаков горько усмехнулся:

— А как вы думаете, почему Бог в образе Иисуса Христа, когда две тысячи лет назад решил умереть за людей, избрал евреев? Да потому, что в то время не было другого народа, который так охотно убивал бы своих пророков. Сейчас таким избранным народом стали мы, русские. Может быть мне из-за бугра

виднее было, но в России сегодня созданы все условия чтобы, пользуясь ею как рычагом, пустить под откос весь мир. Неужели вы сами этого не видите?

— Не знаю, может быть ты и прав, — вздохнул Асташков. — Ладно, хватит о политике. Давай о тебе. Значит выходишь на пенсию? А знаешь, я тебе немного завидую. Конец суете, можно отдохнуть.

— Как прикажете отдыхать? На подмосковном ранчо-сранчо клубнику квадратно-гнездовым методом окучивать или хреном груши околачивать? — проворчал Рудаков.

— Ну почему? Устройся в какое-нибудь охранное агентство. Я уже об этом думал и навел кое-какие справки. Ты Щербакова помнишь?

— Какого? Из Второго Главка? Конечно помню, в Афгане вместе служили. Я тогда со многими ребятами из контрразведки познакомился. Но, я слышал, он погиб.

— Погиб, но его дочка именно сейчас открывает частное охранное предприятие. Предложи свои услуги. Думаю, от специалиста твоего уровня и с твоими связями она не откажется.

— С моими связями? — Рудаков усмехнулся. — На таких связях разве что повеситься можно. Мои, ныне бывшие, коллеги теперь от меня как черт от ладана бегают. Руки не подают — боятся, что замараются.

— Это временное явление, — возразил Асташков. — Ты что, законов бюрократии не знаешь? Сейчас они боятся, что ты будешь их просить ходатайствовать за тебя. А устроишься в частную структуру — сами прибегут и в очередь встанут. Хорошая частная лавочка — это и деньги, и теплое место после выхода на пенсию. Вот и займись. В рекомендациях не нуждаешься? Или походайтайствовать за тебя?

— Обойдусь, — буркнул Рудаков. — Мой сын — председатель "Ассоциации охранно-сыскных предприятий и служб безопасности России". Особого взаимопонимания между нами, правда, давно не наблюдается, но уж куда-нибудь старика пристроит.

— Ну и хорошо. Мой шофер тебя обратно в Москву отвезет. Вернусь поговорим подробнее. И вот что, свяжись с Лентуловым. Ты ему можешь очень сильно помочь в деле Вагнера.

* * *

Вечером Риф сам заскочил на работу к Спицыну. Они закрылись в кабинете полковника, защищенном от подслушивания, и Риф похвастался:

— С тебя бутылка. Полковник Рудаков в списках службы внешней разведки больше не числится. Вышибли с треском. Понял, как надо работать?

Чисто и аккуратно. Хватило одного телефонного звонка.

— Не кажи гоп! — скривил физиономию Спицын. — Ты уверен, что он больше не опасен?

— На сегодня он абсолютно безопасен. А на будущее — поглядим. Я же не собираюсь пускать его на самотек.

— Лучше пустить его в расход! — стоял на своем Спицын.

— Ух, какой ты злой! Самый Плохой Плохиш Советского Союза! Посмотрим, как ты со своим генералом справишься. А разведчика оставь мне.

У меня для него одно перспективное дельце имеется. Предложение, от которого он не сможет отказаться.

— Послушай, — Спицын привык приказывать и терпеть не мог просить.

Может быть ты все-таки разберешься с моим генералом?

— Не-а! — помотал головой Риф.

— Но почему?

— По кочану! Я тебе что — швабра для мокрой уборки? Или ты думаешь, что я Мясник и получаю удовольствие, кромсая людей ножичком? Нет эту работу ты сделаешь сам! И сегодня же, иначе первый день проверки о которой ты мне говорил, станет последним днем твоей жизни. Ты слишком много знаешь, поэтому тебя я уберу с особым удовольствием и чувством выполненного долга. Главное не робей. Думаю тебе понравится убивать людей. Все холуи — скрытые садисты и человеконенавистники по природе. Так что ты мне еще спасибо скажешь за помощь в раскрытии твоей подлой натуры. А теперь в путь, моя крошка!

С этими словами Риф дружески потрепал полковника по щеке. На безымянном пальце его болтались на кольце ключи с фирменным жетоном-брелоком частного охранного предприятия "РИФ". Звон этих ключей вывел Спицына из себя. Он резко ударил Рифа по руке. Брелок оторвался от цепочки и отлетел в угол комнаты. Риф не заметил потери и, все также нагло ухмыляясь и покручивая ключи на пальце, направился к дверям. Он вышел, оставив Спицына давиться в одиночестве от праведного негодования.

* * *

После работы генерал Лентулов вызвал удрученного Спицына к себе в кабинет.

— Ты у меня на даче под Звенигородом еще не был? — спросил он своего помощника. — Я там и зимой и летом. Ели, сосны, красота! И места исторические. Один монастырь чего стоит! Это тебе не Николина плешь где всех достопримечательностей — одни заборы. Тот — министра, а этот — президента, дальше — плетень народного артиста. Оградки выдающихся людей, как на Новодевичьем кладбище. Это не считая воров. И, опять же мое говно к ним вниз по Москве-реке плывет, а не наоборот. Ха-ха-ха!

Короче, едем. Надо о делах поговорить. Машину поведешь ты, я больше никому не доверяю.

Спицын даже испугался такой удаче. Сам дьявол сдал ему козырного туза. Теперь все зависело от него самого. Он поспешно согласился и спустя полчаса генеральская волга тронулась в путь. По дороге Лентулов о делах не говорил. Жаловался на жену Валентину.

— Молодая она, глупая. И охрана — тоже парни молодые. Кабы до греха не дошло. И вообще что-то неладное с ней творится в последнее время.

Генерал озадаченно чесал затылок.

Спицын мог бы успокоить начальника, сообщив, что бояться ему нечего. Уже нечего. Особенно каких-то парней из охраны. Затылок чесать надо было тогда, когда тот, старый дурак, бросил свою старую и верную жену и попал под каблук секретарше, известной всем кроме самого генерала по кличке "Валька-быстро". Ее дежурной фразой в ответ на предложение перепихнуться было неизменное: "Давай, только быстро".

На предыдущей даче генерала Спицын побывал не раз, потому что в последние два года ублажал генералову жену именно он, а не парни из охраны. Хотя, зная темперамент молодой генеральши Лентуловой, можно было не сомневаться, что и им кое-что перепадает.

Они доехали быстро и без приключений. Дом генерала стоял в соснах. Это был коттедж в альпийском стиле. Первый этаж был сложен из кирпича, верхний — из толстых бревен. Он ничем не напоминал уродливые многоэтажные башни, которые наши потерявшие стыд полководцы возводили на деньги, украденные у своих полуголодных и забитых солдат.

Если вспомнить, что адмирал Ушаков продал свое небогатое имение чтобы купить продовольствие для голодающих матросов эскадры, нельзя не согласиться с тезисом, что советская власть выковала принципиально новый тип военачальника, корнями уходящего в народ. Как сорняк в почву.

Ворота дачи открыл охранник по имени Вадим. Он улыбнулся приехавшим во все тридцать два зуба, но генерал от этого только еще больше помрачнел. Он провел Спицына в хорошо натопленный дом. Валентина коротала вечер возле камина с большим фужером коньяка и Кевином Костнером на экране телевизора в роли телохранителя. Спицын отметил про себя что опасения шефа насчет охраны скорее всего не беспочвенны.

Увидев Спицына, Валентина заметно обрадовалась. Полковнику ее оживление показалось даже слишком наигранным. Он и сам в последнее время стал замечать за женой генерала некоторые странности. То, что Валентина глотала колеса и нюхала кокаин, он знал и раньше. Но сейчас дело пахло героином. В голове полковника родился перспективный экспромт. Он подумал, что Валентину, возможно, не придется убивать.

За ужином генерал много пил. Спицын понял, что никакого разговора о делах не получится. Наконец Лентулов тяжело поднялся и, пошатываясь направился к лестнице на второй этаж.

— Ты куда собрался, зайчик? — проворковала супруга.

— Надо поработать, — буркнул в ответ генерал и затопал по лестнице.

— Шутит? — спросил Спицын Валентину.

— Почему. Он мемуары пишет. Как поддаст — так сразу за компьютер садится и там засыпает. Прямо носом в клавиатуру. Бывает, что целый файл одной буквой заполняет. Как поэт-формалист какой-нибудь. Представляешь? Книга стихов их одних только букв "X"! Хххххххххххххххххх!

Сколько смысла в одной-единственной букве!

— Я поднимусь и посмотрю как он там, — сказал Спицын.

— Никогда бы не подумала, что тебе приятнее быть с ним, чем со мной, — съязвила Валентина.

— Я сейчас вернусь, — ответил Спицын и пошел наверх вслед за начальником.

Тот уже крепко спал в рабочем кресле на колесиках, уткнувшись в клавишу "Г".

"Тоже символично".- отметил про себя Спицын.

Он попробовал растолкать шефа, но тот только пускал слюни и невнятно матерился. Тогда Спицын откатил его немного в сторону и выдвинул ящик письменного стола.

Перед ним лежали два пистолета — наградной "байкал" и подарок от самого Спицына — стечкинский "дротик". Оба были малокалиберными. Калибр "дротика" был даже меньше, чем у "байкала", но зато сам патрон бутылочной формы, значительно мощнее. Для выстрела в упор он подходил меньше — и звук громче, и пуля могла пройти навывлет, не задев жизненно важных орга-

нов. Если бы Спицын собирался убить шефа, он выбрал бы "байкал".

— Что ты там ищешь?

В дверях кабинета стояла Валентина.

— Так, ничего, — засуетился Спицын. — Хотел найти свободную дискету, чтобы запечатлеть творчество шефа, а потом показать ему.

— Хватит заниматься ернундой, — раздраженно бросила женщина. — Пошли.

Она потянула Спицына в свою спальню, которая находилась в другом крыле особняка. Здесь она скинула с себя халат и абсолютно голой растянулась на постели.

— Я тебя уже не привлекаю? — спросила она.

— О чем ты говоришь! — Спицын принялся поспешно стягивать брюки и ботинки одновременно.

Через минуту он был в постели.

— Кроме нас в доме еще кто-нибудь есть? — как бы невзначай поинтересовался он.

— С каких пор ты стал проявлять трусость? Нет, кроме нас — только Вадим, охранник. Он спит внизу. Ну давай же! — зло прошипела она и потащила Спицына на себя.

Сношение получилось никудышным. Щекотила Спицына несколько раз приходил в нерабочее состояние и генеральше приходилось приводить его в вертикальное положение защекинским методом. А потом случилось самое ужасное. Спицын не удержался и непроизвольно эякулировал. Как пионер-первоходчик.

Валентина пришла в ярость. Она наградила партнера презрительным:

— ...барь кошачий!

И, не одеваясь, выскользнула из комнаты.

Спицын нашел ее внизу, в холле. Она полулежала в глубоком кресле уставившись вверх отрешенным взглядом. Спицын посмотрел в направлении ее взгляда. Кроме толстой, почерневшей балки, пересекавшей потолок ничего примечательного он не обнаружил.

Рядом с женщиной на столике в плоской тарелке лежал шприц. Здесь же, открытая, валялась коробка с ампулами. Спицын подошел и взял со стола "машинку". Потом набрал тройную дозу и ввел наркотик в вену Валентине. Затем собрал лишние ампулы и убрал в карман.

После этого Спицын снова поднялся наверх в кабинет генерала. Через несколько минут оттуда раздался приглушенный выстрел.

* * *

Крюков подвез Ирину к зданию районного управления внутренних дел.

При виде массивных дверей она вздохнула:

— Врата преисподней. Оставь надежду, всяк сюда входящий!

— В каком смысле? — не понял Крюков. — Тебе здесь почки отбили?

— Нет, только нервы вымотали. И как будто еще не все. Мне начинает казаться, что проще получить лицензию на убийство, как у Джеймса Бонда, чем на оружие. Причем никак не могу врубиться — то ли с меня взятку тянут, то ли это действительно так строго.

— Не бери в голову, это же не пуля, — успокоил ее Крюков. Если все чиновники начнут удовлетворять тебя по первому требованию, их перестанут ува-

жать и страна тут же развалится. Признайся, ты ведь не хочешь чтобы наша страна развалилась?

— А ты собираешься уличить меня в подрывной пропаганде? Лучше помог бы даме документики протолкнуть. Ты же с ними одной крови. Люди в мышинных шинелях.

— Ага, нашла дурака, старуха Тортилла! За мной и так наша внутренняя безопасность персональную бригаду наружки закрепила. Ходят за мной по пятам как шпики за Лениным, вылупив глаза как на Чарли Чаплина. Думаешь, они не понимают, почему некоторые менты лоббируют частные лавочки? Так что в компании со мной ты попадешь под колпак прямо со старта. Таки тебе это надо? В моем ведомстве каннибализм вообще сильно развит. Кстати, как ты назвала свое детище?

— Простенько, но со вкусом: "СМЕРШ". Ну что? Тебе опять не нравится?

— Почему? Действительно простенько и со вкусом, — без энтузиазма согласился Крюков. — И после этого ты спрашиваешь, почему так долго мусолят твои документы? Ты бы еще назвала свою лавочку "ОГПУ" — "Оказание Гражданам Правовых Услуг".

Ирина вздохнула и вышла из машины. В длинном коридоре ее уже ждала очередь товарищей по несчастью. Она приготовилась ждать, как вдруг ее окликнули:

— Простите, вы случайно не Ирина Щербакова?

Перед ней стоял незнакомый молодой мужчина. Он улыбнулся:

— Я угадал? А вот меня вы вряд ли узнаете. Мы виделись всего пару раз и то мельком. Наши отцы работали вместе. Я тоже успел немного потрудиться в их компании. Меня зовут Ионой. Довольно редкое имя.

— Вы правы, я вас не помню, — ответила она. — Единственный Иона про которого я слышала, был, кажется, известный американский обозреватель.

— Он был другом моего отца, меня в честь него и назвали. Но не важно, что вы про меня не слышали, — как ни в чем не бывало продолжал незнакомец. — У вас проблемы? Могу я чем-нибудь помочь? Не паспорт же вы пришли сюда получать.

"Вот, Крюков, козел, как ведут себя настоящие джентльмены!" — мысленно упрекнула друга Ирина. Но при этом она нисколько не сомневалась что тот ответил бы строчкой из Бернарда Шоу: "Я не джентльмен, я легавый".

— Увы, — она не могла не улыбнуться в ответ незнакомцу. — Помочь мне невозможно. Я пытаюсь оформить лицензию на свое частное охранное предприятие.

— Ну так вам просто повезло. Я являюсь вице-президентом Российской ассоциации частных охранных предприятий и служб безопасности. Волокита — любимый конек наших чиновников. Так что с вашей проблемой мы сталкиваемся по восемь дней в неделю. Тут один идиот догадался назвать свою фирму знаете как? "СМЕРШ"! Ха! И хочет, чтобы ее зарегистрировали.

Ирина поджала губы:

— Этот идиот — вернее идиотка — я.

— Да? — вице-президент Иона был озадачен. — Извините. Действительно, иногда лучше жевать, чем говорить.

— Ладно, проехали. Значит вы считаете, что "СМЕРШ" не пройдет?

Тогда может быть что-нибудь попроще? Например "ОГПУ". Оказание гражд-

данам правовых услуг. А?

Почему бы и нет? Во всяком случае можно попробовать написать название полностью. Может в комиссии не врубятся? Теперь после моей похвальбы мне остается только пойти и застрелиться. Или добиться регистрации вашей фирмы. Для начала попробую второе. Ваша индивидуальная лицензия и учредительные документы в порядке? Вам нужна лицензия и на охрану и на частный сыск? Напишите полные данные, постараюсь что-нибудь придумать.

Ирина подозрительно прищурилась:

— А что потребуется взамен? Неужели вы думаете, что я так вот сразу возьму и поверю в благотворительность?

— Вы угадали, чуть смущенно улыбнулся Иван. — Я хотел бы попросить вас об одной неоценимой услуге. Мой отец, в недавнем прошлом сотрудник разведки, вышел на пенсию. Я подыскиваю ему хорошее место. Может быть вы возьмете его к себе? А в качестве компенсации обещаю поставить программное обеспечение "Цербер — XXI век".

— Неужели в Москве не нашлось охранных предприятий приличнее, чем мой еще не созданный кооператив?

Иона снова улыбнулся:

— Я не хочу, чтобы отец попал в уже сложившийся коллектив. Начнутся интриги, зависть. А характер у него, честно говоря, не сахар. Из тех же предприятий, что только создаются, ваше — самое перспективное.

И я постараюсь вам помочь.

— Что-то слишком щедрое предложение.

— Вы не знаете моего отца, — признался Иона. — Характер у старика действительно не сахар. Но вы не пугайтесь, если не сработаетесь, я не обижусь и все пойму.

— Но, хоть коллектива у меня еще нет, но у меня есть один сотрудник, который стоит целого отдела. Я должна согласовать это с ним.

— Разумеется, — развел руками Иона.

Ирина тут же позвонила Крюкову:

— Слушай, у меня появился первый кандидат в наш кооператив. Говорят, неплохой профессионал.

— Мент или ФСБшник?

— Нет, из внешней разведки. Они с моим отцом вместе работали в Афганистане. Его выперли на пенсию и он предлагает свои услуги в качестве начальника. Что скажешь?

— Бери.

— Я серьезно.

— И я серьезно. Почему я должен быть против?

— А профессиональная ревность?

— Но я же не собирался оформляться в твое агентство. А на твоего разведчика надо, конечно, посмотреть. Они, когда возвращаются домой после своей нервной работы за бугром, быстро спиваются. Им привычного риска не хватает. Но если он нам понравится, мы ему и здесь жизнь полную опасностей организуем. Не заскучает. А ты что такая радостная? Колись!

— Да так, — неопределенно протянула Ирина. — Просто нашелся человек, который помог мне с документами. Очень надежный, внимательный и еще не старый. Такие нравятся женщинам, не то, что ты.

— Влюбилась, что ли? И как нас зовут?

— Дурак ты, Крюков. Он действительно нормальный парень, тоже моего отца знал. А зовут его Ионой.

— Как? Нет, это серьезно? Это который в чреве кита плавал? Ну старуха, ты дала! Уж оторвала, так оторвала!

— Нет, кто бы говорил?! — возмутилась Ирина. — Да с твоим именем вообще только сидеть в туалете и кричать: "Занято"!

— Зря ты это сказала, — обиделся Крюков. — Грешно смеяться над врожденными недостатками. Я же не говорю, что у тебя ноги кривые.

— У меня?! — Ирина едва не задохнулась от возмущения. — Да у меня ноги прямее, чем у тебя руки!

— Так я же и не говорю, что они кривые! Я именно так и выразился.

Ладно, я тебя прощаю и желаю большого человеческого счастья. А сейчас извини, ко мне пришли. Привет твоему ветхозаветному пророку!

— Его так, между прочим, в честь международного обозревателя назвали. Его отец с ним в Америке вместе работал.

— Ну да, конечно, помню. Его Зорин фамилия, — и Крюков прервал связь.

* * *

Крюков медленно ехал в потоке машин. Выходные производили на него гнетущее впечатление. В поисках чем бы заняться он вспомнил мудрый завет ротного замполита: "Солдат полчаса не занятый делом — потенциальный преступник". На преступление его, правда, пока не тянуло, но напиток от скуки хотелось.

Дело Галины Зелинской зависло как оба компьютера с игрой "Армагеддон". Спидовый маньяк оказался подозрительно похож на Мясника, который, в свою очередь, раздвоился. Если не размножился. Может их кто-то клонирует? Судя по татуировке на плече, убийцей может оказаться кто-то из охраны семенова банка. Кстати о трупиках... Он достал трубку мобильного и набрал номер. В отделе трубку взял майор Галкин.

— Это вы, Крюков? Отдыхаете? Ну отдыхайте. С завтрашнего дня усиление. Кстати, вам тут звонили из налоговой полиции.

— С чего бы это? — удивился Крюков. — Я в жизни никаких налогов не платил и не собираюсь.

— Это по поводу вашего воззвания.

Крюков вспомнил, что просил Птенчика разослать образец татуировки с крылатым черепом по дружественным управам и околоткам. Не опознает ли кто? Вот и ответ.

— Говорите, Александр Абрамыч, я весь внимание.

— Так вот, вам звонил Матфеев из налоговой полиции. Группа лиц с такими татуировками была задержана при проверке частного охранного предприятия "РИФ". Они там работали охранниками.

— Это, часом, не та ли охранная фирма, которая президентовых сродственников прослушивала?

— Она самая. Охранное предприятие "РИФ" после этого, естественно прикрыли. Пытались доказать их связь с фирмой "Ипсилон-нефть", но безуспешно. Правда позже выяснилось, что все сотрудники "РИФа" перебрались в службу безопасности финансово-промышленной группы "Ипсилон".

Что, зачесалось? Как информация?

— Занятно, занятно. Но имейте в виду, Александр Абрамович, что у меня выходной. Так что не уговаривайте.

Крюков отсоединился и набрал номер убойного отдела:

— Але, Жека?

Трубку взял начальник отдела Шабанов.

— Крюк, ты? Извини, некогда. Выезжаю на убийство в область.

— С какой стати в область? — удивился Крюков. — Тебя что, унизили в должности и перевели в деревенские детективы?

— Дело на контроле в министерстве, а свои сыщики у них в разгоне по Чечням и Дагестанам, — пояснил Шабанов. — Слушай, у тебя на жену генерала Лентулова что-нибудь есть?

— На свадьбе у генерала я не был, поэтому зачитай установочные.

Кто такая?

Шабанов назвал девичью фамилию, имя и отчество молодой жены генерала. Крюкову пришлось основательно покопаться в картотеке своей памяти, пока он вспомнил:

— Ну как же, была такая. Путанила, но аккуратно. Нормальная, в принципе, баба. Только дурью и кокаинчиком баловалась. Мечтала за генерала замуж выйти.

— Вышла.

— Выходит, повезло.

— Ага, очень. Из трех трупов — один ее, другой — мужа-генерала.

Что еще вспомнишь? Стучала?

— Состояла у меня на связи "маленькой"[5]. Потом соскочила в "глубокое бурение"[6]. После этого я ее не видел. Правда год назад она проходила по делу о марках.

— Каких марках, германских? Валюта, что ли?

— Нет, марках, на которых солнышко нарисовано. А на обороте ЛСД.

— Так что с ней?

— Повесилась.

— Сама? — Крюков был разочарован. — А я подумал опять Мясник кого-то грохнул. А кого же тогда убили? Ты говорил про три трупа.

— Самого генерала и его охранника. Похоже — это она их. Короче перезвони вечером, сейчас мне некогда.

— А может я с тобой прокачусь?

— Катись, если заняться нечем. Я минут десять еще в отделе покручусь. Успеешь?

— Нет базара. Жди.

Крюков оставил рябуху возле управления и пересел в волгу Шабанова. За ними пристроился РАФик со следственной группой.

Шабанов закурил и откинулся на спинку сиденья.

— Пашу, блин, как Золушка, — пожаловался он другу. — Только в дороге и отдыхаю. Слушай, Крюк, твой здоровый бугай работу поменять не хочет?

— Птенчик, что ли? — переспросил Крюков. — Не знаю. Сам спроси. А на хрена он тебе?

— Такой спец в нашем отделе просто незаменим. У меня жмуры через один — висельники. Их снимать — сплошной геморрой. А он парень длинный и здоровый. Мне такой как раз и нужен.

— Перебьешься, — разочаровал его Крюков. — Сам попрыгай. Лучше скажи, что у тебя на моих Мясников?

— Странные ребята. Ты знаешь, что они покойники?

— Надеюсь на это. Но боюсь ошибиться. Как говорил Стивенсон мертвые не кусаются. А эти так и норовят голову отгрызть.

— Я имел в виду, что оба погибли пять лет назад во время взрыва цистерны на воинском складе ГСМ. И оба, кстати, подозревались в причастности к этому взрыву.

— Данные точные или "от Укроп Помидорыча"?

— Из военной прокуратуры.

— Я так и думал, — со злорадным торжеством ухмыльнулся Крюков. Военные следаки — это парни, на которых всегда можешь рассчитывать если хочешь запутать дело. Тайну хищения портянок они раскрутить еще в состоянии, а все, что чуть сложнее — в висяки. Когда я служил в вооруженных силах, у нас в части со склада пропали двадцать правых сапог.

Причем самых разных размеров. А левые, заметь, остались на месте.

Представляешь, что эти орлы наработали по таким вещдокам?

— Нашли?

— Ни фига. Сапоги через неделю сами нашлись. Военный прокурор округа до сих пор голову ломает.

— Хочешь сказать, что ты это дело раскрыл? — с недоверием спросил Шабанов.

— А там и раскрывать было нечего. Дело было летом. Приходит в казарму мой земляк, прапорщик. Мужик нормальный, сам только недавно со срочной службы. Он заведующим вещевым складом был. Чего попросишь никогда не отказывал. Понимал солдата. А тут отзывает меня в сторону бутылку показывает. "Пошли, — говорит, — дело одно есть. Перетереть надо". А на самом морды лица нет. Пошли в каптерку, вмазали. "Что стряслось", — спрашиваю.

"Кранты мне настали, — говорит земляк. — Когда я склад принимал майор Еплин (сука страшная, мы его Еблиным звали) мне ключи сунул сказал что на складе все нормально. Я и не проверял. А тут сунулся полста шинелей не хватает. А завтра проверка. Посадят".

"Какие проблемы? — говорю. — Сейчас лето. Давай в роте полсотни шинелей с вешалки снимем и на склад отнесем. А после проверки назад повесим".

А он отвечает:

"Думаешь, комиссия старые шинели от новых не отличит"?

"Ерунда, — говорю, — сделай так, чтобы они их не разглядывали".

"Только и всего? — спрашивает земляк. — Тогда может заодно подскажешь, как это сделать"?

"Элементарно, Ватсон. Как учат йоги — чтобы человек не смог разглядеть белой обезьяны, сделай так, чтобы он в это время разглядывал черного слона. Причем очень внимательно".

После этого мы с ним развесили на складе полсотни старых шинелей и вынесли из него два десятка новых сапог на правую ногу. Комиссия увлеклась не столько поисками сапог, сколько решением таинственной загадки — почему только правых? И стали бы они после этого обращать внимание на какие-то прозаические шинели? Как говорил Шерлок Холмс преступление само по себе банально. В разряд искусства его возводит тайна. А какая у нас с тобой тайна?

Мясник. Кто его убивает, тот слезы проливает. Это я. Потому что сколько его ни убивай, он, сука, никак не помирает, а все время возвращается. И режет людей.

— Слушай, ты, Шерлохомец хренов. Хочешь сказать, что ты самый умный и никогда не прокалывался? — с раздражением прервал наконец Шабанов излияния Крюкова.

— Почему? Было дело, — самокритично признался тот. — Там же, в армии. Был я дежурным по роте. Вдруг в пять утра прилетает вестовой из штаба с запиской от батальонного. Он как раз по части дежурил. Он у нас казах был и записку написал по-казахски. То ли спьяну, то ли торопился очень. У нас в батальоне человек пять казахов было, но в эту ночь — ни одного. Кто в карауле, кто в санчасти. Тогда я приступил к исследованию текста как Шерлок Холмс. Думаю, мне даже легче. У того в письме вообще пляшущие человечки были, а у меня все-таки русские буквы. Пришлось применить метод дедукции.

— Ну и как, понял что-нибудь?

— Два слова. "Кутак" и "ишак".

— Это бы и я понял, — усмехнулся Шабанов. — Он что, хотел ишака трахнуть?

— Вот и я так подумал, — кивнул Крюков. — Но потом оказалось, что ему канистра была нужна, чтобы для своего "москвича" бензина со штабной машины отлить.

— А зачем он по-казахски писал?

— Для конспирации. Он же не знал, что его земляки в разгоне будут.

За разговором они на заметили как приехали на место.

— Красиво здесь, — огляделся Шабанов.

— Горы, сосны. Подмосковная Швейцария, — согласился Крюков. — Хороший город Звенигород. Мог бы столицей вместо Москвы стать, если бы Косой с Шемякой Василия Темного не упустили.

— Это что за разборки? — заинтересовался Шабанов. — Почему я не в курсе? Когда стрелку забивали?

— Это было до тебя, в пятнадцатом веке, — успокоил его Крюков.

— Ну ни фига себе, вот, значит, откуда все пошло, — удивился тот.

— Значительно раньше, — просветил его Крюков. — Первым московским рэкетиром считается Юрий Долгорукий. Он здешнего боярина Кучку замочил и Москву у него прихватизировал.

— Не понял. Так он князь был или беспредельщик? Ладно, ты здесь особенно не топчись, — попросил Крюкова Шабанов.

Возле дома слонялись милиционеры в форме и в штатском. К воротам подъехал черный "ауди". Из машины вылез лоценый, представительного вида мужик с элегантным зачесом.

— Полковник ФСБ Спицын, — представился он. — Что с генералом?

Крюков внимательно посмотрел на приехавшего. Глаза по сторонам рыщут, трет кончик носа — синдром Пиноккио-Клинтона. Знает, козел намного больше, чем хочет сказать. И что с генералом случилось, тоже знает.

"Сюда бы сейчас "бытовой детектор лжи", — подумал Крюков, — в смысле пакетик целлофановый хлопцу на голову. И через пять минут истина восторжествовала бы".

— Пройдемте в дом, нужно опознать тела, — Шабанов пошел впереди гене-

ральский холуй — за ним. Крюкова никто не приглашал и он после долгой дороги решил прогуляться до заснеженных кустов, примыкающих сзади к участку генерала. Здесь внимание Крюкова привлекла куча тряпья посреди плотно истоптанного пяточка в рыхлом снегу. Он приблизился, стараясь не добавить следов к тем, что уже имелись.

От кучи пахло жареным. Вернее горелым. При детальном изучении Крюков сделал вывод, что под обгорелым тряпьем покоятся обгорелые человеческие кости. Рядом в снегу блестела металлическая пластинка. Крюков подобрал ее. Это был то ли жетон, то ли брелок охранного предприятия "РИФ".

На крыльцо генеральского дома вышли Шабанов, следователь и Спицын.

Крюков сунул жетон "РИФа" в карман и незаметно вернулся к дому.

Спицын кивал головой как больная лошадь:

— Да, это генерал Лентулов, его охранник, кажется его звали Вадим. И жена генерала. Неужели ее тоже убили?

— Сама повесилась. Вы не в курсе, она наркотики не употребляла?

— Вы что, издеваетесь? — взвился Спицын. — Жена генерала Лентулова — наркоманка? Нет, это какая-то провокация. Я требую привлечения к расследованию сотрудников ФСБ!

Шабанов развел руками:

— Видите ли, пока виновной в совершении убийств подозревается жена генерала, оно проходит как бытовое. Если будут основания считать что генерал убит в связи со служебной деятельностью, дело будет передано в ФСБ. Согласитесь, так объективнее.

— Но я требую самого тщательного исследования всех фактов, — настаивал Спицын. — Вы только в доме смотрели?

— Да. Сейчас отправлю ребят обследовать окрестности, — раздраженно оправдывался Шабанов.

Крюков пристально посмотрел на Спицына. Его разбирало желание показать ФСБшнику брелок "РИФа" и спросить — не его ли тот ищет. Но он удержался.

Двое постовых, посланных на проческу местности, нашли обгорелые останки почти сразу. Крюков отметил, что Спицын очень заинтересовался находкой и выразил желание немедленно ее осмотреть.

Крюков подошел к Шабанову.

— Я, пожалуй, поеду. До Москвы подскочу на труповозке.

— А тебе разве не интересно, что там ребята нашли в кустах?

— Нет. Интуиция подсказывает мне, что это никакого отношения к убийству генерала не имеет.

— Тогда что это может быть? Совпадение?

— Конечно. Бомжик хотел погреться у костра и сторел. Проверь, не пропали ли у них на здешнем вокзале бомжи.

Крюков не спеша удалился, а Шабанов еще долго с величайшим подозрением смотрел ему вслед.

* * *

В особняке Боженково проходил совет нечестивых. В смысле — лиц заинтересованных в развитии и расширении охвата России компьютерной сетью Юнител. В каминном зале сидели в креслах и потягивали разные напитки заместитель председателя правительственной комиссии господин Биркин, полковник ФСБ Спицын, возглавивший отдел после трагической смерти его начальника, генерала Лентулова и генерал Павлов. То есть те самые люди, которым было поручено контролировать детище мистера Вагнера.

Риф оторвался от экрана телевизора, где один из участников дебатов по проблеме двухтысячного года одержал убедительную победу над противниками, что показали цветные столбики рейтингов внизу экрана.

Это был все тот же маргинал с большой лысиной, украшенной задорным вихром. Он только что с блеском доказал миллионной телеаудитории что никакого компьютерного конца света быть не может и вкладывать пусть даже небольшие деньги в подключение к сети Юнител — пустая трата средств и баблство.

Биркин, сидевший тут же, напротив суперсовременного, метр с лишним по диагонали и толщиной не более десяти сантиметров, телевизора "Фудзитсу", по-бабьи всплеснул руками:

— Нет, вы только посмотрите! Этот идиот распугает нам всех клиентов! Мы тратим миллионы на рекламу, доказывая, что самое верное место для хранения денег в ночь на первое января двухтысячного года — это счета "Ипсилон-банка", а этот мерзавец за пятнадцать минут сводит все наши потуги на нет!

— Не волнуйтесь, — Риф выключил телевизор. — Завтра этой проблемы не будет.

— Вы хотите его убить?

От окрика Биркина вздрогнул почему-то не Риф, а полковник Спицын.

Риф же только усмехнулся:

— У вас превратные представления о методах нашей работы. Предложение, от которого нельзя отказаться, может иметь самые разные формы.

С этим типом уже работают. Уверяю вас, что завтра он с таким же энтузиазмом будет требовать перехода всех компьютерных сетей страны в систему Юнитела.

— Это потребует дополнительных расходов?

— Напротив. Два дня назад мы потеряли явочную квартиру. Решая нашу общую проблему, я решу и свою, квартирную.

— Значит этот вопрос можно считать закрытым? — несколько успокоился Биркин. — Что ж, тогда можно подводить итоги. Операция проведена блестяще. Все, кто реально или хотя бы потенциально представлял опасность для нашей программы, выведены из игры. Несколько незначительных факторов риска находятся под строгим контролем. Со дня на день мы ожидаем прилета в Москву самого мистера Вагнера. Думаю, нам есть, что ему доложить и чем гордиться.

Присутствующие одобрительно зашумели.

* * *

С дебатов Валерий Правдин возвращался окрыленным как никогда. Он даже забыл пригласить непокорный вихор, и тот, вместо того, чтобы прикры-

вать его могучую лысину, развевался победным штандартом.

За последний месяц Валерий становился раскрученной фигурой. Наконец-то его принципиальность, острота ума и задор бойца были замечены и оценены по достоинству.

Его уже показали в нескольких телешоу, у него взяла интервью Светлана Паратова. И, наконец, вчера ему поступило предложение войти в предвыборный список одной из партий. Валерий понимал, что будет играть в нем роль очередного Лени Голубкова, но его это не смущало. Одним словом, Валерий Правдин был доволен жизнью.

Он по обыкновению ехал на своей сверкающей хромированными деталями "победе" в левом ряду со скоростью шестьдесят километров в час, игнорируя возмущенные сигналы теснившихся сзади водителей.

Приехав домой, он не спеша поставил машину в гараж и, снисходительно кивая знакомым и незнакомым, направился в свой подъезд. На этаже возле квартиры его ждали двое. В первый момент он даже испугался.

Но ненадолго. Для киллеров гости были староваты, да и спортивной комплекцией не отличались. Скорее это были очередные шестерки партийных функционеров.

— Вы господин Правдин? — спросил один из них.

— Лучше товарищ, — с достоинством кивнул Валерий.

— Мы из центрального бюро приватизации, — представился гость. У нас на вас жалоба. Вы продали свою квартиру, выписались, но почему-то не освобождаете ее. Вот решение суда. Вам предлагается завтра же освободить не принадлежащую вам площадь. Это последний срок.

— Я? Продал? — Валерий был совершенно растерян. — Пойдите, этого не может быть! Здесь какая-то ошибка!

— Что вы, дорогой товарищ, — по-доброму улыбнулся гость. — Разве компьютеры ошибаются? А если и ошибаются, то крайне редко. Одна погрешность на миллион операций. Это допустимо.

— Как допустимо?! Вы в каком веке живете? В каменном? — бесился Правдин. — Современные сети вообще не должны допускать ошибок. Разве ваша компьютерная сеть не защищена какой-нибудь современной программой?

— Зачем? — искренне удивились гости. — Вы же сами все время доказываете, что это лишняя трата денег!

Правдин провел бессонную ночь. Последнюю ночь в своей квартире. В своем ближайшем выступлении, состоявшемся на следующий день, он поведал миру о своей трагедии и призвал немедленно защитить программой Юнител все сколько-нибудь важные информационные участки.

Решение это пришло к нему не само, а в лице дилера фирмы, представляющей интересы сети Юнител в России. Парень был похож скорее на вышибалу из ресторана, чем на коммерсанта. Тем не менее он сумел очень доходчиво объяснить товарищу Правдину техническую сторону его жилищной проблемы.

Товарищ Правдин загорелся идеей внедрения и популяризации сети Юнител в нашей стране. Он ездил по различным учреждениям, преимущественно таким как банки и офисы крупных фирм, где с примерами на руках демонстрировал коммерческий внедренческий эффект от подключения пользователя к сети Юнител.

За ударную работу Правдин был премирован кредитом от "Ипсилонабанка" на покупку скромной однокомнатной квартиры. Вдохновленный этой наградой, он продолжал нести идеи Юнитела в массы.

Подобные случаи часто происходили в последнее время на различных объектах, не имеющих надежной защиты от компьютерного взлома. Можно было подумать, что в стране внезапно появилась банда хакеров, которая щелкала охранные контуры других фирм как орехи и не могла справиться лишь с сетью Юнител.

Доходы фирмы резко пошли вверх. Банки, которые вошли в систему Юнитела, стали пользоваться особым доверием клиентов. Этому способствовали и новые виды вкладов под более высокий процент.

Не раз леченые и обутые российские граждане и организации, которым пора бы было хоть чему-то научиться, вновь принялись дружно строить очередную самую высокую пирамиду.

* * *

Утром Крюков позвонил Ирине:

— Я сегодня работаю, попробую вырваться минут на двадцать. Нужно срочно поговорить с Антоном насчет его сослуживцев из Кургая. Подскажи мне его адрес.

Ирина назвала адрес, по которому племянник снимал квартиру. Затем потребовала:

— Подтверди получение информации.

Трубка молчала.

— Эй, на проводе! — переспросила Ирина. — Ты живой? Крюков, что с тобой? Ответь!

Она не на шутку испугалась. Наконец в трубке послышался невнятный хрип.

— Пока живой, — Крюков прокашлялся. — Слушай, не знаю, как тебе сказать...

— Чем проще, тем лучше, — с тревогой заверила его Ирина.

— Короче, дело было так. Недавно мы накрыли одну нехорошую квартиру. В самый неподходящий момент туда позвонил неизвестный. Номер телефона мы определили и по нему вышли на другую квартиру, еще хуже первой.

— И туда тоже позвонили? — догадалась Ирина.

— Не совсем. Неизвестный связался с той квартирой по модему. Что именно он сообщил, сейчас неважно. Самое главное, что мы вычислили и третий адрес. Этот адрес ты мне только что назвала.

— Адрес Антона? — Ирина была поражена. — Объясни, зачем он звонил в эти нехорошие квартиры!

— Дело в том, что звонил не Антон. Это был Мясник.

* * *

В антоновой квартире Бонза расположился как дома. В том смысле что к компьютеру никого, в том числе и хозяина, не подпускал.

— Из нас троих я один — настоящий хэкер, — говорил Бонза. — А вы так, ломеры. Пшено. Не обижайтесь. Ты, Пит, может у себя в Питере и ходил в авторитетах, но у нас это не уровень. Антоха тоже не лучше.

— Хватит трепать языком, — осадил его Антон. — Твою телку и мента вчера зарезали. Если бы мы не свалили, зарезали бы и нас. А дом взорвали. Также

взорвали и тот дом, куда ты звонил позавчера. Козе понятно, что за тобой хвост. Поэтому телефоном и модемом не пользуйся, в Юнител и Интернет не выходи.

— Из вас я один знаю коды, — похвастался Бонза.

— Засунь их себе в жопу, — посоветовал Питер. — Антон прав. Ты нас спалишь ни за грош.

— Ни хрена себе грош! — возмутился Бонза. — Я им подбросил тридцатник зеленью!

— Ты и меня засветил, — мрачно изрек Антон.

— Я же не виноват, что из нас троих у тебя одного валютный счет в "Ипси-лон-банке".

— Просто потому, что я первым пришел работать к Семену, и на этот счет нам клали зарплату на всю шарашку.

— Ладно, отстаньте от меня! — потребовал Бонза. — Этот компьютер спецкабелем не подключен, в "Армагеддон" я отсюда не попаду. Чего вы боитесь?

Антон с Питером переглянулись и вышли из комнаты.

— Я должен отойти на полчаса, — предупредил Питер. — Ты все-таки последи за ним. Мне кажется, Бонза влип в какие-то серьезные игры.

Причем чужие.

— Ладно, не волнуйся.

Антон закрыл за Питером дверь, прошел в свою спальню и завалился на постель. Тем временем Бонза прислушался, убедился, что в квартире тихо и достал из кармана плоскую коробочку с лазерным диском си-ди-райтера, в просторечье — "золота". Он отвалил за эту игрушку с объемом информации в шестьсот мегабайт триста долларов и переписал на нее в полном объеме игру "Армагеддон".

Бонза запустил игру, ввел коды и двинулся хорошо известным ему путем сквозь разрывы ядерных снарядов и лазерные залпы к точке входа в Малую пирамиду.

Другими словами, он сейчас делал именно то, что друзья категорически ему запретили. Он целиком погрузился в работу и не слышал тихих шагов у себя за спиной. Только громкий скрип паркетины под ногой гостя заставил его вздрогнуть.

Он не успел повернуться. Убийца прихватил его левой рукой за подбородок, а правой вонзил в тело огромный нож. Хрустнуло ребро — сталь рассекла его как хлебную корку. Убийца вырвал клинок и нанес повторный удар. Потом еще и еще. Зубья, расположенные на обухе ножа, увеличивали раны до страшных размеров.

Бонза вырвался и заорал. В этом крике не было ничего человеческого — только звериный сплав боли и ужаса.

Убийца махнул пилой по горлу жертвы и крик оборвался. Он хотел тут же достать диск из компьютера, но сообразил, что липкими от крови пальцами может наставить кучу отпечатков и направился в ванную.

Чтобы не испачкаться, убийца еще в коридоре сбросил куртку и рубашку, оставшись в черной майке с надписью "РИФ-секьюрити". Короткий рукав открывал татуировку: на левой руке чуть ниже плеча весело скалился череп с крылышками по бокам. Сверху и снизу вокруг черепа синела аббревиатура: "ОШБОН-Кургай".

На входную дверь снаружи обрушились сильные удары.

* * *

Крюков подъехал к указанному Ириной дому и направился в подъезд.

Из двух лифтов ни один не работал. Впереди Крюкова поднимались пара молодых людей. Толстый молодой человек и девушка с голубыми волосами.

"Мальвина", — обозвал ее про себя Крюков.

Молодежь о чем-то весело болтала. Крюков хотел было опередить их но вдруг услышал среди трепы имя Антона. Он поотстал на этаж и пошел тише. Когда до нужного шестнадцатого этажа оставалось совсем немного тишину подъезда прорезал жуткий крик. Так могли кричать разве что жертвы Мясника. Крик, судя по всему, раздался из квартиры Антона.

Парень с девушкой рванули вверх по лестнице и забарабанили кулаками в дверь. Крюков в два прыжка догнал их и отсранил. Дверь была железная и на вид казалась совершенно неприступной.

Друг босоногого детства вор-медвежатник Лях научил Крюкова двум вещам, жизненно необходимым каждому нормальному человеку: вскрывать замки и махать на ножах. Крюков мог бы в спешке выскочить из дома без трусов или партбилета, но никогда не забывал прихватить подарки друга — набор титановых отмычек и настоящую финскую пукко с выжженным на березовой рукоятке слоном, что по мысли Ляха граничило с тонкой галльской иронией. Аббревиатуру "СЛОН" в определенных кругах принято расшифровывать: "Смерть Легавым От Ножа".

С помощью бесценного дара Крюков справился с дверью за считанные секунды. Пока он осторожно, чтобы не погнуть и не сломать, выуживал инструменты из замка, Толстяк и Мальвина, опередив его, ввалились в квартиру. Когда он следом за ними сунулся в темную прихожую, они с такой же скоростью выскочили из комнаты и снова чуть его не затоптали.

Интуиция сыщика подсказала Крюкову, что в комнате что-то произошло. На сей раз из несессера джентльмена он извлек небольшой двуствольный обреза и осторожно направился в распахнутую дверь комнаты.

В комнате царил беспорядок. Возле стола с включенным компьютером лицом вверх лежал труп. Это был не Антон. Тело было покрыто страшными ранами. Под ним успела натечь огромная лужа крови. Раны были нанесены определенно ножом, но самого орудия преступления нигде не было видно.

— Что тут у вас творится? — раздался голос в прихожей.

— Стой там, не двигайся! — предупредил вошедшего Крюков. — Эй, молодежь! Вы тут ножика не брали?

Из ванной послышались утробные звуки — там кого-то рвало.

Крюков вышел в коридор и набрал на мобильнике номер Шабанова:

— Алло, Жека? Собирайся на выезд, у меня для тебя имеется кое-какая работа по профилю. Ага, по твоей основной специальности. И из прокуратуры кого-нибудь прихвати. Если можно, самого башковитого. Тут потрошитель поработал и, похоже, что это снова Мясник. Не забудь следственный чемодан.

Он прошел по квартире. Мальвина топталась в прихожей рядом с новым персонажем, парнем лет двадцати пяти.

— Это Питер, — представила она парня.

— Я здесь живу, — пояснил он.

Из ванной снова донеслось тигриное рычание — там все еще неудержимо

рвало Толстяка.

— Его зовут Стас, — пояснила Мальвина. — А вы из милиции?

— Да. Где Антон? — спросил Крюков у Питера.

— Понятия не имею. Я уходил, он оставался дома. С Бонзой.

— Бонза — это тот, что в комнате? — спросил Крюков Мальвину.

Та кивнула. Входная дверь раскрылась и на пороге появился еще один молодой человек, длинный как жердь.

— Чегой-то вы здесь делаете, а? — глупо ухмыляясь спросил он.

— Понятия не имею, — пожал плечами Питер.

— Бонзу убили, — внесла наконец ясность Мальвина.

Крюков принялся выталкивать всех из квартиры:

— Вы ничего здесь не трогали? Брысь все на лестницу!

Он прошел по квартире. Балконная дверь на кухне была распахнута.

За перила якорной лапой был зацеплен нож, который Крюков искал на месте преступления. Клинок был покрыт не успевшей засохнуть кровью. К кольцу в рукоятке крепился трос, уходивший вниз к земле. Не хватало только поздравительной открытки с пожеланием: "Ищи-свищи"!

Свистеть Крюков не стал, а вернулся в комнату, где лежал убитый и пробрался к компьютеру. На мониторе значились почти те же параметры что и в двух предыдущих вариантах. Те же "Армагеддон"- "Апекс"- "Малая пирамида". Но не совсем. Даже при своем более чем низком уровне компьютерной грамотности, вернее высоком уровне неграмотности, Крюков врубился, что в игру "Армагеддон" аппарат входит не напрямую через сеть Юнител, а с дискеты.

Он нажал кнопку на панели компьютера. Это был лазерный диск. Крюков вставил его на место. Может быть в таком варианте ему не придется иметь дело с проклятой "Минуткой"?

Но его надежды не оправдались. При первом же нажатии клавиши в углу экрана снова появилась проклятая маска и сообщила, что для подтверждения полномочий у Крюкова в запасе имеется ровно минута.

На этот раз он не стал любоваться картиной крушения мира, а выключил аппарат, извлек из него сверкающий золотом диск и сунул в карман. После этого он продолжил осмотр квартиры.

Вторая комната была закрыта на навесной замок. Обычно хозяин двухкомнатной квартиры, сдавая ее, использует вторую комнату в качестве склада собственной мебели. Крюков подергал замок и тот легко открылся. Здесь и в самом деле хранилась сдвинутой в кучу мебель. Большой шкаф, буфет, пара кресел, опрокинутых на стол.

Но хозяин заблуждался относительно неприкосновенности своей собственности. На углу стола стоял включенный, правда без звука, телевизор. Рядом, на диване, лежал в наушниках Антон. Глаза его были закрыты, лицо бледно.

Крюков шагнул к нему и сжал запястье. Крюков не был китайским врачом, который может поставить по пульсу полный диагноз, но ему показалось, что жизнь Антона вне опасности. Более того, судя по пульсу тот спал здоровым крепким сном. Так спит тот, кто имеет чистую совесть, либо тот, кто не имеет ее совсем.

— Занятно, — прокомментировал Крюков сложившуюся обстановку.

Он слегка постучал по наушнику. Антон открыл глаза и в недоумении уставился на Крюкова. Потом сдернул наушники с головы.

— Что стряслось, пожар, что ли?

— Как тебе сказать? Вроде того. В соседней комнате кто-то зарезал твоего друга. Кажется при жизни его звали Бонзой. Ты про это ничего не слышал?

Часть 2. ФИНАНСОВЫЙ АРМАГЕДДОН

1

Крюков толкнул дверь и вошел. В кабинете начальника "убойного" отдела Жеки Шабанова кроме него самого сидели двое оперов из его убойной команды, следователь прокуратуры, и понурый как больная лошадь Антон. Остальных свидетелей, похоже, уже отпустили.

— Ну что, не колется? — кивнул Крюков на Антона.

— Говорит, что спал в наушниках при включенном телевизоре и ничего не слышал, — покачал головой следователь. — Но, как бы то ни было дверь его комнаты была закрыта снаружи на шпингалет. Сам он ее закрыть, естественно, не мог.

— А если у него был сообщник? — предположил Крюков.

Он не собирался топить Антона. Напротив, хотел исключить все сомнения в его виновности.

— Какой сообщник? Ты сам в квартире посторонних видел? — проворчал Шабанов, которому это преступление уже стало поперек горла. — Ну-ка давай еще раз, с самого начала.

— Пока я возился с ключами... — начал Крюков.

— Ты хочешь сказать — с отмычками, — уточнил Шабанов.

— Не придирайся, зануда, здесь прокуратура. Лично я называю это ключами. Так вот, пока я ковырялся в замке, вынимая ключи, в квартиру мимо меня прошли, точнее вломились, двое сопливых юнцов. Это были толстый Стас и синеволосая Мальвина. Когда я сунулся за ними, они уже успели заглянуть в комнату к убитому и ломанулись обратно. Мало того что едва не растоптали, так толстый меня чуть не заблевал. Я стал осматривать тело, а им крикнул, чтобы ничего не трогали и пол не пачкали. В это время, практически следом за нами, в квартире оказался Питер. И немного погодя зашел последний — Никсон. Эти двое так и стояли в прихожей. Антона за запертой дверью нашли позднее. Больше в квартире никого не было. Балконная дверь на кухне была открыта.

— Какого хрена ты принялся тело осматривать? — проворчал Шабанов. То же мне, криминалист! Лучше бы организовал охрану места. Может Мясник как раз в этот момент с балкона спускался?

— Может быть. Но я же не ты, не каждый день трупы нахожу. Если бы ты мне памятку вручил, как вести себя при обнаружении трупа, какие пути перекрывать и так далее, я бы, может быть, сразу под балконом встал и подождал, пока Мясник ко мне в руки упадет как банан к терпеливому негру.

— Так ты думаешь, что он спустился с балкона?

— Не исключаю. С помощью вот этого ножа-кошки, — Крюков указал на орудие преступления. — Я такой же недавно встречал. Удобная штука. Вот смотрите — трос крепится карабином к кольцу на рукоятке. Из упора-крестовины выскакивают якорные лапы. Целяешь за перила клинком вверх и спокойно спускаешься — конструкция слона выдержит. Когда спустился, ослабил веревку и резко качнул в сторону. Клинок тяжелый, перевешивает, и нож падает вниз. Только следи, чтобы не на голову. Но унести он его не успел.

— Балкон хорошо осмотрели? — спросил Шабанов у своих помощников. Других следов не нашли?

— Обижаешь, начальник, языком разве что не вылизали, — доложил один из оперов. — Там на балконе грязь жуткая и куча всяких следов.

Среди них есть и довольно свежие, мы их зафиксировали. Факт, что убийца свалил через балкон.

— Так у кого ты такой нож с якорем видел? — снова обратился к Крюкову Шабанов.

— У одного клиента по другим делам. Это связано с наркотой.

— И ты видишь здесь какую-то связь?

— Вижу, и довольно громкую. Сначала виртуально взрывается игра "Армагеддон" в компьютере, а следом, в реальности, весь дом. И так два раза. Ты что, про взрывы ничего не слышал?

— А разве это не чеченцы? — удивился Шабанов.

— Не знаю как ты, а я по специальности сыщик, — пояснил Крюков. На чеченцев у меня пока ничего нет кроме слухов и сплетен, а на Мясника уже достаточно набралось. Но тебе с этого не обломится.

— Не упоминай при мне слова "Мясник", — прорычал Шабанов. — Значит ты признаешь, что заныкал ценную информацию, чем нарушил ход следствия? Не стыдно при прокуратуре такое говорить?

— Следствию здесь уже ничего не светит, — разочаровал присутствующих Крюков. — Все доказательства вирус сожрал. Пароль надо знать.

— А кто знает пароль?

— Возможно знал убиенный Бонза, возможно знает еще кто-то. Я над этим как раз работаю, — Крюков посмотрел на Антона. — Ты не в курсе что за дискета у Бонзы в компьютере стояла?

— Это не дискета, — неохотно сообщил Антон. — Это "золото". Лазерный диск для записи объемом в шестьсот мегабайт. Бонза за него триста баксов отвалил. Он на него игру переписал. "Армагеддон".

— Не дороговато за одну игру триста баксов платить? — недоверчиво поинтересовался Шабанов.

— Не знаю. Мне она и даром не нужна, — отрезал Антон.

Крюков промолчал. Приобщить похищенный лазерный диск к остальным вещдокам означало окончательно потерять его.

— Бонза последнее время вообще странный стал, — продолжал Антон. С тех пор как в стройбате Юнител монтировали.

— Что это за стройбат, которому понадобилась компьютерная связь? — удивился Шабанов.

— Понятия не имею, — пожал плечами Антон. — Их казармы за парком Боженово находятся. Там Бонза в основном работал. Мы с Питером на подхвате были — достань-привези. Тогда ему диск и понадобился. У него в тот момент денег не хватило, я добавлял.

— Но для чего стройбату такие примочки? — не унимался Шабанов.

— Может быть они решили в коммерцию удариться? — предположил следователь прокуратуры. — Подряды левые брать? Была ведь во время Отечественной войны левая строительная часть. Ей жулик-дезертир Павленко командовал. Сам себе полковника присвоил, награды, звания раздавал. И это при Сталине! Так что в нынешнем бардаке можно запросто приватизировать

1
ракетную базу. Или хотя бы в аренду взять. По сведениям военной прокуратуры чуть ли не каждый второй военный склад под левую водку сдают. А что еще остается делать?

— Короче, Жека. Ты Антошку в камеру закрывать собираешься? — спросил Крюков Шабанова.

Тот пожал плечами:

— Наш номер шишнадцатый. Вон прокуратура сидит, пусть решает.

Крюков перевел на следователя вопросительный взгляд. Тот развел руками:

— Пока он свидетель. Вообще-то я бы его задержал ненадолго для его же безопасности. Но ты ведь знаешь наше положение с изоляторами.

Отдельных номеров нет. Придется ограничиться подпиской о невыезде.

— Ну вы и крючоктворы, — усмехнулся Крюков. — Так кем он у вас все-таки проходит: свидетелем или подозреваемым?

— Как тебе сказать, чтобы не обидеть? — поднялся со своего хозяйского места Шабанов. — В общем, пусть расписывается и катитесь отсюда оба.

— А ты уже во всем разобрался? — удивился Крюков.

— Не фигу разбираться, работать надо! — напутствовал Крюкова Шабанов. — И без вас тут дышать нечем.

— Ладно, получишь ты у меня палку к плану, — мстительно пообещал Крюков и хлопнул по плечу Антона, который все еще находился в какой-то прощрации:

— Пошли, пока эти доброхоты тебя в камеру не законопатили для твоего же блага. Ненадолго — лет на пять-десять.

— А ведь прокуратура дело говорит — будь осторожен, — напомнил Шабанов. — У тебя не создалось впечатление, что Мясник наведывался именно к Антону?

— У меня создалось впечатление, что ты у Мясника работаешь то ли пресекретарем, то ли рекламным агентом. У тебя ко мне все? — обернулся Крюков в дверях.

— Если обиделся, набери в рот говна и плюнь в мою сторону, — предложил Шабанов. — А ведь я тебя другом считал, хотел сказать, что сожженный труп возле дачи генерала Лентулова принадлежал скорее всего бомжу. А теперь точно не скажу.

— Ну и не говори. А что за бомж?

— Местный, со станции. У них там при буфете один завсегда пропал, грязнорабочий, который за стакан портвейна. Люди видели как он в машину садился. В черную волгу. И не вздумай про номера спросить убью. Теперь все, свободен как негр в Синг-синге.

— Ухожу. А что с веревкой, на которой генеральшу повесили?

Шабанов подозрительно прищурился:

— Откуда знаешь? Кто-то из моих наступал?

— Кроме тебя больше никому. А все знаю, потому что умный и интуиция у меня развитая. Ты колись, быстрее, тогда я быстрее уйду. Тебе же приятнее будет.

— На веревке почти по всей длине следы трения на волокнах, — с неохотой сообщил Шабанов.

— То есть ей сначала накинули петлю на шею, а потом подтянули к потол-

ку? — уточнил Крюков.

— Да. Теперь все? Или ты уже знаешь, кто это сделал? Тогда поделись с нами, бестолковыми.

— Утверждать не могу, но если поспрашивать того ФСБшника, генералова помощника, который всюду нос совал, может он что и скажет. Может даже признается. Чистосердечно.

— И что я должен у него спросить? Не вы ли, товарищ полковник убили жену своего генерала?

— Нет. Спроси так: "Не вы ли убили своего генерала, его телохранителя и его жену"? И: "Почему у убитого вами бомжа оказался служебный жетон частного охранного предприятия "РИФ"? А вообще-то про жетон лучше не спрашивай. Все, я полетел, мне некогда.

И Крюков вытолкал Антона в дверь и исчез сам прежде, чем озадаченные Шабанов и следователь постигли смысл его слов.

Спускаясь по лестнице и толкая впереди себя заторможенного Антона, Крюков размышлял, зачем все-таки привокзальному бомжу понадобилось ехать на генеральскую дачу с жетоном РИФа в кармане.

Внизу его окликнул дежурный:

— Эй, Крюков, ты интересовался сводкой по Мяснику? Вот, позади "Вагнеровского центра исследований крови" на пустыре нашли три трупа.

Два парня и баба молодая.

— Опять бомжи, что ли? Чего их на пустырь понесло?

— Нет, там дорога к домам ведет через пустырь. Баба приличная, в "Центре крови" работала, наверно на автобус шла, а эти двое, похоже гопники, ее грабануть хотели или изнасиловать.

— Бабу не Марией звали? — напрягся Крюков.

— Не знаю, в сводке почему-то только фамилию указали и место работы. Разгильдяи.

— А Мясник каким боком тут вылез? — не понял Крюков.

— Так он их всех троих и порезал.

Крюков хотел было вернуться к Шабанову, чтобы расспросить его подробнее, но вовремя вспомнил, в каком возбужденном состоянии тот находится и решил отложить разговор с ним до вечера.

Антон пошел в сортир справлять малую нужду. В ожидании его Крюков задумался. Активность Мясника и разносторонность его интересов — от резни до взрывов — не вписывались ни в какую последовательную систему.

Но что-то должно было объединять все формы проявления этого кошмара.

Знать бы — что!

Воспоминания о взрывах навели Крюкова на тревожные мысли. Странная последовательность — два виртуальных взрыва, за ними два реальных.

Третий раз взрыва в "Армагеддоне" не произошло, но это не значило, что его не случится и в действительности.

Идею подать рапорт Крюков сразу забраковал. Попытка объяснить связь компьютерных катаклизмов с реальными взрывами закончилась бы неизбежной регистрацией новатора в психиатрическом диспансере.

"Мы пойдем другим путем" — позвал когда-то Ильич.

И Крюков отозвался. Он отвернулся от дежурного, достал трубку мобильного и набрал номер, который был написан крупными цифрами у дежурного на

1
бюджете.

— Алле, — прошамкал он, изображая старушечий голос. — Это милиция?

Изображал он плохо, но дежурный поверил. Окрыленный успехом, Крюков продолжил:

— В доме номер тринадцать, — он назвал адрес антоновского дома, где вчерась убийство нашли, какие-то кавказские национальные лица носят мешки, не иначе — взрывчатку. Да. Ты, милиция, уж проверь.

По возникшему в тот же момент оживлению Крюков догадался, что его семена пустили корни. Оставалось подождать всходов.

* * *

Рябуха мчалась, разбрызгивая колесами смесь снега, соли и грязи на неловких либо беспечных москвичей и гостей столицы.

— Куда мы едем? — безразлично спросил Антон.

— Сегодня Галину хоронят, — напомнил Крюков. — Надо Семена поддерживать. Ты сам-то как, оклемался?

— Более менее.

— Расскажи-ка мне, бестолковому, что это за система такая — Юнител, — попросил Крюков. — Только имей в виду, для меня не то что компьютер, а обычные деревянные счеты и логарифмическая линейка — суть предметы, недоступные пониманию.

— Но ты вообще компьютер когда-нибудь видел?

— Любовался издалека.

— То, что люди называют компьютером, состоит из трех частей: монитора, то есть телевизора, клавиатуры и самого компьютера — это такой железный ящик, — начал Антон. — В системе Юнител все предельно упрощено.

Ящик тебе не нужен. То есть ты пользуешься услугами одного огромного суперкомпьютера, который находится где-то далеко. Тебе не надо совершенствовать свой прибор, ремонтировать и так далее. У тебя клавиатура соединенная с монитором или обычным телевизором. Все это подключено к Юнителу через обычную же телевизионную антенну с помощью маленькой коробочки. В ней находится служебная плата и микрочип. В нем весь фокус и состоит. Этот чип работает по принципу нечеткой логики со скоростью десять миллионов логических выводов в секунду. Нечеткий контроллер.

— Что это за фигня? Я работаю по принципу нечеткой логики, когда много пью и мало закусываю, — удивился Крюков.

— Нечеткая логика — это принципиально новый раздел математики, — пояснил Антон. — Можно сказать — революция. До этого вся математика как и компьютеры, базировалась на двоичной системе отсчета, то есть отвечала на вопрос четко — "да" или "нет". А нечеткая логика позволяет улавливать нюансы и тонкости. Одно слово — быстрые системы.

— Как это? Ты не умничай, а покажи на пальцах, — потребовал Крюков.

— Хорошо, сейчас попробую, — Антон задумался. — Вот ответь мне, ты водку пьешь?

— Еще как!

— Отвечай "да" или "нет", как в математике.

— Ну если тебе нужен научный ответ, то "да". Пью, — клятвенно заверил Крюков.

— А поллитровую бутылку один выпьешь?

— Э... Если... Ну, в общем, да.

— О'кей, — удовлетворенно кивнул Антон. — А после этого голова у тебя бо-
леть будет?

— Не знаю, — признался Крюков. — Это будет зависеть от качества водки и
количества закуски. Опять же если пивка...

— Ну вот, это и есть нечеткая логика. Когда не "да" и не "нет" не белое и не
черное, а светло-черное. Или темно-зеленое. Понятно объяснил?

— Ну, это уже не наука, а искусство какое-то, — предположил Крюков. —
Абстр-р-рационализм. Шаггал на кобыле прискакал.

— Это точно. Где-то на стыке науки и искусства, — согласился Антон. — Во
всяком случае на этом принципе и строятся современные компьютерные си-
стемы, в частности Юнител. Поэтому ты просто включаешь телевизор на
определенном канале, получаешь на экране меню и выбираешь что тебе нуж-
но. В отличие от Интернета, в котором можно бродить сутками и не найти
нужного тебе сайта, Юнител структурирован в форме пирамиды. То есть ори-
ентироваться в нем не просто, а очень просто. Можешь параллельно с телеви-
зором поставить обычный компьютерный монитор. Можешь ящик смотреть
и играть, в смысле работать, одновременно. Не отходя от телевизора можешь
переводить деньги в любой конец света, делать покупки, обмениваться ин-
формацией с кем угодно. Мечта идиота!

— Скорее шпиона. Мечта резидента. А что они по ящику крутят? — осто-
рожно поинтересовался Крюков.

— Футбол, хоккей, кино. Все то же, что и другие. Только ты можешь смот-
реть то, что захочешь и в любое время. Интерактивное телевидение.

У тебя перечень фильмов и программ длиной в километр, ты выбираешь
что нравится и запускаешь. Хочешь, смотри с начала, хочешь, с середины. Хо-
чешь — вообще одни только голы или драки.

— И "Гений дзю-до"?

Не то, чтобы Крюков не верил Ирине, но на всякий случай хотел убедиться.

— Практически все, что когда-либо было снято и до сих пор где-то лежит.

— Заманчиво. А сколько стоит подключение? — с сомнением спросил Крю-
ков.

— Копейки. А если найдешь троих желающих, получаешь назад половину
своих бабок. За каждого следующего — премия. Пирамида, одним словом. По-
лучается бесплатное кино.

Крюков наморщил лоб:

— Знаешь, чем отличается бесплатное кино от бесплатного сыра?

— Это который в мышеловке? — Антон задумался. — Нет, не знаю.

— То-то и оно, что ничем. Но я все равно подумаю над твоим предложе-
нием. Что-то в нем определенно меня заинтересовало. А что ты думаешь насчет
Бонзы? Каким краем он перехлестнулся с Мясником?

— Ты же сам предположил.

— Что именно? — не понял Крюков.

— Бонза знал коды доступа к той информации, что была записана на его
диске с "Армагеддоном". Разберешься с диском — разберешься с Бонзой. В
смысле с Мясником.

— А ты не хочешь помочь? Все-таки это и тебя касается.

— Честно? Не хочу, — Антон внезапно помрачнел. — Поскольку я в этом

1
дерьме уже замазан по самые гланды, то чем дальше я буду держаться от раследования, тем лучше.

— Но что ты по этому поводу думаешь, что там на дискете может быть?

— Хрен его знает. Какая-нибудь секретная информация плюс киллерная программа.

— Что значит киллерная? — насторожился Крюков.

— При определенных условиях — опоздание с введением кода или незнание пароля — программа убивает информацию на диске. А ты что подумал? Программа по подготовке киллеров?

— Не совсем. Есть ведь такие программы, которые воздействуют на подсознание человека и делают его невольным самоубийцей или убийцей.

— Я слышал об этом, — кивнул Антон. — Но для этого требуется более сложная аппаратура. И суточная энергия Красноярской ГЭС. Слушай, даже если допустить, что я убил Бонзу во сне или под гипнозом, как я мог потом запереться снаружи?

— Но ты точно ничего не помнишь? — спросил Крюков.

— И ты туда же? Точно не помню. Я ящик смотрел, потом заснул.

Проснулся оттого, что вы в дверь ломились. Кто меня запер, кто Бонзу завадил — понятия не имею. Дай в себя прийти, меня до сих пор колотун бьет.

Антон зябко поежился и покрутил головой. Вдруг он насторожился:

— За нами хвост. Эта голубая "пятерка" нас от самой ментовки пасет.

— А ты бы чего хотел? Ты теперь то ли подозреваемый, то ли важный свидетель. Одним словом, скоро от тебя не отвяжутся. За мной такие же веселые ребята целый месяц ходят. Ничего, привык. И ты, года не пройдет, привыкнешь.

* * *

На Ваганьковском кладбище былолюдно и оживленно. То туда, то сюда пробегали группы экскурсантов. Толпились поклонники похороненных здесь героев времени — артистов и криминальных авторитетов. В глазах обращенных на роскошные гранитные кресты и памятники читалась нескрываемая зависть:

"Эх, живут же люди"...

Крюков с Антоном заметили своих. Автобус только что подъехал.

Крюков протолкался к Семену.

— Извини, в морг не успели. Антона в конторе промурыжили.

— Ничего, все нормально. Спасибо, что вообще сумел вырваться.

Народу, чтобы проститься с Галиной, собралось много. Родные, знакомые, сотрудники. Процессия двинулась мимо церкви и, обогнув беломраморный, словно Дворец съездов, угол колумбария, направилась по Писательской аллее кладбища.

— Ирину видишь? — спросил Антона Крюков.

— Вон она, дубленка ее, — Антон указал на шедшую впереди них девушку.

Девушка услышала их разговор и обернулась. Дубленка действительно была похожей, но девушка оказалась не Ириной. Впрочем, Крюкову она тоже была знакома.

— Мария? — удивился он. — Вот уж никак не ждал вас тут встретить.

Вы знали Галину?

— Когда-то мы с ней вместе работали.

— Послушайте, я только что узнал, что возле вашего центра кого-то убили.

Мария вздрогнула:

— Вы и об этом знаете?

— Когда я услышал, что убитая работала в "Центре крови", я испугался, что убили вас...

— Это была моя подруга Лидка. Я не спрашиваю, откуда вы узнали про убийство. Может быть вы знаете и того, кто ее убил?

— Подозреваю, что это тот же человек, который виновен и в смерти Галины. У нас его зовут Мясником. Но кто он, мне пока неизвестно. И боюсь, что вы знаете больше, чем говорите. Не хочу вас пугать, но боюсь, что и ваша жизнь в опасности. Вы уверены, что ничего не хотите мне сказать?

— Я бы рада, но мне просто нечего вам сказать, — потупилась Мария.

"Врет, — определил Крюков. — Сейчас начнет уводить разговор в сторону".

— А кто этот молодой человек, который пришел с вами? — подтвердила Мария его догадку.

— Кто, Антон? — Крюков покрутил головой. Антона рядом не было. — А вы и его знаете?

Тьфу, зараза. Купила за рупь двадцать. Теперь исчезла и Мария.

Она словно растворилась в окружавшей Крюкова плотной толпе. Он стал потихоньку пробираться к краю, чтобы найти хотя бы Ирину.

* * *

2

В черной-черной комнате за черным-черным столом сидел Мясник и разговаривал по черному-черному телефону:

— Слушай, ты меня достал, — голос Мясника выдавал раздражение. Тебя твоя мама разве не учила не суетиться под клиентом? Плевал я на Крюкова, на эту бабу и на всех остальных. Я контролирую каждый их шаг.

Я и так среди них, ближе уже некуда. Остается только в койку залезть.

Все они живы до тех пор, пока я этого хочу. Нет, убивать их пока рано вы и без того сильно наследили. Ну хорошо, мы наследили. Если они нащупают что-нибудь важное, уберу сам. Всех. Сделаю генеральную мокрую уборку. Конец связи.

* * *

Поминки подходили к концу. Как это всегда и бывает на русских поминках, застольный разговор от скорбной темы перешел на насущные проблемы. Жизнь брала свое. Крюков выбрался на балкон, чтобы немного проветриться. Здесь стояла Ирина в накинутой на плечи дубленке.

— Ты что тут стоишь одна? — спросил Крюков.

— Так, думаю. А как у тебя? Надумал что-нибудь?

— Странно, что все так или иначе имеет отношение к Семену: Галина, Антон.

— К Семену или к его банку? Крюков, почувствуй разницу. Не мог же Семен сам убить Галину и нанять нас, чтобы мы искали убийцу!

— Почему? Теоретически мог.

— Ты что, не знаешь Семена?

— Я же говорю — теоретически. Может сейчас с нами общается не он а его

двойник. Или он, но под гипнозом, — Крюков придиричиво поглядел сквозь стекло на печального Зелинского за столом и продолжал. — Может быть он на компьютере с какой-нибудь киллерной программой поработал и от нее заразился?

— Какой еще киллерной программой? Знаешь, Крюков, тебе пора книжки писать.

— Детективы?

— Нет, фэнтези. Лженаучную фантастику. Семен ведет себя совершенно нормально и на жертву инопланетян никак не тянет. Или ты не согласен?

— Согласен. Тогда самое простое — поговорить с ним откровенно.

Наверняка он знает больше, чем рассказывает.

— Хочешь сказать, что он от нас что-то скрывает? На фига ему это надо?

— Не скрывает, просто он не предполагает, что это важно. Мы и сами пока не представляем, что именно нам нужно. Но поговорить с ним нужно, причем основательно.

— Вот и займись этим.

— Почему я? — удивился Крюков.

— Во-первых у тебя это лучше получится. Я буду напоминать ему о Галине. А во-вторых, не забывай, с твоей подачи мне теперь нужно заниматься устройством дел моей фирмы.

— Ладно врать-то. Просто ты втюрилась в этого Ивана и ищешь повод с ним пообщаться. Флаг тебе в руки и коробку пирожных от Ленина.

— Кто бы говорил? А то я не видела как ты обхаживал там на кладбище какую-то мымру!

— Во-первых это не мымра, а подруга Галины, а во-вторых я перепутал ее с тобой. Так что насчет мымры ты, может быть и права...

Крюков замолчал на полуслове. До него только сейчас дошло, что ни Марии, ни Антона он больше не замечал.

— Ты Антона не видела? — спросил он Ирину.

— Нет. Вот, кстати, нужно срочно организовать охрану Антона и остальных, кто находился в квартире. А у меня еще общей лицензии нет.

Без Ивана я вряд ли со всем этим справлюсь — Ну, Антона, допустим, и без тебя охраняют, у него на хвосте милицейская наружка сидит. Я тоже в охране не нуждаюсь, а остальные...

Ладно, валяй. А все-таки признайся честно — тебе не терпится повидаться с твоим новым пенфрендом.

— Крюков, ты деревня! Пенфренд — это "друг по переписке". А то про что ты думаешь своей развратной головой, по-английски называется "бойфренд".

— Я имел в виду "пенфренд" от слова "пенис".

— Козел! Если завтра ты не представишь мне связную версию, я тебя уволю!

Крюков наклонил голову и похлопал себя по макушке:

— Слушай, скажи честно. У меня кумпол как у всех нормальных людей, выпуклый? Или, как учил Лобачевский, вогнуто-седловидный? Иногда мне начинает казаться, будто форма моей головы такая удобная и привлекательная, что буквально каждый встречный начальник норовит усесться мне на плешь. Да еще и поелозить, чтобы поплотнее притереться. Мало мне на службе чуткого руководства, так еще ты туда же!

Выпалив эту тираду, Крюков с достоинством оставил поле битвы. Он ушел с балкона, простился с Семеном и поехал домой. Ему предстояло пахать как упрямым крестьянам Виллабаджо, которые, в отличие от умных соседей — крестьян Вилларибы, почему-то наотрез отказывались чистить сковородки прогрессивным моющим средством и предпочитали скоблить их по-старинке.

* * *

3

Группа Крюкова затаилась в засаде. Конец года, конец века, конец тысячелетия — управлению нужны "палки", то есть раскрытые уголовные дела, причем по профилю. Аргументы Крюкова, пытавшегося доказать, что двадцать первый век наступит только через год, не принимались. Ловлю Мясника, проблемы Зелинского и прочую самодеятельность пришлось временно отложить и заняться рутинной работой — отловом наркоторговцев.

Крюков давно собирался забить одного наглого диллера по кличке Дрянь. Тот обурел вконец — торговал в розницу прямо перед школой. Хитрый Дрянь не торопился. Получив от очередного клиента деньги, Дрянь удалялся в одному ему известном направлении и спустя минут десять появлялся с шариком из фольги за щекой. Он выплевывал шарик с порцией наркоты в растопыренную ладонь клиента и ждал следующего.

Дрянь был очень осторожен. Грека попытался пропастить диллера до самой нычки, где тот прятал свой товар, но тот все время "кусался" останавливался и проверялся на предмет слежки. Когда Дрянь скрылся в подъезде, Грека за ним не пошел, чтобы не проколоться.

Брать наркодиллера с одной дозой смысла не было. Хрен докажешь кто кому ее продавал. Крюков зарядил пятерых своих мелких стукачей.

Они должны были по очереди отовариться у Дряня, после чего Крюков вешал ему хомут, а они давали на наркоторговца показания. Дело несложное, но хлопотное и требующее некоторой организации.

Крюков выпустил первого покупателя и принялся ждать. Дрянь только что принес порцию отравы и разбирался с очередным клиентом. Неожиданно на тротуар возле них вылетела черная волга с мигалкой. Из распахнувшихся дверей выскочила "двойка нападения". Полковник Старшинов с видом победителя оглядел наркоторговца и его покупателя. Он возмущенно ткнул в их сторону пальцем и крикнул своему заместителю:

— Смотри, майор, среди белого дня торгуют наркотики!

Майор Майоров вылупил глаза и заметил на другой стороне улицы Птенчика, который безуспешно пытался спрятать тело крупное за маленькой хрущовской пятиэтажкой.

— А вон и наши орлы, — наябедничал майор. — Как всегда оказались не в том месте и не в то время.

Дрянь, подумав, выплюнул изобличающий его, лет этак на пять, шарик с товаром и поддал его ногой. Серебристый плевок отлетел в грязную снеговую лужу, по которой тут же прошлись колеса автобуса.

Птенчик, а за ним и Крюков с обескураженным видом приблизились к разгневанному начальнику.

— А вот и наша доблестная милиция! — поприветствовал их полковник. — Очень жаль, Крюков, что вы так безграмотно несете службу. Я был о вас луч-

шего мнения. К майору хотел представить. А теперь придется вам отпуск на зиму перенести.

— Который? Я еще за позапрошлый год не отгулял. У нас если не выборы, так государственный переворот, не понос, так золотуха. Я уже забыл, как выходные выглядят. Эври день на ремень.

— Да? Ну вот и отгуляйте. Отдохните, подумайте как следует — как нам с вами дальше работать. И мы подумаем. Через час жду вас в управлении.

И его машина, сверкнув проблесковыми огнями и окатив стоявших на остановке грязной водой из лужи, исчезла вдали.

Убедившись, что гроза миновала, из-за киоска с мороженым появился Грека:

— Он что, полный мудака? — кивнул он в сторону, куда скрылось руководство управления.

— Нет. Это мы мудаки, потому что он нами руководит, — дал разъяснение Крюков. — слушай, Птенчик, будь другом, дай этому знайке в лоб, а то он сейчас еще что-нибудь спросит.

— И спрошу! — раскипятился Грека. — Какого хрена ты не объяснил этому идиоту, что он нам сорвал операцию?

— Вот сам и объясни. В конце концов это у тебя дядька в министерстве работает, а не у меня. Позвони ему и настучи. А я лучше пойду в народное хозяйство честным путем деньги зарабатывать.

— Во-первых теперь говорят не в "народное хозяйство", а в "частный сектор", — поправил Грека. — А во-вторых честным путем ты не умеешь.

И на роже у тебя "ноль-два" написано. Куда ты денешься?

— Сам не уйду, так начальство поможет, — резюмировал Крюков. — Ладно, пошли хоть напоследок пива в рабочее время попьем. Втыки на пиво легче ложатся. Меньше стресса.

* * *

Через час бригада Крюкова в полном составе подгробла к управлению. Крюков первым делом сунулся к дежурному:

— Распечатки из информационного центра, которые я заказывал пришли?

— Пришли и ушли, — проворчал дежурный. — Сам Старшинов забрал. А с ним какой-то хмырь с комитетской рожей приперся. Ух и навешают тебе!

Ты знаешь что? — дежурный поманил Крюкова пальцем.

— Что, — доверчиво наклонился к нему Крюков.

— Когда к начальству пойдешь, штаны переодень шириной назад.

Тогда их снимать не придется. И мыло захвати! Ха-ха-ха! За совет с тебя причитается! — залился он здоровым детским смехом.

Крюков разыскал в кармане монетку рублевого достоинства и ловко забросил ее в широко распахнутый рот сатирика.

— Получи. Сдачи не надо.

Рот дежурного рефлекторно захлопнулся, зубы щелкнули:

— Козел ты, Крюков! Я же чуть язык не откусил!

— Ничего бы не потерял. Собственный язык — первый враг дурака.

— Сам дурак! Она же грязная! — дежурный извлек изо рта монетку.

— По статистике только каждая вторая монета заражена стафилококками, — утешил его Крюков. — Ты что, сегодня до меня уже один рублишко за щечку принял? Нет? Значит тебе повезло — эта монетка только первая.

И он направился к себе в отдел, гнусаво напевая:

— Почему же почему все не любят тут меня?

Александр Абрамыч Галкин, начальник отдела оперативной разработки, в котором работал Крюков, встретил его хмуро:

— А, вот и вы, Крюков? Зайдите к Старшинову. Обзвонился.

— Вы в курсе относительно нашей сегодняшней работы? — поинтересовался у него Крюков.

— Начальники наши ниспосланы нам за грехи наши, — проворчал Галкин. — Вы, Крюков, видно, очень большой грешник.

По причине иудейского происхождения он был вечным майором, точно так же, как Крюков (правда по иным причинам) — вечным капитаном. Майор Галкин давно не имел иллюзий, хотя и считал себя оптимистом. На унылое пессимистическое "хуже некуда" он всегда бодро замечал: "Ну что вы, будет и хуже"!

В кабинете полковника Старшинова околачивались его заместитель майор Майоров и неизвестный с казенной рожей гебешника. Приглядевшись Крюков узнал в нем того самого типа, что приезжал на дачу генерала Лентулова. Либо всем троим было нечего делать, либо они ждали именно Крюкова. Он допускал и то, и другое.

— Полковник был суров:

— Это ваше?

Он потряс в воздухе стопкой листов с таким видом, словно это были крапленые доллары с голыми бабами или сатирический пасквиль на семью президента. Но это была всего лишь распечатка сведений по банку Зелинского, заказанная Крюковым в информационном центре.

— Наше.

— И как это понимать? Вместо того, чтобы бороться с распространением наркотиков, вы, Крюков, занимаетесь сбором компрометирующих материалов на финансовую группу "Ипсилон"! Это что, политический заказ?

— Вам полный отчет по оперативной разработке представить? При посторонних? — Крюков кивнул в сторону незнакомца.

— Это наш товарищ, полковник ФСБ Спицын.

— Даже если это ваш лучший друг или родственник, я не имею права разглашать в его присутствии секретную информацию.

— Я вам приказываю! — от напряжения в голосе полковника бронзовая чернильница на столе раскалилась докрасна.

— Приказывать — ваше право. Только в письменной форме, пожалуйста. С указанием звания и должности вашего лучшего товарища.

— Как вы смеете? Этот не мой товарищ, а товарищ из ФСБ!

— Да хоть сам товарищ Берия! Он что, непогрешим как папа римский или генеральный прокурор? Почему ФСБ может вести разработку наших служб, а мы ее нет? Или в ФСБ нет предателей-двурушников? В самых общих чертах могу доложить, что по моей информации, частично уже подтвержденной, группа наркоторговцев из-за рубежа отмывает деньги в наших банках. А кое-кто из ФСБ их покрывает. Надеюсь, ваш товарищ не из этой службы? Нет? Я так и подумал.

Спесь слетела со Старшинова, но лишь частично.

— Этот товарищ кристально честный, на этот счет можете не беспокоиться.

А вас я попрошу представить материалы по разработке. Конкретные результаты есть?

— Так точно! Результат более, чем конкретный: в одном из обследованных мной банков обнаружено вакантное место начальника службы безопасности. Мне его уже предложили.

— Крюков, вы отдаете себе отчет? Это же самая настоящая коррупция! Вас купили с потрохами!

— Почему купили? Я же еще ответа не дал. Может быть я и не соглашусь. Разрешите отбыть в отпуск?

— Нет, задержитесь, — начальник посмотрел ему в глаза с недобрый прищуром. — С сегодняшнего дня Москва объявлена зоной проведения антитеррористической операции. При главке создан штаб операции. Вы откомандированы в его распоряжение.

— Вы серьезно? А отпуск? А если меня убьют террористы? — забеспокоился Крюков.

— Не волнуйтесь, мы поместим вашу фамилию на мемориальной доске в вестибюле. А за отпуск получите деньгами, — обнадежил его полковник.

— И шоколадку от министра. Посмертно.

— Что? — не расслышал полковник.

— Служу Советскому Союзу! — гаркнул Крюков. — Разрешите отбыть на подвиг?

— Разрешаю. Не забудьте про отчет о разработке! Я буду ждать.

— Ага, сейчас принесу. И пару голых девочек в придачу. Почему же почему все не любят тут меня? — бормотал Крюков, выходя из кабинета.

* * *

"Зато теперь до пятницы я совершенно свободен и могу спокойно заняться своими шкурными делами", — сказал себе Крюков.

Во время кабинетной бури он умудрился стянуть со стола начальника управления верхний листок. Может быть на остальных было интереснее, но этот информацией не баловал. Бумажка многословием не страдала.

"Зелинский Семен Маркович, "Грин-банк" — регистрационный номер 2159, лицензия на проведение банковских операций выдана 27.01.93 — на момент начала проведения операций в октябре 1993 года имел уставный капитал 120 млн. рублей. В феврале 1994 года уставный капитал был увеличен за счет прибыли до 316 млн. рублей. В январе 1999 года начался процесс слияния с "Ипсилон-банком".

Небогато.

Крюков пил пиво и думал. Из всех, кто вошел тогда в квартиру, где убили Бонзу, первым был толстый Стас. Он, судя по всему, первым вошел в прихожую, первым в комнату и первым оттуда выскочил блевать. Он везде оказался первым. Ненамного, но все-таки чуть раньше остальных. Значит и увидеть мог чуть больше.

А мог ли он кое-что сделать? Например накинуть замок на дверь в комнату Антона? Вряд ли. И по времени не выходит, да и замок нужно было бы с собой принести. Как сказал Нострадамус, чем сто раз гадать лучше один раз спросить. И Крюков решил навестить Стаса.

* * *

Но до этого Крюкову предстояла плановая встреча с агентом. Все с тем же

Марафетом. На сей раз встречались они на Горбушке, среди толп потребителей аудио и видеопродукции, по большей части нелегальной то есть пиратской.

Заодно Крюков собирался предупредить кое-кого из своих приятелей-пиратов об очередной облаве в пользу защитников авторских прав.

Сам Крюков не имел ничего против творцов интеллектуальной продукции но в то же время отдавал себе отчет в том, что защита их прав — это их проблемы. Как потребитель он не мог радоваться успехам борьбы с пиратами.

По настоящему бороться с пиратской продукцией можно было единственным способом — выпуская товар отличного качества по разумной цене.

Вместо этого "законники", представленные исключительно бизнесменами и лоббирующими их финансовые интересы чиновниками, огнем и мечом пытались истребить саму пиратскую продукцию. Авторов это не касалось — они в любом случае получали шиш, но для них пиратская продукция, по крайней мере, означала раскруткой и бесплатной рекламой.

В результате одержанных чиновниками побед потребитель видеопродукции вынужден был теперь покупать все те же пиратские кассеты, но по двойной цене, и в дурацком оформлении. То же касалось меломанов и компьютерщиков. Это было закономерно, ибо борьба с пиратством, браконьерством и прочей нелегальщиной — забота государства. А из курса марксовой политэкономии и ленинской теории государства и права Крюков хорошо запомнил — чем лучше государству, тем хуже гражданам. И наоборот.

Поэтому когда чиновники разного калибра, проникновенно заглядывая в объектив телекамеры, заклинали население как проказы чураться пиратской продукции, Крюков видел здесь одно желание: драть с обывателя втридорога и показывать ему только то, что сами власти сами сочтут подходящим. Дай им волю — всю страну заставят смотреть только "Цирюльника" и "Хрусталева", а безыдейного Джеймса Бонда оставят себе. Плавали — знаем. Семьдесят лет это проходили.

Сделав свое черное предательское дело и выпив по бутылке пива со промерзшими на сквозняке пиратами, Крюков направился на поиски осведомителя.

Марафета он нашел возле прилавка с видеодрамматургией. Тот пытался обнаружить в предлагаемом продавцом списке "Пиквикский клуб" в постановке МХАТа с Калягиным в главной роли.

Крюков оттащил его от прилавка.

— Хватит умничать, — урезонил он негра. — Ты бы еще "Гамлета" с Шекспиром в роли призрака потребовал, гурман хренов. Давай к делу. Что нового о ребятах, которые приватизировали дело Касьяна. Кстати, он сам пока так и не нашелся?

— И не найдется, — сообщил Марафет. — Нет больше Касьяна. А предприятие его люди из "РИФа" забрали. Они теперь совсем на дно ушли.

— А где их кайф-база?

— Э, даже не спрашивай! — замахал руками Марафет. — За парком Боженково, сразу за окружной дорогой, — добавил он еле слышно.

— Ладно, спасибо, товарищ... Как тебя по паспорту? Сидоров? Кстати, ты Эллку-целку помнишь? Которая в жопу долбилась, чтобы девственность сохранить?

— Помню, конечно, — расплылся в улыбке Марафет. — Лучше нее минет только моя жена делает.

— Это ты сам так думаешь или тебе еще кто-то говорил? — с наивным видом поинтересовался Крюков.

— Фильтруй базар, легавый, — зашипел Марафет.

— Не брызгай слюнями, товарищ Сидоров, — попросил Крюков. — Лучше вспомни, она в последнее время товар брала?

— Сама не брала — большим человеком стала. Добилась своего, за генерала замуж вышла. Охранник ее подъезжал, Вадик, что ли? Брал понемножку. Еще что-нибудь интересно?

— Нет, в общем все. А как твой непутевый племянник?

— Плохо, — с укором покачал головой Марафет. — Он связался с черными братьями, которые возят товар большому белому отцу с крутой-прекрутой крышей.

— Насколько крутой?

— Круче всех крыш.

— Самые крутые крыши — на кремлевских башнях.

— Значит это они и есть. Рули на них, брат, не ошибешься. Там найдешь всех, кто тебя интересуют.

— Кстати, — Крюков поймал за рукав Марафета, когда тот уже собирался уйти. — А что это у тебя за имя такое — Окике? Оно разве не женское?

— Слушай, брат, — с обидой в голосе произнес нигериец, — я же не спрашиваю, откуда у тебя твое имя.

— Блин! И ты уже знаешь?! — возмутился Крюков. — Кто настучал?

— Я обязан знать тех, с кем работаю. Для меня это вопрос жизни, — пожал плечами Марафет.

Крюков ничего не ответил и в ярости удалился.

* * *

Согласно приказу в семнадцать ноль-ноль Крюков прибыл в распоряжение штаба по проведению антитеррористической операции. Толкучка здесь была похлеще, чем на Горбушке. Штаб напоминал Смольный и Зимний вместе взятые в ночь революции. Правда бушлаты на снующих кругом людях были не черные, матросские, а серые и пятнистые. Хотя тельняшек хватало. Все толкались, суетились и мешали друг другу.

Из обрывочных фраз Крюков понял, что у всех на слуху подвиг неизвестной старушки, обнаружившей в подвале дома тринадцать склад аммонала. Крюков покраснел и протолкался к окошку с надписью "Дежурный". Искать кого-то более руководящего было бесполезно, да и ни к чему. Себе дороже.

— Капитан Крюков, прибыл в распоряжение штаба, — сунул он в окошко свою ксиву.

Дежурный даже не взглянул в документ и раздраженно буркнул:

— Иди в семнадцатую комнату.

В семнадцатой Крюкова послали на второй этаж к сыщикам, а те послали его еще дальше. Он снова спустился к дежурному тот ткнул пальцем в толстого майора, который в растерянности топтался у дверей:

— Съезди с ним на патрулирование. Проверьте готовность жилого сектора.

Крюков не был занудой и не стал выяснять, кто и к чему должен быть готов и как эта готовность должна выглядеть. Вдвоем с майором они забрались в

милицейский "УАЗик" и поехали по городу.

Город также напоминал о революционных событиях. Чуть ли не в каждом дворе толпились люди, собравшиеся на митинги по поводу взрывов.

Повестка дня у всех была одна и та же — "Спасение утопающих как дело рук самих утопающих". Вопрос "За что мы платим налоги?" почему-то ни у кого не возникал. Возможно потому, что налогов никто и не платил.

За исключением отдельных саботажников и пособников террористов все готовы были торчать по ночам возле своих подъездов и охранять покой мирных жителей. Крюков с майором потолкались среди собравшихся.

Они похвалили граждан за самодеятельность и поблагодарили за помощь милиции. О том, что эту помощь граждане должны будут оказывать впредь до скончания века, Крюков предпочел умолчать. Также не стал он упоминать и о том, что ждет счастливица, которому действительно повезет столкнуться с настоящим террористом.

— Скажите, а как проверить, что там за дверями в подвале или в закрытом грузовике лежит? — задал вдруг кто-то детский вопрос. — А вдруг там бомба?

— Очень даже просто. Сломайте замок, зайдите и посмотрите, — предложил Крюков.

— А разве можно? — робко поинтересовался кто-то из толпы.

— В городе введено чрезвычайное положение, значит все можно.ломайте, проверяйте, обыскивайте. Подозрительных можете расстреливать на месте, — учил Крюков.

— И закон такой есть? — не унимался зануда-умник.

— Есть совместное распоряжение министра внутренних дел и Московского правительства за номером три тыщи два нуля дробь шиснадцать. От пятого-десятого-девяносто пятого, — без запинки отбарабанил Крюков.

— Почему девяносто пятого? — снова удивился дотошный.

— А какого надо?

— Девяносто девятого.

— Пусть будет девяносто девятого. Сами лучше меня знаете, а спрашиваете что делать! Вам жить. Вот стоит грузовой фургон. Если вас заботит соблюдение законности, можете идти домой спать, пускай он ночью взорвется. Но если вам любопытно, проснетесь ли вы в своей постели или под обломками вашего дома, вы собьете замок и посмотрите что там пустые ящики из-под мороженых цыплят или коробочки с гексогеном.

— А что хозяин скажет?

— Чей, ваш?

— Нет, хозяин машины.

— Скажет спасибо за то, что вы его имущество всю ночь караулили.

Если ему это не нравится, значит в следующий раз оставит машину в другом месте. А в случае чего — поступайте, как положено со всеми хозяевами. Волоките его за угол и перо в бок. В смысле пулю в лоб. Все как учил великий Ленин. Вы что, в пионерах не состояли? Но это только в самом крайнем случае.

— Ура! Ломай! — воодушевленный народ отправился сбивать замки. Такой подлинно революционный подъем не мог не радовать.

Крюков ощутил приятный зуд вождя, управляющего подвластными массами. Поначалу это забавляло, но быстро наскучило.

Майор раздал народу бумажки с дежурными телефонами и велел расклеить по подъездам. После этого они погрузились в "УАЗик" и отправились дальше. В штаб они вернулись через несколько часов.

* * *

В штабе по-прежнему царила суматоха. Крюкову показалось, что без него здесь будет немного свободнее. Он уже собрался плюнуть и уйти домой спать, когда услышал:

— Срочно бригаду на разминирование. Бомба в Вагнеровском Центре крови.

Из дальнейших криков и перебранки штабных чинов он понял, что бригады нет. Был один специалист по разминированию, но ему требовался хотя бы один помощник. Среди штабистов такого не находилось. Вернее все они были до зарезу нужны здесь, в штабе.

Крюков подошел к спорящим.

— Давай я съезжу.

В машине его уже ждал немолодой мужик в офицерском бушлате. Это и был специалист по разминированию. У специалиста были красные от невысыпания глаза.

— Третью ночь поспать не удастся, — пожаловался он.

— Что там? — спросил его Крюков.

— Тротилловые или динамитные шашки в подвале. Случайно обнаружили.

— Не гексоген? — спросил Крюков.

— Нет, тут, видно, кто-то другой поработал. Как теперь принято говорить — в связи с коммерческой деятельностью.

"Вот именно, — прикидывал в уме Крюков. — Все верно. Мясник не хочет, чтобы между бомбами в жилых домах и Центром крови обнаружилась связь. Там — чеченцы, здесь — конкуренты".

Когда они подъехали к зданию Центра крови, оттуда были эвакуированы все люди.

"Все ли"? — отметил про себя Крюков.

Но выяснять это было некогда. Они прошли в подвал, где была обнаружена бомба. Возле силового щита прямо на проложенных по стене подвала проводах как елочные бусы были нанизаны длинные цилиндрики, обернутые грубой коричневой бумагой. Гирлянда уходила в даль.

— Видишь? — радостно показал ему минер. — Я был прав. Динамитные шашки. Тут их килограммов на десять, если не больше. Этот подонок пропустил через них оголенный провод. Систему я обесточил, но вдруг у него где-то аккумулятор припрятан? Придется их соскребать с проводов.

Крюков без всякого энтузиазма разглядывал фронт работ. Пострелять или подраться — это было в его духе. Но гробить себя в душном темном подвале в компании с трудоголиком взрывного дела было удовольствием ниже среднего.

— А теперь все лишние марш отсюда, — распорядился специалист по минам. — У тебя как с давлением? — поинтересовался он у Крюкова.

— А что это такое?

— Не знаешь? Счастливый. Тогда останься, если не бздишь. Поможешь.

— Крюков с большой радостью приписал бы себя к лишним, но выбирать не приходилось.

Минер аккуратно надрезал одну из шашек и отщипнул темную массу.

Осторожно пощупал пальцами, понюхал.

— Так я и думал, это гурдинамит, — сообщил он. — На двадцать пять процентов кизельгур, пористая горная порода, а на семьдесят пять нитроглицерин. Всасывается через кожу пальцев. Эффект — как от клофелина. Так что, парень, придется тебе этим заняться. У меня с этим недосыпом давление скачет, могу вырубиться. Ты не волнуйся, я рядом буду стоять. И вот что — если все нормально кончится, выпей кофе. Чашек двадцать, не меньше.

Работа закипела. Минер резал оболочку шашек, а Крюков осторожно считал с проводов взрывчатую смесь и ворчал:

— Слушай, ну почему в американских боевиках все так просто и красиво? Всех делов — выбрать проводок и перерезать. Красненький или синенький. Перерезал — чик — и готово! А тут ковыряйся в этой полужидкой говнообразной массе.

* * *

Спустя час к центру подъехала бригада разминирования ФСБ. Крюков как раз закончил отскребать от провода содержимое последней динамитной шашки. У него жутко ломило голову. Напарник заметил это.

— Голова болит? Я же говорил. Двигай домой, выпей полбанки растворимого кофе и ложись. Пару дней тебе на восстановление. Звезду Героя на дом доставят. Может тебя подбросить?

— Сам доберусь. Шоколадку от президента не забудьте.

Крюков отметил в книге дежурного свой подвиг, сообщил, что сам он погиб смертью храбрых и отправился отдыхать. Оказанная ему медицинская помощь свелась к выписыванию больничного сроком на три дня.

Он потихоньку ехал в правом ряду и размышлял о смысле жизни. Он вдруг вспомнил, что ему уже четвертый десяток, что его одноклассники уже управляют пароходами, банками и правительствами, а он не имеет ни нормальной профессии, ни семьи, ни даже приличной кубышки на черный день. Видимо падение давления компенсировалось ростом депрессии.

От мыслей его отвлек писк мобильного. Он взял трубку. Звонила Ирина.

— Алло, Крюков! У Семена проблемы. У него жуткая депрессия.

— Как, и у него тоже?

— Не оstri. Он в таком виде способен на что угодно. Он только что звонил мне в совершенно невменяемом состоянии. Придумай что-нибудь!

— Перезвони через три минуты. Попробую придумать.

Крюков грустно вздохнул. Даже похандрить спокойно не дадут, не то что помереть. Депрессия — это удовольствие для других.

Он остановился у бордюра, откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Экстренная прокачка энергии — несколько ударов воображаемой молнии, затем несколько сильных надавливаний на точку "проекции лямки рюкзака" — между плечом и ключицей, на полтора цуня вниз.

После этого он не без труда вычислил азимут, сверил стороны света и определился на местности. Он находился недалеко от дома Зелинского.

Крюков перезвонил Ирине:

— Звони срочно Семену и умоляй его приехать. Причем говори таким голосом, как будто тебя режут или душат.

— Зачем?

— Так надо, — он отключился и дал газу.

Через пару минут Крюков был возле дома Зелинского. Как и полагается солидному банкиру, Семен не признавал другой марки кроме "мерседеса". Для парада у него был служебный "пятисотый", для выездов в булочную — что-то среднее между домашними тапочками и калькулятором скромненький "сто девяностый".

Малолитражка стояла на стоянке, Крюков знал где. Сторож мирно спал, будить его Крюков не собирался. Сделать черное дело не составило для него труда и не заняло много времени.

Спустя еще пару минут, в соответствии с прикидками Крюкова, из подъезда появился Семен. Движения его были суетливы и порывисты. Он неловко ткнулся лбом в дверь, потом споткнулся на ступеньках и выругался. В таком виде садиться за руль было совершенно противопоказано.

Сидеть одному дома — тем более.

Семен подбежал к своей машине, уронил ключи, наклонился, чтобы их поднять и тут заметил, что колесо спущено. Спустить само оно не могло оставалось предположить прокол. Семен оглянулся в поисках такси или любой другой машины, но и стоянка, и улица были словно вымершими.

Скрипя зубами и матерясь, Зелинский полез в багажник за домкратом.

Отсутствие сноровки дало себя знать. Замена колеса отняла у него немало времени и заставила слегка пропотеть. Когда он перевел, наконец, дух и потащил спущенное колесо к багажнику, какой-то хам вдруг вырвал из замка багажника семеновы ключи и был таков.

Матерясь и охая, Зелинский бросился за ним. Они выскочили со стоянки и побежали вдоль темных домов. Семен с трудом семенил за похитителем. Он попытался крикнуть, но едва не задохнулся. Похититель снизил темп, и вовремя. Банкир, убежав от депрессии, вполне мог прибежать к инфаркту. Так они промчались метров триста. Наконец вор остановился и обернулся к преследователю:

— Ну как, согрелся?

— Крюков, это ты? — Семен замер каменным изваянием.

— Как видишь, я. Ирина позвонила и предупредила, что ты в сильной депрессии. В такой ситуации аэробная нагрузка — лучшее средство. Кстати, колесо менять было необязательно. Я его не прокалывал, а просто спустил.

— Но Ирина мне звонила и сказала...

— Знаю, это я ее попросил. Ну ты как, отдышался?

— Более-менее. Ну ты и козел!

— Значит порядок?

Крюков достал трубку мобильника и набрал номер Ирины:

— Але, барышня! На связи? У нас полный порядок. Больной тяжело дышит и обзывается козлом. Нет, дышит тяжело, потому что толстый и ленивый. Мало тренируется. Это ему не в теннис с президентами играть. Не волнуйся, я его не брошу. Сейчас пойдем куда-нибудь и напьемся. К тебе? Спасибо, в другой раз. Сегодня без девчачьей компании обойдемся. Я это называю "провести ночь как мужчина с женщиной". Как Маркс с Энгельсом. А ты не знала? Они, когда "Капитал" писали, любили иногда на ночь забуриться в какой-нибудь портовый кабак в Гамбурге и поставить его на уши. Они это называли "Заделать революционную ситуацию". Никогда не слыхала? Странно, об этом же

Ленин писал. Том шинадцатый страница сто шинадцать. Шинадцатая строчка снизу. Или сзади. Ну пока.

Пришелец ванюша не храпит? А? Нет, я ничего не говорил, это кто-то подсоединился. Я дурак? Почему? Ладно. спокойной ночи. Извинись за меня, что разбудил. Перед Ваней, конечно. От такой и слышу.

Крюков убрал трубку и повернулся к Зелинскому:

— Задание слышал? Мне тебя не бросать, остальное на наше усмотрение. Куда пойдём?

— Не знаю, — пожал плечами Семен. — Я кроме собственных презентаций и не бывал нигде. Может в какой-нибудь ночной клуб?

— Отпадает, мы с тобой не той расцветки. Не голубой и не кислотной. Пойдем поищем что-нибудь по-настоящему злачное. Место, где можно получить полный джентльменский набор: нажраться, подраться и подь...баться. И никакой голубизны. Не будем же мы бить педиков. Ты когда-нибудь бил педиков? Я один раз попробовал. Давно.

— Ну и как? Понравилось?

— Никакого удовольствия. Он был мастером спорта по боксу в тяжелом весе. Боксер-тяж — это вообще человек специфический. Если он сумеет своим кулачком попасть в тебя один раз, можешь больше ни о чем не беспокоиться, потому что поднимать и тащить тебя придется кому-то другому. Он пытался приблизиться вплотную, но я ушел нырком и убежал.

Бр-р! Кстати, когда ты вообще дрался в последний раз?

— Да я вообще не любитель... — стушевался Семен.

— Напрасно. Много потерял. Начистить репу ближнему — вот истинный смысл существования и подлинный венец природы. А человек — лишь ступень к ее достижению.

— А если самому перепадет? — скептически улыбнулся Зелинский.

— Ну что же, — философски развел руками Крюков. — Иногда и без этого не обходится. Самому по соплям получить — тоже дело святое. Ну что банкир, полколбасили?

— Пошли, — во вздохе Зелинского не слышалось радости.

Но этот вздох не имел ничего общего с депрессией. Обычная грусть.

Они сели в рябуху Крюкова. Тот покрутил ручку настройки радио.

— Эхо криминальной Москвы, милицейская волна, — пояснил он Зелинскому.

"Внимание, ограбление ночного магазина, — сообщил голос из приемника. — Сообщаю адрес".

— Заглянем? Это совсем рядом, — предложил Крюков. — Какое-никакое а все развлечение. Глядишь — и ночку незаметно скоротаем.

Машину он предусмотрительно остановил за углом.

— Посиди пока, покури, — предложил он Зелинскому.

Магазин располагался в стеклянном павильоне. Возле дверей околачивался чахлый субъект — видимо стремщик. Крюков резко перешел на бег одновременно извлекая из-под куртки обрез.

Стремщик заметил его движение и, вместо того, чтобы дать сигнал хотя бы свистом, рванул в противоположную сторону.

С обрезом наготове Крюков ворвался в магазин. Внутри был всего один бандит, такой же зачуханный, как и его приятель. Но в руке он сжимал облезлый

“ТТ”. Продавщица и хозяин, оба бледные, трясущимися руками выгребали из кассы выручку.

— Всем на пол! Кооператив СМЕРШ! — Крюков направил в лицо бандиту чудовищные жерла стволов, в глубине которых можно было различить блеск зарядов. — Вам картечь или пулю?

И выстрелил дуплетом. Два выстрела слились в один. Резко запахло порохом. На всклокоченной голове налетчика появился аккуратный пробор.

Он выронил пистолет и пулей вылетел на улицу. К запаху пороха примешался до боли знакомый резкий аромат кала.

— Одно слово — нечистая сила, — пояснил Крюков перепуганной продавщице. — Испортил воздух и исчез.

С улицы вбежал перепуганный Семен.

— Что тут у вас? Почему так говном воняет?

Крюков пожал плечами:

— Подумаешь, уж и пукнуть нельзя простому человеку.

— Это не тот ли простой человек сейчас на улице в фонарный столб лбом врезался? Что ты с ним сделал?

— Ничего особенного, просто выстрелил в наглую рожу, — Крюков помахал обрезом. — Впритирочку по макушке прошло. Думаю, клиент не только обосрался, но и кончил. Рекомендую — самый безопасный секс в мире.

— Ничего себе безопасный! — покачал головой Семен. — А если бы ты его убил?

— Исключено. Патроны шокковые, вместо пули или дроби заряжены водой. Меня их один старый браконьер научил делать. Он такими егерей пугает. Вода по листе бьет — один в один картечь.

Хозяин заведения наконец обрел утраченную было солидность и обратился к Крюкову:

— Послушай, уважаемый, а к тебе под крышу нельзя отойти?

— Нет проблем, — обрадовал его Крюков. — Вот мой банкир. Он тебе номер моего счета скажет. Можешь завтра же переводить бабки.

— Зачем завтра? Прямо сейчас переведу! Только с моей крышей разберись, очень прошу!

— Ты кому платишь? Почему он не охраняет?

— Раньше касьяновым платил. А теперь они куда-то подевались, так полный беспредел начался. Каждый день какой-нибудь козел свои услуги навязывает. А не соглашаешься — вот таких отморозков присылает.

— Нет проблем, если кто еще сунется, запиши его в книгу жалоб и передай привет от Крюкова. Проблем не будет.

Магазин озарился с улицы веселым светом синих мигалок. По лестнице затопали тяжелые подошвы. В распахнувшуюся дверь ворвались парни в сером камуфляже.

— Всем стоять! Не двигаться! Милиция! — заорали они.

— Если милиция, покажи документы. Чего орать-то? — спокойно ответил Крюков.

— Я тебе щас покажу документы!

Начал было один, но напарник хлопнул его по плечу:

— Расслабься, это же Крюков. Крюк, какого хрена ты здесь делаешь?

Ты зачем магазин ограбил? Чистосердечное будешь писать?

— Не докажешь, — Крюков изобразил коллегам неприличный жест. — У меня русских денег с собой — ни копейки. А у них касса от бабок ломится.

— Не успел, что ли? А показания потерпевших?

— Ничего не скажут. Я их запугал. Слушай мою версию. Сюда вошел грабитель, я шел мимо и потребовал, чтобы он прекратил. Он в страхе обосрался и убежал. Вонь чувствуешь? Еще не выветрилась. Можешь занести ее в протокол — это улика. И ничего другого ты не услышишь.

— А где же труп? Или ты хочешь сказать, что он ушел живым? — недоверчиво покачал головой патрульный.

— Я не стал его убивать. Подумал о его старушке-матери, малых детушках и все такое...

— Стареешь, — покачал головой патрульный. — Протокол будем составлять?

— Сам составишь. Запиши данные хозяина и займись работой. В Москве антитеррористическую операцию проводят, а вы болтаетесь тут без дела. Давайте, братцы, валите отсюда на фиг.

Крюков вытолкнул патрульных на улицу и вернулся в магазин.

Хозяин ждал его с удвоенным почтением:

— Так вы из ментовки? В смысле из милиции?

— Как ты угадал? — усмехнулся Крюков. — За это разрешаю перекрасить крышу на магазине в красный цвет, чтобы все знали. Слушай, Сеня, а не посидеть ли нам прямо тут? Что-то я сегодня устал, расхотелось мне куда-то пить. Ара, у тебя подсобка с плитой есть? — спросил он у хозяина магазина.

— Э, зачем подсобка? У меня кафетерий вон за перегородкой! Проходи, садись, дорогим гостем будешь!

— Что-то меня сегодня все посадить обещают? Ну как, Семен, остаемся?

— Я не против, — согласился Зелинский. — Только мне что-то жрать захотелось. Чего-нибудь основательного. Пельмешек, что ли?

— Сейчас мигом сообразим, — заверил хозяин. — Имеются пельмени фирменные, итальянские. Мне их из соседнего ресторана возят. У них свой цех.

— А водка непаленая имеется? — поинтересовался Крюков.

— Обижаешь, начальник! На выбор пять сортов.

— Тащи любую, только чистую — без примесей и подкраски, — распорядился Крюков. — И музычку заряди. Что-нибудь томно-лирическое. Можно классику.

— Классику? — переспросил хозяин. — "Лед Зеппелин" подойдет?

— Лид Цепелин? — переспросил Крюков. — Самое то, что надо. Если можно, второй диск. "Ливинг Ловинг", "Моби Дик" — моя чистая детская любовь.

* * *

В процессе насыщения оба почувствовали, что депрессия окончательно отступила, даже из уголков подсознания. Когда в бутылке осталось совсем немного, Крюков спросил Зелинского:

— Слушай, а почему ты не требуешь у меня отчет по своему делу?

— Не хотел мешать. К тому же я не думал, что у тебя уже есть результат.

— Результат есть, — признался Крюков. — Но довольно расплывчатый.

Чего-то я не схватываю.

— Расскажи, — предложил Зелинский. — Может вместе разберемся.

— Механика дела мне ясна, — начал Крюков. — Но меня настораживает од-

но обстоятельство. Корни, сто пудов, уходят в твой банк. Когда я затребовал по официальным каналам самую безобидную информацию, на меня тут же наехали ребята из одной рядом стоящей конторы и больно надрали уши. Расскажи мне поподробнее о своем банке. Он что, секретный?

Семен помолчал, собираясь с мыслями. За это время Крюков разлил остатки водки и сходил еще за одной бутылкой.

— Отчасти ты прав, — подтвердил его подозрения Зелинский. — Мой банк работает под контролем. Эти ребята подгрести его под себя совсем недавно. Зажали намертво, но мягко. Как плоскогубцами через шелковый платок. Сказали — не пожалеешь. Но я сначала пытался вывернуться. Тогда они через компьютерную сеть влезли на счета моих клиентов и ополовинили их.

— И ты не мог на них заявить?

— Они не просто взяли эти деньги, они мне же их и подбросили. В мой банк на мой счет. Ловушка для полного идиота, но она сработала.

Потом мне сделали предложение, от которого я не мог отказаться. Или на меня заводят уголовное дело, или я отхожу под их крышу. В первом случае я пожалею, во втором нет. Посадить бы меня не посадили, дело было сфабриковано слишком грубо, но как банкир я бы кончился. Что мне оставалось делать?

— Выбрать второе. Надеюсь, ты действительно не пожалел?

— Как тебе сказать? С одной стороны у меня не стало никаких проблем. Мне вообще ничего делать не надо. Но когда я изредка заглядываю в бумаги, мне становится страшно.

— И что же тебя так пугает?

— Мой банк работает без маржи. Представляешь?

Крюков задумался:

— То есть ты берешь кредит под десять процентов и даешь кредит под десять процентов, покупаешь доллары по двадцать пять рублей и продаешь их тоже по двадцать пять рублей. Как тот еврей, который покупал яйца по десять копеек, варил и продавал по десять копеек. Так? Но у него оставался бульон и сам он был при деле. А что у тебя?

— Бульона нет, но я тоже при деле. И не я один. Мне платят больше, чем я получал, когда банк был моим. Мы все получаем очень хорошие бабки. Я бы даже сказал — слишком хорошие.

— А откуда доход? Как я понял, твои новые друзья живут еще лучше тебя, хотя и тебя содержат не в черном теле.

— Они заявляют, что поскольку мы проводим бюджетные деньги, то государство просто платит нам зарплату, — пояснил Зелинский.

— Банкиры-бюджетники? Оригинально. К тому же миллионеры! — рассмеялся Крюков.

— Самое странное, что это так и есть, — кивнул Зелинский.

Крюков постарался представить себе как это выглядит. Деньги отдельно, товар отдельно. Да, папаша Маркс безусловно устарел с его патриархально-общинной политэкономией. Получается, что сегодня товар это не более, чем отходы вращения денег. Деньги покупают за деньги и продают за еще большие деньги. Вот только жрать их еще не приспособились. Нет, видно, в мире совершенства.

— И какие же важные проекты финансировал твой банк? — поинтересо-

вался Крюков.

— В последнее время через наш банк проходит финансирование проектов Вагнера, в частности создания сети Юнител.

"Тепло. Очень тепло, почти горячо. Неужели это совпадение"? — подумал Крюков и спросил:

— Слушай, Сема, а ты не мог бы покопаться в системе финансирования Юнитела? У меня имеется сильное подозрение, что смерть Галины напрямую увязана с этой программой.

Кулаки Зелинского сжались:

— Если ты прав, тогда я...

— Не горячись, — охладил его пыл Крюков. — Я пока сам не знаю, какой стороной пристроить к делу мои знания, а ты уже санкции заявляешь.

Предупреждаю — если ты начнешь партизанить, то никогда не выйдешь на след убийц Галины. А вот они тебя вычислят сразу. И уберут.

— У меня есть охрана...

— Именно охрана тебя и уберет. Не исключено, что смертельную инъекцию Галине сделал один из охранников. Получается, когда хозяину РИФа прищемили хвост, он не пристроился крышей к какому-нибудь банку, а пристроил твой банк под свою крышу. Формально он возглавил в нем службу безопасности, а фактически стал хозяином. Ты должен хорошо знать этого человека.

— Ты прав, — с удивлением отметил Зелинский. — Странно, почему я раньше не обращал на это внимания. Как-то я смотрел характеристики охранников. Оказалось, что практически у всех последним местом работы значилось охранное предприятие РИФ.

— А ты не видел у них татуировок на левом плече?

— Видел. У нас большой спортзал, приходилось вместе тренироваться. У них у всех одинаковые татуировки — череп с крылышками и буквы.

"ОШБОН", что ли? Армейская память.

— Точно, — подтвердил Крюков. — Стало быть охраной мы и займемся в первую очередь.

* * *

Бронированный банковский "КАМАЗ" с плохо покрашенной надписью "РИФ" ехал по ночной подмосковной трассе. Кроме водителя внутри него находились еще двое охранников. Одним из них был Драгун. Броневик мчался со скоростью, близкой к максимальной. На крыше его вращался оранжевый проблесковый фонарь.

— Мы что, опаздываем? — спросил Драгуна молодой напарник.

— Нет, но так безопаснее.

— А если кто-нибудь дорогу перекроет?

— Чем? — усмехнулся водитель. — Разве что танком или асфальтовым катком? Остальное нам не преграда. Сметем как пушинку.

Слушай, Драгун, — снова обратился к старшему напарник, — а ты не в курсе — что это мы такое ценное везем?

— Без понятия, — зевнул тот в ответ. — Какая тебе, хрен, разница?

Бабки, наркоту, оружие. Выбирай, что больше нравится?

— Не нравятся мне эти темные рейсы.

— Тогда возвращайся в армию. Иди штурмовать Грозный за рупь двадцать в месяц плюс бесплатные похороны. Там сейчас опять дураков набирают. Не

хочешь? Тогда держи язык на привязи и не задавай детских вопросов. У меня вопросов не меньше, чем у тебя, но я сижу и помалкиваю в чистую портянку.

— И какие, например, вопросы?

Драгун переглянулся с водителем. Да, горбатого только могила исправит. Но ехать было скучно и он решил проявить снисходительность.

— А вопросы, например, такие, — начал он. — Почему Риф тасует нас в последнее время как бобиков?

— А ты у него не спрашивал?

— Спрашивал. Говорит — людей не хватает. Только у меня другое мнение. Крутит он, темнит. Мешаем мы ему, поэтому он нас и гоняет по разным объектам. Ориентацию сбивает, — убежденно проговорил Драгун.

— Все равно Риф командир правильный. Касьяна как пацана разделали, — не согласился напарник.

— Касьяна Бурый сделал, — возразил Драгун. — Если бы он опоздал Рифа замочили бы. Вот до Рифа у нас командир был — Волкодав — цены ему не было. Замочили его. Бурый говорил — кто-то из наших. Жалко он его так и не вычислил.

— И даже не подозревал никого?

— Были подозрения. Служил у нас один парень с мозгами набекрень...

— А у нас разве и нормальные есть? — поддел Драгуна водитель.

— Понятное дело, мы тут все со сдвигом. Но этот был полный шизоид. Ножом классно умел работать. Без тормозов. Сколько он в Первую Чеченскую накромсал! Мы его за это Мясником звали.

— Слышь, а это не он, часом, сейчас народ режет? — спросил напарник. — В газетах пишут про какого-то Мясника.

— Может и он. У нас он больше не служит — совсем крыша съехала.

Отбраковали.

— А куда деваются отбракованные?

— Списывают как боевые потери. И тут же замещают из резерва. Мы же подразделение бессмертных!

— Нет, куда они в натуре деваются? Убивают их, что ли?

— Думаю, лечат их, — предположил Драгун. — Я, в натуре, ни одного больше не встречал. Может в санаторий какой отправляют или в больницу.

— Ага, в больницу. Для опытов.

— Видел я твоего Мясника, — подал голос водитель. — Я тут возле Вагнеровского центра стоял, валютное подкрепление туда подбрасывали.

Так Риф из теннисного зала вместе с Мясником вышел. Он его почему-то Антоном называл.

— А как его в натуре звали? — спросил молодой напарник.

— Драгуна спроси, он этого Мясника лучше знал. Даже жизнь ему как-то спас...

Внезапно прямо в глаза водителю и сидевшему рядом с ним Драгуну ударила слепящая вспышка света. Водитель инстинктивно крутанул руль.

Многотонную махину на скорости под сотню километров в час вынесло с трассы и бросило в кювет. Последнее, что увидел Драгун, было бетонное основание трансформаторной подстанции, которая неслась прямо на него.

Драгун открыл глаза от нечеловеческой боли в голове и спине. В глаза бил все тот же яркий свет. Он был зажат среди обломков машины.

Его напарника в момент столкновения бросило вперед и буквально размазало о бронированное лобовое стекло. Водитель также не подавал признаков жизни.

Драгун застонал. Тут же свет, бьющий в глаза, ослаб. Над ним склонилась голова человека в шапке-маске. Тот сдернул ее с лица и Драгун узнал его.

— Мяслик, ты?

— Кого я вижу? Драгун? Вот не думал, что Риф ветерана по таким пустякам пошлет. Жалко, что это оказался именно ты. А, впрочем, если бы я и знал, это ничего бы не изменило. Прощай, старик.

И Мяслик дважды ударил Драгуна в голову коротким ломиком. Потом повернулся к своим помощникам:

— Ну что, взломали ящик? Тогда забирайте товар и пошли.

* * *

Наутро Риф вызвал к себе начальника отдела банковской перевозки.

— Как это могло случиться? — строго спросил он.

— Понятия не имею, — развел руками начальник отдела. — Информация была засекречена.

— Значит работал кто-то из своих, — Риф в ярости вскочил и прошелся по кабинету. — Но меня беспокоит не только кто это сделал, но и почему.

— Как почему? — начальник перевозки был удивлен. — С целью ограбления.

— Это было бы полбеда, — Риф скрипнул зубами так, что задрожали подвески на хрустальной люстре. — А если это целенаправленная война против нас? И ведет ее кто-то из наших?

— Но кто это может быть?

— Я знаю одного такого человека — это Бурый. — Риф снова сел в кресло. — Но Бурый мертв. Не бессмертный же он в самом деле!

* * *

4

Бурый натянул зимний бушлат с меховым воротником и вошел в кабинет Марии, чтобы попрощаться.

В Центр исследований крови его доставили Драгун и Сармат сразу после тяжелого ранения, полученного при штурме резиденции Касьяна.

Вопреки мнению Рифа Сармат применил свои глубокие медицинские познания и пришел к выводу, что пациент скорее жив, чем мертв.

Центр крови был выбран, поскольку, с одной стороны, его охраняли сами РИФовцы, а с другой ввиду его удаленности от центра и связанных с ним интриг, поскольку Сармат не забыл обрывок цепочки в кулаке Бурого и золотой череп на полу каминного зала.

Дальнейшее было делом техники. И хотя у Бурого почти не было шансов выжить, он выкарабкался, благодаря квалификации врачей и собственному могучему организму.

Мария сидела за столом. Она подняла голову от бумаг.

— Кто вам разрешил вставать?

— Не беспокойся, я уже здоров, — движением руки остановил ее Бурый. — Я знаю, что докторам спасибо не говорят, но ты имей в виду — я твой должник. Дольше оставаться здесь мне никак нельзя. Бомба в подвале была заложена для меня, значит они знают, где меня искать.

— Кто, милиция?

— Если бы. Видела череп с крылышками на моем плече? Меня будут разыскивать ребята с такой же татуировкой. Одного я видел вчера. Кто это был?

Мария постаралась вспомнить.

— Антон? Это знакомый Галины, моей старой подруги.

— Будь с ним осторожна. И подругу предупреди.

— Поздно, — вздохнула Мария. — Она умерла.

Бурый кивнул:

— Да, так и должно было случиться. Запомни — этот человек опасен как ядовитая змея. Смертельно опасен. А больше он ни с кем из твоих друзей не общался?

— С Лидкой... Но она тоже погибла.

— Я так и знал. Постарайся не оказаться третьей, — сказал Бурый и вышел из кабинета.

Мария задумалась. Потом она взяла телефонную трубку и набрала номер Ирины. Та была дома.

— Алло, Ира? Это Маша, галина подруга. Узнала? Слушай, мне очень нужно поговорить с твоим племянником Антоном. Да, я видела его тогда возле машины, а потом он заходил ко мне на работу. Да так, ерунда. Ты не могла бы дать мне его телефон или передать, чтобы он сам мне позвонил?

* * *

Наутро Крюков покрутился в штабе и, так и не найдя себе применения, отправился в новый офис Ирины.

— Нам утвердили твое название, — с порога обрадовала она его. — Мы будем называться "Охранно-сыскной кооператив по оказанию гражданам правовых услуг". Что исключает из нашего прейскуранта наезды на конкурентов заказчика и выбивание долгов. Кстати, познакомься. Это Иона. Он привез наши

лицензии и учредительные документы. Все подписано.

Из кресла в углу поднялся молодой крепкий мужик с приятным открытым лицом. Впрочем, Крюкову он все равно не понравился.

— Иона, — представился он.

— Э-э... для друзей просто Крюков.

— А официально? — попробовал пошутить Иван.

— Капитан Крюков.

— А по имени?

— Не надо по имени. По фамилии как-то интимнее. Значит, приступаем к работе? Нужно обеспечить охраной всех свидетелей по убийству Бонзы. Это пять человек. Я, так и быть, перебыюсь. Кто вооружен — тот вооружен, как говорили римляне.

— Ты уверен, что они именно так говорили? Мне казалось, что это звучит иначе, — вставил Иона.

— Нет, именно так, — отрезал Крюков. — Не придирайся к словам.

— Кстати, о вооружении, — перебила его Ирина. — Пора подумать о закупке оружия для кооператива. Крюков, ты каким пистолетом предпочитаешь пользоваться?

— Я предпочитаю пистолетом не пользоваться, а хранить его в сейфе начальника. Им обоим так спокойнее.

— А как же ты?

— Ох, не люблю я этих пистолетов. Помнишь, как у этой поэтессы-наркоманки: "Мы курим злые сигареты.... Мы купим злые пистолеты..."

Нет, мне определенно злые пистолеты не нравятся.

— А что же тебе нравится?

— Добрый старый двустольный обрез двенадцатого калибра фирмы "Джеймс Пердей и сыновья" с полупистолетной шейкой приклада, заряженный жаканами или картечью. Бескурковый и с неавтоматическим предохранителем. В хозяйстве вещь совершенно незаменимая. Вот такой!

С этими словами он извлек из-под куртки и продемонстрировал собравшимся обрез.

— Но это же цинизм! — возмутился Иона. — Разве можно обкарнать на обрез коллекционное ружье? Это все равно, что из шапки Мономаха тибетейку сделать!

— Во-первых шапка Мономаха и была когда-то просто золотой тибетейкой, крест и опушку к ней позже присобачили, — возразил Крюков. — А во-вторых от этого коллекционного ружья мало что осталось, после того как оно попало под поезд. Вот какие ты, к примеру, знаешь дульные сужения?

— Чок и получок, — ответил Иона.

— А здесь получились "китайские глаза". Такие узенькие щелочки. А приклад будто саблезубые мыши сгрызли. Пришлось все это ампутировать и пользоваться тем, что осталось боеспособным. Оружие универсальное, на все случаи жизни.

— Ну это ты, допустим, перегнул, — не согласился Иона.

— Ни фига. Все дело в патронах. Если нужно тормознуть машину или паренька в бронежилете, я стреляю жаканом. Когда стреляют непосредственно в меня, чего я терпеть не могу, то я отвечаю картечью. В помещении, чтобы не портить полировку шкафов и обивку мягкой мебели, луплю дробью. Но по-

следнее время я предпочитаю использовать шоковые патроны с водой. Старость делает сентиментальным. Толстой, непротивление злу насилием и все такое...

— Не слушай его, прервала крюковские излияния Ирина. — Этот толстовец заснуть не может, если за целый день кого-нибудь не убьет.

— Гнусная клевета и инсинуации, — ответил Крюков. — Если нападки будут продолжаться, я уволюсь на хрен и пойду в баптисты.

— Если ты думаешь, что это место, где баб тискают, то тебя ждет разочарование, — огорчила его Ирина.

— Тогда в хиппи. Секс, наркотики, никого убивать не надо. Цветы буду нюхать. Мечта!

— Так я тебе и поверила! А, впрочем, может и правда не нужно боевого оружия? Может обойдемся газовым?

— Что?

В этот момент уничтожающий взгляд Крюкова мог поспорить в испепеляющей энергии с взглядом горгоны Медузы.

— Иона также лишь снисходительно усмехнулся:

— Ерунда. Газовое оружие может пригодиться только в одном случае — если ты хочешь снять с прохожего шапку или вырвать у него сумку.

Применять его в целях самозащиты может только полный идиот. К тому же хлорацетофенон, которым обычно снаряжаются газовые патроны, называют "Моя вторая мама", так как кроме слез он ничего не вызывает. Причем рыдают оба — и стрелок, и жертва. На алкашей и собак он вообще не действует. Можно, конечно, купить газовый "ИЖ-79" под девятимиллиметровый патрон — он легко переделывается для стрельбы боевыми. Только зачем?

— Значит решили — берем боевое?

— Нет, только служебное, — поправил Ирину Иона.

— А в чем разница?

— Оно не должно стрелять очередями, а должно уступать боевому по мощности на двадцать процентов и иметь калибр не более двадцати пяти миллиметров.

— У меня в детстве такой пугач был. Пробками стрелял. Он как раз имел все характеристики, которые ты перечислил, — не смог скрыть сарказма Крюков.

Иона не обиделся, только пожал плечами:

— Законы не я устанавливаю, а жаль. Я бы тоже предпочел из "беретты" стрелять, чем из "макарова". Но выбирать не приходится, — он повернулся к Ирине. — Вот, посмотри проспект, его тоже наша ассоциация выпускает. Кстати, оружие мы поставляем с минимальной наценкой, почти по заводским ценам. А это раза в полтора дешевле, чем в магазине.

Ирина взяла каталог и стала листать. Иона принялся знакомить ее со своими выкладками:

— Для охраны пятерых свидетелей вам понадобятся как минимум десять штатных единиц. Могу подбросить прямо сегодня своих бойцов, — предложил Иона. — Значит можешь рассчитывать на пять коротких стволов.

Есть у меня заявка на охрану склада. Там два наружных поста, значит можешь приобрести и пару длинных. Я думаю этого пока хватит.

Ирина взглянула на Крюкова. Тот молча кивнул:

"Не возражаю".

— Переходим к делу, — продолжал Иона. — При выборе оружия будем исходить из интересов хозяйки как основного пользователя. Видишь ли Ирина, при своей новой работе ты вполне можешь оказаться для преступников мишенью. Чем-то вроде шведского стола. Начнем с длинноствольного оружия. Так что бы ты хотела лично для себя?

— Я в этом совершенно не компетентна, усмехнулась Ирина. — Главное, чтобы не полнило и цвет веселенький был. Наверно стоит обзавестись помповыми ружьями?

— Тебе, как женщине, рекомендую не "помпу", а автоматический дробовик. Тем более, что в стрессовых условиях некоторые передергивают помповое цевье не до конца. Отсюда задержки в стрельбе. А это чревато потерей жизни. Кроме того у автоматического ружья отдача меньше. Как ты вообще переносишь отдачу?

— Нормально. Я когда-то стреляла из того самого "пердея", от которого у Крюкова рожки и ножки остались. Правда только по бутылкам.

— Тогда могу порекомендовать тебе гладкоствольную "сайгу" двенадцатого калибра. Отличная машинка, сделана на базе "калашника". Но можно подобрать калибр полегче. Например двадцатый.

— Сойдет и двенадцатый. Заверни парочку.

— Договорились. Переходим к короткоствольному оружию. Ты что предпочитаешь: пистолет или револьвер?

— А нельзя и то, и другое?

— Не советую. Надо привыкать к чему-то одному. Или к пистолету или к револьверу. Разница в применении между ними небольшая, но она есть. И в один прекрасный критический момент это может тебе дорого обойтись.

— Тогда что лучше?

— О, это вопрос вопросов! — усмехнулся Иона. — Пусть Крюков меня поправит, если я ошибаюсь, но единого ответа ты не услышишь. Каждому свое. Вообще-то для начинающих предпочтительнее револьвер. Он прост как грабли и надежен как немецкий презерватив. К тому же если ты забудешь его почистить или смазать, он не обидится и не откажет, как это обязательно сделает пистолет. И самое главное — если тебе попался бракованный патрон, в револьвере ты просто еще раз нажимаешь на спусковой крючок и стрельба продолжается. В пистолете же осечка всегда превращается в задержку и приходится передергивать затвор другой рукой.

— А это что, очень трудно или очень долго делать? — саркастически улыбнулась Ирина.

— Нет, не очень. Просто в такой ситуации у тебя может не оказаться второй руки. Во всяком случае свободной и работоспособной.

— Но в пистолет входят, — Ирина заглянула в каталог, — десять патронов, а в револьвер только шесть, а то и пять.

Это утешение для детей. При скоротечном огневом контакте решающую роль играют первые один-два, максимум — три, выстрела.

— Зато пистолет выглядит внушительнее.

— Не скажи. В меня целились и из пистолета и из револьвера. Когда отчетливо видишь головки пуль в барабане и представляешь, что скоро они могут оказаться в твоей голове, становится очень не по себе. В пистолете такой эф-

фект отсутствует. Короче, я рекомендую тебе револьвер.

— И все-таки покажи весь ассортимент своей короткоствольной продукции, — попросила Ирина.

— Из пистолетов — только "ИЖ-71". Девять миллиметров под короткий служебный патрон. Выбор револьверов гораздо больше. Вот, смотри.

— Какой кошмар! — ужаснулась Ирина, взглянув на страницу с образцами отечественных револьверов. Изображенные на ней "Р-92" и "ДОГ-1" в самом деле поражали уродством форм.

— Никогда не смогу взять в руки такого крокодила, не то что из него выстрелить!

— Ты права, культуры конструирования, традиций, эстетики нам не хватает, — согласился Иона. — А вот, посмотри, разработки Стечкина. Шестизарядный "РСА" и пятизарядный "РСЛ". На вид — те же "смит-вессоны".

Говорят, даже лучше, — он не выдержал, стыдливо опустил взгляд и пояснил. — Потому что дешевле.

— А просто "смит-вессона" у тебя нет? Самого обыкновенного? Пускай и дороже.

— Пока только планируются поставки "смит-вессонов" ижевской сборки. Ждем-с.

— Нет, мне нужно сейчас.

Ирина выбрала три шестизарядных револьвера Стечкина-Авраамова.

— А у тебя-то самого что? — поинтересовался у Ионы молчавший до тех пор Крюков.

— ИЖ-семьдесят первый, — тот приоткрыл полу пиджака и продемонстрировал пистолет в плечевой кобуре.

Крюков отметил про себя выемки под курок на задней поверхности кожуха затвора. У "семьдесят первого" она должна быть выпуклой и круглой.

— Можно взглянуть? — попросил он с невинным видом.

— Пожалуйста. С властью не спорят.

Иона достал пистолет из кобуры и протянул Крюкову. Тот осмотрел его. Маркировка на кожухе ствола отсутствовала. Крюков извлек магазин и выщелкнул из него патрон с острой головкой. Покачал головой.

— Ай-я-яй, нехорошо, товарищ вице-президент ассоциации! Это же модернизированный "макаров" под высокоимпульсный патрон — "ПММ". Боевое оружие. Броник третьего уровня защиты пробивает как газету. Нарушаем "Закон об оружии"? Или...

— Или что?

— Или ты не только вице-президент своей ассоциации. Что-то от тебя "старшим братом" потянуло. Я тебя на Лубянке не мог видеть? Нет? Я так и подумал.

— Думай как хочешь, — обезоруживающе улыбнулся Иона. — Надеюсь, ты меня не арестуешь за нарушение закона об оружии?

— Ну что ты, — так же любезно расплылся в улыбке Крюков. Мы же теперь одна семья.

— Какой же ты, Крюков, все-таки козел! — вспыхнула Ирина.

— А что я такого сказал? Мы же теперь сотрудники! Одна фирма одна семья. А за козла ответишь как "с негодяя"!

— Ладно, вот только стрелять немного подучусь. Надеюсь поможешь? —

спросила она у Ионы.

— Нет вопросов, — отозвался тот и обратился к Крюкову:

— А ты попрактиковаться не хочешь?

— Я и так почти каждый день практикуюсь. По мишени "бегущий козел".

— А ты хорошо стреляешь?

— Не очень, но с двадцати шагов из своей "перделки" жаканы кладу точно в голову мишени. А большей целкости мне и не требуется.

— Неплохо, — оценил Иона. — И как ты этого добился?

— Старым японским способом. Смотрю в точку, куда хочу попасть направляю ствол в ту же сторону и нажимаю на спусковой крючок.

— И все? Так просто? — не поверила Ирина.

— Предельно просто. Только надо очень хотеть попасть плюс двадцать лет упражняться в медитации.

— Ну хорошо, а я поеду поучусь стрелять, — сказала Ирина. — Прямо сейчас.

— А ты не хочешь сначала организовать охрану свидетелей?

— Нет проблем, людей я выделил из резерва "Ассоциации". Остальным займется ваш новый начальник охраны, он в курсе событий. Если хочешь можешь его подождать. Вопросы или пожелания будут?

— Обязательно, — Крюков внимательно посмотрел в глаза Ионе. — Ты можешь навести справки об охранном предприятии "РИФ"?

Тот опустил глаза и, чтобы скрыть замешательство, принялся перелистывать свой каталог.

— "РИФ", говоришь? Это которые президента подслушивали? Постараюсь что-нибудь разузнать. А зачем тебе, если не секрет?

— Секрет, — широко улыбнулся Крюков. — Но тебе я скажу. Правда не сразу. А пока подожду нового начальника охраны.

* * *

Крюкову пришлось прождать не час и не два, а три. И причины для опоздания пунктуального до педантизма полковника в отставке Рудакова были более чем уважительными.

Рудаков обнаружил слежку как только вышел из своего подъезда.

Проехавшие мимо него на малой скорости "жигули" с экипажем из двух мужчин и одной женщины сразу вызвали в его подсознании вопрос:

"И кого же это тут пасут"?

Когда же машина остановилась при выезде на улицу и один из мужчин (не водитель) вылез из нее и зачем-то полез в багажник, Рудакову стало ясно, что пасут именно его.

Он вошел в автобус и встал спиной к компостеру. Народу кроме него вошло много, но Рудакову не нужно было вертеть головой, чтобы определить филера. Он знал, что тот стоит у него за спиной. Диагноз подтвердился. Как только Рудакову передали билет и попросили прокомпостировать его, он спокойно повернулся и скользнул взглядом по теснившимся позади пассажирам. Филер был тут как тут. Несколько минут назад он сидел за рулем "жигулей".

Но для полной уверенности нужно было потаскать за собой хвост как минимум полтора-два часа. Рудаков посетил с этой целью ГУМ, Петровский пассаж, а также подземный торговый центр под Манежной площадью, места специально созданные, чтобы засекают хвост. За это время бывший резидент

установил, что пасут его тремя бригадами, довольно плотно, и что занимается им наружка бывшего Второго главка, нынешней ФСБ.

В процессе проверки он сделал вывод, что рубить хвост не имеет смысла, так как заказчик не хуже него самого знает место его новой работы и интересуется его скорее другое — не зайдет ли Рудаков по дороге в какое-нибудь интересное место. С сознанием этого неприятного открытия экс-полковник и прибыл в офис кооператива "ОГПУ".

* * *

5

Крюков тем временем коротал одиночество за бутылкой пива. Он испытывал ощущение собственной ненужности. На службе были рады откомандировать его в распоряжение штаба. В штабе и без него пропихнуться было негде. И даже в родном, только что созданном сыскном кооперативе ему нечем было заняться. Он почти с тоской посмотрел на трубку своего мобильного. Ведь телефон для того и существует, чтобы тебе звонили молодые и звонкие женские голоса.

Зуммер мобильного заверещал. Крюков ухватился за трубку.

— Але?

— Это мм... господин Крюков?

Голос был молодой, звонкий и к тому же женский.

— Можно просто Крюков. И можно на "ты", — любезно сообщил он.

— Вы... ты меня не узнаешь? У меня такие голубые волосы...

— Мальвина?! Вот это номер! И что тебе нужно?

— Мне нужен ты.

Крюков почувствовал испарину:

— Ничего не получится, детка. Я для тебя слишком стар и циничен.

— Да я не в этом смысле!

Он услышал, как она пробормотала в сторону: "Размечтался, самонадеянный старый козел".

— Я хочу сообщить одну очень важную вещь. Дело в том, что это я закрыла замок на двери в комнату Антона. Я...

— Подожди! — заорал Крюков, — я скоро подъеду к тебе и ты мне все подробно расскажешь! К тебе скоро придет охранник, до этого дверь никому не открывай. Поняла?

— Да, поняла. Но я хочу сказать, что навесила замок, потому что...

"Вот и хана антошкиному алиби", — подумал Крюков и сказал:

— Подожди. Приеду, тогда все расскажешь. По телефону — ни слова.

Поняла?

— Все поняла. Жду. Ты знаешь, где я живу? Нет? Тогда записывай.

Крюков посмотрел на часы. Начальника службы охраны можно было уже не ждать.

В этот момент мобильник снова напомнил о себе.

— Слушаю, — ответил Крюков.

Звонил толстый Стас.

— Нам нужно немедленно встретиться, — сообщил он замогильным голосом.

— Вы что, сговорились? — возмутился Крюков. — Говори, в чем дело.

— Я хочу признаться. Но это не по телефону.

— Тогда двигай к Мальвине. Я уже договорился к ней подъехать.

— Я лучше тебя дома подожду, — предложил Стас. — Когда разберешься с Мальвиной, может быть заскочишь ко мне?

— Шестерку, блин, нашли, — проворчал Крюков.

— Что?

— Ладно, заскочу. Дверь кроме меня никому не открывай. Говори куда ехать.

— Ясное дело! Я буду ждать, — с надеждой произнес Стас и продиктовал свой адрес.

Когда телефон снова затрещал, Крюков уже не удивился. Только спросил себя — это Никсон или Питер? Оказалось, что звонил Питер.

— Мне нужно тебе сказать кое-что важное.

— Окей, но только в порядке живой очереди. Сначала Мальвина со Стасом, потом ты. Устроит?

— Договорились, буду ждать.

— Да, чуть не забыл, — спохватился Крюков. — Сегодня вам выделяют охранников. Предупреди ребят, чтобы зря не паниковали. Кстати, твоего адреса я тоже не знаю. Так, записываю.

После звонка Питера Крюков уже просто недоумевал — почему не звонит Никсон. Видимо у них случилось что-то вроде эпидемии признательного поноса. Наконец все стало на свои места. Позвонил и Никсон.

— Антон пропал, — сообщил он.

* * *

Бывший резидент, ныне начальник охранной службы кооператива ОГПУ Рудаков пришел на работу, когда Крюков собирался уходить. Крюкову он понравился. Он производил впечатление мужика серьезного, только чем-то сильно озабоченного.

— Меня пасут, — сообщил он как только покончил с формальностями представления.

— Не убивайтесь, сейчас всех пасут, — утешил его Крюков. — Вы в курсе текущих задач? Нужно срочно организовать охрану пятерых свидетелей.

— Почему пятерых? Официально их только трое.

— Двое остальных, Питер и Никсон подошли к месту происшествия позднее, — пояснил Крюков. Мы не стали заносить их в протокол, чтобы не подставлять. Вы правы, нас капитально обложили и рисковать свидетелями никак нельзя.

— Не волнуйтесь, — заверил его Рудаков. — С охранной ассоциацией все согласовано, людей они выделяют. Думаю, сегодня же вечером, максимум, завтра с утра всех пятерых будут охранять.

— Четверых, — поправил Крюков. — один уже куда-то исчез. Попробую его разыскать и не допустить дальнейшего сокращения поголовья свидетелей.

Он спустился вниз, сел в машину, завел движок и уже собрался ехать, когда позвонил Шабанов:

— Мы откатали пальцы у твоих друзей — Антона, Мальвины и Стаса, — сообщил он. — Негласно, конечно и не привлекая внимания. Сам понимаешь — они же свидетели. На шпингалете антоновых пальцев нет. Но там пальцы этой Мальвины. Могла она закрыть дверь в комнату, пока ты со входной две-

рюю ковырялся?

— Вполне. Она проходила на кухню и обратно, — признал Крюков. Ладно, я сейчас все равно к ней еду. Придется устроить девочке момент истины.

— Давай, двигай- одобрил Шабанов. — Я бы своего человечка с тобой отправил, но некого. И сам с ног валюсь. Да, еще хотел тебе сказать.

Установили наконец того парня, которого Мясник первым убил. Неточно правда. Пока больше вопросов, чем ответов.

И Шабанов коротко сообщил Крюкову результаты экспертизы. Крюкова они сильно озадачили.

И все-таки сначала предстояло навестить Мальвину, а затем Стаса.

* * *

В дверь позвонили. Толстый Стас посмотрел в глазок, поколебался но все же отомкнул запоры.

— Чего так долго не открывал? — спросил гость, войдя в квартиру. Боишься кого?

— Почему боюсь? Нет, конечно, — по глазам Стаса было видно, что он врет.

— Да ты не стесняйся, я сам боюсь, — признался гость. — Не идет у меня из головы этот тип, который Бонзу замочил. Я думаю сваливать.

— Крюков не велел, — возразил Стас. — Он сказал, что сегодня или завтра нам охрану выделяют.

— И ты в это веришь? — усмехнулся гость.

— В то, что нас будут охранять?

— Нет, в то, что эта охрана нам поможет. У тебя выпить нечего?

— Только пиво, — ответил Стас. Раздевайся, проходи.

— Не стоит, я на пять минут, — на госте был надет черный бушлат армейского типа, блестящий на плечах и спине от растаявшего снега.

Бонза сходил в холодильник за пивом. Когда он возвратился в прихожую, то увидел, что гость расстегнул бушлат. Под бушлатом он был перепоясан широким толстым ремнем с массивной бобиной на боку, напоминающей рулетку. Рядом на ремне висели ножны с большим ножом.

— А это тебе зачем? — поинтересовался Стас?

— Чтобы убить и уйти, — ответил гость. — Ведь я — Мясник.

Бутылки с пивом выскользнули из рук Стаса и со звоном ударились об пол.

* * *

Мальвина не открывала. Крюков поторчал немного под дверь. Позвонил, постучал. Потом перезвонил по мобильнику. Никакой реакции. Может быть она все-таки отправилась к Стасу? Ломать железную дверь Мальвины было хлопотно. Крюков исследовал фирменный замок и нашел, что быстро с ним не справиться. Знают подлые иностранцы как испортить настроение простому русскому работяге.

Со всей возможной скоростью Крюков двинулся к Стасу.

То, что он и здесь опоздал, Крюков понял, когда подошел к входной двери стасовой квартиры. Она была приоткрыта, ключ торчал снаружи. Он осторожно вошел в квартиру. Свет не горел. Он зажег его и сразу обратил внимание на яркий предмет, валявшийся на полу. Это была записная книжка в ярко-красном кожаном переплете. Видимо тот, кто вышел из квартиры, в спешке обронил ее.

Книжка лежала возле раскрытой настежь двери в комнату. Даже отсюда

Крюкову было видно раскромсанное тело толстяка Стаса. Тяжелый запах исключал всякие сомнения. Если бы Крюков поступил как все нормальные люди, то есть рванулся к убитому или принялся подбирать яркую приманку, а не так как диктовала выработанная годами привычка не поворачиваться спиной к неопознанным и непроверенным объектам, через минуту максимум он был бы покойником.

Он отфутболил записную книжку в угол прихожей и стал наклоняться когда заметил боковым зрением, что дверь в комнату приоткрывается.

Крюков потянул из-под куртки свой обрез и в тот же момент из комнаты выскользнула черная тень. Убийца был в черном комбинезоне и черной шапке-маске. В руке он сжимал большой черный нож, усеянный по обуху крупными зубьями.

"Ну вот и снова свиделись", — промелькнуло в мозгу Крюкова.

Он выстрелил нападавшему в руку и только тут вспомнил, что тот заряжен шокowymi патронами. Впрочем, выстрелить в морду он бы не успел — так стремительна была атака Мясника.

Тем не менее выстрел принес немалую пользу. Удар пороховых газов и воды практически в упор выбил нож из руки убийцы. Но другой рукой тот успел нанести Крюкову довольно ощутимый удар. При этом маньяк напролом рванулся к выходу.

Крюков выпустил обрез и вцепился в рукав комбинезона Мясника. Он почувствовал, как скользкая ткань выскользывает из руки. Тогда другой рукой он прихватил убийцу за широченный ремень и врезал ему подсечку больше похожую на сметающий блок миказуки. Потрошитель рухнул, но тут же попытался вскочить. Крюков добавил ему ногой в пах. Тот согнулся но не для того, чтобы кататься от боли. Видимо удар оказался неточным.

Убийца рванул пряжку ремня и Крюков полетел вместе с ним в другой угол прихожей, прихватив по дороге вешалку.

Пока он выбирался, Мясник исчез. Снаружи послышался звук поворачиваемого ключа. Крюков сунулся к двери, но вскоре понял, что один из основных замков имел сквозную замочную скважину, так что открыть его изнутри можно было только с помощью ключа.

Крюков выругался и огляделся. Убийца ушел и успел прихватить с собой красную записную книжку, на которую, как на блесну, так неудачно пытался поймать сыщика. В активе у Крюкова осталось мертвое тело Стаса, оружие убийства — большой черный нож с зубьями и широкий кожаный ремень с барабаном, похожим на рулетку. С помощью такого устройства видимо, и удалось дважды уйти Мяснику.

Снаружи послышался непонятный шум. Неужели Мясник забыл в квартире что-то ценное и решил вернуться? Или раскаялся и решил во всем признаться и сдаться Крюкову с потрохами? Нет, непохоже.

Звук повторился, потом еще и еще раз, что очень Крюкову не понравилось. Больше всего это напоминало тяжелый топот ног, обутых в высокие армейские берцы. Примерно такие, которые носят отряды быстрого реагирования самых разных структур — от охраны банка до спецназа федеральной банно-прачечной службы.

Крюкову не хотелось встречаться ни с теми, ни с другими. Он быстро запер остальные замки, на тот случай, если Мясник оставил ключи возле двери, под-

хватил ремень с рулеткой и нож и направился к балкону.

Механика спускаемого аппарата оказалась несложной. Накинуть карабин троса, торчащий из рулетки на кольцо рукоятки ножа, зацепить его лапой за перила балкона и потуже затянуть ремень, пропустив между ногами нечто среднее между шлеей и портупеей.

У Крюкова не было навыков в городском альпинизме, но они и не понадобились. В тот момент, когда на входную дверь обрушились тяжелые удары, он скользнул по тросу и устремился к земле, отталкиваясь ногами от нижестоящих балконов. Рулетка была снабжена рычагом, регулирующим скорость движения.

Спускаться до самой земли было рискованно — только дурак не оставил бы под окном засаду или хотя бы пост. Крюкова совсем не прельщало сравнение с бананом, который сам падает прямо в руки умному негру умеющему терпеливо ждать. Мимо него снизу вверх проплывали темные окна квартир — нормальные люди давно спали. Рядом гостеприимно светили окна лестничных площадок. Но Крюков на них не покупался — внизу на выходе также следовало ожидать членов комитета по встрече.

Дом стоял углом, в вершине которого, если смотреть сверху, Крюков и находился. Справа от него мелькала вертикальная панорама балконов соседнего подъезда. По случаю зимнего и позднего времени все они были плотно закрыты. Но, миновав пятый этаж, Крюков вдруг обнаружил под собой разумную жизнь.

Дверь на балкон четвертого этажа была приоткрыта. Вернее закрывалась. Хозяин, видимо, выходил покурить или глотнуть воздуха. Крюков камнем (или ястребом, как больше нравится) упал на балкон и успел вставить ногу в щель. И замер, пораженный.

Свет внутри комнаты исходил от большого канделябра, уставленного свечами. В молодости Крюков и сам любил такое. Тогда это называлось "сделать интим". Он не ошибся. Сквозь стекло он разглядел на столе ведерко с шампанским, фужеры и вазу с фруктами. На большой раскрытой постели лежала совершенно голая женщина. Точнее девушка.

Ее партнер в это время в недоумении пытался закрыть балконную дверь и даже не успел по-настоящему испугаться. Он был облачен в пальто, накинутое прямо на голое тело.

"Ну вот, и этим весь оргазм поломал"- отметил про себя Крюков.

Он утвердился на балконе, отстегнул пояс, хоть и жалко бросать вещдок, но что поделаешь, и приветливо помахал сладкой парочке, окаменело застывшей в немой сцене. Потом негромко, но требовательно постучал в стекло.

— Разрешите войти? — он мягко, но властно оттеснил голого мужчину в пальто и вошел в комнату. Почему нарушаете? Давайте пройдемте, гражданин!

Гражданин был преклонных лет и напоминал сурового прокурора, выступающего в суде с требованием применить самую строгую меру пролетарского возмездия. Вероятно от гнева, у него сильно тряслась голова и из полуоткрытого рта рвались гневные слова осуждения.

— Что... Что вам надо? К-кто вы такой, — заикаясь проблеял человек, очень похожий на прокурора.

Его голая подруга, очень похожая на несовершеннолетнюю проститутку,

только сейчас сообразила натянуть на себя одеяло.

— Капитан Крюков, МЧС, — представился Крюков. — Что же это вы гражданин хороший, дверь в квартиру не открываете? Вы тут с барышней кайфуете, а ваша жена третий час в подъезде торчит, домой попасть не может. Спасателей по пустякам беспокоит. Нехорошо! А вы, гражданочка приготовьте документки.

— М-моя жена? — переспросил человек, очень похожий на прокурора. Тот торчит в подъезде?

— Вот именно. Прямо под дверью. Ключи потеряла, а вы не открываете. Увлеклись?

— Но в-в-вот же моя жена! — человек, очень похожий на прокурора растерянно указал пальцем на молодую особу, очень похожую на несовершеннолетнюю проститутку. — Мы только вчера по-по-поженились.

— А чего же вы тогда испугались? — Крюков был не на шутку озадачен.

— Многолетняя при-при-привычка, знаете ли... Рефлекс.

— Тогда просим прощенья, ошибочка вышла, — лихо козырнул к пустой голове Крюков. — Не иначе как окном ошибся. Бывает. Это квартира номер три тыщи два нуля?

— Э-это квартира пя-пя-пятнадцать.

— Я так и подумал. Где можно руки помыть? В смысле где у вас выход?

— Та-там, — человек, очень похожий на прокурора, ткнул трясущимся пальцем в сторону коридора.

— Спасибо, можете не провожать, я как-нибудь разберусь. Не буду мешать. Совет вам, как говорится, да любовь! — Крюков раскланялся и покинул гостеприимный дом.

"Спа-спасибо", — донеслось из комнаты, когда он закрывал за собой дверь.

* * *

6

К вечеру тир, куда вице-президент охранной ассоциации Иона привез Ирину, опустел и им никто не мешал. Инструктор видимо хорошо знал Иону, поскольку разложил на столе несколько стволов огнестрельного оружия, пачки патронов к ним и ушел, сказав на прощанье:

— Будете уходить, захлопните дверь и разбудите сторожа.

Еще до выезда в тир Иона посоветовал Ирине переодеться во что-нибудь спортивное типа майки и старых треников.

— Мы что, стрелять едем или штангу тягать? — спросила она, не сдержав сарказма.

— Сама увидишь, — коротко ответил Иона.

Сейчас Ирина горящими глазами разглядывала грозный ассортимент.

Разницу, по крайней мере внешнюю, между пистолетом и револьвером она понимала, поэтому обратилась за разъяснениями к Ионе.

— Так что же ты мне, все-таки посоветуешь? Пистолет или револьвер?

Тому, судя по всему, меньше всего хотелось сейчас заниматься сравнительными характеристиками различных типов стрелкового оружия, но выработанная годами привычка к дисциплине взяла верх.

Иона взял со стола старый, со стертymi местами следами воронения наган:

— Вообще-то начинающие стрелки легче осваиваются с револьвером чем с пистолетом. Попробуй из этого. Но имей в виду — если стреляешь самовзводом, не взводя курка, нагрузка на спусковой крючок приличная.

Смотри, не сломай указательный палец, а то в носу ковырять нечем будет.

Ирине приходилось стрелять из пистолета, дед как-то водил ее в тир. У револьвера же действительно приходилось жать на спусковой крючок со всей силой. Выстрел прозвучал неожиданно и громко, совсем не как в кино.

— Да, — это тебе не киношные трещотки, — словно прочитал ее мысли Иона. — По ушам бьет будь здоров. Давай, лупи дальше, привыкай. Наган хлопшка далеко не самая громкая.

Ирина выстрелила еще три раза. Потом палец просто устал и она решила сделать по-другому — оттянула курок и снова нажала спусковой крючок. Но выстрела не последовало.

— Патроны кончились? — удивленно спросила она Иону. — Ты же говорил, что он семизарядный.

— А сколько раз ты выстрелила?

— Кажется четыре...

— Не кажется, а точно четыре. Ты молодец, считаешь выстрелы. Со временем научишься делать это подсознательно. Отвечаю: да, ты выстрелила четыре раза и у тебя в барабане осталось еще три патрона. Но раньше ты стреляла самовзводом, а теперь взвела курок.

— Поняла, больше не буду, — Ирина снова потянула спусковой крючок но снова услышала щелчок вместо выстрела. — Нет, не поняла.

— Все очень просто, — улыбнулся Иона. — В нагане при стрельбе самовзводом барабан проворачивается на два гнезда, а при взведении курка пальцем — только на одно. Сначала ты выбила первый, третий, пятый и седьмой патроны, а потом, взведя курок, нарушила очередность и снова подставила первый. После этого снова начала жать на спуск и подставлять пустые гнезда.

Если уж начала стрелять самовзводом, то стреляй до конца. Но, вообще-то, это тебе для разминки восприятия. В жизни стрелять из нагана тебе вряд ли придется. Вот, попробуй наш ответ Смиту и Вессону. Револьвер Стечкина-Аврамова, "РСА".

После маленькой и неудобной рукоятки нагана эта показалась Ирине сделанной едва ли не по ее руке. И отдача показалась ей не такой сильной.

Ну как? Лучше? Все дело в рукоятке. Она американская, резиновая.

Можно в машинное масло окунуть и стрелять — из руки не выскользнет.

К тому же отдачу смягчает и звук гасит.

— Да, из него стрелять гораздо легче, — призналась Ирина.

— А ведь у него калибр — девять миллиметров против семь-шестьдесят два у нагана, — пояснил Иона. — Я тебе для этого и дал сначала наган попробовать. Почувствуй разницу. Ну, теперь можно обратить внимание и на мишень, потому что уметь стрелять в нашем деле недостаточно. Надо хотя бы иногда попадать туда, куда стреляешь. Погнались.

Ирина прицелилась, но стрелять не стала:

— А как лучше держать пистолет...

— У тебя револьвер.

— ... Револьвер. Одной или двумя руками?

— Лучше двумя, — сказал Иона. — Одной рукой оружие можно держать только в том случае, если другая занята рулем, мешком с деньгами или красивой женщиной. У тебя, соответственно, мужчиной.

— Но одной рукой выхватывать быстрее.

— Нет. Если ты тщательно отработаешь прицеливание двумя руками оно у тебя займет столько же времени, сколько и одной. А вот результат стрельбы будет разный.

— С какой же дистанции чаще всего приходится стрелять? — поинтересовалась Ирина.

— С небольшой. Если тебе, не дай Бог, придется применить оружие дистанция, скорее всего, будет от одного до пяти-шести метров.

— Тем более. Пока выхватишь, возьмешь двумя руками, прицелишься...

— Так рассуждают дилетанты, либо люди с ленивыми мозгами. Таким лучше вообще не братья за оружие, раздраженно произнес Иона. — Ты должна добиться автоматизма в этом движении. Смотри: делай раз — рука на рукоятке оружия. Два — направляешь оружие в сторону мишени и одновременно подхватываешь второй рукой. Три — открываешь огонь. И не надо при этом щурить глаз. Определи, какой из двух у тебя доминирующий.

Правый? Надо учиться прицеливаться обоими глазами. Кто знает, с какой руки придется стрелять? И не вздумай стрелять от пояса как киношные ковбои.

— Но если мне придется стрелять в упор? — не сдавалась Ирина.

— Это редкое исключение. Вот, смотри — такое положение называется "спид рок" — рука с оружием прижата к боку. Это допустимо только тогда, когда противник находится от тебя на расстоянии вытянутой руки и ближе. В любом другом случае — только прицельная стрельба с двух рук.

Если, конечно, тебе небезразлично, попадешь ты или нет. А теперь только тренировки. И для глаза, и для рук. Сначала поучись просто выхватывать оружие, потом перейдем к стрельбе.

6
Он снова зарядил барабан. Ирина подняла тяжелый револьвер.

Стрельба ее уже утомила. Но Иона был неумолимым учителем. Он взял ее левую руку, которой она поддерживала револьвер снизу и переставил пальцы по-другому.

— Не нужно подпирать оружие свободной рукой, — терпеливо разъяснял он. Наоборот, ту должна придерживать его чуть сверху, чтобы противодействовать отдаче.

И снова серия оглушительных выстрелов. Постепенно Ирина начала привыкать к грохоту.

— Не бросай после каждого выстрела спусковой крючок, — заметил очередную ошибку строгий учитель. — Только чуть-чуть приотпускай, немного уходи с точки спуска, и нажимай снова. Запомни, стрелять нужно двойками. Это называется по-разному: флэш, точные пары, дуплет. Одиночным выстрелом противника не остановишь, разве что случайно. Пиф-паф — о-е-ей! Умирает зайчик мой! А останется один пиф — не будет никакого зайчика.

Ирина скептически покачала головой:

— Как юрист должна тебе заметить, дорогой наставник, что при самообороне второй выстрел в девяноста случаях из ста трактуется судом как превышение. За него и посадить могут.

— И в тюрьме люди живут. А в могиле нет.

С Ионой нельзя было не согласиться. Он продолжал выискивать бреши и просто слабые места в ирининой технике стрельбы. Чувствовалось, что сам он имел за плечами хорошую школу и требовал того же от ученицы.

— Не пугайся, не моргай при выстреле. Ты должна его ждать как подарка, а не как наказания. Впитывай каждый хлопок с жадностью глазами и ушами. Кайфу от этого!

Ирина потеряла счет времени. Наконец строгий наставник то ли сам устал, то ли счел результаты урока более или менее удовлетворительными. Только теперь Ирина заметила, что спортивная футболка на ней потемнела от пота.

Иона усмехнулся:

— Я не пойму, чем ты занималась: стреляла или штангу тягала?

Ирина приняла душ и переоделась. Единственное, что ей сейчас хотелось — это лечь и не вставать. Иона снова словно бы прочел ее мысли.

— Здесь есть комната отдыха, — сказал он. — А в холодильнике, кажется, с прошлого Нового года завалялась бутылка шампанского. Как ты на это смотришь?

Как еще молодая, но уже достаточно зрелая и самостоятельная женщина смотрит на домогательства молодого, приятного, уверенного в себе мужчины? Крайне положительно.

Она расположилась на широком диване с фужером в руке. Иона с ловкостью официанта открыл шампанское.

— Не "вдова", конечно. "Абрау-Дюрсо". Брют. Не побрезгуешь?

— Съешь!

Ирина чувствовала себя на седьмом небе. Прохладный напиток оживил ее. Единственное, что мешало ей ощутить полное счастье, был маленький комплекс вины перед Крюковым. Но ведь они были только друзьями — он сам так не раз говорил.

Мысли о Крюкове навели Ирину на мысли о работе. А вот о работе сейчас

думать ей решительно не хотелось. Поэтому зуммер мобильного прозвучал для нее сиреной воздушной тревоги.

— Привет, — сказал Крюков, ибо звонил, конечно, он. — Не помешал?

— Иди на фиг, — попросила Ирина. — Ты мне весь кайф поломал.

— А оргазм не поломал?

— Дурак ты все-таки и не лечишься.

— Некогда, работы много, — оправдался Крюков. — И у тебя, кстати тоже. наших свидетелей косит эпидемия. Стас мертв, Мальвина не отзывается, Антон просто исчез. Это, правда, не означает, что Никсон с Питером живы. Про них пока ничего сказать не могу.

— А охранники? — Ирина была вне себя. — Ты проверил? Им выделили охранников?

— Не всем, но выделили, а вот добрались ли они до места — не знаю. Двигай в контору и проверь.

— Но сейчас ночь!

— Юнител работает круглосуточно. Вся информация в сети, а ты в этом разбираешься лучше меня. А заодно прикинь — где может скрываться Антон? У меня к нему много вопросов. Я еду к Питеру.

* * *

7

Питер жил все в той же нехорошей квартире, где был убит Бонза. Крюков, движимый скверным предчувствием, не стал звонить или стучать а просто открыл знакомый замок отмычкой. Питер был жив. Он находился дома, на кухне и даже не один. Напротив него сидел человек в черной шапке-маске и черном комбинезоне. В руке он сжимал направленный на Питера пистолет.

— Давай, дернись, — предложил Питеру человек в черном. — Не люблю стрелять по неподвижной мишени. Так вот, сейчас мы вместе позвоним генералу...

Крюков неслышно подкрался поближе и вломился в кухню, выставив свой обрез, заряженный, увы, все теми же шоковыми патронами.

— Всем на пол, ОГПУ!

Охранник в черной униформе повернулся к нему, направил пистолет на него и выстрелил. Крюков успел выстрелить раньше. Человек в черном дернулся, сбив при этом свой прицел. Его пуля ушла в потолок.

Питер подхватил со стола чугунную сковородку с остатками ужина и врезал ему по голове. Послышался хруст, пистолет со стуком упал на пол. Тело в черном комбинезоне дернулось и затихло.

Крюков наклонился и сорвал с налетчика маску. Лицо показалось ему смутно знакомым.

— Ты его не знаешь? — спросил он Питера.

Тот тяжело дышал и, видимо, никак не мог прийти в себя. Наконец выдавил:

— К-кажется я его видел в охране банка. У него была странная кличка — Сармат.

Крюков вспомнил. Он видел этого парня в Центре исследований крови.

— Чего он хотел от тебя? — спросил Крюков.

— Хотел убить.

— Почему же не убил?

— Он спрашивал про это, — Питер кивком указал на красную записную книжку, лежавшую на столе.

Это была та самая книжка, на которую убийца ловил Крюкова в квартире Стаса.

— Стас убит, — сказал Крюков. — Антон не появлялся?

— Нет. Никсон тоже исчез, — ответил Питер. — А что с Мальвиной?

— Не знаю. Дверь она не открыла, а возиться было некогда. Едем к ней. Ты в состоянии?

— Да, более-менее. Надо вызвать милицию. Ты думаешь — это Мясник?

— Скорее всего один из них, — Крюков внимательно посмотрел на Питера. — Еще раз хочу спросить — почему он хотел убить тебя?

— А почему он хотел убить других? Бонзу, Стаса? — пожал плечами Питер. — Наверно потому, что он маньяк, а маньяки всегда кого-нибудь убивают.

— А может быть потому, что ты не Питер? — в упор спросил собеседника Крюков.

Тот в ответ нервно усмехнулся:

— Серьезно? А кто же я тогда? И где тогда настоящий Питер?

— Увы, на том свете. Тело парня, которого Мясник убил первым в Боженковском парке, опознали. Это он. А вот кто ты?

— "Лжепитер" немного смутился, но ни бежать, ни драться, похоже не собирался.

— И все-таки зови меня лучше Питером, — попросил он. — Мое настоящее имя тебе пока знать не следует. Возможно, ты его скоро узнаешь. Я работаю в группе полковника Тюрина. Был внедрен в банк Зелинского для освещения деятельности преступной группировки, состоящей из сотрудников частного охранного предприятия РИФ. Об этом я и хотел тебе сказать, когда звонил.

— Ни Тюрина, ни его группы уже нет, — возразил Крюков.

— Но я остался! Остались Мясник и Вагнер. И я доведу это дело до конца!

Глаза Питера загорелись фанатичным огнем.

— Чем ты можешь подтвердить свои слова? — спросил Крюков.

— Это подтвердит сам Тюрин. Вам не помешает с ним встретиться. Я вас к нему отведу. А сейчас ты прав — надо ехать к Мальвине.

Крюков взял со стола красную записную книжку и они направились на выход.

* * *

Из машины Крюков сначала позвонил Шабанову и сообщил о серии убийств, чем довел его до бешенства, затем связался с Ириной и доложил обстановку.

— Как ты назвал охранника? Сармат? — переспросила Ирина. — Его кандидатуру нам предложил компьютер из резерва Ассоциации. Раньше он работал в РИФе. По графику он должен был охранять Стаса.

— Видимо он решил, что Стас в его услугах больше не нуждается. А по дороге, боюсь, навестил и Мальвину. Остальных охранников проверила?

— Да. Они из разных фирм, но с РИФом никак не связаны. Но все они смогут приступить к работе только утром.

— Пока не надо, — возразил Крюков. — Из всех, кто был в квартире после

убийства Бонзы, в наличии я и Питер. Но мы в охране не нуждаемся.

— Ты, допустим, да. А Питер?

— Он сегодня уезжает домой в Ленинград.

— Ладно, тебе виднее. А что с Мальвиной?

— Надеюсь, что скоро узнаем, — выразил надежду Крюков.

Чтобы вскрыть фирменную дверь Мальвины, понадобилась помощь ребят из службы спасения. Когда Крюков смог, наконец, войти в квартиру Мальвина едва дышала. Мясник навестил и ее. Странно было, что она еще жива. Спец-спасатели оказались в затруднении. Они впервые не знали что и как в первую очередь бинтовать.

Питер вызвал скорую, они с Крюковым вместе склонились над умирающей.

— Кто это сделал? — спросил Крюков. — Ты видела?

Мальвина еле заметно кивнула.

— Ты можешь сказать, кто это был? — безжалостно настаивал Крюков.

Губы Мальвины едва заметно шевельнулись. Она еле слышно произнесла:

— Я... закрыла замок... он был...

— Я знаю. Скажи, кто тебя убил! — заклинал Крюков.

— Там... т... он...

— Антон? Никсон? Кто?

Но Мальвина больше не произнесла ни звука.

* * *

Крюков оставил ребят из службы спасения разбираться с Шабановым и его убийными гвардейцами, а сам вместе с Питером поехал в офис кооператива. Он посадил Питера за руль и принялся листать красную записную книжку.

— Ты знаешь, чья она? — спросил он Питера.

— Первый раз сегодня увидел, — ответил тот.

— Я видел ее в квартире Стаса и думал, что книжка принадлежала ему, — сообщил Крюков. — Но вот смотри — тут есть данные Стаса, Бонзы Никсона и так далее. Всех, кроме Антона. Какой можно сделать вывод?

— Что это книжка Антона, — догадался Питер.

— А что в ней искал убийца? Какому генералу он собирался звонить?

— Он хотел отвезти меня к своему шефу, которого называл генералом, — сказал Питер. — Думаю, это какая-то военная часть или база.

— А при чем здесь Армагеддон? — спросил Крюков скорее сам себя. Или вот — "Фейерверк". Да еще с большой буквы.

Он снова погрузился в записи, но от чтения его оторвал зуммер телефона.

— Крюков слушает.

— Хелло, беложопый брат! — поприветствовал его абонент.

— Мерфи? — Крюков был поражен. — Откуда? Где ты?

— В посольстве. Адрес не забыл?

С сотрудником агентства по борьбе с наркоторговлей Робертом Мерфи они вместе работали в Москве, а позднее встречались на любительском ринге. Крюков никак не ждал его появления в российской столице.

— Ты что, снова в командировку? — спросил Крюков.

— Нет. Я вышел в отставку. Но ты мне нужен.

Крюков посмотрел на часы. Вот и утро. Здоровый сон откладывался на неопределенное время.

— Жди, через час-полтора подъеду, — сказал он американцу.

* * *

8

У посольства США было весело. Толпились люди, развевались флаги. Особенно ярко выделялись красные флаги с белым кругом в центре полотнища. В отличие от нацистских штандартов посреди белого круга находилась не свастика, а черная пятиконечная звезда. Такая символика не считалась фашистской и не запрещалась властями.

На одном из транспарантов была нарисована собачья голова и было выведено:

"Позор клеветникам России"!

Имелся в виду недавний инцидент в Англии, где две наши посольские овчарки сорвались с цепи и перегрызли у какого-то фермера более полусотни овец.

На других значилось:

"В блоке НАТО — одни дегенераты"!

"Вы растоптали Сербию, но вам не растоптать Россию"!

"Нас не купишь и не изнасилуешь"!

Девушка, державшая последний плакат, явно фантазировала. Если бы она вместо этого трезво взглянула в зеркало, то поняла, что никому и в голову не взбрело бы тратить на нее деньги или энергию.

Мерфи показался из бокового подъезда. До забора его провожал морской пехотинец. Увидев их, толпа обрадовалась и заулюлюкала. Крюков протолкался к самым воротам и помахал Мерфи. Тот тоже его увидел и помахал в ответ.

Мерфи почти не изменился. Он все также внешне напоминал артиста Эдди Мерфи, накачавшегося для исполнения роли Майка Тайсона.

— Фак Америку! Американцы козлы! — ликовала толпа.

Крюков растолкал митингующих и обнялся с вышедшим из ворот Мерфи.

Вокруг них запрыгал бритоголовый крепыш со свастикой, наколотой на затылке.

— Козел! Американец засунул в жопу палец! — орал он.

— Какой он, на хрен, американец? — обрушился на бритоголового Крюков. — Разувай глаза, деревня! Не видишь — из Эфиопии мужик. Эфиопы все православные, они такие же наши братья, как сербы. Он внучатый племянник Пушкина по материнской линии. Наследство получать приехал. Телевизор надо смотреть, лапоть! Ща сам у меня по очкам получишь, рожа интеллигентская!

Бритоголовый смешался. У него не только не было очков, но и впервые за всю жизнь его бычьей морду называли интеллигентской. Крюков мягко, но сильно толкнул его в брюхо основанием ладони. Таким толчком чуть снизу вверх и от себя, ноги врастают в землю как корни дерева энергия идет из области "дань-тянь" (повыше колен, пониже пупка) — он толкал с места жигули. Бритоголовый отлетел мячиком, собрав собой всех столпившихся за его широкой спиной. В образовавшуюся брешь Крюков вывел американца.

— Улыбнись ребятам и скажи на прощанье что-нибудь теплое, — предложил он Роберту.

— Теплое? Телогрейка! Ес? — Мерфи улыбнулся во все сорок четыре (как положено неграм) зуба.

Его дружно поддержали:

— Ес! Россия, Сербия и Эфиопия — братья навек! Молодец эфиоп твою мать!

Одни дружно грянули за дружбу: "А-я-я-я-я-яй! Убили негра". Другие же принялись скандировать:

— Америка — параша! Победа будет наша!

— Параша будет ваша! — заверил собравшихся Крюков.

Мерфи расслабился и это не укрылось от сыщика.

— Ну вот, а ты, поди, драться собрался. Не всегда можно доказать свою правоту кулаками, — урезонил Крюков несколько растерявшегося от такого приема гостя. — Иногда и ногами приходится, — тихо добавил он себе под нос.

* * *

В офисе кооператива ОГПУ собралось его руководство: председатель кооператива Ирина, анонимный член-пайщик Крюков и наемный руководитель — полковник в отставке Рудаков. Больше всех удивлен был именно он.

— Нет, вы действительно тот самый спецагент ФБР, которого уволили не без моей помощи? — спрашивал он сидевшего в глубоком кресле Мерфи.

— Бывший спецагент, — поправил Мерфи. — А вы тот самый резидент русской разведки?

— Бывший резидент, — в свою очередь поправил Рудаков. — Я чувствую себя виноватым перед вами.

— Тогда тем более вы должны нам помочь, — сказал Мерфи.

— Кому это нам?

— Я приехал в качестве личного телохранителя председателя Межгосударственного финансового фонда Ван Дер Декена. Завтра он прилетает в Москву, чтобы встретиться с вашим руководством и раскрыть глаза на деятельность Вагнера. Ван Дер Декену нужна защита.

— А разве ФСБ его не будет охранять? — удивился Крюков.

— Будет, а вы будете охранять его от ФСБ.

— Но у нас сейчас другая работа, — напомнила Ирина. — Охранять свидетелей.

— У нас нет ни одного охраняемого, — напомнил ей Крюков. — Кончились. Я согласен заключить договор с Ван Дер Декеном. Но и линию Мясника бросать не собираюсь. Я в состоянии заниматься и тем, и другим.

Проблема в тебе — ты за то, чтобы помочь Мерфи или против?

— А как дело Семена? — напомнила Ирина.

— Предварительные результаты я ему изложил под пельмешки с водочкой, — ответил Крюков. — Дальнейшее расследование уперлось в службу безопасности его же банка, связанного, заметь, с сетью того же Вагнера.

У меня такое впечатление, что мы в этом деле как те слепые из сказки щупаем слона с разных сторон. И Мерфи нам предлагает недостающий фрагмент.

— А вы что скажете, Федор Иванович? — обратилась Ирина к Рудакову.

— Я обеими руками за, — уверенно произнес он. — Я готов бороться с Вагнером даже бесплатно.

— Сдаюсь, — кивнула Ирина. — Тогда и я согласна. Но от кого конкретно мы должны охранять вашего босса? — спросила она американца.

— От Вагнера и его людей. Он сам тоже должен на днях прилететь в Моск-

8
ву, потому что знает, что Ван Дер Декен везет против него настоящую бомбу.

— Интересно, чего может бояться один из богатейших в мире людей? — недоверчиво усмехнулась Ирина. — Он же супермиллиардер.

— Вагнер не миллиардер. Даже не миллионер. Он фактически нищий.

— Как?

— Быть не может!

— Тем не менее это так, — пожал плечами Мерфи. — У самого Вагнера денег практически нет. Ему удалось создать мощнейший денежный поток на берегу которого он живет и процветает. Но Вагнер постоянно существует в условиях денежного дефицита. Он берет в долг, чтобы отдать предыдущие долги. И каждый раз ему приходится брать все больше и больше.

Примерно как ваша страна. Но в отличии от России он не может объявить себя банкротом. Для него это будет самоубийством.

— Но какие-то деньги у него есть? Его особняк, картины, — в голосе Ирины все еще звучало недоверие.

— Его дворцы и сокровища являются собственностью его жены. Неделю назад она умерла. А год назад изменила завещание. Жена узнала, что он не оставил свою любовницу, как объявил ей, а сделал ей пластическую операцию и взял к себе в секретарши под другим именем. Все наследство жена оставила своей сестре и детям, к которым Вагнер всегда относился по-свински. И теперь он нищий.

— Вот тебе и миллионер...

— Повторяю, у него лично ничего нет. Он лишь управляющий фондом.

Вернее, пока им остается. Больше того, наследники его покойной жены собираются провести аудиторскую проверку фонда. И неизвестно, сумеет ли господин миллионер отчитаться за потраченные деньги. Поэтому его появление у вас накануне двухтысячного года и энергия, с которой он проталкивает программу Юнител у вас и в мире выглядят очень подозрительно.

— Трудно все это так сразу переварить, — задумчиво произнес Крюков.

— Все очень просто. Помнишь фильм, где у героя был банковский билет на сумму в один миллион долларов? Чужой билет. Но при виде этого билета герою всюду открывали неограниченный кредит. Деньги тестя старика Голдблюма и были для Вагнера таким гарантийным билетом. Под его прикрытием Вагнер зарабатывал, вернее делал, огромные деньги. Но тратил он еще больше и когда-нибудь это должно кончиться. Ван Дер Декен хочет встретиться с вашим премьер-министром и предостеречь его.

— А почему же не с президентом?

— Это невозможно. У Вагнера в окружении президента свой человек.

Визажист Марат Тоцкий. Он обладает очень сильным влиянием и лоббирует его интересы.

— И все же почему за охрану вашего шефа целиком не берется ФСБ? — вернулся к теме Рудаков.

— На это есть определенные причины. Они настоятельно предлагали свои услуги, но мистер Ван Дер Декен вежливо отказался. Он предпочитает иметь дело с негосударственной структурой, — сказал Мерфи.

— Вроде тебя? — ухмыльнулся Крюков. — Тоже мне, нашлась негосударственная структура!

— Сейчас, пока расследование в отношении меня не закончено, я являюсь

абсолютно частным лицом, — заверил его Мерфи. — Так мы договорились?

Крюков вопросительно посмотрел на Ирину.

— Что скажешь, хозяйка?

— Ты представляешь, как это сделать физически? — вместо ответа переспросила она его.

— Есть такая форма охраны — по цепочке. К не прибегают одиночки когда нужна помощь. Охрана разбивается на этапы. Одна группа встречает клиента и привозит в отель, другая охраняет в самом отеле, третья обеспечивает передвижение по городу. Подпишем на это пару-тройку охранных фирм. За нами — снятие сливок и общее руководство.

— А из каких фирм ты будешь выбирать? У Ионы спросим?

— Обойдемся. У моего шефа на частные охранные конторы своя картотека составлена, — заявил Крюков. — Он их считает врагами номер один.

Некоторые обведены красным карандашом. Вот из них и выберем.

* * *

Ирина позвонила Ионе. Тот поздравил фирму с первым по-настоящему солидным клиентом и пообещал помочь аппаратурой. Крюков также развил бурную деятельность, основанную на личных связях. В результате сразу по прилете Ван Дер Декен был взят под опеку телохранителями-профессионалами и на бронированном лимузине, арендованном в кремлевском гараже доставлен в гостиницу "Балчуг".

Иона не подвел. Он прислал со специалистом Ассоциации антиснайперский сканер. Прибор был небольшой и состоял из специальной камеры с углом охвата 180 градусов, засекавшей любые блики или инфракрасное излучение и передававшей информацию на компьютер. Хоть стекла в номере и были пуленепробиваемыми, рисковать не стоило.

Прибор установили и он тут же выдал результат. Из чердачного окна в доме напротив велось наблюдение.

— Что это за дом? — спросил Мерфи.

— Понятия не имею. Пойдем посмотрим, — предложил Крюков.

Интересующий их объект был обнесен высоким дощатым забором и был явно предназначен к сносу или капитальному ремонту. Рабочих вокруг заметно не было. Не было видно и сторожа.

Крюков и Мерфи осторожно прошли по периметру строения и обнаружили цепочку следов на свежем снегу, ведущую к одному из подъездов. Следы вели только в одном направлении — внутрь дома. Если, конечно, неизвестному не пришлось в голову пятиться от подъезда до забора по собственным следам.

В подъезде было тихо и пусто, если не считать куч мусора возле выбитых дверей квартир. Даже бомжей не было. Крюков и Мерфи осторожно пробирались по лестнице. Они успели подняться на четвертый этаж, когда услышали с внизу улицы визг тормозов и топот десятка ног.

Крюков дернул Мерфи за воротник и втащил в квартиру. Там они прижались к стене и затаились. Топот снизу приближался. Ноги протопали мимо их укрытия и проследовали выше, видимо на чердак. Вскоре оттуда послышался шум и выстрелы. Крюков и Мерфи терпеливо ждали, понимая что встреча с обладателями тяжелой поступи для них добром не кончится.

Ожидание продлилось недолго. На сей раз не так дружно ноги протопали вниз. Крюков осторожно выбрался на лестничную площадку и прислушался.

Внизу властный командирский голос отдавал кому-то приказ, наверно ин-
структировал оставляемого часового:

— Никого не впускать до приезда милиции и журналистов. Потом сни-
мешься и возвращайся на базу.

Мощные моторы взревели и затихли вдали. Крюков махнул американцу:

— Пошли наверх.

И замер. Потом наклонился и подобрал оброненный кем-то из спецназов-
цев жетон-брелок с надписью "РИФ-секьюрити".

Крюков и Мерфи осторожно поднялись на чердак. За выломанной дверью
их глазам открылась большая чердачная комната, захламленная и замусорен-
ная. Стены были разрисованы свастиками, звездами с серпами и молотами и
покрыты надписями:

"Красная армия всех сильнее". "Смерть буржуазным свиньям".

"Смерть акулам империализма". "Ответ за Косово". "Оказывается, убивать
можно не только сербов".

У сводчатого окна на полу лежало тело. Крюков приблизился. Убитый ле-
жал лицом вниз, но Крюков узнал его по свастике, наколотой на бритом за-
тылке. Под трупом растекалась большая лужа крови. Рядом с ним лежала ста-
рого образца биатлонка-трехлинейка с прикрученным снайперским прице-
лом.

— Пошли, позвал Крюков американца.

Они спустились вниз.

— Может вылезем в окно? — предложил Мерфи.

— Зачем? Неохота пачкаться, — пожал плечами Крюков. — Вон калитка от-
крыта. А то этот придурок на вахте перепугается, стрелять начнет.

Может и в глаз попасть.

— Стой! — скомандовал им парень в черном комбинезоне и грозно наста-
вил на них ствол гладкоствольной "сайги-12", куда более грозной на вид, чем
ее прообраз — автомат Калашникова.

— Стоим, дрожим, уже лезем за деньгами. Возьми, только не убивай, — вя-
ло проговорил Крюков. А ты, собственно, кто такой?

— Охраняю место происшествия. Мне приказано никого не впускать до
приезда милиции.

— А мы и не входим, а выходим. Насчет выпускать у тебя указаний не бы-
ло?

— Сказано — никого кроме милиции и журналистов.

Крюков показал ксиву. Тот кивнул:

— Порядок, проходи. А это кто? — строго спросил страж.

— Журналист из "Таймса". Он фотоаппарат в гостинице забыл. Мы скоро
вернемся.

— А документы у него есть?

— Конечно! Хочешь сказать, что читаешь по-английски? — Крюков посмот-
рел стражу прямо в глаза.

— А, ладно, валяйте, — махнул тот рукой.

За углом послышались милицейские сирены. Крюков помрачнел.

— Хреново дело. В смысле плохо.

— Почему? — удивился Мерфи. — Снайпер убит. В чем проблема?

— Ты что, не понял, что этого бритоголового дурака просто подставили? Те-

перь охраной Ван Дер Декена займется ФСБ. Причем я догадываюсь, кто именно.

Крюков не ошибся. В отеле, когда они пришли туда, всю сновали ребята из ФСБ. В вестибюле Крюков нос к носу столкнулся со знакомым ему субъектом. Это был тот самый кристально-чистый "старший товарищ" за которого так ратовал полковник Старшинов. Тот самый тип, которого Крюков еще раньше заметил возле дачи генерала Лентулова.

— Что это за хмырь? — поинтересовался он у знакомого гостиничного охранника.

— Он у них главный, — ответил тот. — Полковник ФСБ Спицын.

Крюков прошел мимо него и незаметно сбросил на пол жетон "РИФа".

Потом окликнул его:

— Это не у вас выпало?

Полковник посмотрел на жетон и растерялся. Потом, не глядя на Крюкова, лихорадочно подобрал и сунул в карман.

"Получается, что и на даче Лентулова жетончик в кучку пепла подбросил Спицын. А поскольку там его не нашли благодаря kleптомании Крюкова, Спицын решил, что забыл его выложить. Или тот через дырку в подкладку закатился. А сейчас выпал. Занятно", — отметил про себя Крюков и пошел собирать вещи.

Когда спустя час новая охрана, плотно обступив Ван Дер Декена выводила его из отеля, лицо его показалось Крюкову маской обреченного.

— Будто под конвоем ведут, — уловил настроение знакомый гостиничный охранник.

Мерфи махнул Крюкову рукой:

— Я тебе позвоню!

И исчез в недрах лимузина.

Крюков набрал номер Ирины и вкратце обрисовал ситуацию.

— Значит наша работа закончена? — с явным облегчением спросила она.

— Хренушки. Она теперь только начинается, — тяжело вздохнул Крюков.

* * *

9

Мистер Вагнер прилетел в Москву на следующий день. В тот же вечер на приеме в его честь в ресторане "Метрополь" произошла встреча основных лиц, заинтересованных в развитии программы Юнител.

В небольшом банкетном зале второго этажа за круглым столом собрались пять человек. Через круглое окно они могли наблюдать то, что происходит внизу в зале.

Кроме самого мистера Вагнера здесь присутствовали зампред правительственной комиссии Биркин, члены комиссии генерал Павлов и полковник Спицын. В углу примостился экс-резидент советской разведки в Нью-Йорке Шнопок. Докладывал как всегда Биркин.

— Программа Юнител внедряется вполне успешно. Никакой паники по поводу наступления двухтысячного года не наблюдается. Правда сектанты немного мутят воду, но мы с ними разберемся. В отношении остальных противников развития программы Юнител проведена разъяснительная работа. Результаты более чем удовлетворительные.

— Хорошо, — мистер Вагнер прекрасно говорил по-русски. — Теперь необходимо привлечь в наши банки дополнительные средства. можно предложить сверхвыгодный льготный процент по вкладам, сделанным до наступления двухтысячного года. Мои банкиры этим уже занимаются. Далее. Что с Ван Дер Декеном?

Ему ответил полковник Спицын.

— Сейчас он находится под нашей охраной на одной из спецдач в Боженово. Мы можем убраться в любой момент.

Кабинет был надежно защищен от прослушивания новейшими средствами радиоэлектроники, но все присутствующие непроизвольно поежились от такого неприкрытого цинизма.

— Он уже встречался с кем-нибудь? — спросил Вагнер.

— Пока нет. Премьер вылетел в Чечню, а президента охраняет наш друг.

— Ты имеешь в виду лейб-цирюльника Марата Тоцкого?

— Не называйте его так, он обидится, — вставил Биркин. — Он визажист. И пока ему успешно удалось создать у президента чувство устойчивой антипатии и недоверия к Ван Дер Декену и его организации. Президент прислал вам соболезнования по поводу смерти вашей супруги.

— Вот именно, тянуть не следует, — мистер Вагнер напрягся. — Надо принимать решительные меры. А как с "Фейерверком"? Генерал, у вас все готово?

— Сработает в лучшем виде, — заверил его не поворачивая головы генерал Павлов.

В соседней комнате, затаив дыхание, чтобы не пропустить ни слова сидели два человека — Крюков и Рудаков. Изошренная защита от подслушивания как всегда упустила из виду самый простой, но действенный инструмент — человеческое ухо. Особенности акустики двух этих помещений делали взаимно доступным каждый звук.

Когда совет нечестивых закончился и собравшиеся спустились вниз в большой зал, Крюков тоже поднялся и позвал экс-резидента:

— Можно шевелиться, концерт окончен.

— Откуда ты узнал о существовании этой комнаты? — спросил Рудаков.

— Я начинал службу опером в гостиницах, в том числе и в "Метрополе". Ваши КГБшники в то время прослушивали своей аппаратурой весь большой зал. У нас такой техники не было, поэтому мы приспособили этот банкетный залчик. По договоренности администрация сдавала его интересующим нас людям и мы могли спокойно прослушивать их старым дедовским способом.

— Получается, что Ван Дер Декену угрожает опасность, — сказал Рудаков.

— И не только ему. Всем нам, похоже, также приготовили небольшой сюрприз. Вы случайно не поняли, что этот генерал имел в виду, когда говорил о фейерверке?

* * *

10

В офисе кооператива Крюкова и Рудакова ждала Ирина. Лицо ее было бледно. Прямо с порога она огорошила их вестью:

— Ван Дер Декен убит.

— Как так?

— Не знаю, подробности пока не известны. ФСБ держит все под своим колпаком.

Рудаков тут же умчался за информацией к своим бывшим коллегам.

Крюков хотел ехать с ним, но его задержал звонок мобильного. Звонил Мерфи.

— Моего шефа убили, — сказал он.

— Уже в курсе, — ответил Крюков. — Ты случайно не знаешь, кого-нибудь конкретно подозревают?

— Знаю, — сказал Мерфи. — Конкретно подозревают меня. Ты не удивлен?

— Нет. Ничего другого я и не ждал. Ладно. Через полчаса я тебя жду возле мавзолея на Красной площади.

— Меня ищут!

— Вот именно. Купи в магазине, только обязательно в магазине, а не с рук, зимнюю солдатскую шапку и надень вместе с ценником, чтобы он болтался. Повесь на шею фотоаппарат и иди пешком на Красную площадь.

Там самое безопасное для тебя место. Ни одна собака не заподозрит.

Нормальный турист. Если меня не будет, погуляй, пофотографируй милиционеров. Они это любят. Но без меня не уходи. Даже если тебя будут уводить силой.

Сразу после этого Крюков перезвонил Шабанову.

— Что у тебя есть по убийству Ван Дер Декена? — спросил он.

Шабанов для порядка поломался, потом сообщил:

— Он убит ночью в спальне. Его прятали на одной из спецдач в Боженово. Охрана — трое сотрудников ФСБ — тоже убиты. В убийстве подозревается его личный телохранитель по фамилии Мерфи. Но на самом деле никакой он не Мерфи.

— А кто же тогда? — Крюков был не на шутку озадачен.

Его имя Джон Твала. Он член террористической организации южноафриканских негров "Красный ассегай". Учился в Москве. Отсюда и прекрасное знание русского языка.

— Откуда такая убойная информация?

— Из штаба полковника Спицына. Его, говорят, к генерал-майору предста-

вили. Сам понимаешь, такой мужик свистеть не будет.

— Я сильно сомневаюсь, что Мерфи хотя бы отдаленно представляет себе, что такое асгейт, — ответил Крюков. — Вот в компьютерах он рубит.

А почему именно южноафриканский? У нас в Москонцерте артист Боб Цимба здорово на балалайке играет. Он негр рязанский, но по-русски тоже хорошо говорит. Причем с рязанским акцентом.

— Ван Дер Декен был родом из Южной Африки.

— Правда? А я думал, что из Голландии. Кстати, он однофамилец Летучего Голландца. Но если и из Африки, что дальше?

— А то, что другой его земляк и коллега, исполнительный директор Международного валютного фонда Роберт Смит, был убит в ночь на 23 ноября 1977 года там же, в ЮАР. То ли спецслужбами, то ли террористами.

Убийц так и не нашли.

— Ван Дер Декен убит не "там же", а "тут же", — поправил Крюков. Поэтому и спецслужбы с террористами надо искать не тамошние, а тутошние. Лечиться надо, Ватсон.

Шабанов на Ватсона обиделся.

— Тем не менее нам нужно допросить твоего негра. ФСБшники его тоже ищут.

— Они бы лучше искали тех, кто дома взрывает. Вечно лезут не в свое дело. Хотя, может быть, это как раз их дело. Ладно, встречу Олега Кошевого — передам, что гестапо заходило и шибко сердилось. Еще вопросы-пожелания будут? Нет? Тогда можно разойтись и оправиться. Извини Жека, дела. Не сегодня-завтра орден получать в Кремль идти, а у меня галоши рваные.

Шабанов лишь закричал в трубку:

— Смотри, Крюк, допрыгаешься.

— Спасибо, буду внимательнее. Ты лучше скажи — что такое "Фейерверк"?

Шабанов этого не знал и разговор на этом закончился.

* * *

Как и велел Крюков, Мерфи прогуливался между ГУМом и кремлевской стеной, помахивая фотоаппаратом и ослепительно улыбаясь. Вид у него был совершенно нелепым, в основном благодаря серой солдатской ушанке со свисающим ухом и болтающимся на нитке белым картонным ценником.

Крюков забрал его и они спустились к гостинце "Россия", где Крюков оставил свою рябуху. В машине Мерфи прекратил улыбаться и поведал историю своих злоключений.

Ночью Мерфи проснулся, оттого что в его комнату кто-то вошел. Незнакомый двигался тихо, практически крался. Если бы не многолетняя работа Мерфи в должности агента по борьбе с наркоторговлей, когда спать ему действительно приходилось с открытыми глазами, он не проснулся бы. В руках неизвестного был автомат одного из охранников дачи.

Мерфи в темноте сполз с кровати и тут же услышал как пули прошивают одеяло. Он сбил пришельца с ног, но тот сумел вырваться и убежал.

— На нем был черный комбинезон из скользкого материала? — догадался Крюков.

— Откуда ты знаешь?

— Я его тоже как-то ловил. И ему тоже удалось вывернуться, — утешил Крюков товарища. — И ты свалил?

— А что мне оставалось? Я умею, как это? Сложить два и два. И понял, что киллер не посторонний человек. Ван Дер Декен и охранники были убиты ножом. Этот нож я увидел возле тела охранника. Того самого, из чьего автомата киллер хотел убить меня. Значит легенда простая. Я убил всех, но один из охранников застрелил меня. Как ты это называешь? Снова виноват глупый негр. Так?

— Примерно. Значит тебя нужно спрятать. А где лучше всего прятать глупых негров?

— В тюрьме. Не в посольство же мне бежать. С меня и одного скандала хватит.

— В тюрьму тебя, боюсь, не примут, а в ментовку я тебя пристрою.

Слушай, ты кроме русского и английского какими языками владеешь? — спросил Крюков.

— Испанским, немецким, французским, китайским, тайским, хинди суахили.

— Стоп! Вопрос на засыпку: а в Нигерии на каком говорят? На суахили?

— На йоруба. Я его знаю тоже. Тебе нужен простой переводчик?

— Нет, мне нужен простой нигериец и ты им будешь. Раз тебя так ищут ребята из компании Вагнера, безопаснее всего будет прятаться от них в их же собственной лавочке. Ты как? Потянешь на нигерийца?

— Мне уже приходилось это делать. Нигерийцы активно торгуют у нас героином. Я их хорошо знаю.

— Главное, чтобы они тебя не знали. Значит решили: пару дней пересидишь на одной тихой квартире, а потом будем тебя внедрять. Ты не против немного поработать бесплатно?

— Если это те люди, из-за которых начались мои неприятности, я готов сам заплатить, — прорычал Мерфи.

— Хоп! Значит договорились. Приступаем к активной стадии операции.

* * *

Крюков привез беглого негра на квартиру Ирины, где она ждала их в компании Рудакова.

— Антон не появлялся? — спросил Крюков.

— Нет, исчез куда-то. И Питер с Никсоном тоже. Как у вас? Не застукали?

— Чисто, я проверялся. Кроме моей персональной наружки из внутренней безопасности никого. А их эта сторона моей деятельности не интересует. Впрочем, меня могут обвинить в нарушении амбулаторного режима и симуляции — я же нахожусь на больничном.

— И чем это грозит?

— Меня лишат заслуженной медали, которую я и без этого вряд ли получу. У меня архиважное сообщение. Вернее у Мерфи.

— А поесть сначала не хотите? — спросила Ирина.

— Я буду есть, Мерфи будет говорить, а вы будете слушать. Погнали.

Рудаков покашлял в кулак:

— Полагаю, что речь пойдет о меморандуме Ван Дер Декена? О том что он хотел сообщить премьер-министру?

— Да. Все очень серьезно, — подтвердил Мерфи. — Вагнер собирается в новогоднюю ночь устроить финансовый Армагеддон, спекулируя на проблеме двухтысячного года. Для этого он и проталкивает Юнител в вашу страну.

Во всем остальном мире он уже построил развитую сеть.

— А причем здесь Юнител? Объясни подробнее, — попросила Ирина.

— У Юнитела необычная структура, — начал Мерфи. — Она представляет собой песочные часы или две пирамиды, большую и малую, соединенные остриями. Малая пирамида является уменьшенной копией большой, ее подобием. При этом она обладает функцией "юзерс френдли" и дублирующим управлением.

— Слушай, ты вроде по-русски начал рассказывать, — прервал его Крюков. — А теперь я ни хрена не понимаю. Ты не владеешь русским?

— Ты не владеешь компьютером? — Мерфи посмотрел на Крюкова с неподдельным ужасом.

— Нет, — скромно потупился тот. — В смысле да. Не владею. Как-то раз присел на пять минут покидать дурацкие кубики в этот... тетрис что ли? К тому времени, когда я оторвался от игры, прошло четыре часа.

Ощущения при этом были — врагу не пожелаю. Как с похмелья. Башка болит, во рту пересохло, будто в одиночку мешок семечек сгрыз. С шелухой.

Мерфи покачал головой:

— Да, у вас очень трудно жить. В моей стране семечки продают очищенными.

Крюков посмотрел на него с недоверием. Шутит? Вроде нет. Откуда у представителя бездуховной нации может быть чувство юмора?

— Насколько я понял, вся сеть Юнитела структурирована в большую пирамиду, — вступил в разговор Рудаков. — А малая пирамида — своего рода пульт управления этой сетью. В первую очередь банками и финансовыми потоками. Причем управления без ведома их хозяев. Правильно?

— Да, — кивнул Мерфи. — Сейчас банки, входящие в его империю, активно привлекают вкладчиков сверхвысокими процентами и льготными условиями. В ночь на первое января двухтысячного года он имитирует паралич сети. За секунды до наступления Нового 2000-го года колоссальные суммы исчезнут со счетов банков, оснащенных Юнителом, и переключатся на анонимные счета Вагнера, после чего вся память будет уничтожена. На Юнител, конечно, обрушится лавина судебных исков, но виной всему будет проблема двухтысячного года. Поэтому в накладе останутся страховые компании, а Вагнер положит в карман все деньги мира. К тому же ему не придется отвечать за растрату денег жены.

— Послушай, но ведь информационной сетью Юнител оснащены теперь не только банки. А как же транспорт, энергия? Могут погибнуть люди! — возмутилась Ирина.

— Если катастрофа произойдет только в банковской сфере, Вагнера притянут к суду за мошенничество. Для убедительности ему нужны будут несколько серьезных аварий самолетов, поездов или атомных электростанций. Все должно выглядеть очень убедительно, — ответил Мерфи. — А на людей ему наплевать.

— Может быть это и есть "Фейерверк"? — спросил Крюков.

Ему никто не ответил.

* * *

УБ-ВА И ОБРАБ. ДЕБАТЧИКОВ Постоянные зрители теледебатов по "Проблеме 2000-го года" или "У-2-К", как ее называли за бугром, были поражены. Маргинал Виктор Правдин, отсвечивая лысиной и потрясая одиноким вихром, теперь также убежденно отстаивал необходимость тотального внедрения Юнитела в быт российских граждан, как раньше оплевывал.

Его вечный оппонент молодой профессор Данилевский, который предупреждал сограждан об опасности компьютерного феномена, заявлял, что для этого вовсе не обязательно присягать на верность новой монополии.

Сектант отец Аполлоний снова запугивал всех скорым концом света и призывал не нести деньги в банки под невероятно соблазнительные проценты, а отринуть с презрением и с его, отца Аполлония помощью.

Владельцы и распорядители телеканалов стали получать от своих высоких и островерхих "крыш" недвусмысленные наказания:

"Пора закрывать эти дебаты. У страны думские выборы на носу, а вы какой-то ерундой головы морочите".

В тот же вечер, когда профессор Данилевский подошел к своей машине, чтобы ехать домой, его окликнули:

— Профессор, можно вас на минуту?

— Да? А что вам, собственно...

Он не договорил и не успел повернуться. Широкий и длинный клинок ножа вонзился ему сзади под лопатку, пробил тело и вышел спереди на несколько сантиметров. Профессор рухнул на асфальт. Чтобы как-то мотивировать убийство, киллер наклонился и извлек из кармана жертвы бумажник, а также прихватил портфель и норковую шапку.

* * *

Крюков оставил Ирину разбираться с записной книжкой ее племянника. Затем он отправился к врачу и продлил больничный. На повестке дня была встреча с Зелинским. Времени у обоих было мало. Крюков поймал Семена на выходе из его банка.

— У меня к тебе один вопрос, — заявил он. — Скажи, твой банк подключен к Юнителу?

— Конечно.

— И имеет отношение к империи Вагнера?

— Ну... в общем, да.

— Это все, что я хотел узнать. Кстати, ты мне хотел сообщить что-то важное, — напомнил Крюков.

— Да. Я выяснил тут кое-что. Тебе наверняка это будет интересно.

Все инвестиции, которые поступают на устройство и развитие Юнитела сразу уходят в небольшой банк на Каймановых островах.

— Тогда на какие деньги все это тут развивается? — не понял Крюков.

— Я подозреваю, что в этом участвуют деньги наркомафии, — тихо сказал Зелинский. Доказать я это не могу, но это так. Еще что-нибудь нужно?

— Позвони Ирине. Она интересуется некоторыми фамилиями из антоновой записной книжки. Прогони их по своей информационной системе. Кстати, там у тебя нигде не проскакивало слово "Фейерверк"? А, в общем будь осторожен.

Бурый прошелся по гаражу, превращенному во временную базу диверсантов. Гараж был рассчитан на три машины, но стояла здесь только одна — темно-синий микроавтобус "шевроле" с замазанной надписью "РИФ-секьюрити".

В гараже находилось пятеро бойцов в черных комбинезонах. Они разбирали разложенное на длинном столе оружие и снаряжение. Автоматы "вал" с глушителями, бронежилеты, под сумки с дополнительными магазинами, электрошокеры и ножи с большими черными клинками.

Бурый придирчиво осмотрел каждого. Нарушений не нашел, но на всякий случай недовольно поморщился:

— Ладно, сойдет. Запомните: самое главное для нас сегодня — оперативность. Оружие применять в самом крайнем случае. По возможности отключать, не получится — бить на поражение. Но бесшумно. Если кого-то зацепит — страдай и умри молча. Вопросы есть?

Вопросов, как всегда, не было.

Отец Аполлоний выступал перед своей паствой со сцены широкоформатного кинотеатра "Зенит", ставшего резиденцией секты. Временами его проповедь скорее походила на рекламный ролик, а сам он больше напоминал не проповедника, а балаганного зазывалу.

Впервые, — выкрикивал он, — открыт фонд спасения души! Чем больше отдашь, тем больше сохранишь! Одумайтесь и придите в храм наш!

Он сновал по сцене с интенсивностью ткацкого челнока.

— Спросите меня — будет ли конец света? Отвечаю однозначно: будет. Призываю вас, братья и сестры, в ожидании этого знаменательного события освободите душу свою от тяжелых оков собственности! Поправьте свою карму! Отриньте сокровища земные, с собой вам их все равно не унести. Расчетный счет — суть изобретение врага рода человеческого.

Дары, присланные через банк, не принесут вам спасения. Приносите и передавайте из рук в руки. В бескорыстные руки нашего брата-эконома и его трудолюбивых помощников. Если вы захотите передать Церкви Света какое-нибудь имущество, у нас имеются свои нотариусы.

Как ни странно, на собрании присутствовало куда больше народа чем можно было предположить. Видимо, влияние оказывала не столько проповедь, сколько импозантная внешность проповедника. Большая часть собравшихся были, судя по спецодежде, ветеранами секты. На каждом из них было надето нечто среднее между модным когда-то пончо и обычной простыней с дыркой в середине. Наряду с ними хватало и новообращенных.

Они сначала вставали в длинную очередь для сдачи пожертвований.

Некоторые и в самом деле подходили к столу нотариуса и оформляли какие-то документы. После избавления от земных кандалов в виде квартир машин и прочего материального бремени, должен был начаться праздник приобщения неопитов к истинной вере. Затем действие завершалось товарищеским застольем. Из горячего каждому члену секты предлагалось отведать немного риса с соевым соусом, на десерт — пару бананов.

Вместо горячительных напитков кровь собравшихся будоражили гневные речи отца Аполлония, который и тут не унимался. Он расхаживал между обедающими, хватал за плечи и впивался гипнотизирующим взглядом в глаза то

одному, то другому.

— Все сущее подлежит огню! Лишь немногие избранные будут спасены!

Мы скроемся в нашем храме, имеющем форму совершенной пирамиды!...

С улицы до слуха собравшихся донесся шум. Отец Аполлоний сделал знак своему начальнику охраны — типичному бритоголовому быку. Тот бросился к выходу. Здесь разворачивался настоящий бой.

Кинотеатр был выстроен на окраине столицы, в начале запланированного на этом месте, но так и не созданного бульвара Советских республик. Теперь здесь был обширный пустырь, окаймленный на горизонте серым бетонным забором. Не только выстрелы — раздайся тут пушечные залпы они не привлекли бы внимания жителей окрестных пятиэтажек. Отец Аполлоний выбрал кинотеатр именно благодаря его удаленности от жилых домов.

Поэтому нападавшие вели себя свободно. Они подъехали на двух темно-синих микроавтобусах и обрушили на растерявшуюся охрану неприцельный автоматный огонь.

Стоявшие на вахте сотрудники охранного предприятия, посчитав, что ведение боевых действий не входит в их договор, поспешно оставили поле сражения. Быки отца Аполлония из числа братвы посчитали нападение очередным рейдом ОМОНа. Они сразу растянулись на полу коридора и сложили руки на затылке.

Предводитель нападавших махнул рукой:

— Пятеро в зал, трое со мной, двое остаются на входе!

В это время отец Аполлоний продолжал вещать:

Узкими воротами спасетесь! Гиена огненная, дети мои! Огонь — вот что ждет всех остальных!

Вопль ужаса десятков людей заглушил его слова. От входа в зал прямо в потолок ударила струя огня. Собравшиеся побросали чашки с недоеденным рисом и, не дожидаясь бананов, рванули в рассыпную к дверям служебного и аварийного выхода. Но они и сами раскрылись и оттуда появились люди в черном. Они принялись стрелять в толпу из автоматов одиночными выстрелами, целясь то в одного, то в другого.

Наконец толпа нашла свободный выход и все устремились в узкие ворота. Но вместо спасения многие обрели здесь лишь увечья и смерть.

В это время в апартаментах самого отца Аполлония трое налетчиков во главе с предводителем потрошили сейф. Не брезговали и доверенностями на движимое и недвижимое имущество. Вероятно в их распоряжении также имелся нотариус, способный, не моргнув глазом, заверить акт насильственного дарения.

Деньгами и документами они набили четыре большие парашютные сумки. Предводитель убедился, что сейф и шкафы пусты и дал команду:

— Уходим!

На его шее золотом блеснул амулет — маленький череп с крылышками.

Бойцы подхватили сумки и бегом помчались по коридору. Предводитель заскочил в зрительный зал и с минуту созерцал устроенный там погром. Люди с криками боли и ужаса все еще пытались вырваться и давились в тесноте оставленного им выхода. Время от времени раздавались выстрелы и языки пламени поднимались к закопченному потолку. Проповедника Аполлония видно не было, вероятно он свалил одним из первых.

Предводитель оглушительно хлопнул взрывпакетом. По этому сигналу бойцы в черном сорвались с постов и бросились бегом по коридору к выходу, у которого их ждали машины. Предводитель отступал последним.

Возле выхода он с удивлением обнаружил столпившихся в недоумении бойцов, а также два бесчувственных тела тех, кто охранял вход и три тех, кто нес сумки с деньгами и ценными бумагами. Оставшиеся в строю побросали их в микроавтобусы и погрузились сами.

По дороге бесчувственные стали понемногу приходить в себя. Из их путанных пояснений удалось понять, что когда они выходили с деньгами к самым дверям подкатил третий, точно такой же микроавтобус. Из него выскочили такие же бойцы в черных комбинезонах и шапках-масках и вырубил всех с помощью электрошокеров. Дальше — молчание.

Но всем было ясно, что сработали свои.

* * *

Крюков, узнав о бойне в кинотеатре, прикатил туда вместе с Рудаковым. Кинотеатр был оцеплен, у дверей и внутри работала следственная бригада.

Крюкова пропустили в здание, Рудаков предпочел потолкаться среди зевак и послушать сплетни. Внутри зрительного зала стояла нестерпимая вонь. Пахло горелым и кровью.

— Что у вас тут стряслось? — спросил Крюков одного из знакомых шабановских оперов.

— Понять не можем. Свидетели поголовно утверждают, что была стрельба и пожар. А следы пожара — вот они — весь потолок прогорел. А стрельбы — ни пули, ни гильзы.

— А разве трупов не было? — не понял Крюков.

— Как не было? С десятков увезли. А раненых еще больше. Но — ни одного пулевого ранения. Все пострадали в давке. Можешь как-нибудь это объяснить?

— Стреляли холостыми, чтобы устроить панику, — предположил Крюков.

— А гильзы?

— Гильзоуловитель приспособить несложно. Охотники, у кого полуавтомат "МЦ", лет тридцать такие применяют, чтобы гильзы не разбрасывать.

— И на хрена им это понадобилось?

— Сам видишь — паника есть, жертвы есть, бабки хапнули, а доказать ничего нельзя. Что говорят свидетели?

Опер сокрушенно покачал головой:

— Напали черные слуги сатаны, устроили геенну огненную, Армагеддон. Как прикажешь в протокол писать?

— Ну вот, сам видишь, — развел руками Крюков.

— Фейерверк какой-то.

— "Фейерверк", говоришь? — насторожился Крюков. — Ладно, я поехал.

Передавай привет Шабанову.

Он вышел на улицу. Рудаков, завидя его, выбрался из толпы и направился к машине.

— Что-нибудь интересного услышали? — поинтересовался у него Крюков.

— Есть кое-что, — прищурился Рудаков. — Один парень кобеля своего тут выгуливал, говорит — те, черные, на двух "рафиках" подъехали. А когда они с сумками выходили, подскочил еще один такой же "рафик". Из него выскочили

такие же черные, побили тех первых, забрали сумки и уехали. Потом те, первые, оклемались и тоже свалили. Что думаешь по этому поводу?

Крюков наморщил лоб:

— А может быть это и есть "Фейерверк"?

После всего услышанного вопрос с "Фейерверком" занимал его больше всего. Кроме Мясника, разумеется.

Часть 3. ЗАВТРА НЕ НАСТУПИТ

1

Мор, обрушившийся внезапно на участников дебатов, насторожил Крюкова. Поэтому он решил навестить отца Николая и предупредить об опасности. Тот был занят устройством дел своей сирой и убогой паствы бомжей и наркоманов.

— Власти совсем достали, — пожаловался священник Крюкову, когда тот разыскал его возле храма. — И светские, и духовные. "Закрывай свой бомжатник", — говорят. И что прикажете делать? А тут один из ваших повадился с проверками. Но у меня такое впечатление, что он просто взятку вымогает. Вон он, кстати, снова явился. Может поговорите с ним?

Крюков глянул в сторону коллеги-взяточника и тут же спрятался за угол. По дороге, ведущей к храму, уверенным шагом хозяина жизни двигался младший лейтенант милиции Иванашко.

— Вы что? — с удивлением спросил Крюкова священник.

— С этим, батюшка, говорить бесполезно. Его убивать надо. Он взяточник по призванию. Берет все, даже, извиняюсь, дерьмо, если оно не очень жидкое. Отпустите грех авансом.

— Что вы, так нельзя. Нужно попытаться вразумить грешника.

— Тюрьма его вразумит! — Крюков на миг призадумался и вдруг хлопнул себя по лбу. — Сейчас попробуем вразумить. Вот что, честной отче предложите-ка ему вот эти сто долларов.

Крюков протянул священнику зеленую бумажку.

— Как можно?!

— Не бойтесь, они фальшивые и подписанные, — Крюков развернул купюру, внутри которой было фломастером написано "Взятка". — Только предлагайте не сразу, а ровно через пять... нет, лучше через восемь минут.

— Но ведь это грех, к тому же, как будто, уголовно наказуемый, — возразил священник.

— Почему же? Лицо, вынужденное к даче взятки и заявившее об этом освобождается от уголовной ответственности как в земной, так и в загробной жизни. Уголовный завет, статья дробь шишнадцать. Выше нос, святой отец. Где тут у вас запасная калитка?

Крюков выбрался с задней стороны церковной ограды и зашел в тыл неприятелю. Он заметил как Иванашко подошел к священнику и завел с ним разговор.

Крюков окинул улицу проницательным взглядом и увидел то, что ожидал. Его постоянные спутники в голубой "пятерке" с выдвинутой на длину локтя антенной, то есть группа наружного наблюдения, были на месте.

Держась сзади в мертвой зоне, он незаметно подошел к их машине, открыл дверцу и нырнул в салон. Экипаж изобразил картину Репина "Не ждали".

— Попались, которые кусались! — радостно сообщил Крюков растерявшимся сыщикам. — Братцы, если бы вы знали, как я от вас устал. Колитесь, красноперые, кого пасете и по чьей заявке пыль глотаете. Только не врите, что это ваша инициативка.

Наружники переглянулись. То, что объект наблюдения вычислил их самих и застал врасплох, сулило им как минимум по выговору и отпуск в феврале, причем без всяких там путевок в Анталию плюс премиальные. А как максимум — перевод "на землю" — в отделение милиции, где они могли рассчитывать на самое пристрастное отношение новых коллег и начальников, которых еще недавно пасли и закладывали.

— А что мы с этого будем иметь? — неуверенно спросил старший бригады.

— Отпущу на свободу, бить не буду. Чего вам еще? На мороженое не рассчитывайте, сразу предупреждаю.

— Дай слово, что не заложишь, — хмуро проговорил водитель.

— Легавым буду. Хочешь, на драный фуфел забожусь? — предложил Крюков. — Колитесь, красноперые, кого пасете?

— Ты Крюков? — переспросил старший, будто сам не знал. — Заява лично на тебя пришла. С земли. Взятки берешь и все такое. А у нас конец года, сам понимаешь — план горит...

— Кто заказал? — спросил Крюков.

— Майор Иванашко.

— Что?! Ха! Когда это он майором стал? — Крюков обрадовался как ребенок. — Заводи мотор, будет вам план. Палка века гарантирована. Сейчас подкину вам тучного агнца на закление.

— А как мы его проведем? — поинтересовался молодой сотрудник.

— Как инициативную проверку, — отрезал старший. — Так где кабан?

Крюков посмотрел на часы.

— Пора. Сейчас за углом человек в форме младшего лейтенанта милиции получит взятку в размере ста долларов. Взяткодатель от уголовной ответственности освобождается. Во-первых его вынудил к этому вымогатель — этот самый микромайор, а во-вторых он написал заявление. Оно лежит у меня в кабинете, в конторе, двумя этажами ниже вашего. К тому же он священник. Аккуратнее с ним. Если отлучит от церкви — сейчас с этим, сами знаете, строго — могут и с должности снять, и в звании понизить. А то и из партии исключить. Все ясно?

— Да понятно. А как мы докажем, что деньги — это взятка?

— Развернешь купюру, на ней фломастером написано: "Взятка", — Крюков сокрушенно покачал головой. — Да, ничего не скажешь, толковые вы ребята. Вам только разжуй немножко и в рот положи, а уж проглотить вы и сами сможете! Ладно, действуйте.

Крюков едва не пустился в пляс наблюдая как наружники подскочили к ****ашке и принялись крутить ему руки и шарить по карманам.

"Вот только где они понятых возьмут? — подумал он, — кругом одни бомжи беспаспортные".

Когда счастливые опера увезли свою бледную и растерянную жертву чтобы без помех выпотрошить в своем логове, Крюков вернулся к храму.

— Не знаю как и благодарить, — встретил его светлой улыбкой отец Николай. Окружающие бомжи также приветливо улыбались:

"Качественно мужик мусора развел".

Крюков отвел отца Николая в сторону и вкратце изложил ему свои опасения. Тот поблагодарил его, но принимать какие-то меры безопасности решительно отказался.

— Все в руке Божьей, — сказал священник. — Дата смерти нашей известна лишь Отцу Небесному и не нам знать, когда она наступит. Но за предупреждение спасибо. Хочу в ответ предостеречь — деньгами здесь дело не ограничится. Враг рода человеческого лукав и любит использовать своих слуг втемную. Подставляет их — как принято сегодня говорить. Поэтому когда какой-нибудь умник задумывает организовать финансовую катастрофу, жди за этим катастрофу настоящую.

— Вагнер хочет организовать несколько авиакатастроф и аварий на электростанциях, — подтвердил Крюков.

— Я говорю не о нескольких авариях, — возразил священник. — Дело может обернуться более страшными бедствиями.

— Взрывом на атомной станции? Вроде Чернобыля?

— И даже хуже. Иди, — священник незаметно перешел на "ты". — Сейчас от тебя зависит очень многое.

— Что именно? — не понял Крюков.

— Думай и решай сам. Благослови тебя Бог, — священник осенил его крестом, повернулся и направился к храму.

* * *

Крюков сидел в салоне рябухи и чувствовал себя полным идиотом.

Ему приходили на ум дурацкие гонконгские боевики, где герой непременно должен был набить морду вселенскому злу, воплощенному в каком-нибудь конкретном мерзавце, и тем спасти весь мир. Его собственное положение было гораздо глупее. Он не знал, кого следует бить.

Крюков постарался вернуться к записной книжке Антона. Он отдал ее Ирине, но сделал для себя выписки. Его беспокоила цепочка "Армагеддон генерал — Фейерверк". Он искал в ней причинно-следственную связь и одновременно боялся найти ее. Потому что это означало катастрофу. Причем не только финансовую и не только компьютерную.

На генерала в записной книжке тянула только фамилия "Павлов".

Других генеральских фамилий Крюков в ней не обнаружил, либо просто не знал.

Против фамилии Павлова и телефона стояла запись: "Боженово". В Боженово Антон с друзьями монтировал и налаживал Юнител в какой-то воинской части. Чуть ли не в стройбате. Возникал вопрос — зачем в стройбате компьютерная сеть? Выходило, что там или не стройбат, или не только стройбат. В Боженово вели также следы наркоторговцев.

По опыту Крюков знал — с армией шутить опасно. Если запахло кирзовым сапогом, будь начеку. Если чего не сопрут, так взорвут. А вдруг в самом деле, кто-то в стройбате хочет устроить небольшой новогодний фейерверк?

Следовало хорошенько поинтересоваться этим самым стройбатом, который скромно притулился за парком Боженово. Тем более, что это было любимое место творческих прогулок Мясника.

* * *

— Гарнизон Боженово? Вот он у меня где! — Жора Кривоносов, старый приятель Крюкова, участковый инспектор, на территории которого находилась эта воинская часть, провел ребром ладони по горлу.

Крюков привел его в стекляшку и они уже с полчаса потребляли разливное пиво, доставляемое прямо с завода в запаянных бочках. При этом друзья не

пренебрегали и водочкой.

— Половина заявлений приходит на их стройбатовцев. Драки, грабежи. Мясник — опять же недалеко от них орудовал. Но это ты сам знаешь.

— Знаю. Ты расскажи, что у них внутри делается.

— А что внутри? Ты в армии служил? Тогда сам знаешь. Бардак внутри. Командир части — полкан по фамилии Шут, год до пенсии — генерала как своих ушей не видать. Но до дембеля точно не доживет — сопьется, — Жора пьяно икнул. — Все свои склады сдал в аренду под фальшивую водку.

Все об этом знают, а внутрь сунуться — ни-ни. Потому что армия. Непобедимая и легендарная, будь она... У них военная прокуратура, которая сам знаешь, мышей ловит еще лучше нашей. Но с полгода назад поступила к нам заява — в пустой казарме держат заложников. Тут уж мы, никакую военную прокуратуру не предупреждая, налетели и проверку учинили по всем статьям. Чего только не нарыли! Водки фальшивой четыре грузовика вывезли, там же, в старом гараже, и цех по розливу был. Работали хохлы бесколодошные. Их же по совместительству и в рабство на окрестные стройки сдавали.

— А заложников нашли? — спросил Крюков.

— Нашли. Они в ружпарке сидели, в той же казарме, где хохлы жили.

После этого все, вроде, затихло. Во взвод охраны, я слышал, контрактников наняли. Те же бомжи, только в погонах. Так что, думаю, и это затишье ненадолго. Ты с нашими операми из отделения поговори, они тебе подробнее расскажут. Ну что, давай еще по пятьдесят водочки? Заведение угощает.

* * *

Воинская часть, известная в народе как "гарнизон Боженово", где служил майор Еремин, была кадрированной. Не кастрированной, а кадрированной, хотя, в сущности, разница между этими понятиями небольшая. Это означало, что количество нижних чинов личного состава было доведено в ней до невозможного минимума.

Для грязных работ при части держали роту стройбата — взвод "негров" и взвод "китайцев". Взвод охраны был набран из контрактников. Все остальные должности занимал немногочисленный офицерский состав. В случае войны непобедимая и легендарная Красная армия обещала прислать подкрепления количеством легион, а пока велела отдуваться не числом, а умением. По вине шлявшихся за водкой в самоволку воинов-строителей гарнизон Боженово и считали стройбатом.

Но главным засекреченным объектом гарнизона Боженово был экстренно созданный здесь после мятежа 93-го года резервный дублирующий командный пункт с пультом управления "ракетами возмездия". То есть стратегическими баллистическими ракетами, все еще торчащими в своих стартовых шахтах от Камчатки до Кенигсберга.

В свое время пульт на деньги американцев был оснащен суперсовременной охранной системой. Такой же системой должны были оснащаться и другие ядерные объекты страны. Но армейское руководство здраво рассудило, что отпущенные на это огромные деньги разумнее прикарманить, а одну и ту же охранную систему можно демонтировать и по примеру светлейшего Потемкина возить с объекта на объект, предъявляя по мере надобности приемно-контрольным комиссиям.

Гарнизон располагался в границах Москвы, в густом лесу за лесопарком Бо-

1
женово. С двух сторон его отрезали от окружающего мира болотистые речки, с третьей — Московская кольцевая автодорога. Чужие сюда и раньше не забирались. А с тех пор, как окрестности парка превратились в охотничьи угодья Мясника, лесные тропинки вокруг гарнизона и вовсе обезлюдели.

По штатному расписанию майор Еремин должен был дежурить на пульте через трое суток на четвертые, но начавшиеся гуманитарные бомбежки Чечни, затем Сербии и снова Чечни заставили его ходить на работу вдвое чаще. За те же деньги, к тому же получаемые с задержками. Складов оружия в части не было, воровать и продавать было нечего. Положение спасали большие ангары, которые командир сдавал в аренду коммерсантам и выделял для их охраны трехсменный круглосуточный пост.

Майор Еремин готовился заступить на очередное суточное дежурство.

Его ждал "стакан". Не граненый и не ГАИшный, а ракетно-стратегический.

Кто служил — знает.

Стакан представлял собой кабину размером с двойное купе пассажирского поезда. Кабина находилась в подземном укрытии. Снизу она была подпружинена мощными рессорами и имела автономную систему энергообеспечения. Майор прошел шлюзовую камеру. "Стакан" был герметичен и имел внутри избыточное давление, которое поддерживалось за счет подачи сжатого воздуха на случай применения снаружи отравляющих газов.

По штатному расписанию дежурить должны были двое. Более того, сам пуск баллистических ракет осуществлялся только одновременным нажатием двух кнопок. Но все это осталось в далеком прошлом. В связи с сокращениями схема была перемонтирована в расчете на одного дежурного.

При других обстоятельствах это могло бы представлять немалую опасность. Но сейчас, когда со многих ракет были сняты боевые части, а сами ракеты имели нулевые полетные задания, то есть были нацелены в никуда, майор Еремин, как и его коллеги, относились к своей работе как к почетному ничегонеделанию. Временами у него создавалось ощущение что о существовании резервного пульта управления просто забыли.

Еремин сменил на посту капитана Морозова. Они ограничились лишь общими фразами. Друзьями они не были. Морозов был молодой, напористый без году неделя как переведенный из Забайкальского военного округа хам. Поговаривали, что причина его успехов — удачная женитьба. И если Еремин расценивал свое назначение как конец карьеры, то для капитана Морозова оно выглядело скорее трамплином.

С некоторых пор Морозов стал замечать, что в их часть зачастил, а потом и прочно в ней окопался, генерал Павлов. С командиром части у генерала сложились самые тесные отношения. Тот даже предоставил генералу кабинет бывшего замполита.

Генерал сразу занялся реконструкцией хоздвора. В частности перестроил старую баню в роскошную сауну, куда стали регулярно наведываться как командир гарнизона, так и высокие начальники на дорогих машинах.

Неожиданно генерал воспылал дружбой и к дежурившим на пульте офицерам. В частности, несколько раз подъезжал к Еремину с предложением зайти попариться. Еремин на предложение дружбы не купился и париться отказался. А Морозов вдруг стал завзятым любителем банной процедуры.

Все это майору Еремину сильно не нравилось, но его мнения никто не

спрашивал.

Сегодня Морозов понравился майору еще меньше. Капитан выглядел каким-то пришибленным и торопился уйти. Майора насторожил сладковатый запах перегара, ощутимо заметный в сжатой атмосфере "стакана".

— У тебя что, кто-то был? — спросил майор.

— Нет, с чего ты взял? — капитан перепугался еще больше.

— Утром синие "жигули" через проходную выезжали. Значит кто-то из компьютерщиков ночью приезжал. А куда они могут приезжать? Сюда или в сану. Потому и спрашиваю.

— Нет, здесь никого не было, — неубедительно соврал капитан и поспешно отвалил.

Заступив на дежурство, майор Еремин проверил книгу записей, прошелся по приборам и убедился, что вверенная ему аппаратура функционирует. После этого на повестке дня осталась одна задача — скоротать сутки. Еремин придвинул поближе клавиатуру компьютера.

Ввиду особой секретности компьютерная система пульта управления не имела выхода в Интернет. Но недавно аппаратуру модернизировали и подключили к сети Юнител. Это должно было свести на нет риск самопроизвольного запуска ракет в момент наступления двухтысячного года.

Майор полазил по Юнителу, посмотрел какие-то мультики, попил чаю из термоса. Неожиданно он заметил, что компьютер второго номера дежурного расчета не выключен.

Еремин выругался. В тесном помещении вставать и лезть между приборами в дальний угол "стакана" было сущим наказанием. Пробравшись на место, Еремин хотел было выключить прибор, но решил поглядеть, чем занимались ночью Морозов и его гость.

Майор зажег темный экран. Перед ним была какая-то сложная разветвленная структура.

Еремин посмотрел в нижнюю строчку, чтобы определиться. Он находился в сети Юнител. Затем шло название "апекс". После этого значилось "Фейерверк". Майор знал, что с центрального компьютера, за пультом которого он сейчас сидел, можно входить в любые закрытые сайты.

"Подтвердите правомерность доступа", — потребовала красная табличка в центре экрана.

Майор просто нажал на "Enter" и она пропала. Он получил доступ к программе "Фейерверк". Когда он начал читать, ему стало страшно.

* * *

2

Местные опера подтвердили Крюкову факты, изложенные участковым инспектором Жорой Кривоносовым.

— Задолбал нас твой бессмертный гарнизон, — с жаром высказал ему один из сыщиков, внешне скорее похожий на быка-рэкетира. — То бомжей-строителей селили. Из рабов — с Украины, с Молдавии, с Белоруссии.

Убийства по пьяни — под каждый праздник как по сощобязательству. Потом заложников в ружпарке держали. А сейчас набрали в батальон охраны каких-то темных контрактников. По-моему сплошные наркоманы и отморозки.

Повязали недавно двоих — под кайфом были, в местной забегаловке мебель ломали. У обоих татуировки одинаковые на левом плече...

— Череп с крылышками? "Ошбон"? — подсказал Крюков.

— Откуда знаешь?

— Довелось стукнуться. И зачем они здесь, как думаешь?

— И гадать нечего — наркоту они там хранят в своем гарнизоне.

— А почему молчите? — удивился Крюков — С армией связываться? Ну их на хрен. Мы после того рейда за заложниками достаточно говна нахлебались. Причем, знаешь, что интересно? — интригуяюще произнес похожий на бандита опер. — На секретном военном объекте время от времени негры крутятся.

— Американцы, что ли?

— Не, из Нигерии. Вот бы им туда человечка внедрить.

— Почему не внедрить? Можно, — хитро прищурился Крюков. — Поможешь?

— Нет базара. Спросишь Волоху Долгополова. Это я, — представился крепыш-опер. — Есть там у меня один мужик — доверенное лицо. Он тебе поможет.

Крюков с Долгополовым ударили по рукам и на этом расстались.

* * *

Чем дольше майор Еремин вчитывался в содержание программы "Фейерверк", тем страшнее ему становилось. Несомненно, программа появилась в результате недавней модернизации и подключения к Юнителу. Вопрос состоял в другом. По чьему приказу это было сделано?

А что, если это действительно задание командования?

Какого командования? Дать задание на пуск и подрыв баллистических ракет стратегического назначения мог только сам президент страны, а он, при всех своих недостатках, не был сумасшедшим. Здесь же явно поработал мажор. Компьютер выдал и новые полетные задания — ракеты были перенацелены на крупнейшие города мира — Нью-Йорк, Лондон, Северную Корею и Москву!

Еремин закрыл глаза. Постарался выстроить общую схему и от нее идти к частностям. Это он умел делать, так как обладал даром аналитика. Из противоречивых вариантов он выбирал наиболее вероятные, какими бы странными они не казались.

Установку Юнитела принимала комиссия специалистов из штаба и прозевать такое они не могли. Получалось, что по заказу генерала Павлова кто-то из компьютерщиков доработал схему в свободное время. Точнее во время де-

журства капитана Морозова.

С ним он и решил переговорить в первую очередь.

* * *

Генерал Павлов был зол. Не тем он занимался все последнее время.

Политика, дебаты дурацкие. А ведь с сопливого школьного возраста знал присказку про жизнь, которую надо прожить так, чтобы... и так далее.

Из Думы он проехал прямо в Боженово и забурился в сауну. С собой привез девок, но ни они, ни выпивка настроения не поднимали.

Выйдя из парилки он обрушился в бассейн с ледяной водой и лежал там неподвижно, пока не заломило кости. Он выскочил оттуда и направился в комнату отдыха. Там в окружении Полковник Шут, посиневший с перепоя, и по причине нездоровья еще не заходивший в парилку, развалился на широченном массажном столе в обществе сразу двух телок. Он с усмешкой посмотрел на генерала:

— Ты что, Петя, такой хмурый ходишь последнее время?

— Хреново мне, Вася, — проворчал генерал. — А почему хреново — даже тебе сказать не могу.

Дверь в коридор приоткрылась и в нее заглянул водитель генеральской машины:

— Петр Дмитрич, — позвал он шефа. — Там вас парень один спрашивает.

Компьютерщик, которого Антоном зовут.

— Он что, подождать не может? — окрысился генерал.

— Нет, говорит — очень срочно.

— Хорошо, скажи, сейчас подойду, — нехотя согласился генерал и принялся одеваться.

* * *

Сдав смену, майор Еремин отправился разыскивать капитана Морозова. После вчерашнего утра, когда он сменился с дежурства, его никто не видел. Еремин знал место, где надеялся почти наверняка застать капитана. Это была бывшая офицерская чайная, ныне обычная забегаловка, где собирались за стаканом поделиться обидами на жену и страну господ офицеры.

В зале было пусто. Только за столиком в дальнем углу пил пиво бывший командир батальона химзащиты, ныне отставной подполковник Момот. Еремин взял себе бутылку "Хамовников" и подсел к нему.

— Как бизнес? — спросил он отставника.

— Не жалуюсь, — самодовольно ухмыльнулся тот. — А ты с дежурства?

— Так точно.

— И не надоело табуретку на прочность испытывать?

— Не говори, — Еремин устало махнул рукой. — Не понимаю я такой службы. Ни то, ни се. Скорее бы выслуга, да на пенсию.

— Да плюнь ты на эту выслугу, — посоветовал Момот. — Иди в мою фирму. Мне толковый помощник нужен. А то от дружбана твоего никакого проку. Помощник называется! Ему бы не работать, а статейки только пописывать. Сенсации все ищет.

При увольнении Момот ухитрился, что было не особенно трудно, приватизировать полностью укомплектованную дозиметрическим оборудованием машину радиационной и химической разведки и теперь открыл фирму по обнаружению зон повышенной радиации.

— Я подумаю, — пообещал Еремин. — Слушай, ты Морозова не встречал?

Он мне до зарезу нужен.

— Не помню, — Момот сдвинул густые брови и изо всех сил напряг память. — Постой, вчера вроде он тут в говно нажрался. Парень какой-то с ним был, не наш, гражданский. Сейчас, погоди! У меня память — капкан.

Ничего не пропадает, только вынимать долго. Ага! Вспомнил. Антоном его звали. Морозов ему все: "Антоша, давай еще по одной"! А тот не дурак.

Ему наливает, а сам не пьет. А потом уволок его куда-то. Парень этот на голубых "жигулях" был. Так, наверно, домой и отвез?

— Нет его дома, я заходил, — ответил Еремин. — Жена говорит, как вчера ушел, так и не появлялся.

— Ладно. Не иголка, найдется, — махнул рукой Момот. — Ему же на смену завтра. Проспится и придет.

"А если не придет"? — подумал Еремин, но вслух говорить не стал.

Он поднялся:

— Пойду и я отсыпаться. А над твоим предложением подумаю.

— Вот-вот, подумай, — произнес Момот.

Майор Еремин вышел на улицу. Ночью слегка подморозило. Городок выглядел унылым и запустевшим. Он встряхнулся. Разговор с Морозовым не состоялся, значит нужно идти дальше.

В гарнизоне Боженово, как и в каждой воинской части был свой особист. Наследники пресловутого "СМЕРШа", ставшие позднее Третьим управлением КГБ. Как правило это был бездельник в майорском, а то и подполковничьем звании. В повседневной жизни от особистов не было ни вреда ни пользы. Но сейчас Еремину нужен был именно особист.

Боженовского особиста все звали Особняком. Он и держался особняком — положение обязывало. Ни с кем близко не дружил, в генеральской сауне замечен не был, пил умеренно. С Ереминым они не то, чтобы были приятелями, но часто устраивали зимой лыжные кроссы, любили погонять мяч в спортзале и пару раз вместе выезжали на охоту.

Еремин нашел его не в штабе, где у того был собственный кабинет а на площади между штабом и клубом. Трое солдат местной пожарной команды с помощью лестницы пытались навесить на огромную старую ель росшую перед клубом, гирлянду из раскрашенных лампочек. Особист с видом курортника прохаживался рядом и давал ценные творческие указания.

— Тебя можно на секунду? — Еремин отозвал его в сторону.

— Что-то экстренное? — недовольно скривил губы Особняк.

Еремину его гримаса не понравилась. Если секунду назад он собирался выложить все, что узнал, то теперь он решил вести разговор осторожнее.

— Что ты думаешь про нашу компьютерную сеть? — спросил он.

Особняк посмотрел на него удивленно:

— Про Юнител? Нормальная структура. Я сам был в комиссии по приемке. А что, собственно случилось? Неужели дала сбой?

— Вроде нет. Ты не обратил внимания на файл "Фейерверк"?

— Неужели ты думаешь, что я заглядывал в каждый файл? Говори ты толком, что тебя не устраивает! Видишь, ответственной работой занимаюсь.

Без вмешательства Особняка дела у солдат пошли гораздо быстрее.

— У меня создалось впечатление, что в наш главный компьютер кто-то за-

лезал после приемки его комиссией, — сообщил наконец Еремин.

— Что? У нас в части шпионы? Американцы? Японцы?

У Особняка от такой новости глаза на лоб полезли. Неужели прошляпил? Наряжать громадную елку в Москве все же гораздо легче, чем карликовую пихту где-нибудь в заполярной тундре. Особняк сразу представил себе именно такую перспективу.

— Нет, — успокоил его майор. — Не японцы. Подозреваю, что это все те же наши компьютерщики под руководством генерала Павлова.

Услышав это, Особняк сразу расслабился:

— Фу, блин, чуть зайкой не оставил. Отдыхай. Говорю только тебе, — Особняк понизил голос и с подозрением огляделся. — Генерал здесь не просто так. У него особое задание. И вообще — он, может, президентом завтра станет! Думай, на кого рашпиль поднимаешь! Поэтому забудь все что хотел мне сказать и сделай вид, что ничего не слышал. Ни мне, ни тебе лишней геморрой не нужен.

И Особняк как ни в чем не бывало отвернулся к елке и заорал на солдат:

— Выше поднимай! Цепляй за ветку!

Майор шел по улице и размышлял. Если здесь замешаны высокие инстанции, ломиться в официальные двери бесполезно. Только лоб расшибешь.

Он не видел как Особняк после его ухода бросил бойцов с елкой на произвол судьбы и помчался в свой кабинет звонить генералу Павлову.

Дома Еремин постарался заснуть, но у него ничего не получалось.

Провалявшись с час без сна, он поднялся, прошел в кухню и достал из холодильника неполную бутылку водки. Налил полстакана и выпил без закуски. В голове зашумело, но легче все равно не стало. Захотелось курить. Он достал из кармана пачку сигарет. От неловкого движения сигареты рассыпались по полу. Майор нагнулся, чтобы подобрать их и тут стекло со звоном разбилось.

На этот звук жалобным звоном откликнулась кастрюля с полки на противоположной от окна стене. Майору не нужно было объяснять, что в он случайно избежал верной смерти. В него только что стреляли.

Еремин полежал на полу, потом осторожно поднялся и выглянул из-за занавески. Его дом был крайним. Окно кухни выходило прямо в лесопарк.

В отдалении виднелись верхние этажи жилого массива. Майор прикинул траекторию полета пули. Скорее всего стреляли с крыши одного из жилых домов. Оперативно. Кто стукнул — Момот или Особняк? Момоту он ничего не сказал. Почти ничего. Но если тот в курсе, об остальном мог и сам догадаться. Но скорее заложил Особняк. Тогда совсем плохо. Этот в авантюру не полезет, значит за всей историей с "Фейерверком" действительно стоят большие люди, способные приказывать.

Власть плюс насилие равняются беспределу. Майору следовало серьезно побеспокоиться о своей жизни.

Он собрал самое необходимое — документы, деньги. Но прежде чем скрыться, следовало оставить страховку. Еремин пощупал в кармане дискету, на которую сбросил часть файла "Фейерверк". Этого материала было вполне достаточно, чтобы свалить и генерала Павлова, и тех сумасшедших, кто за ним стоит. Но сначала нужно было доставить его по назначению. Требовалась помощь надежного человека. Друга. И такой друг у Еремина имелся.

Валерий Жданько был сыном бывшего замполита части. Он и сейчас жил в

старой отцовской квартире неподалеку от штаба, хотя из армии давно уволился. Когда-то Валерий был военным журналистом, его статьи печатали даже в "Красной звезде". Во время великой смуты он попал под сокращение одним из первых по причине строптивного нрава.

Валерий жил на вольных хлебах, печатал свои статьи в самых разных газетах и журналах на самые разные темы. Но все они имели общую родовую черту — сенсационность. То он доказывал, что Дмитрий Донской и Мамай — одно лицо, то утверждал, что план "Барбаросса" был разработан в советском Генеральном штабе по заказу немцев для наступления на Англию, но коварный Гитлер в последний момент приложил к глобусу зеркало и двинулся на восток вместо запада. В фирму Момота Валерий влился по единственной причине — чтобы из первых рук получать секретную информацию об экологически опасных зонах Москвы и Подмосковья.

Когда Еремин, тщательно проверяясь, задами пробрался к нему домой, Валерий напряженно работал.

— Я тебя оторву ненадолго, — предупредил его майор.

— Ерунда, я почти закончил, — отмахнулся друг. — Для одного военно-исторического журнала написал статью о Бородинской битве. В ней я мотивированно доказываю, что русская армия могла и должна была остановить Наполеона у Бородина, если бы не пассивность Кутузова.

— В каком смысле пассивность? Я недавно по телевизору слышал, что Кутузов был педиком, — нахмурился Еремин. — Какой-то бред собачий.

— Вопрос, конечно, интересный. Но вообще-то я имел в виду его качества полководца, а не сексуальную ориентацию. Статья будет называться: "Пассивный главнокомандующий". Пусть каждый понимает в меру испорченности. Так чего ты хотел?

По мере того, как Еремин рассказывал, глаза Валерия разгорались огнем. Он постоянно перебивал майора и еле дослушал до конца.

— Мне все ясно. Это бомба! Дискета у тебя?

— Вот она, — Еремин протянул другу пластмассовый прямоугольник.

— Давай я сделаю копию. Мало ли что случится?

Скопировав дискету, Жданько взялся за телефон.

— Кому ты хочешь звонить? — насторожился майор.

— Есть у меня один приятель из местной ментовки. Я ему по мелочи помогаю. Помнишь, когда здесь заложников освобождали? Моя работа. Теперь его очередь нам помочь. Не ждать же, пока нас перестреляют. Алло?

Отделение? Розыск? Долгополова можно попросить? А когда он будет? Нет спасибо.

— Мента моего нет, — сказал он, положив трубку, — а незнакомым доверять опасно. Будем прорываться сами. Ты вооружен?

Майор показал ему свой табельный пистолет, который так и не сдал после дежурства. Валерий снял со стены большой кавказский кинжал, привезенный из командировки в Чечню.

— Я предлагаю выйти с разных сторон, пройти через лес и встретиться у метро, — сказал Еремин.

Так они и поступили. Валерий вышел через КПП и пошел по дороге вдоль границы парка. Еремин пролез в дыру, которыми изобиловал забор вокруг городка, и двинулся напрямик по тропинке.

Валерий предполагал, что его дорога длиннее. Но когда он добрался до метро, майора там не было. Он подождал его еще полчаса, потом осторожно двинулся по тропинке в сторону гарнизона. Начинало темнеть.

Их обоих нашли только на следующее утро. Юный лыжник Петя Кадушкин отошел в сторону от накатанной лыжни, чтобы справить малую нужду и неожиданно обнаружил в снегу окровавленные трупы.

Позже экспертиза установила, что майор Еремин был убит несколькими ударами большого ножа, весьма вероятно того самого кавказского кинжала, который находился в руке убитого Валерия Жданько. Гражданин Жданько был застрелен в упор из табельного пистолета майора.

Картина обоюдного убийства для следствия вырисовывалась совершенно очевидная: после совместного распития и так далее. Непонятно было одно — зачем их понесло выяснять отношения в глубокий сугроб, словно они знали, что погибнут оба и не хотели, чтобы их тела нашли до весны.

* * *

3

Опер Долгополов сам позвонил Крюкову.

— Помнишь, я тебе говорил, что у меня в гарнизоне Боженovo человек свой имеется? Так вот: нету больше этого человека. Убит. И буквально перед смертью он мне позвонил, что-то передать хотел. Но не застал.

— Я еду к тебе, сам все расскажешь, — ответил Крюков.

Возле рябухи Крюкова ждал Марафет. Как только Крюков открыл дверь, тот сразу забрался в машину. Крюков хотел было его шугануть, но был заинтригован метаморфозой облика стукача. Обычно жизнерадостный нигериец сейчас выглядел мрачнее гаитянского колдуна:

— Его убили! — сообщил он замогильным голосом.

— Кого убили? Не понял, — мысли Крюкова крутились совсем в другой области.

— Моего племянника, — ответил Марафет. — Убили. Зарезали большим ножом. Помоги мне отомстить. Ты мне друг или портянка?

— Пусть я портянка, только отстань, — проворчал Крюков. — Ты хоть знаешь, кто это сделал? Или только догадываешься?

— Конечно знаю. Это те новые люди, которые подгрести торговлю Касьяна. Помоги мне их убить! Вместо отца мне будешь!

— Иметь такого сына? Ты полагаешь, что мне будут завидовать? Неужели все негры такие глупые, какими их в кино показывают?

— Слушай, беложопый, ты мне pomoжешь отомстить? — заскрипел своими ослепительными зубами Марафет.

— Милиция не карательный орган, а правоохранительный, — постарался остудить его пыл Крюков. — Чтобы тебе помочь, мне нужна информация.

— У тебя будет вся информация, — затряс головой Марафет. Помоги мне их убить!

— Найми колдуна вуду. Кого-нибудь из темных злых сил, — посоветовал Крюков.

— Ты самая злая сила из всех, кого я знаю. Правда я не так уж много видел, — признался Марафет. — Говори, белый брат, чем я могу тебе помочь?

— Я должен внедрить к ним своего человека, — продолжал Крюков. — Ты

3
мне поможешь?

— Помогу. Но у меня нет товара. Если твой человек придет с пустыми руками, ему не поверят. Его либо убьют, либо не пустят дальше двери.

— Тогда как ты сможешь мне помочь? — в недоумении пожал плечами Крюков.

— Сегодня у тебя будет товар, — заверил Марафет. — Приехал гонец из дома.

— Блин! Очередная партия черного героина? Прикажешь у него из жопы контейнеры выковыривать?

— Выковыривать не надо. Товар будет в пакете, в бардачке машины.

Вечером я скажу тебе номер и адрес.

Крюков заскочил в контору и покрутился для вида в отделе. Он сказал, что скоро закроет больничный и сразу после Нового года приступит к работе. Начальство эта новость отнюдь не обрадовала.

В кабинете следователей Крюков много суетился, выдул полчайника чаю и приставал к девочкам-практиканткам, пока не подобрался к сейфу с вещдоками. Перебирая как бы в рассеянности шмотки задержанных им гонцов, он незаметно выудил из папки сложенные туда паспорта. Украдкой открыв их и придирчиво исследовав, он счел, что Якубу Азикиве больше похож на Мерфи, чем Джон Оматосо. Поэтому он прихватил с собой паспорт Якубы и свалил незаметно. Как Ленин с елки.

Тем временем пробил час, установленный Марафетом для перехвата наркокурьера. Изучив маршрут движения курьера, Крюков выбрал местом задержания лесную дорогу на окраине Боженовского лесопарка. Перед выдвигением Крюков устроил смотр своим силам.

Птенчик и Грека сами предложили свою помощь. Местный сыщик Долгополов также посчитал для себя участие в деле обязательным. Чтобы не показаться расистом, Крюков включил в состав группы Мерфи и Марафета.

— Все в сборе? Тогда по коням, — сказал Крюков.

— Куда? — перепугался Марафет. — Никуда я не поеду! Задолбали, беложопые! Ваще бедному негру некуда податься! Я вам и так курьера сдал.

У меня, между прочим, семья!

— Ерунда, — попытался уговорить его Крюков. — Нам без тебя не обойтись. Всех делов — полежишь минут пятнадцать, изображая убитого негра.

Ни за что, ни про что.

— Я не артист, я стукач, — отрезал Марафет. — Пусть вон эта голливудская рожа изображает убитых негров!

С этими словами он трусливо дезертировал. Остальные на двух машинах тронулись в путь.

Крюков поставил Птенчика с Грекой со своей рябухой на дальних подходах, где дорога превращалась в просеку. Они должны были пропустить объект, после чего перекрыть дорогу случайным машинам. Общение с курьером предполагало некоторую интимность обстановки и посторонние могли этому помешать.

Основные силы расположились на повороте. Здесь Крюков для верности перегородил просеку колючей лентой типа "еж". Чуть подальше поставили "жигули" Долгополова. За руль усадили Мерфи он изображал убитого.

В салоне горел свет и "труп негра" был хорошо заметен.

Ждать им пришлось не более получаса. Совсем стемнело, когда на просеке появился свет фар и из-за поворота показалась старая "тойота".

На предложение остановиться водитель не отреагировал. Проколов колесо, машина пошла юзом и воткнулась в дерево. Черный водитель, одна из нынешних русских реалий — банальная встреча с негром на лесной дорожке — ткнулся лбом в одноименное стекло и на некоторое время застыл в шоке.

Крюков подскочил к машине и рванул дверь на себя. Долгополов страховал на шаг сзади и сбоку.

— Джамбо, брат! — поприветствовал Крюков курьера. Вылезай, не бойся.

Но тот вцепился в руль и уперся ногами в пол.

— Не бзди, бить не будем. Мы ведь из милиции, а в милиции не бьют, — на всякий случай сообщил Крюков, но никаких удостоверений предъявлять не стал.

Негр немного расслабился и осторожно начал вылезать из машины с поднятыми руками.

Крюков отвернулся от него и подмигнул Долгополову:

— Ну что, начали? — и заорал. — Я тебе говорю — это он! Больше никому! Попался, проклятый торговец наркотиками!

И потащил курьера из машины за шиворот.

— Ты и про того говорил: "Он! Он!"! — Долгополов указал на стоявшую рядом машину, из двери которой неподвижно свесился Мерфи. — Ты что всех негров в тачках перемочить собрался?

Увидев "мертвого" Мерфи, его черный собрат вытаращил глаза и утратил дар речи. Он решил, что живым ему не уйти.

— Права! — прошипел не разжимая губ Мерфи. — Зачитай ему права или я сейчас вылезу!

— Ладно, окей, бюрократ, несчастный. Только не двигайся, все испортишь! — проворчал Крюков и объявил задержанному:

— Ты задержан как лицо африканской национальности по подозрению в шпионаже и неуплате налогов. Ты имеешь право в течение десяти минут найти себе адвоката. Советую выбрать меня. Отныне все, что ты скажешь умрет вместе с тобой. Ты можешь выбрать для себя расцветку гроба и заказать погоду на день кремации. Я что-то забыл? Ах, да! Твое последнее желание — картечь или жакан?

В глаза утратившему дар речи наркоторговцу уставились черные жерла обреза двенадцатого калибра, огромные, как пушки "Авроры".

— Картечь в правом стволе, жакан в левом, — пояснил Крюков. — Стреляю! Бай-бай!

Патрон, заряженный водой, прогрохотал в лесной тишине, прошел над макушкой задержанного и сбил снег с соседних веток. Смертельно испуганный наркоторговец в полной уверенности, что по его курчавой макушке чиркнула пуля или картечный заряд, бросился бежать обратно по просеке с быстротой раненого зайца.

— Принимайте клиента, — сообщил Крюков по рации Птенчику и Греке.

Крюков залез под заднее сиденье "тойоты", извлек оттуда пакет с белым порошком и взвесил его в руке.

Прилично, — определил он. — И нигерийскому другу на срок хватит, и Мерфи не с пустыми руками в гости отправим. Молодец, Марафет. Не соврал.

— Ты, надеюсь, понимаешь, что все это сплошное беззаконие? — спросил Долгополов.

— Конечно, — пожал плечами Крюков. — Но не больше, чем обычно. А что?

— Нет, ничего. Я просто так спросил, — Долгополов направился к своей машине, из салона которой все еще свешивался Мерфи.

— Эй, мистер Якубу Азикиве! — крикнул Крюков американцу. — Очнись и вылезай. Свою роль Тени Отца Гамлета ты исполнил великолепно. Я бы тебе Оскара присудил за второстепенную мужскую роль. Главную, понятное дело, мы с Волохой пополам поделили. Вот с этим пакетиком ты и пойдешь внедряться к нашим друзьям. Только ментам с этим грузом не попадайся.

Лет на десять упакуют. Хорошо хоть ****ашку на какое-то время удалось нейтрализовать.

Но в этом Крюков ошибался.

* * *

В отношении младшего лейтенанта Иванашко было возбуждено служебное расследование. От работы он был отстранен, но служебного рвения не утратил.

Сцену на лесной дороге он наблюдал от начала до конца и скрипел зубами оттого, что не мог выскочить из своего укрытия и арестовать всех ее участников. Оставалось выбрать удобный момент, чтобы выбить из цепи главное звено. Таким звеном был Мерфи. Пробраться в машину для Иванашки было не проблема. Автомобильные замки он щелкал как семечки.

Иванашко успел окоченеть, пока Крюков с Долгополовым поменяли дырявое колесо "тойоты". Наконец ремонт был закончен. Долгополов полез в свою машину прогреть движок, а Крюков отвел американца в сторону чтобы дать последние инструкции.

По легенде Мерфи был нигерийцем, который несколько лет прожил в Соединенных Штатах, откуда был выслан за компьютерные мошенничества и подозрения в торговле наркотой. Легенду помог составить Марафет. С его подачи Мерфи вызубрил необходимую информацию — кто, от кого и что везет. Но в качестве основного пропуска должна была сработать его темная внешность и пакет героина в тайнике под сиденьем машины.

Мерфи уселся за руль "тойоты", помахал операм и потихоньку двинулся дальше по лесной дороге.

Не доезжая до условленного места, Мерфи вдруг услышал за спиной возню. В зеркало заднего вида он увидел руку с пистолетом.

— Грабли в гору! — послышался напряженный голос.

Мерфи никогда не видел младшего лейтенанта Иванашко, поэтому лицо его ничего ему не сказало. Американец резко затормозил. Пистолет больно ткнул его в затылок. Мерфи едва успел уклониться влево, как над его ухом громыхнул выстрел, брызнули осколки стекла и в нос ударил кислый дух стгоревшего пироксилина.

Он обернулся, перехватил руку нападавшего и ударил его локтем в лицо. Тот выругался, рванулся и вывалился в открывшуюся заднюю дверцу.

Мерфи только успел заметить, как тот зигзагами скачет между деревьями.

Иванашко не успел уйти далеко. Не рассчитав траекторию, он с силой врубился лбом в неохватный липовый ствол, замер и тяжело опустился на снег.

Мерфи вылез из машины и увидел как впереди мелькнул свет фар.

Навстречу ему вырулили синие "жигули". Машина остановилась и из нее вышел человек. В свете фар его машины Мерфи был как на ладони.

Человек посмотрел на него, потом на номера его машины, отметил пробоину в лобовом стекле и громко спросил:

— Эй, приятель, ты случайно не заблудился?

— Наверно я не там свернул, — ответил Мерфи. — Я ищу склад фирмы "РИФ".

— Джамбо, брат. Я тебя давно жду. Что случилось? Кто стрелял?

— Наверно менты, — предположил Мерфи. — Они устроили засаду, но я ушел.

Незнакомец сделал несколько шагов в сторону упавшего Иванашко.

— Это ты его заделал?

Мерфи в ответ лишь многозначительно пожал плечами.

— Окей, — усмехнулся незнакомец. — Давай отсюда сваливать по-быстрому. И от машины придется избавиться.

— Бросить ее здесь?

— Зачем же? Отгоним в гараж, перекрасим и продадим. Садись за руль и двигай за мной.

— А с этим что делать? — кивнул Мерфи в сторону бесчувственного Иванашки.

— Пусть валяется. К утру снегом присыпет, до весны отдохнет. Как медведь. Бурый.

Незнакомец усмехнулся. Он сел в свои "жигули", развернулся и двинулся впереди. Мерфи держался сзади. Он беспокоился за напавшего на него идиота и гадал, как сообщить о нем Крюкову.

Иванашко вопреки прогнозу пролежал в сугробе недолго. Ранним утром юный лыжник Петя Кадушкин по обыкновению совершал утреннюю пробежку. Неудобство в мочевом пузыре снова заставило его сойти с лыжни и оросить свежавыпавший снег желтеньким. К своему ужасу он вдруг увидел выступившее из сугроба человеческое лицо. Снова труп?

— Ты, твою мать, на кого ссышь? В глаз попал, сука! Тьфу!

Из-под снега появился сильно забрызганный, кривой от возмущения и попавшей в глаз мочи младший лейтенант Иванашко. Петя Кадушкин не так испугался очередной находки, как того, что найденыйш внезапно ожил.

Когда Петя Кадушкин наконец излечился от полученного заикания и нервного подергивания правого глаза, то решил навеки завязать с лыжами и целиком переключился на пиво и девочек.

* * *

4

На следующий день Крюков и местный опер Долгополов решили прогуляться по военному городку. В гарнизоне Боженowo Крюкова и Долгополова встретили без признаков радости. Крюков подумал, что если бы не местный сыщик, одного его вообще не пропустили бы дальше проходной. Легенда у сыщиков была железная — опросить жителей в связи с двойным убийством по соседству.

Дежурный офицер вызвал сержанта-контрактника из взвода охраны и поручил ему поводить непрошенных гостей по территории военного городка.

Сержант почесал слегка припухшую небритую физиономию и махнул сыщикам рукой:

— Вали за мной, ментура! Куда пойдём?

— Давай для начала на квартиру к потерпевшим, — распорядился Долгополов.

Возле дома, где жил майор Еремин, Крюков заметил старые синие "жигули".

— Это чья тачка? — спросил он у сержанта.

— А хрен ее знает. Сюда все кому не лень теперь ездят. Барыги какого-то. Спроси у местных.

— А там что? — спросил Крюков, указав на ребристые лабазы из гофрированного железа.

— А это, брат, запретная зона. Ты туда не ходи. Пуля башка попадет — совсем мертвый будешь.

— Секи, кого-то разбудили на свою голову, — Долгополов сплюнул на снег.

Со стороны штаба к ним, забыв о солидности, стремительно приближался высокий майор.

— Это наш особист, — не менее презрительно сплюнул на снег сержант.

— Майор Гвнщв, — неразборчиво представился особист и козырнул. Что вы делаете в расположении воинской части?

Крюков и Долгополов в ответ также представились, но более отчетливо. На особиста их должности не произвели никакого впечатления.

— Ничего не знаю, — заявил он. — Дело ведет военная прокуратура.

— В отношении погибшего майора Еремина, — поправил Крюков. — Гражданин Жданько в армии на момент смерти не служил. Им занимается милиция и не оказание нам помощи будет рассматриваться как преступление против государства. Вы с уголовным кодексом знакомы?

Уголовного, как и других кодексов, особист не читал. Он и уставы свои знал плохо. Поэтому только махнул рукой сержанту:

— Ладно, покажи им квартиры, где жили убитые, но больше ни-ни!

И убежал назад в штаб.

— Закладывать помчался, — высказал версию Крюков.

— Кому? — не понял Долгополов.

— А кто тут у них правит и всех режет? Мяснику, ясное дело. На обратной дороге нас и почируют.

— Иди ты! — выругался Долгополов.

В квартире журналиста до их прихода уже был проведен тщательный шмон. Все стояло вверх дном. Содержимое шкафов и ящиков устилало пол.

— Ваша работа? — спросил Крюков Долгополова.

— С какой стати? Его же не дома убили.

— Тогда кто тут так поработал? И, главное, что они искали?

— Они-то, по крайней мере, знали, что искали. А мы даже приблизительно не можем себе представить, — проворчал Долгополов.

В квартире майора история повторилась. Не найдя ничего интересного, Крюков вышел в кухню. Здесь он заметил разбитое окно. Совместив траекторию от выщербленной стены через дырку в стекле, Крюков прикинул место, откуда в майора могли стрелять.

— Ты что тут на шпионил? — поинтересовался входя в кухню Долгополов.

— А вот сам посмотри.

— Ни хрена себе, — свистнул от удивления Долгополов. — Выходит в нашего покойника к тому же и стреляли?

— Да. Причем издалека. Видишь, где ближайший дом? Били из СВДшки на пределе дальности. Повезло нам с тобой. Против нас работают профессионалы широкого профиля. Они нам и подскажут, что искать.

— Как это? — не понял Долгополов.

— Очень просто. Как наткнемся на что-нибудь стоящее, нас тут же попытаются замочить.

— А мы успеем понять, что что-то нашли? Или так и померем в неведении?

— Не бзди, — утешил его Крюков. — Мы погибнем, но за нами придут другие. А твоим именем назовут трамвайную остановку.

Сопровождавший их сержант успел сильно соскучиться. Он страшно зевал в коридоре и когда сыщики вышли к нему, поинтересовался:

— Мужики, вы че как не люди?

— В смысле?

— Пашете как космонавты на орбите. Надо же и прерваться. Пивка попить.

— А здесь есть где?

— Хоть залейся. Вон чайная.

В чайной поили разливным пивом. Его наливали не в пластмассовые стаканы, а в настоящие старинные, почти антикварные кружки. Другие напитки также имелись в ассортименте. Кроме чая, разумеется. Сержант взял себе сотку водки с прицепом в виде поллитра пива и забился в темный угол, чтобы не заметил дежурный по части, если вдруг и ему взбредет в голову забежать пропустить граммов пятьдесят для бодрого несения службы.

Крюков и Долгополов устроились со своим пивом под большим окном.

Меланхолически посасывая кусок воблы, Крюков старался понять, что же искали убийцы в квартирах своих жертв?

— Не занято?

Возле их стола остановился немолодой мужик с двумя кружками пива.

Крюков недоуменно оглядел помещение. Кроме них и продавщицы в чайной никого не было.

— Мне бы к свету поближе, — пояснил мужик.

— Да ради Бога, — пожал плечами Крюков и подвинулся.

Мужик сел рядом, отпил пиво и слизнул пену с верхней губы.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Пиво приходит прямо с завода в запаянных бочках. Их при мне открывали, сам видел. И сразу втыкают кран — и наливают. Поначалу неразбавленным поили, а сейчас чувствую с доливом.

Освоили процесс. Но как?

— Может в кран где-то сбоку штуцер врезали, чтобы воду подвести? — предположил Долгополов.

— Золотая у тебя голова, Волоха, — похвалил товарища Крюков. — Так бы дела раскручивал, генералом бы стал.

— А вы, ребята, откуда? — насторожился мужик.

— Мы, дядя, из милиции, — представился Крюков.

— И Валерку Жданько покойного знали?

— Вот он знал, — кивнул на Долгополова Крюков.

— Сходится, — мужик поставил кружку на стол и полез в карман.

— Что сходится? — не поняли сыщики.

— Все сходится, — мужик вынул из кармана дискету и положил ее на газету с распотрошенной воблой. — Момот меня зовут.

Вероятно это должно было что-то означать. Сыщики переглянулись и пожали плечами.

— Допустим. И что дальше?

— Валерка покойный у меня в фирме работал, — пояснил Момот. — А тебя, значит, Волохой зовут, — уточнил он, глядя на Долгополова.

— Меня друзья Волохой зовут, — немного обиделся тот.

— И удостоверение можешь показать?

— Вот, любуйся, — Долгополов раскрыл перед любопытным отставником свою красную "МУРку". — Доволен, или будешь перечитывать?

— Так это ты, значит, Волохой будешь, — еще раз с пьяной уверенностью повторил отставной подполковник. — Теперь мне понятно. Я то я думаю — что за Волоха-малоха такая? Звонил тебе Валерка перед смертью да не дозвонился.

— Я знаю, — сказал Долгополов. — Мне передали.

— Да, и он тоже передать просил кое-что. Если, значит, с ним что случится.

— Что передать?

— А вот, — Момот указал подбородком на дискету, лежавшую поверх рыбного мусора. — Забирайте.

Долгополов хотел что-то сказать. то ли спросить, но Крюков сунул дискету в карман и потащил его из-за стола.

— Ну ладно, нам пора. Если еще что узнаете, звоните.

— Постой, ты куда? — не понял Долгополов. — Мы же еще ничего толком не узнали...

— А мы тут больше ни хрена и не узнаем, — ответил Крюков. — Нам бы то, что нарыли, до дому донести.

Они помахали сержанту, с которым успели сродниться и которому было уже не до них. На КПП дежурный проводил сыщиков подозрительным взглядом и, как только они вышли за проходную, схватился за телефон.

Сыщики возвращались к метро через лес. Крюков был внимателен и сосредоточен. Долгополов заметил это.

— Ты что, знаешь что-то, чего не знаю я? — спросил он.

— Угадал.

— Так может поделишься? Грядку-то вместе окучивали.

— Думаешь стоит? Меньше знаешь — лучше спишь. Ладно, не обижайся...

Крюков вдруг замолчал. Ему послышался скрип снега. И причиной звука

был не веселый лыжник и не лошадка мохноногая, а осторожно крадущийся человек.

Крюков рванулся вперед и сбил напарника в сугроб. Одновременно с его броском лесную тишину разорвал выстрел. Крюков молниеносно выхватил свой обрез и заскрипел зубами от злости. У него не осталось ни одного нормального патрона — только шоковые, с водой. Но тут и Долгополов открыл огонь из своего пистолета.

— Ты цел? — крикнул ему Крюков.

— Кажется немного зацепило, — отозвался Долгополов.

Его выстрелы сбили снег с недалеких кустов. Крюков заметил как за кустами шевельнулось что-то темное, а затем кто-то шархнул и побежал зигзагами вглубь леса.

— Ты как? Спросил Крюков.

— Спасибо. Если бы не ты, было бы уже совсем никак. А так только плечо задело. Сука. Кто же это был?

— Мясник, больше некому, — с уверенностью сказал Крюков.

— Но он же ножом режет.

— Нас с тобой ножом резать — себе дороже выйдет. Он что, присягу давал стволом не пользоваться? К тому же журналиста он из пистолета завалил. Меня другое беспокоит.

— Что именно?

— Почему он сначала в тебя выстрелил? Знал, что у меня патроны только шумовые остались и практически я не вооружен и не опасен? Не нравится мне такая осведомленность. На неприятные мысли наводит.

Крюков двинулся к Долгополову. Тот тихо, сквозь зубы, матерился и прижимал рукой левое плечо. Крюков поддержал его и они заковыляли по лесной дороге, поминутно озираясь и оглядываясь на каждый подозрительный шум.

Уже добравшись до больницы, где Крюков передал Долгополова на попечение медиков, тот, прощаясь, сказал:

— Слышь, Крюк, есть маза, что я его тоже зацепил. Иначе хрен бы он нас выпустил.

Крюков пожал ему здоровую руку:

— Если ты прав, я скоро узнаю, кто такой Мясник.

— Мне не забудь сказать.

— Тебе первому, — пообещал Крюков и направился к выходу.

* * *

5

В черной комнате за черным столом сидел человек в черной майке с белой повязкой, закрывавшей татуировку на плече. Он говорил по телефону.

— Да, я согласен с тобой. Пора принимать радикальные меры. Сегодня Крюков с каким-то местным ментом был в гарнизоне. Ходили, вынюхивали. Нарыли чего или нет, пока не знаю. Хотел завалить обоих на всякий случай, но не вышло. Зацепило меня. Ничего, за нами не заржавеет. Со всеми разберусь, дальше тянуть нельзя.

Он разгреб газетные вырезки с заметками о Мяснике и разложил веером несколько снимков из тех, что лежали в большом конверте. Сверху оказались фотографии Ирины, Крюкова, Рудакова и других сотрудников кооператива "ОГПУ".

* * *

Рудаков, Питер и Крюков сидели в офисе кооператива "ОГПУ".

— Значит решили, едем к Тюрину? — сказал Крюков.

— И как можно скорее, — поддержал его Рудаков и обратился к Питеру. — Ты нас отвезешь?

— Нет проблем, — кивнул тот. — Только надо пару пузырей с собой захватить. Без этого разговора не получится. Приехал полковник — дальше некуда. Довели, суки!

— Пойду заводить свою колымагу, — сказал Крюков.

— А может на казенных "жигулях" прокатимся? — предложил Рудаков. На твою машину бензина не напасешься.

— На моей безопаснее, — стоял на своем Крюков.

"Крюков, зайди ко мне", — прозвучал голос Ирины по системе громкой связи.

Крюков вошел в кабинет председателя кооператива. Здесь по-хозяйски расположились трое мордovorотов. Четвертым был старый знакомый Крюкова полковник ФСБ Спицын.

— Вы не могли бы оставить нас ненадолго? — попросил он Ирину. — У нас намечается очень интимный разговор.

Ирина пожала плечами, поднялась из-за стола и вышла. Спицын немедленно уселся в ее кресло.

— Мне тоже выйти? — спросил его Крюков.

— А вас попрошу остаться! И давайте без этих ваших фокусов.

— Без фокусов, так без фокусов, — Крюков без приглашения уселся на свободный стул. — Просто споем и спляшем в борделе нашем. Кто начнет?

— Мы тебя посадим, — сразу перешел к делу Спицын.

— Ну что же, и тюрьма для людей, — парировал Крюков. — К тому же я как истинный философ, и в камере буду свободнее, чем ты на воле.

— А ты знаешь, что с ментами в камере делают? — прошипел Спицын.

— Только не надо этих страшных рассказов про тяжелую судьбу ментов и насильников на зоне, а то я со страху обосрусь прямо тут. Ты сам-то в камере когда-нибудь сидел? Нет? Я так и подумал. Сейчас ментов в зонах — половина, если не больше.

— Мы ведь можем тебя уволить, причем так, что и дворником потом не устроишься. Без вопросов.

— Напугал ежика голой задницей. А ты ведь не знаешь, чего я больше всего боюсь. А боюсь я голых баб с большими сиськами. Но тебе про это не скажу, а то определишь меня в публичный дом за бюджетные деньги в три смены пахать.

— Ща, размечтался! — ухмыльнулся Спицын. — По твоим делам и двух расстрелов мало.

— Уй как страшно! Ладно, раз уж я здесь, поведай, что я такого криминального натворил, чтобы два раза не приходиться. Может я испортил воздух на пленарном заседании Думы или не снял шляпу перед портретом президента?

— Да у тебя целый букет преступлений! — обрадованно заорал Спицын. — На тебя можно вешать половину статей уголовного кодекса и таблицы Менделеева! Злоупотребление служебным положением, получение взятки несанкционированное применение оружия. А как укрывательство черножопого террориста, этого Твалы? Может ты его сообщник? Тебе мало?

— Какое еще, на хрен, несанкционированное применение? Я кого-то убил или ранил?

— А вот такое, например! — Спицын со стуком вывалил на стол крюковский обрез и пачку патронов. — Или такой прибор теперь называется табельным?

— Мое оружие носит исключительно предупредительный характер. Все патроны холостые, — заявил Крюков.

— Неужели? — Спицын с торжеством извлек из своего кармана красивый патрон с надписью "BALLE GUALANDI", снаряженный пулей. — А это что?

— Смеетесь? Откуда у меня импортные патроны? — Крюков отодвинулся со стулом подальше от стола. — И не надо мне его подсовывать, отпечатков своих я на нем все равно не оставлю.

— Ладно, собирайся, поедешь с нами, — Спицын встал, за ним стали подниматься остальные.

— Это задержание? — поинтересовался Крюков.

— Нет, пока только доставление, — любезно улыбнулся Спицын. — На бесплатную кормежку не рассчитывай и адвоката своего не беспокой.

— Мой адвокат уже в курсе, — заверил полковника Крюков. — Против лишения меня свободы заявляю решительный протест и уступаю только грубой силе.

— Куда это вы? — спросила Ирина, когда Спицын и его помощники проводили мимо нее свою добычу.

— Это простое недоразумение, — заверил ее Крюков. — Товарищ Сталин лично во всем разберется и я скоро вернусь. Не скучай.

* * *

Рудаков и Питер тем временем двигались в северо-западном направлении. Вернее, сначала в западном, а затем в северном. Цель их поездки находилась, по словам Питера, на границе Московской и Тверской областей.

— Хвост не тащим? — спросил Рудаков, когда они миновали Волоколамск.

— Нет, вроде чисто. Я все время проверяюсь, — ответил Питер.

Последний отрезок пути они ехали по совершенно разбитому тракторами и самосвалами, заасфальтированному лет тридцать назад, сельскому шоссе.

— С тех пор как отсюда прогнали немцев, никто не в состоянии заставить наш народ чинить собственные дороги! — выругался Питер, когда в очеред-

5
ной выбоине чуть не откусил себе полъязыка.

— Поэтому мы и непобедимы, — согласился с ним Рудаков. — Хуже смерти боимся, что если нас завоюют, то заставят работать.

— И жить по-человечески, — добавил Питер. — Ноги мыть, зубы чистить. А вот, кажется, и приехали!

Деревня выглядела пугающе безлюдной и запущенной. Черный остов сгоревшего клуба навевал ощущения, что здесь недавно прошли фашисты-каратели.

— И Тюрин здесь живет? — неприязненно сморщился Рудаков.

— Нет, он живет за рекой. Переобувайтесь. У вас ведь сорок третий? — Питер достал из багажника две пары предусмотрительно запасенных резиновых сапог.

Они спустились в пойму небольшой незамерзшей речки и пустились через нее вброд. Холод ледяной воды тут же проник через резину. У Рудакова сразу заломило суставы.

— А на машине проехать нельзя? — недовольно спросил он.

— Почему? Можно. Только небольшой крюк придется сделать. Верст пятьдесят-семьдесят. Сначала до Твери доехать, а потом обратно вернуться. Мосты у нас — объекты столь же редкие, как и летающие тарелки.

На противоположном берегу за небольшой березовой рощей располагалось всего несколько домов. Если на берегу, входившем в Московскую область, вспоминались немцы, то на этом, Тверском, на ум приходили монголо-татары. Во всяком случае на первый взгляд создавалось впечатление, что люди здесь не жили со времен Батыева погрома.

— Да, это вам не Барвиха, — процедил сквозь зубы Рудаков.

— И на Комарово не очень похоже, — кивнул Питер. — Пойду предупрежу полковника, а то как бы стрелять не начал. Он последнее время совсем по-черному квасил.

Рудаков присел на толстый березовый пень и закурил. Питер скрылся за углом крайней покосившейся избы. Рудаков не успел сделать и трех затяжек, когда услышал выстрел, потом еще один. Затем рванула граната и послышались автоматные очереди.

Рудаков выхватил из плечевой кобуры новый служебный револьвер. С этой слабенькой кургузой машинкой он показался сам себе нелепым и смешным.

Из-за угла покосившейся избы показался Питер. За ним выскочил Тюрин. В одной руке у него был пистолет, в другой был зажат белый пластиковый пакет, скрученный в сверток.

Полковник бежал тяжело, часто останавливался и оглядывался в сторону преследователей. Те сначала не показывались, но потом Рудаков увидел мелькнувшую несколько раз голову в черной шапке. Он не смог определить точно, но возможно преследователь был не один.

Питер на бегу махнул Рудакову — уходи! Тот, не долго думая, выстрелил пару раз в сторону мелькнувшей черной шапки, повернулся и побежал. За своей спиной он услышал длинную автоматную очередь и вскрик.

Рудаков оглянулся. Тюрин тряпичной куклой заваливался вперед и вправо. Вместо правого глаза у него чернело выходное отверстие от пули. Питер подскочил к нему и подобрал выпавший из разжавшихся пальцев полковника белый сверток.

Рудаков замешкался было на берегу, когда из рожи показались фигуры в черных комбинезонах с автоматами в руках. Он выстрелил в их сторону еще пару раз и спустился в холодную воду. Прошлепав через речку он попытался выбраться на обледеневший берег. Но у него ничего не выходило. Питер более удачно форсировал реку немного в стороне.

Рудаков скользил по крутому склону, безуспешно пытаясь выбраться из воды. С тупой обреченностью он слышал за спиной скрип снега приближалась погоня.

Рудаков приготовился выпустить оставшиеся в револьвере два патрона, когда услышал с нависшего рядом берега:

— Руку!

Питер протягивал ему свою. Рудаков ухватился за нее и оскальзываясь, рванул из воды. На очередную россыпь выстрелов Питер ответил рычанием и бранью.

— Ты что, ранен? — спросил Рудаков.

— Немного задело. Держи пакет!

И Питер выпустил оставшиеся патроны в преследователей. Те залегли и приостановили погоню. Видимо ждали указаний от начальства.

Рудаков помог Питеру добежать до машины. Тот упал на переднее сиденье, Рудаков уселся за руль и дал газу. По ухабистой трассе они вылетели на шоссе. Здесь Рудаков снизил скорость и спросил напарника:

— Ты как?

— Нормально. До больницы дотяну. Ранение касательное.

Из автомобильной аптечки Питер самостоятельно достал бинт, смочил его в перекиси водорода и прижал к ране.

— Вон указатель — больница!

Рудаков хотел было свернуть, но Питер остановил его.

— Вы что? С огнестрельным ранением в обычную больницу? Нас же сразу заметут. К тому же эти суки будут нас преследовать. Нет уж, потерплю до Москвы.

— Они пришли следом за нами? — спросил Рудаков.

Его мучила совесть за то, что они притащили хвост к Тюрину.

— Нет, — успокоил его Питер. — Это была засада, нас там ждали. Но ждали с другой стороны, думали, что мы по дороге приедем. Поэтому мы и смогли уйти.

— Мы-то смогли, а вот полковник...- вздохнул Рудаков.

— Он успел взять документы. Вот они, — Питер указал на брошенный на заднее сиденье сверток. — Теперь победа у нас в кармане. За всех ребят отмстим!

— Куда двинемся? — спросил его Рудаков, когда они въехали в Москву.

— Как куда? У нас ведь есть почти штатный доктор. В "Центр крови", конечно. Думаю, Мария не откажется нам помочь.

Он не ошибся. Рана оказалась не опасной, но Мария велела ему полежать некоторое время в крайней пустой палате.

Бойцы охраны с шевронами "РИФ-секьюрити" подозрительно покосились на пациента. Старший отошел в глубину коридора и достал рацию.

Спустя двадцать минут к боковой двери "Центра крови" подъехал темно-синий микроавтобус. Люди в черной униформе вывели шатающегося Питера,

погрузили в машину и уехали.

* * *

В офисе охранно-сыскного кооператива "ОГПУ", несмотря на позднее время, горел свет. В кабинете председателя сидели Ирина и Рудаков. Они обсуждали свои невеселые насущные проблемы.

— Крюков сидит, Тюрин убит, Антон пропал, Питер в больнице...

Речь Ирины прервал телефонный звонок.

— Да? — ее и без того напряженное лицо помрачнело еще больше. Спасибо.

Она положила трубку.

— Кто звонил? — спросил Рудаков.

— Мария из больницы. Питера увезли неизвестные люди в неизвестном направлении.

— Если учесть, что убиты свидетели, создается впечатление, что на нас открыли сезон охоты, — подвел итог Рудаков.

— Надо просить помощи у Ионы, — Ирина протянула руку к телефону. Другого выхода я не вижу.

— Подождите, — остановил ее Рудаков. — Сейчас мы особенно уязвимы.

У нас на руках документы Тюрина.

— Это козыри.

— Нет, в контексте ситуации это наш смертный приговор. За нами теперь будут охотиться с удвоенной энергией. Их нужно как можно скорее передать вице-премьеру Асташкову.

— А в чем проблема? — не поняла Ирина.

— Комиссия по Юнителу закончила свою работу. Теперь Асташкова очень трудно найти. Временами мне вообще хочется все бросить. За бугром легче было.

— Вы что, хотите выйти из игры? — спросила Ирина.

— Я? Что вы, и в мыслях не было.

По лицу Рудакова было заметно, что мысли его и в самом деле витают где-то далеко.

* * *

Дом на Весеннем проезде выглядел брошенным. Из сановных жильцов сейчас в нем остались жить всего несколько человек. Но армия обеспечения продолжала исправно трудиться. У Рудакова тщательно проверили документы, после чего дежурный позвонил в квартиру Шнопака.

— К вам гость. Полковник Рудаков.

— Кто? — голос Шнопака поперхнулся и замолк.

Лишь через несколько бесконечно долгих минут Шнопак вновь сумел обрести дар речи:

— Пусть пройдет.

В квартире Шнопак был один. Он был облачен в домашний халат, надетый поверх тренировочного костюма.

"Наверно для того, чтобы пистолет в кармане спрятать, — догадался Рудаков. — В треники ствол не больно-то и засунешь".

Хозяин пригласил гостя в комнату. Здесь на низком, инкрустированном под шахматную доску, столике уже стояла пузатая бутылка коньяка и не менее пузатые коротконогие бокалы.

Рудаков обвел глазами помещение.

— А чего потолки такие низкие? — поинтересовался он невзначай словно был со Шнопаком в приятельских отношениях и заглянул просто посмотреть его новое жилье.

— Под полом дополнительные коммуникации, — осторожно сообщил Шнопак, боясь упустить главное в разговоре. — Говори прямо — зачем пришел?

Рудаков пожал плечами:

— Какой ты, брат, недоверчивый! Это тебя политика доконала. Мы же с тобой как-никак коллеги. Оба бывшие "резики". Только ты сумел пристроиться, вон — костюм один, поди, на пару штук баксов потянет, — Рудаков наклонился и двумя пальцами осторожно потер лацкан шикарного шнопаковского пиджака, небрежно повешенного на спинку стула. — А я, грешный, все ерундой занимаюсь. Вот, в кооператив "ОГПУ" залетел. Смех. А пора бы уже и о старости подумать.

Шнопак налил коньяк в бокалы и один из них подвинул Рудакову:

— Я слышал, что не такой уж ерундой ты занимаешься в этом своем "ОГПУ". Не так это смешно, как ты говоришь. Серьезных людей вы переполошили.

— Значит совпадение интересов? — прямо спросил Рудаков.

— Не понял, говори яснее.

— Куда уж яснее, — усмехнулся Рудаков. — У меня товар, у тебя купец. Неужели два старых шпиона не сумеют договориться о цене?

— Какой товар?

— Горячий и смертельно опасный, а я еще пожить хочу. У меня документы Тюрина.

— А точнее?

— Точнее некуда. Это называется "Кранты Юнителу". Делайте ставки господа. И не жалейте заварки, как гласит одиннадцатая заповедь Моисея. Я ведь могу предложить их еще кое-кому.

— Кому? Премьеру?

— Или самому Вагнеру. Чтобы он смог лично убедиться, с каким мудачьем работает. Ответа жду завтра. И умоляю, не надо меня убивать. Я за то, чтобы договориться по-хорошему, — Рудаков поднялся и не прощаясь вышел.

* * *

6

Ирина вошла в свой подъезд. Впереди нее цокала высокими каблуками Маринка — соседка с третьего этажа.

"Даже не подумала дверь придержать, стерва", — беззлобно подумала Ирина.

На соседке была надета дубленка — точная копия той, что была на Ирине. Обладая врожденным отсутствием вкуса и будучи безмерно завистливой, та предпочитала во всем копировать внешние иринины атрибуты. И не только внешние.

В дни розовой юности за Ириной вздумал приударить король двора Ле-ха-Боксер. Ирину это вовсе не привело в восторг. Но завистница Маринка в лепешку разбилась и не успокоилась, пока не завладела престижным кавалером. Она просто млела от сознания, что ее парень может легко поколотить любого. Но колотил он преимущественно саму Маринку. Так продолжалось до самого их развода.

Впрочем, история эта ничему ее не научила. Она продолжала жить не своей, а ирининой жизнью, ненавидя и копируя ее на бессознательном уровне.

Ирина порылась в почтовом ящике, давая завистнице время погрузиться в лифт. Но та почему-то медлила. Ирина не сразу обратила внимание на тихие хлопки откуда-то сверху. И только когда она услышала тихий вскрик, а потом увидела падающую навзничь Маринку, до нее наконец дошло — в подъезде киллер. И убить он собирался совсем не ее злополучную соперницу. Сверху, из лестничного пролета, показалась черная фигура с пистолетом, увенчанная толстым набалдашником глушителя.

Ирина автоматически отстегнула застежку сумки, сунула в нее руку и ощутила ребристую рукоять револьвера. Дальше сработали рефлексy.

Она выбросила вперед правую руку с револьвером и подхватила ее левой. Тело само вспоминало навыки, выработанные недолгими, но интенсивными тренировками. Она в киллера выпустила все шесть пуль и бросилась вон из подъезда.

На улице к Ирине метнулась еще одна черная фигура. Она растерялась. Ее револьвер был разряжен. Неожиданно откуда-то сбоку раздался негромкий хлопок. Снова выстрел из пистолета с глушителем?

Нападавший в черном упал. С громким скрипом тормозов к Ирине подлетел темный микроавтобус. Из раскрытой дверцы к ней протянулись руки.

Хватка была очень крепкой. Она отшатнулась, но тут же ощутила сильный толчок в спину. За ее спиной возник человек. Он силой впихнул Ирину внутрь салона. Это был тот, кто застрелил метнувшегося к ней человека в черном. Внутри микроавтобуса было темно. Дверь за ней захлопнулась и машина сорвалась с места.

Ирина попыталась было закричать, но жесткая ладонь в перчатке запечатала ей рот.

— Не вздумай орать, — прорычал у нее над ухом хриплый голос.

Она почувствовала на лице остро пахнущую повязку и отключилась.

* * *

В особняке усадьбы Боженково собирались акционеры, а точнее лоббисты и агенты влияния Юнитела. Их машины подъезжали поодиночке с интервала-

ми от трех до шести минут, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Риф лично контролировал приезд во главе группы бойцов с "винторезами" в руках. Время от времени он отдавал короткие приказы в микрофон оперативной рации.

Когда последний из приехавших, помощник президента Шнопак, прошел в каминный зал, его встретили с нетерпением. Здесь присутствовали члены государственной комиссии по проверке Юнитела Биркин, генерал Павлов и полковник Спицын. Возле камина, едва не засунув зад в его пыщущее жаром жерло, терся Марат Тоцкий.

— Вагнер не приедет? — тихо спросил Шнопак Рифа.

— Звонил, сказал, что не сможет, — Риф пропустил Шнопака в каминную, сам же остался снаружи. Система прослушивания позволяла ему быть в курсе происходящего, оставаясь вне помещения.

Совещание как всегда начал Биркин. Он сообщил, что система Юнитела запущена на полную мощность и присутствующим остается только ждать новогодней ночи, чтобы стать богачейшими людьми мира. Отвлекающая часть операции "Армагеддон" — серия аварий и крушений — произойдет так, что комар носа не подточит.

Спицын заверил сообщников, что по его линии все схвачено и он полностью контролирует ситуацию. Генерал Павлов также доложил, что по части "Фейерверка" проблем не будет. В нужный момент ракеты взлетят и правительствам какое-то время будет не до денег. А за это время они сумеют надежно спрятать концы.

— У тебя не создается впечатление, что концы они собираются прятать вместе с нашими трупами? — тихо спросил Биркин полковника Спицына.

— На кону такие деньги, что я ничему не удивлюсь, — согласился тот.

Тут Шнопак взял быка за рога.

— Документы Тюрина всплыли. Они у Рудакова. Из-за этого идиота все может накрыться медным тазом.

— И что же он хочет? — подал голос молчавший до сих пор Марат.

— Бабок, чего же еще!

— Не верю я ему! — ударил кулаком по столу полковник Спицын. — Не взяли ли нас в разработку?

— Ты же гарантировал, что все чисто! — возмутился Марат.

— Ладно, береженого Бог бережет, а небереженого конвой стережет, — напомнил старую истину Биркин. У Рифа всегда сканер под рукой. Давайте для верности пройдемся по стенам. Вдруг где микрофончик заваялся.

Микрофончик нашелся сразу, как только Шнопак взял в руки прибор.

Он в виде булавки торчал из-за лацкана его пиджака.

— Ах ты ж, блин! — Шнопак грязно выругался. Рудаков, старый козел!

Он мне микрофон вхерачил! Накидал лапши на уши, сука!

— Что будем делать? Мочить?

— Замочишь его теперь, как же. Документы, поди, уже у Асташкова в сейфе лежат!

Все разом засуетились и заорали.

— В общем, еще не поздно отыграть назад, — тихо сказал Биркин полковнику Спицыну. — Мы все-таки члены комиссии.

Спицын согласился с ним. Они не догадывались, что даже такой тихий раз-

говор не проскочил мимо ушей Рифа. Кроме него их разговор слушал и еще один человек. Это был Мясник.

* * *

Рудаков взглянул на календарь. Чуть не опоздал. Он знал, где можно найти Асташкова. Один раз в неделю, а это было как раз сегодня, по традиции председатель ФСБ и его замы собирались в половине второго в столовой на Лубянке.

Она находилась на четвертом этаже, возле кабинета председателя.

Обедали они там по-простому, без разносолов. Асташков по старой памяти никогда не пропускал этих обедов.

"Съезжу-ка я, махну своим пенсионерским удостоверением. Авось нальют тарелку щей опальному ветерану".

Так он и сделал. Без пяти два Рудаков шагнул по знакомому коридору старого здания Лубянки и поражался. Стены и потолки демонстрировали картину "Десять лет без ремонта", паркетные половицы скрипели, а местами просто отсутствовали. Что же, война есть война. Все средства родина отдавала на нужды видимого фронта. Невидимому перепали лишь жалкие крохи.

В столовую он, разумеется, не пошел. Дождался вице-премьера сидя на подоконнике. Наконец из дверей столовой показался Асташков.

— Здорово, пенсионер. Яйца высиживаешь?

Вице-премьер явно отметил с бывшими соратниками приближение Нового года и был настроен оптимистично.

— Вас поджидаю.

— "Поджидаю" — это, брат, антисемитизм. Надо говорить "подъевреиваю". Что у тебя? Кстати, как обустроился на гражданке? Канарейкой не обзавелся?

— Некогда. Государственные дела за вас решаю.

Асташков нахмурился:

— Ну-ка давай в сторонку отойдем, а то у здешних подоконников акустика хорошая. Для любителей покурить и поболтать у окна. А еще лучше пошли в мою машину.

В машине Рудаков изложил бывшему начальнику общую картину задач и развития компьютерной сети Юнител в мире и России.

— И ты можешь это доказать? — сухо спросил Асташков.

— Вот документы. Вы знали полковника Тюрина?

— Он работал в моей комиссии.

— Результаты его работы не дошли до вас по одной простой причине — ваши непосредственные помощники по уши увязли в сети Вагнера.

Асташков заглянул в список заговорщиков.

— Хорошо. Полковника Спицына, Биркина, генерала Павлова и еще кое-кого я могу нейтрализовать. Но на сегодняшний день они фигуры второстепенные. Главные — Шнопок, Тоцкий и сам Вагнер — опасны тем, что блокируют президента. А без него проблему такого уровня не решить.

— Но ведь премьер-министр ваш друг и противник Вагнера, — напомнил Рудаков.

— На этом уровне и он бессилён, — развел руками Асташков. — Впрочем, я попробую пробиться к президенту с помощью премьера.

— Ничего не понимаю, — возмутился Рудаков. — Ведь речь идет о государственных интересах!

Асташков внимательно изучал распечатку тюринских документов. Он снисходительно взглянул на бывшего резидента.

— Государственные интересы — это интересы тех, кто может уверенно заявить: "Государство — это я"! А я уже сейчас навскидку вижу, что некоторые зарубежные счета, на которые уплыли деньги от внедрения Юнитела, принадлежат именно этим людям.

— Но Юнител внедрялся на деньги наркомафии! И теперь преступники свободно пользуются закрытыми линиями системы для отмывания денег. Руководит ими бывший сотрудник спецслужб, бывший глава охранного холдинга "РИФ", ныне шеф охраны "Ипсилонбанка" и его полномостный распорядитель.

Асташков заглянул в указанный документ и обомлел.

— Не может быть! Твой...

— Он, — кивнул Рудаков.

— Хорошо, — кивнул головой Асташков. — Я прямо сейчас еду к премьеру и поставлю вопрос ребром. Спасибо тебе и твоим ребятам.

— Их вытаскивать надо. Крюков у наших, ФСБшников. Хозяйку моей фирмы вообще похитили неизвестно кто. Несколько человек исчезли или убиты.

— Сделаем, что сможем, — заверил разведчика Асташков.

* * *

Спустя час Асташков сумел добраться до премьер-министра. Тот выглядел озабоченным.

Премьер был моложе Асташкова. В те времена, когда оба работали в разведке, начальником был Асташков. Теперь роли поменялись, но они продолжали поддерживать добрые, почти дружеские отношения.

— Если можно, Сергей Владимирович, покороче, — попросил премьер. У меня сегодня очень напряженный день.

— Постараюсь, — обиделся Асташков. — Но имейте в виду — завтрашнего дня может и не наступить. А точнее первого января двухтысячного года.

— Значит пара дней у нас есть. Давайте к делу. Вы по поводу решения вашей комиссии в пользу Юнитела?

— Так точно. Я только что узнал, что решение — фикция. После смерти генерала Лентулова и его зама полковника Тюрина комиссия целиком куплена Вагнером.

— Исключая вас, конечно?

— Разумеется, — Асташков приступил к изложению своего доклада.

Премьер внимательно слушал. Иногда переспрашивал:

— Получается, что больной умирает не от инфекции, а от принятого лекарства?

— Да. Мы хотели избежать возможной опасности "Компьютерной проблемы "Две тысячи", а вместо этого можем стать жертвами финансовой супермагии. И здесь дефолтом не отделаемся. Это будет крах всей финансовой системы. А возможно и не только финансовой. Ведь для ее прикрытия будут выведены из строя компьютеры морских, железнодорожных и авиалиний, космической связи. Для пущего эффекта будут, якобы самопроизвольно, запущены несколько баллистических ракет. Ничего страшного без сигнала из "ядерного чемоданчика президента" боеголовки все равно не взорвутся. Или все-таки взорвутся? Вагнеру на это наплевать. В Юнителе линию "самопроизвольно-

го" пуска ракет курирует генерал Павлов, он же член государственной комиссии.

— Я все понимаю, — развел руками премьер, — но поделаться ничего не могу. Мне нужно записываться на прием к президенту за неделю, а Шнопок и Тоцкий открывают его дверь ногой. Сам знаешь, Федор Иванович, при нашем образе власти государственными делами заправляют царские холуи.

Как в старину — придворный конюх, придворный счетовод, придворный говночист. Вот и живем соответственно — не понос, так золотуха. Не Иван-дурак на троне, так семибоярщина.

— Тебя бы на трон, Володя, — пробормотал Асташков.

— Шутишь? Только этого мне не хватало, — премьер усмехнулся. — А что это за Крюков? Лет пятнадцать назад на первенстве правоохранительных органов по дзю-до я с ним в финале боролся. Занятный паренек был.

Любопытно было бы на него сейчас взглянуть.

— И кто выиграл?

— Он, мерзавец. С минимальным преимуществом. Но он мне понравился, хорошо боролся. Говоришь, наши коллеги запрессовать могут? Ладно разберемся. Вон, на ловца и зверь бежит.

В конце коридора показался Марат Тоцкий. Завидев премьера, он вдруг заметно побледнел, развернулся и едва не перешел на бег.

— Что это с ним? — удивленно спросил Асташков.

— Не знаю-не знаю, — прищурился премьер. — Видно не все ладно в королевстве Датском. Ну, до этого извращения мы все равно не доберемся он в вершках числится, а по корешкам ударим. И как можно скорее. Спицына, Биркина, Павлова и этого, из "РИФа", надо брать, пока не поздно.

Что нахмурился, наставник?

— Да вот думаю — а ну как и впрямь поздно? — проворчал Асташков.

* * *

Полковник Спицын давно отвык бегать. Не по чину. Но сейчас он стыдливой трусцой пересек улицу и нырнул в черный "ауди" Биркина. Тот также забыл, когда последний раз сам сидел за рулем, но сегодня ему приходилось обходиться без шофера.

— Тебя не пасли? — спросил он полковника.

— Обижаешь, я же все-таки профессионал, — недовольно буркнул Спицын.

"Профессионалом ты был десять лет назад", — подумал Биркин, но промолчал и сказал лишь:

— Просто хочу напомнить, что если про нашу измену узнают соратники, мы не доживем до вечера. Со всех сторон мы крайние.

— Ерунда, уже почти вечер, — махнул рукой Спицын. — Двигаем прямо к Асташкову. Я все продумал. Мы же все-таки члены госкомиссии. Подадим информацию так, как будто только что ее получили. Когда десять человек гроздью висят на тонкой веревке, у крайних больше шансов на спасение.

Они всегда могут обрезать веревку не над, а под собой.

— Вот сука! — дернулся Биркин.

— Ты что, охренел?

— Смотри назад!

Позади биркинского "ауди" за автобусом прятался хорошо знакомый им обоим синий "жигуленок".

— Рифов холуй! — Спицын не удержался и высунул в окно поднятый средний палец.

Водитель синих "жигулей" понял, что обнаружен. Он пожал плечами и вырулил из своей засады. Биркин также повернулся к нему и махнул рукой — проезжай. Тот двинулся вперед и, проезжая мимо "ауди", также показал сидящим в его салоне средний палец.

После этого "жигули" рванули и на большой скорости исчезли где-то впереди.

— Что это с ним? — удивился Биркин.

— Какая разница? Заводи, погнали. Не нравится мне это, ох не нравится. Ситуация взрывоопасная.

Сильный взрыв приподнял черный "ауди" над землей и разметал в стороны вместе с останками его экипажа. Крики перепуганных прохожих смешались с завыванием сигнализации стоявших по соседству машин.

* * *

Генерал Павлов положил телефонную трубку и опустился в кресло.

"Вот и все", — подумал он.

Генерал достал блокнот, вырвал из него лист и написал на нем несколько строчек. Потом злорадно усмехнулся, встал и прошелся по кабинету.

Что же, придется сделать это несколько раньше, чем он планировал.

Прямо сейчас. Такая необходимость лишала его возможности наблюдать свысока за паникой толпы жалких идиотов, как когда-то в детстве он наблюдал за паникой в разворошенном им же муравейнике.

Но он и без того представлял себе, во что превратится предстоящая новогодняя ночь для большинства людей. А может быть и не для большинства, а для всех...

Генерал снова изобразил на лице недобрую усмешку, рывком извлек из ящика стола табельный "макаров", поднес к виску и выстрелил. Молиться он не умел, да и не собирался.

* * *

7

В кабинете полковника Спицына давешние крепкие ребята вернули Крюкову деньги и документы.

— Распишитесь, — велел один из них.

— Ща, — отозвался Крюков. — А вещи? Обрез ружья двенадцатого калибра фирмы "Джеймс Пердей" с комплектом патронов.

— Подавись, — второй вывалил из шкафа немудреный крюковский скарб.

Крюков засунул обрез под куртку и рассовал патроны по карманам. В том числе и пулевой, подброшенный Спицыным.

— А где же полковник? — спросил он. — Разве товарищ Спицын не придет меня проводить?

— Зачем?

— Ну не знаю, — Крюков пожал плечами. — Извиниться за незаконное задержание.

— Его сегодня не будет.

— А завтра?

— И завтра тоже. Слушай, вали отсюда. И без тебя геморроя хватает, — напутствовали его крепыши.

— Довлеет каждому геморрой его, — заметил им Крюков и вышел на свободу.

Вернувшись после недолгого отсутствия под кровлю родного кооператива, Крюков из всего персонала обнаружил лишь отставного полковника Рудакова. Ас разведки был в дымину пьян. Недобитая бутылка "Гжелки" с рассекателем на горлышке торчала перед ним. Еще две, пустых, валялись под столом.

— А где хозяйка? — в недоумении протянул Крюков.

— Украли, — развел руками Рудаков. — Садись, выпьем! Слушай, Крюков, как тебя по имени? А то неудобняк какой-то...

— Ничего, я привык. За что пить будем? — Крюков взял в шкафу стакан для себя и придвинул стул.

— А хоть бы за Тараса Бульбу! Не возражаешь?

Выпили. Крюков и Тараса Бульбу уважал, и понимал, что толку от полковника он сейчас все равно не добьется. Он помог вконец обессиленному Рудакову добраться до дивана. Сам уснул на соседнем.

* * *

Крюкова разбудил телефонный звонок. Звонила Мария.

— Где Ирина? — спросила она.

— Говорят украли. Я сам только что из застенков КГБ, так что еще не определился на местности.

— Ты можешь приехать прямо сейчас в мою больницу?

— Попробую.

Крюков попытался растолкать Рудакова, но тот героически проигнорировал посягательства на свободу сновидений. Вслушавшись в возмущенный храп полковника Крюков почел за лучшее оставить его в покое. Он спустился вниз, завел рябуху и направился в больницу, где его ждала Мария.

— Знаешь, кто к нам сегодня поступил? — с порога спросила она его. — Генерал Павлов.

— Что с ним? Упадок сил? Хрен свой двумя руками согнуть не может?

Или люмбаго — прострел в пояснице?

— Тогда уж церебраго — прострел в мозгу.

— Как это? — удивился Крюков.

— Элементарно. Стрельнул себе в башку. Был бы он не генерал, а полковник или майор, когда мозг еще не сохся, обязательно мозги бы себе вышиб. А так только задел по касательной. Почитай его прощальную эпистолу, — Мария протянула Крюкову завещание генерала.

— Это в смысле "В моей смерти прошу винить Гайдара, Чубайса, мою стерву-жену, начальника, его зама и далее по списку"? — Крюков развернул записку и прочел вслух. — "Не радуйтесь. Кто хочет легкой смерти делай как я"! Оригинально. Так он умер?

— Не тут-то было, — вздохнула Мария. — Легкой смерти у него не получилось. Вместо этого будет тяжелая жизнь. Весь ее остаток он проведет прикованным к постели. Пуля задела какой-то важный центр в мозгу.

Он парализован. Может двигать разве что глазами. Но, интересно, что же он имел в виду в своей записке?

— На него можно посмотреть? — спросил Крюков.

— Идем, полюбуешься.

Генерал лежал в отдельной палате. Он был совершенно неподвижен.

Крюков обратил внимание на его вытаращенные глаза и дрожащий край одеяла под рукой больного. Он откинул край одеяла.

— Смотри! — Мария тоже это заметила. — По-моему он хочет что-то сказать! Его палец!

Палец генерала, единственное, что еще двигалось кроме глаз, выбивал судорожную дробь. Мария оказалась права. Крюков также уловил в стуке определенный ритм. Три коротких, три длинных, три коротких.

— Морзянка. Он же выбивает "SOS"! Я тебя понял, — четко выговорил Крюков.

— Ты и в азбуке Морзе разбираешься? — удивилась Мария.

— А как же? Я три года в КЮМ ходил заниматься — клуб юных моряков. Вот ты, поди, не знаешь, чем трюмсель от триселя отличается или оверштаг от оверкиля. А почему гальюн является украшением корабля? Тихо, слушай!...

Крюков внимательно прислушался и принялся диктовать:

— Фейерверк не фикция. Бонза гений. Перепрограммировал боевые части ракет. Они долетят и взорвутся. Не хочу. Хочу жить...

— Что он хочет сказать? — Мария ничего не могла понять из услышанной тарабарщины.

— Просто "Фейерверк" из средства для воплощения плана "Армагеддон" превратился в цель. Поздравляю с началом конца света, — ответил Крюков, чем озадачил ее еще больше. — Знаешь, съезди к Семену. Если генерал контактил с "Ипсилоном", на него в файлах могла быть заведена медицинская карточка. Галину ведь не просто так убили.

* * *

Крюков и Рудаков проводили очередное совещание в передвижном штабе — в салоне рябухи.

— Антона видели в кафе "Нирвана", — сообщил Рудаков. — Там хакеры собираются. Потом он снова исчез. Почему он прячется — не понимаю.

— Я тоже. А мы не можем сами влезть в этот Юнител? — спросил Крюков.

— Как? Доступа к малой пирамиде у нас нет. Ни кодов, ни паролей.

— А "золотой диск" Бонзы? Как я понял, игра "Армагеддон" является ключом к Юнителю.

— Частью ключа. Игра заражена "Минуткой". Секунд десять уже съедено, осталось пятьдесят. За это время даже суперхакер не успеет ни в чем разобраться, — уныло продолжал Рудаков. — Знать бы, кто похитил Ирину и где ее искать?

И снова Крюкова прервал писк мобильного. Это был священник отец Николай.

— Со мной связались какие-то люди, — сказал священник. — Они заявляют, что Ирина у них и хотят говорить с Крюковым.

— Я сейчас подъеду, — ответил Крюков и развернул рябуху.

Перед храмом стояла наряженная елка. Возле нее был залит небольшой коток, где катались дети.

В храме народу было немного. Отец Николай читал проповедь на тему "Иудин грех".

— Там в чем же состоит грех Иуды? — вопрошал отец Николай. — Почему он предал Господа? В писании об этом прямо не говорится. Святой Иоанн указал, что Иуда, бывший казначеем, воровал из общей казны.

— Ух ты, блин, крысой, значит, был? — прогудел коротко стриженный молодой прихожанин. Золотой "чертогон" на его толстой шее был немного крупнее серебряного наперсного креста священника. — Из общака, выходит бабки греб?

— Но дело по моему разумению вовсе не в деньгах. Иуду обьял смертный грех — гордыня. Он не сомневался, что его Учитель — Бог и Сын Бога и решил, что в сложившейся ситуации Иисус Христос предстанет перед людьми как и полагается Богу — в гневе, мощи и великолепии. А он, Иуда, займет при нем достойное место. Но увидев, что предал палачам невинного, ничем не напоминавшего о своем божественном происхождении Иуда впал в другой смертный грех — уныние. И повесился. Когда он понял, что вместо славы и почестей его самого ожидает позорная и мучительная казнь, его вера рухнула.

Крюков подождал отца Николая на улице. Совсем стемнело. На елке зажглись лампочки, народу на катке заметно прибавилось.

Наконец Крюков заметил выходящего из храма священника и подошел к нему.

— К Рождеству готовитесь? Не рановато? И елка у вас неуставная с лампочками. Смотрите, нагорит от командования за измену канонам православия.

— А вы полагаете, что суть православия состоит только в том, чтобы делать все с опозданием на две недели? А насчет командования... Было дело, хотели меня турнуть, а на мое место прислали одного бывшего епископа, разжалованного за педерастию. Да только верующие категорически воспротивились такому пастырю. Так что пока служу. А то, что елка стоит, так это же неофициально. Трудно убедить даже воцерковленных верующих праздновать Новый год в ночь с тринадцатого на четырнадцатое января. Подавляющее большинство отмечает его в ночь на первое. А ведь Новый год — день обрезания Господа нашего. Как же можно обрезать того кто еще не родился?

— Почему же по нашему календарю мы сначала празднуем Новый год, а потом Рождество? — спросил Крюков.

Независимо от календаря Рождество всегда наступало и наступает за неделю до Нового года. Только в нашей идиотской стране Новый год празднуют по новому календарю, Григорианскому, а Рождество по старому Юлианскому. И обе даты являются официальными государственными праздниками! И вы хотите, чтобы живущие здесь люди что-то понимали?

— Так что вы хотели сообщить о похитителях Ирины?

— Они связались со мной. Сказали, что знают номер вашего мобильного и будут ждать от вас звонка вот по этому номеру.

— Спасибо, святой отец. Вы нам очень помогли.

— Могу ли я быть полезным еще в чем-то?

Крюков подумал-подумал, да и рассказал священнику все, что знал о возможно предстоящем конце света.

— Что вы на это скажете, святой отец? — спросил он в конце рассказа.

— Господь не попустит этого, если мы будем делать то, что нам должно делать. Рождество и Новый год — время чудес. Так что будем ждать чуда. Обыкновенного чуда.

Часть 4. ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО 1 30 декабря в Кремлевском дворце происходил правительственный прием, посвященный наступлению 2000-го года. Господин Вагнер в числе приглашенных слонялся по залу и ощущал сильное беспокойство. Поначалу он воспринял его как обычную депрессию, посещавшую его в последнее время все чаще и постарался заглушить лошадиной дозой алкоголя. Но это не помогло

Господину Вагнеру не раз приходилось слышать пугающие новости о досрочном уходе президента. Каждый раз он при этом только смеялся, так как хорошо знал президента и его жажду власти. Но сейчас ему стало страшно. Вместо президента с приветствием к гостям обратился премьер.

Это было очень скверным признаком.

Позже, за легким предобеденным фуршетом, премьер как бы ненароком поравнялся с господином Вагнером, кивнул ему и одарил такой иезуитской улыбкой, что у большого друга всех народов мигом похолодело внутри.

Из обрывков услышанных разговоров до него стал доходить поистине ужасный смысл происходящего. Президент уходит со своего поста и оставляет за себя премьера. Господин Вагнер знал, что злейшего врага у него нет, за исключением родственников жены. Самым обидным было то, что для победы ему не хватало всего одного дня.

Он заметался по залу в поисках тех, от кого мог бы получить необходимую информацию в полном объеме. Но ни помощника президента Шнопака, ни кого-нибудь из его команды в зале видно не было.

Наконец Вагнер увидел нужное лицо. Торопливо семеня и разбрасывая на ходу извинения, зал пересекал очень бледный Марат Тоцкий. Он промчался мимо Вагнера, отодвинув его плечом и полетел дальше в направлении выхода.

Вагнер догнал его уже на улице, на ступеньках лестницы.

— Постойте, мистер Тоцкий! — воскликнул он. — Куда вы бежите? Что происходит?

— Что? — визажист уткнулся в Вагнера невидящим взглядом. — Ах, это вы? Ничего. Все нормально. Никто никуда не бежит. Просто у меня билет в Штаты. Меня там ждут друзья, чтобы вместе встретить Новый год. А вы что подумали?

Вагнер понимал, что напоминать сейчас Марату о том, чем он ему Вагнеру, обязан, по меньшей мере бессмысленно. Визажист явно был в панике. Поэтому Вагнер лишь спросил его:

— А куда делся Шнопак?

— Шнопак? — снова переспросил Тоцкий. — Думаю уже улетел. Кажется во Францию. Президент и члены его семьи получили гарантии. Ни я, ни Шнопак членами семьи не являемся, следовательно гарантии на нас не распространяются. Приходится подумать и о себе. Прощайте, мистер Вагнер и спасибо за все.

"Вот так, этот хоть поблагодарил. А Шнопак, сан бич, смылся и даже ручкой

на прощанье не помахал", — с гневом и обидой подумал мистер Вагнер.

Можно только гадать, что сыграло в состоянии мистера Вагнера роковую роль: уличный холод, испытанный им сильнейший стресс или выпитый алкоголь. Он вдруг почувствовал резкую боль в пояснице. Ощущение было такое, словно его ударило бревном. Мистер Вагнер потерял сознание и рухнул прямо на ступеньки Кремлевского дворца.

По странному стечению обстоятельств несколько лет назад на этих же ступеньках упала и сломала ногу его жена. Теперь уже покойная. Тогда он даже не остановился, чем поверг в легкий шок присутствующих. И вот теперь упал он. Упал, находясь на пороге мирового могущества.

Видевшие это гости и охрана в страхе завертели головами. Снайпер в Кремле? Сейчас и в этом не было ничего невозможного. Но не прошло и десятка секунд, как паника улеглась. Откуда-то выбежали люди в белых халатах и вынырнула машина скорой помощи. Тут же мистеру Вагнеру был поставлен предварительный диагноз. Его сразил приступ почечной колики.

В палате Центральной клинической больницы, куда он был срочно доставлен, приступ был купирован и господин Вагнер узнал неутешительный диагноз. Врожденная болезнь почек резко обострилась. Ему срочно требовалась операция по трансплантации этих органов.

Врачи приняли решение перевезти больного в его собственный медицинский центр как только позволит его состояние. В срочном порядке была подана заявка на трансплантант. А пока господина Вагнера временно подключили к искусственной почке.

Подготовка к операции и поиск донорского органа не представляли проблемы, но должны были занять несколько дней. Операцию решено было провести как можно скорее, сразу после Нового года. Врачи не догадывались, что для господина Вагнера их решение было равносильно смертному приговору. Причем приговорил он себя сам.

Придя в себя, он первым делом распорядился разыскать нескольких людей. Из четырех фамилий найти удалось лишь одного. Бывшего помощника бывшего президента. Через час тревожного ожидания в палату господина Вагнера впихнули растерянного Шнопака. Вагнер потребовал, чтобы их оставили вдвоем.

— Вы в курсе последних событий? — спросил он бывшего разведчика.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался тот. — Уход президента или вашу болезнь?

— И то, и другое, — в раздражении от его тупости прорычал Вагнер. Тогда действуйте и как можно быстрее!

— В каком смысле? — недоуменно протянул Шнопак. — Что именно делать?

— Да вы полный идиот! Операцию необходимо отменить.

— Вашу операцию?

— Кретин! Операцию "Армагеддон", — в ярости прошипел Вагнер.

Шнопак был абсолютно подавлен и растерян.

— Но это невозможно, — промямлил он. — Механизм уже запущен!

— Значит его нужно остановить!

— Как? Такой вариант не был предусмотрен планом.

— Как угодно! Отключить, сломать, взорвать! Делайте что хотите, и запом-

ните: прежде чем подохнуть, я отправлю вас всех впереди себя!...

Господин Вагнер хотел добавить еще что-то важное, но от волнения у него резко подскочило давление. Его глаза закатились и он потерял сознание. Сбежались врачи и вытолкали Шнопака из палаты. Он спустился в вестибюль в полном замешательстве.

Шнопак вышел на улицу. Он посмотрел на часы. Наступила полночь.

До начала операции Армагеддон оставалось меньше суток. Он шел в полном недоумении, совершенно не представляя, с чего лучше начать.

Для начала он позвонил Биркину. Тот не снимал трубку. Тогда Шнопак набрал служебный номер полковника Спицына.

— Кто его спрашивает? — поинтересовался мужской голос — видимо адъютант.

Шнопак представился по всей форме. Голос в трубке помедлил, потом спросил:

— А вы разве не знаете, что полковник погиб?

— Погиб? Когда?

Шнопак сопоставил полученную информацию с фактами из жизни и сделал вывод, что Спицын с Биркиным погибли вскоре после беседы с ним когда приняли решение выйти из дела. Значит слушал их не только Рудаков? Но в таком случае и сам Шнопак находится в опасности.

Шнопак боязливо оглянулся и снова взялся за трубку мобильного. В кабинете генерала Павлова в гарнизоне Боженково ему ответил автоответчик. Шнопак терпеть не мог общаться с автоматами, но сейчас ему было не до эмоций. Дождавшись установленного сигнала, Шнопак торопливо заговорил:

— Алло, товарищ генерал, это Шнопак. Вагнер распорядился немедленно прекратить операцию! Немедленно! Это вопрос жизни!

При этом он мог только гадать — услышит ли его сообщение хоть кто-нибудь.

* * *

В кабинете генерала Павлова сообщение Шнопака внимательно слушал Мясник. Он не стал брать трубку, чтобы узнать подробности. Они его не интересовали.

Он понял главное — операция под угрозой срыва. Этого не следовало допускать ни в коем случае. Требовались самые радикальные и неотложные меры.

Мясник поднялся и надел длинный кожаный плащ. Проверил как выходит из ножен большой нож с черным зазубренным клинком и двинулся к выходу. На улице его ждали синие "жигули" с заметно проржавевшими крыльями.

* * *

Шнопак не был уверен, что его сообщение дойдет до адресата. Что оно дойдет, но не будет выполнено, он и предположить не мог. В любом случае следовало подстраховаться.

Он перезвонил в больницу. К телефону подошел начальник службы безопасности мистера Вагнера. Он сказал, что шеф в коме и связаться с ним сейчас невозможно. Шнопак пришел в полное отчаяние.

Вагнер приказал остановить механизм. Сломать, если не будет другого выхода. Как сломать? Шнопак не находил ответа на этот вопрос. Неожиданно в его голову пришла спасительная мысль.

А почему, собственно, все должен делать он сам? Ведь имеется группа това-

рищей, которая с удовольствием выполнит за него основную работу. Это те самые люди, которые последнее время довольно успешно вставляли палки в колеса операции Армагеддон и едва не завалили ее совсем. При условии, что Шнопак им поможет, они наверняка добьются успеха.

Он набрал номер приятеля из ФСБ. Тот взял трубку.

— Леша, — попросил его Шнопак, — не в службу, а в дружбу, разыщи мне телефончик Рудакова из внешней разведки. Да, по-моему он сейчас в какой-то частной фирме трудится.

* * *

— Рудаков слушает, — бывший резидент сам снял трубку. — Кто? Шнопак? Ушам своим не верю. И что тебе от меня понадобилось?

— Я хочу вам помочь.

— В чем?

— Предотвратить Армагеддон.

В телефонном эфире возникла пауза. Рудаков обдумывал услышанное.

— Подожди, — проговорил он наконец, — я к другому телефону подойду.

В этот что-то плохо слышно.

— Ты все хорошо расслышал. Я хочу помочь тебе и твоим друзьям. А вы должны помочь мне и мистеру Вагнеру. Он сейчас в реанимации. Армагеддон нужно предотвратить любой ценой! Ты понимаешь, о чем я говорю?

Снова пауза. Затем Рудаков продолжил:

— В общих чертах понятно. Хорошо, подъезжай в мой офис. Знаешь где это?

— Знаю, но не приеду. За мной могут следить. Давай лучше встретимся на нейтральной почве. Скажем, в центре ГУМа у фонтана.

— Там сейчас елка стоит, — поправил его Рудаков.

— Тогда под елкой. Через полчаса устроит?

— Договорились. Жди, — Рудаков положил трубку и стремительно направился в гараж, где стояла их кооперативная "нива".

В ГУМ он приехал намного раньше назначенного срока, прошел до установленной в центре елки, недовольно покачал головой — маловата! То ли дело раньше! Потом поднялся наверх и осмотрелся.

ГУМ, или "сарай" на жаргоне оперативников, всегда считался раздольем среди профессионалов. Здесь было удобно как следить, так и уходить от слежки. Но только для профессионалов. Для неумелых дилетантов он превращался в ловушку.

Рудаков неторопливо прошелся взад-вперед, присматриваясь к покупателям. Особенно к тем, кто занимал удобные для наблюдения точки.

Срисовал бригаду оперов, работающих по карманным ворами. Ничего похожего на серьезную наружку не наблюдалось. Значит его разговор со Шнопаком не слушали и на явочном месте их не ждали. Но это вовсе не означало, что Шнопак не приведет за собой хвост.

Так оно и получилось. Шнопак шел по второй, средней линии ГУМа со стороны Ильинки. По галерее второго этажа с двух сторон его сопровождали парни в черных куртках. Ориентируясь на них, вне пределов прямой видимости, на приличном отдалении за Шнопаком двигались еще трое парней явно из той же команды. Шнопак на ходу "кусался", "давил косяка" то есть вертел головой в разные стороны, но слежки не замечал.

Рудаков отошел в сторону, чтобы Шнопак, увидев, не "спалил" его и принялся наблюдать за преследователями Шнопака. Они грамотно расположились по углам верхней площадки, держа объект в поле зрения. Группа захвата внизу спряталась за углом. Между собой неизвестные общались с помощью оперативных раций.

Рудаков думал над тем, как вытащить Шнопака и не попасться самому. Самым простым и доступным выходом было натравить на Шнопака милицию. В отделении Рудаков нашел бы способ связаться с ним.

Шнопак терпеливо прогуливался под елкой, изредка поглядывая на часы. Рудаков снял трубку справочного телефона и произнес:

— Срочное сообщение для милиции. В центре ГУМа возле елки находится торговец наркотиками с партией товара. Он ожидает сообщника, но тот не придет. Наркоторговец может уйти в любую минуту. Его необходимо задержать.

Он повесил трубку и неторопливой походкой направился на соседнюю линию. Оттуда ему была видна норковая шапка Шнопака и часть его дубленки. Неожиданно шапка слетела у того с головы, а туловище резко наклонилось в сторону и выпало из поля зрения.

"Повязали", — определил Рудаков и двинулся наперерез по параллельной линии, чтобы перехватить Шнопака с сопровождающими до выхода из магазина и в то же время не привлечь внимание наружников в черном.

Когда он вышел на среднюю линию и посмотрел с галереи вниз, то не поверил своим глазам. Ни Шнопака, ни задержавших его милиционеров, ни таинственных преследователей в черных куртках нигде не было.

Рудаков бросился по лестнице вниз. Его внимание привлек невнятный шум, который доносился из подвала. Он спустился еще на один пролет и замер.

Один человек в милицейской форме и трое в штатском слабо шевелились, пытаясь подняться на ноги и относительно громко матерясь при этом. Рудаков догадался, что это и есть местная группа захвата. Парни в черных куртках сработали нагло, но оперативно.

Расталкивая покупателей, Рудаков рванулся к боковому выходу в Ветошный переулок, куда могли заезжать машины. Когда он выбежал из дверей, то увидел как чуть дальше резко тронулся с места темно-синий микроавтобус "шевроле". Задний номер машины был совершенно залеплен мокрым снегом или его имитацией.

Люди в черном увозили бывшего помощника президента в неизвестном направлении.

* * *

2

31 декабря было у Крюкова любимым днем в году. Он всегда мечтал провести его спокойно, с чувством и с толком, никуда не торопясь, в предпраздничном настроении.

Ему претил обычай советских времен посвящать последний день года решению производственных проблем, не решенных за весь прошедший год прочесывать магазины в поисках шампанского и иных недокупленных к праздничному столу дефицитов или наряжать в последний момент елку.

Он ненавидел манеру прибегать и падать за новогодний стол с последним ударом курантов, с высунутым от усталости и напряжения языком а потом, первого января, с тупой от ночной пьянки и недосыпа головой не то праздновать, не то опохмеляться.

И, тем не менее, именно такая процедура повторялась ежегодно.

Утром 31 декабря Крюков позвонил по телефону, оставленному отцу Николаю похитителями Ирины.

— Ты Крюков? — спросил неизвестный.

— Да. Что дальше?

— Твоя подруга у нас.

— А вы в курсе, сколько по новому кодексу полагается за похищение? — в свою очередь поинтересовался Крюков. — Могу дать юридическую консультацию. Цена обычная — двести долларов.

— Мы ее не похитили, а спасли. Ее хотели убить.

— Я сразу догадался, что вы из группировки Деда Мороза. И что же вы хотите за свой подвиг? Ордена, медали или арбуз от Ленина?

— Кончай травить. Встретимся через час у метро Боженково. Приезжай один.

* * *

На встречу Крюков прикатил на метро, чтобы иметь свободу маневра.

Здесь его ждал темно-синий микроавтобус. Он подошел и постучал в дверь. Она открылась. Парень в черной куртке спросил:

— Тебе чего?

— Вы не меня ждете? Я Крюков.

— Садись, — парень отодвинулся, пропуская его в салон.

Кроме привратника и водителя внутри был еще один человек, по ширине занимавший все заднее сиденье.

— Давай знакомиться. Я — Бурый, — прогудел он низким басом.

— А меня в детском саду называли Божьим наказанием. Для кого-то я таким и остался. Кстати, меня обыскивать собираются? Или у вас самообслуживание?

— Ты не понял. Мы не враги, — произнес Бурый. — Во всяком случае я хотел бы так думать.

— Мой ротный замполит говорил: "Если хочешь, покажи — как"? Если мы друзья, то почему я не вижу здесь Ирины? Или ее просто пожалели и не стали будить в такую рань?

— Почти угадал. Сейчас ты ответишь на один вопрос и мы решим как нам дальше жить. Согласен?

— Это и есть твой вопрос? Ладно, валяй.

— За что ты убил Сармата? — пробасил Бурый.

— А кто такой Сармат? — в недоумении пожал плечами Крюков.

— Вопрос очень серьезный, — не ответил на его вопрос Бурый. — За последнее время убито семеро наших парней. Это слишком много. Мы не знаем, кто и почему их убил. Кроме одного случая. Я имею в виду Сармата.

— Где и когда это случилось?

— Он должен был охранять каких-то свидетелей. Его наняла твоя охранная фирма.

— Понял, дальше можешь не рассказывать. Не убивал я его.

— Кто же его тогда убил?

— Парень, которого он должен был охранять и едва не ухлопал. Это случилось случайно. Кстати, по графику охранять он должен был совсем другого человека.

— Где тот человек? — спросил Бурый.

— Не знаю. Он исчез. Я считаю, ваш Сармат был потрошителем. Мясником. Вернее одним из них. И вас я считаю ребятами из той же компании.

Бурый покачал головой.

— Нет, мы из другой компании.

— Хочешь сказать, что у тебя нет татуировки — черепа с крылышками на левом плече? И надписи "ОШБОН-Кургай"? — сделав наивное лицо спросил Крюков.

Бурый молча задрал рукав майки и показал татуировку.

— Она у меня есть. И череп и надпись. Но я не потрошитель. И Сармат им не был, я за него ручаюсь.

— А кто был? Если знаешь, то колись, да побыстрее. Новый год скоро.

Бурый тяжело вздохнул:

— Ладно, постараюсь объяснить. Ты в армии служил?

— Приходилось, — Крюков поежился. — Не скажу, что получил удовольствие, близкое к оргазму. У меня на кирзу аллергия. А тебе, вижу служба медом показалась. Так?

— Именно. Боевое братство — для меня это не пустой звук.

— Если бы только для тебя одного, — заметил Крюков. — А то вас таких братьев-героев полстраны, если не больше. И всем жрать давай. А ты работать не пробовал?

— Я ведь могу и не рассказывать, — обиделся Бурый. — Разбежимся будто и не двоюродные.

— Ладно, не извини, проехали. Как я понял, служили вы в крутых супервойсках, круче вас — только яйца под майонезом. И поскольку никто не знал, что с вами, такими крутыми, делать, то из армии вас поперли.

— Угадал, — невесело усмехнулся Бурый. — И если раньше отсев у нас был только туда, — он указал глазами вверх, на небо, — то после увольнения ребят повело. Служба была, сам понимаешь, не простая и не легкая.

Не все выдержали, у многих резьбу сорвало. Кто спился, кто на иглу подсел, а у кого и крыша поехала. Сам понимаешь, когда у парня с такими навыками едет крыша, это чревато многими неприятностями. После увольнения те, кто не выдержали и опустились, были предоставлены сами себе. Их вроде как списали по акту. Сдается мне, что твой Мясник сам из них и группу сколотил из таких же ребят. А теперь подставляет их вместо себя. Я проверил. Все, кого

ты убил, оказались из числа отбракованных. Все кроме Сармата.

— Но тогда выходит, что Мясник тоже кто-то из ваших и ты его должен знать, — заявил Крюков.

— Да. Думаю и ты его должен знать. Чувствую, что крутится он где-то рядом. Был у нас командир — Волкодав. Его убили.

— Кто убил?

— Никто толком не знает. Когда мы на вольные хлеба увольнялись зачастили к нам темные ребята из тех, что наркотой по-крупному торгуют. К сотрудничеству приглашали. А Волкодав им отлуп сделал. Тут вскоре его и убили. После него командиром стал Риф. Рудаков Иона Федорович. Ты его должен знать.

— Кого? — Крюков от такой новости чуть не выпал в осадок. — Иону?

Благодетеля? Еще бы! Значит вот откуда у него ноги растут! То-то я чувствую — воняет. Вот, значит, почему старик Рудаков водку трескал и Тарасом Бульбой себя называл! Ну, от греха сыноубийства я его постараюсь избавить. Сам Ионе-Иуде глотку перережу! А хорошо он с названием придумал, ничего не скажешь! Скромненько и со вкусом.

— Да, гонору немеряно, — согласился Бурый. — Потому и фирму охранную своими инициалами назвал. Мужик он непростой, к власти давно рвался. Я сразу понял, что со смертью Волкодава и назначением Рифа не все гладко. А когда стал это дело раскапывать, получил пулю.

— От кого?

— Думаю, все от того же Мясника. По моим прикидкам и Волкодава он убил. А самое главное, что знаю его не только я, но и ты. Вот и прикинь, — Бурый выставил перед носом Крюкова палец чудовищных размеров. В этом деле ты крайний. Тебе нужен Мясник, мне — тот, кто убивает моих ребят. То есть он же.

— А Ирина?

— Она пока побудет у нас. Для нее так будет безопаснее, а для тебя — мягкий ошейник. Мне нужны гарантии, что ты не играешь против меня и не работаешь на Мясника.

— Я? На Мясника? — Крюков рассмеялся. — Дичь полная.

— Не большая, чем считать, что я на него работаю, — заметил Бурый. — Мясник хотел убить твою подругу. Мы ее спасли и отвезли в спокойное место.

— Тогда выходит, что киллера в лифте убили вы? — догадался Крюков.

— Нет. Это она сама постаралась. Мы только разобрались на улице с его прикрытием.

— Но зачем тогда вам понадобилось ее похищать? — настаивал на своем Крюков.

— Повторяю, мы ее не похитили, а спрятали. от возможных покушений. Ну, а, кроме того, нам нужно было вытащить тебя на стрелку, чтобы задать пару вопросов.

— На первый я тебе ответил — Сармата я не убивал. Давай свой второй вопрос.

— Теперь ты согласен вместе со мной разобраться с Мясником?

— Согласен, но если с Ириной что-нибудь случится, лучше застрелись сам. А если Мясником все-таки окажешься ты, то тебе и это не поможет. Я тебя и в царстве мертвых достану.

— Если бы я был Мясником, ты сейчас не ушел бы отсюда живым, — ухмыльнулся Бурый.

— Кто знает, — пробормотал Крюков. — Но сначала я должен поговорить с Ириной и убедиться, что с ней все в порядке.

— Пожалуйста, — развел руками Бурый. — Дать телефон?

— У меня свой есть. Просто скажи номер.

Крюков набрал номер и долго слушал длинные сигналы.

— У тебя в лавке обед когда бывает? — спросил он Бурого. — Не подходит никто.

Бурый резко повернулся к шоферу:

— Гони на базу в темпе!

* * *

База Бурого располагалась за Московской кольцевой автодорогой неподалеку от бывшего дворца Касьяна в старом деревянном доме. Когда Крюков и Бурый добрались до него, то обнаружили полный разгром. Возле входа неподвижно лежали двое бойцов Бурого. Оба были убиты несколькими ударами ножа.

Бурый, окаменев, застыл возле дверей. Крюков не смог скрыть ярости:

— Вы, блин, спецы-диверсанты, мастера по части поднасрать! Если нужно кого-то убить или похитить, тут вам нет равных. Но для чего-нибудь путного вы абсолютно непригодны! Сторож из гастронома даст вам в этом деле сто очков вперед. Запомни — людей охранять — это не Амина во сне резать!

— Ладно, проехали, — Бурый кусал губы, так как понимал, что кругом виноват сам. — Давай думать, что дальше делать будем. Надо...

— Ничего не надо, — перебил его Крюков. — Вы будете ждать моего звонка. И никакой инициативы, в том числе и разумной. Иначе обещаю тебе и твоим ребятам лет по двадцать кичи крытого режима. Если будешь себя хорошо вести, скажу, кто убил твоего Собаколова.

— Волкодава, — буркнул в ответ Бурый.

— Тем более. Когда мне понадобится помощь, чтобы высадить дверь или перебросать машину кирпичей, я непременно к тебе обращусь. А пока будь другом — не мешай. Сохрани Бог от таких помощников, а с врагами я и сам справлюсь.

Но оттого, что он наговорил Бурому гадостей, легче почему-то не стало.

* * *

Получив и тщательно взвесив товар, Мясник проводил Мерфи в кабинет генерала Павлова.

— Пошли, рассчитаемся.

Мерфи допускал, что в качестве расплаты может получить пулю или нож в спину. Но Мясник бросил на стол пакет с пачками долларов:

— Пересчитай!

— Порядок, — проверив деньги, Мерфи повернулся к Мяснику. — Я могу ехать?

Мясник внимательно посмотрел на негра:

— Не торопись. Ты знаешь, что тебя ищут, мистер Твала?

— Догадываюсь.

— Твои портреты расклеены на всех вокзалах и в аэропортах. Ты что, и правда террорист?

— Клевета! — возмутился Мерфи. — Я взорвал маленький самолет и убил несколько человек, но это не значит, что я террорист.

— Ладно, отдыхай пока, — распорядился Мясник. — Здесь ты в безопасности. Но за это ты будешь работать на меня. Согласен?

— Ес! — улыбка Мерфи вспыхнула как лампочка Ильича перед крестьянами в Кашино. — Хлеба не надо, работа давай!

— Поживешь пока с ребятами в казарме, — распорядился Мясник, встал и открыл дверь в коридор. — Эй, орлы, устройте "сникерса" в казарме на пару дней.

Эту пару дней Мерфи пил, смотрел видак в прокуренной казарме и бесцельно околачивался по территории военного городка. На охраняемую площадку его не пускали.

В первый же вечер свободные от смены охранники собрались в каптерке, чтобы уколоться краденным у своего же босса героином. Похищенное восполнялось мелом. К Мерфи, который торчал возле телевизора, подошел парень со стеклянным взглядом.

— Эй, "сникерс", двинешься с нами на брудершафт?

— Я кроме водки ничего, проверенный товарищ! — сверкнул зубами Мерфи.

— Проверенный? — недобро прищурился боец. — Запомни, черняга, если стукнешь шефу, что мы тут герыч бодяжим, от тебя в натуре ничего не останется. А кто не в доле, тот потенциальный стукач!

— Я через границы часто езжу, мне вены портить нельзя, — покачал головой Мерфи. — Лучше я покурю свою травку.

Парень посмотрел на свои руки, от кисти до локтя сплошь усыпанные "дорогами" — точками от уколов — смутился, пробормотал:

— И где только так по-русски чесать насобачился?

И отошел в сторону.

На следующий день Мерфи встретил его в карауле. Тот накручивал километры между складами и самой дальней казармой, где, как понял Мерфи, никто не жил. Они кивнули друг другу как старые знакомые.

— Сушит, — пожаловался часовой. — Сейчас бы вмазаться. Не хочешь сходить? Тут рядом.

— А таблеток у вас нет? — поинтересовался Мерфи.

— Аптеку жрешь? — презрительно усмехнулся новый друг. — Вроде у ребят тарен где-то завалился. В комплекте защиты от радиации.

Вместе с часовым, закинувшим автомат на плечо как мотыгу, Мерфи прошел к отдаленной казарме, не обращая внимания на грозную табличку: "Стоять! Запретная зона!". В казарме никого не было. Часовой проводил Мерфи в каптерку. Здесь он открыл шкаф, достал "дежурный чемодан" и полез за инструментом.

Пока часовой отсыпал дозу в ложку, доливал водой из бутылки и кипятил раствор на зажигалке, Мерфи оглядел помещение и заметил, что пол в каптерке усыпан "гаражами" — обертками от шприцов и самими использованными шприцами.

— Залезь на верхнюю полку, там то, что тебе надо, — велел часовой.

Мерфи открыл шкаф и на указанной полке нашел упаковку оранжевых таблеток. Он сделал вид, что открывает их.

— Чем запить? — спросил он.

— А ты что, уже?

Часовой был целиком поглощен своей процедурой и не обращал на негра никакого внимания. — Погоди, кинь и мне планку.

Мерфи протянул ему упаковку из десяти таблеток. Парень отправил их в рот и запил водкой из бутылки, которую достал из стола.

— На, догонись, — он протянул бутылку американцу. — Тяга ломовая трое суток потом ничего не надо.

Он откинулся на пружинную койку и поплыл. Автомат его валялся на полу. Мерфи подумал, что мог бы спокойно перестрелять сейчас всю банду, но у него была другая задача.

Он осторожно вышел из каптерки и пошел по гулким плиткам коридора. Грязь и пыль говорили о том, что помещением давно не пользовались.

Но оказалось, это не так. Когда Мерфи поравнялся с зарешеченной дверью ружпарка, изнутри донесся слабый хриплый голос:

— Помогите!

Мерфи заглянул за прутья решетки. Внутри комнаты не было ни пирамид с оружием, ни столов для чистки и смазки. Стены и потолок носили следы незавершенного ремонта.

На полу сидел человек, прикованный за ногу к батарее парового отопления. Рядом с ним, также прикованный, лежал другой, без признаков жизни.

— Кто вы? — спросил Мерфи.

— Я помощник президента Шнопак, — еле слышно сообщил пленник. — Помогите мне выйти отсюда.

— У меня нет ключей, — сказал Мерфи. — Но я могу сообщить о вас в милицию.

— Да, сообщите! Меня похитили! Скажите им, где я. И обязательно передайте, что Юнител надо срочно разрушить. Нужно разбить "Апекс" запомните это! Разбить "Апекс"!

— Может быть позвонить в ФСБ? — спросил Мерфи.

— Нет, ни в коем случае! — испугался Шнопак. — Этот человек, — он указал на неподвижно лежащее тело, — был сотрудником ФСБ. Он работал на полковника Тюрина. Они его убили. Они и меня убьют, если вы не сообщите!

— Скажите, а здесь не было девушки? Ее тоже похитили эти люди. Ее сюда не приводили? — снова спросил Мерфи.

— Девушки? — раздраженно переспросил Шнопак. — Не было тут никаких девушек. Идите же быстрее, иначе меня убьют.

Окей, — сказал Мерфи и направился к выходу.

Внезапно с улицы донесся шум. К казарме подъехала машина. По ступенькам затопали тяжелые берцы. Мерфи успел заметить приоткрытую дверь канцелярии и нырнул туда. Дверь до конца он не закрыл и смог наблюдать через щель за происходящим.

В коридоре казармы появились люди. Впереди шел Мясник. Он не скрывал своего недовольства.

— Бардак, мать вашу! Где часовой? Опять, поди, наширяться! Если найду суку, убью собственной рукой!

За ним трое бойцов в черной униформе ввели девушку. Несмотря на то, что лицо девушки было закрыто повязкой, Мерфи узнал ее — это была Ирина.

— Вот он, сука, тащится! — Мясник стоял возле открытой двери каптерки.

Звук выстрела подсказал американцу, что Мясник слов на ветер не бросает.

— Куда бабу девать? — спросил Мясника один из бойцов. — Может тоже в ружпарк закроем?

— К этим? Ни в коем случае! Они уже покойники! — распорядился Мясник. — За нее вы трое мне головой отвечаете. Если что случится или она на вас пожалуется — растреляю на месте как эту мразь. Уберите его, а ее закройте пока в канцелярии.

Мерфи не сразу понял, что Ирину ведут именно туда, где он прятался. В панику он не ударился, но ситуацию оценил трезво. Спрятаться в крошечной канцелярии было негде. Он не то чтобы боялся погибнуть героем, но считал, что это еще рановато. Он не сделал главного — не нашел кодов к "Армагеддону" связался с Крюковым.

* * *

3

По предпраздничным улицам Крюков добрался до офиса своего кооператива. Там он нашел унылого Рудакова-старшего. На сей раз тот был абсолютно трезв.

— У нас еще что-то случилось? — поинтересовался Крюков.

— Да, случилось. Но сначала я должен тебе кое-что рассказать, — признался Рудаков.

— Если вы о сыне, то не стоит. Я уже в курсе. Приношу свои соболезнования. Лучше иметь дочь-проститутку, чем такого... Так что там стряслось?

— Со мной на связь вышел Шнопак, — начал Рудаков уже несколько бодрее. — Шнопак — помощник президента и одновременно порученец Вагнера. Конечно, он у него всего лишь шестерка, но знает немало. Он сказал, что Вагнер угодил в реанимацию и хочет отменить операцию "Армагеддон".

— Боятся, что вырубятся компьютеры и его дражайший босс Вагнер склеит лапы? — усмехнулся Крюков. — Ну и на здоровье. Пусть отменяет.

— Здесь начинается самое интересное, — продолжил Рудаков. — Шнопак мог позвонить нам только в одном случае — если в их механизме управления операцией произошел серьезный сбой и он не может отменить команду.

— Бунт исполнителя? Очень может быть, — согласился Крюков.

— Да, исполнителя, причем непростого, — подтвердил Рудаков. — Мы договорились встретиться со Шнопаком, но перед самой встречей он был похищен в центре ГУМа самым циничным образом. При этом похитители вырубали наряд милиции.

— И кто же это у нас такой крутой? Как думаете?

— Иона? — то ли спросил, то ли ответил Рудаков.

— Или Мясник, — добавил Крюков. — Если это не одно и то же.

Он набрал номер телефона Бурого:

— Ты со своими ребятами хотел поработать, — напомнил ему Крюков. Так вот, мне нужен Риф, И желательно живой.

* * *

Крюков ехал к Семену. Тот позвонил ему и попросил немедленно приехать.

— Мария нашла нечто интересное, — сообщил банкир.

3 Мария всю ночь просидела за компьютером, изучая медицинские карты сотрудников и холявщиков, прикомандированных к санчасти "Ипсилон".

Она искала человека с четвертой группой крови и отрицательным резус-фактором.

К сожалению учет по группам крови в санчасти не предусматривался поэтому редактор не мог выделить искомое лицо по этим параметрам. Общий список насчитывал несколько тысяч человек.

В банке было на редкостьлюдно для предпраздничного дня. Добравшись до кабинета Семена, Крюков поинтересовался у него:

— Вы что, Новый год справлять не собираетесь?

— Почему же? Обязательно будем справлять. Но — на рабочих местах.

Сам знаешь, проблема "Две тысячи". Поэтому в большом буфете накрываем столы и праздновать будем здесь, чтобы весь личный состав был под рукой. Приходите.

— Обязательно, если найду Ирину.

Семен помрачнел.

— Я уже жалею, что ввязал вас в это дело. Галину все равно не вернешь... Если с Ириной что-нибудь случится, я этого...

— Прекрати, — оборвал его излияния Крюков. — Давай к делу. Зачем звал?

— Мария нашла Мясника. Все сходится: четвертая группа крови, резус-фактор отрицательный и самое главное — он болен СПИДом.

— Что?! — Крюков не был удивлен, он был как громом поражен. — И кто же это?

— Генерал Павлов.

— Не может быть! — Крюков опустился на диван. — Дай водички.

— Почему же не может быть? — Семен налил ему минералки в высокий стакан и бросил кубик льда. — Информация секретная, закодированная лично Галиной. Здесь все точно. А чем тебе кандидат не нравится? Генерал у нас мужик сравнительно молодой, спортивный, подтянутый. Сорок с копейками для такого мужика не возраст. ОШБОН, боевые навыки — полное совпадение. Чем не Мясник? И к "Фейерверку" имеет самое непосредственное отношение.

— Значит, он собрался сам подохнуть и нас с собой на тот свет утащить? — предположил Крюков. — Шикарные поминки.

— Сам видишь, все просто, — сказал Семен.

— Слишком уж все просто.

— Ты сам говорил — не усложняй, — напомнил ему банкир.

— Ну допустим. А где Мария?

— Поехала в больницу к генералу. Надо все перепроверить, сделать дополнительные анализы.

— Вот именно, перепроверить, — пробормотал Крюков.

— Прекрати, зануда, — пристыдил его Зелинский. — Мясник найден. Теперь надо думать, как обезвредить его затею с "Фейерверком". Что же это за страна такая?! Вкалывали, строили! И чего добились? Того, что любой ополоумевший идиот с большими звездами на погонах может запросто по собственному желанию устроить конец света. А приличную стиральную машину сделать не в состоянии!

— Я о другом думаю, — прервал его обличительную речь Крюков. — То что он самоубийца, с этим более-менее понятно. Но зачем Антону или кому-то из

его друзей понадобилось претворять его бредовые идеи в жизнь?

— Он мог использовать их втемную. Не согласен?

Крюков покачал головой.

— Для этого генерал должен сам разбираться в компьютерах на уровне хакера.

— А ты это исключаешь? — спросил Семен.

Ответить Крюкову помешал телефонный зуммер. Звонила Мария.

— Приезжай немедленно, — попросила она. — Я ничего не понимаю.

— Уже еду, — отозвался Крюков. — Сеня, если доживем до Нового года обязательно увидимся!

И бегом бросился к выходу.

* * *

Когда он отъезжал от черной стеклянной башни "Ипсилон", то заметил как из боковой двери, с той стороны, где располагался офис охранного предприятия "РИФ", отъехал темно-синий микроавтобус. Крюков прибавил газу и перегородил ему выезд.

Дверца водителя микроавтобуса открылась и из машины показался разъяренный Риф собственной персоной. Он же Иона Рудаков, вице-президент ассоциации охранных агентств и так далее...

"На ловца и зверь бежит, — отметил Крюков. — Интересно, можно ли считать удачей, если на ловца бабочек набежал бешеный слон"?

Крюков разделял его настроение и не смог отказать себе в удовольствии пообщаться со старым знакомым. Он дождался, пока Иона приблизился и для начала двинул его бронированной дверцей рябухи. Тот отлетел на пару метров. Дверца не пострадала.

Крюков вылез из машины. Иона ошалело крутил головой, сидя на асфальте. Крюков подскочил к нему и приподнял за ворот дубленки. Иона рванулся. Послышался треск и в руке Крюкова остался кусок хорошо выделанной овчины. В тот же момент нога вице-президента распрямилась и Крюков едва успел уклониться от удара.

Иона одним прыжком вскочил на ноги. Глаза его метали молнии. Он рванулся на врага как вышеупомянутый разъяренный слон. Крюков снова ушел нырком и провел серию ударов в голову и корпус вице-президента.

Того повело, он пытался отмахнуться ногой, но зависил удар, поскользнулся и снова упал.

Крюков догнал его в падении и добил ногой в печень. Иона согнулся пополам и широко открыл рот. Крюков нагнулся и рывком извлек пистолет из подмышечной кобуры вице-президента. Оружие стояло на предохранителе, патрон находился в патроннике. Крюков большим пальцем сдвинул переводчик предохранителя и отодвинулся от Ионы на безопасное расстояние.

От посторонних с одной стороны их закрывала рябуха Крюкова, с другой — микроавтобус "РИФа".

— Не вставай, — предупредил Крюков. — Так нам будет удобнее перетереть проблему.

— Ты взбесился? Я так простужусь, — пожаловался Иона как только к нему вернулся дар речи. — К тому же ты мне печень отбил.

— Пресс качай, а то грыжу заработаешь, — посоветовал Крюков. — Где Ирина?

— Как где? Не понял. Ты что, серьезно? — на лице Ионы было написано неподдельное изумление. — Что с ней?

— Хочешь сказать, что ее похитили без твоего ведома?

— Похитили?

— А перед этим пытались убить.

— Впервые слышу. Может быть ты все-таки разрешишь мне встать?

— Хрен с тобой, поднимайся, — Крюков выщелкнул магазин и патрон из патронника и бросил его Ионе. — Может быть скажешь, что и Бурого не знаешь, и к торговле наркотой отношения не имеешь?

Иона выглядел совершенно растерянным и поникшим. Он обессиленно присел на капот крюковской рябухи.

— Наркотиками торговал не я, но я связан с этими людьми.

— Кто они?

— Не могу сказать. Тебе не понять, что такое...

— Боевое братство? — перебил его Крюков. — Заколебали вы меня своим боевым братством! Короче, Ирина, судя по всему, сейчас находится в руках твоих наркоторговцев. И мы с тобой сейчас туда поедем.

— Нет, не надо. Я сам! — попросил Иона. — Я сам привезу ее. Поверь я не знал, что ее захватили. Этот человек...

— Кто "этот человек"? Имей в виду, пока я своими глазами не увижу "этого человека" или не услышу его имени, я буду считать Мясником тебя! Кто он?

— Я не Мясник. Я сейчас поеду и привезу Ирину. Но ты должен...

— Это ты мне условия ставишь? — удивился Крюков. — Тебя уже сейчас можно сажать. Даже нужно. Если я отпущу тебя, то совершу должностное преступление.

— Но спасешь Ирину, — возразил Иона.

— Мне кажется, ты слишком много на себя берешь, — усмехнулся Крюков. — Почему эти наркоторговцы будут тебя слушать? Или ты у них за бугра?

— Нет, не за бугра, но определенное влияние на них имею, — признался Иона. — У них самостоятельное подразделение и свой шеф. Кстати ты его знаешь.

— Кто он? Может все-таки назовешь?

— Сейчас не могу сказать. Но он зависит от меня вместе со своей группой.

— Каким образом? Колись, микрофона у меня нет, свидетелей тоже, раздраженно бросил Крюков.

— Юнител во многом создавался на деньги наркомафии, — начал свое признание Иона. — Анонимная проводка денег, закодированная информация все это очень удобно. Поэтому мне удалось вставить в цепочку доставки и распространения наркотиков своих людей.

— А твои люди и партнеры знают, что вы с Вагнером собрались их кинуть в эту новогоднюю ночь?

Иона снова застыл с открытым ртом, хотя сейчас его по печени никто не бил.

— Только не убивай меня как опасного свидетеля, пока не дослушаешь до конца, — предупредил Крюков. — Так вот, есть одна вещь, о которой не знаешь ни ты, ни твой босс Вагнер. Вместо финансового светопрествления, в соответствии с которым вы должны были скачать себе все деньги мира, наступит настоящее, потому что кое-кто внес в программу небольшую поправку.

Операция "Фейерверк" с пуском стратегических ракет из отвлекающего маневра превратится в основной. С непредсказуемыми последствиями. Может быть даже с необратимыми.

— Но почему? Кому и зачем это понадобилось?

— Генерал Павлов болен СПИДом, — пояснил Крюков. — Поэтому он рассудил, что раз ему все равно помирать, то веселее будет сделать это в компании со всем остальным человечеством. Так что ракеты взлетят всерьез.

— Но это невозможно! Без красной кнопки в президентском чемодане...

— Мы живем в эпоху компьютеров, — напомнил ему Крюков. — А что одним человеком создано, другой всегда сломать может. Ты очень поможешь, если сообщишь мне коды доступа в программу "Армагеддон".

— Я их не знаю, но постараюсь узнать. Жди меня в вашем офисе с Ириной и кодами.

Крюков пожал плечами, дескать, ищи дурака. Но сделал вид, что поверил Ионе и послушно пошел садиться за руль. В любом случае выпускать из виду вице-президента он не собирался. Иона быстрым шагом бросился к своему микроавтобусу.

Рябуха не заводилась. Тем временем микроавтобус тронулся с места но не вперед, а назад и скрылся за металлическими воротами стоянки "Ипсилон". Пока Крюков открывал капот, пока замыкал огарком отвертки клеммы стартера, прошло минуты полторы-две. За это время Иона успел выехать на параллельную улицу через другие ворота. К тому времени когда Крюков, объехав квартал, добрался туда, темно-синего микроавтобуса и след простыл.

* * *

4

Когда охранники завели Ирину в канцелярию, то были озадачены видом валявшегося на полу негра.

— А этот каким макарон здесь оказался?

Шеф подошел к двери и глянул.

— Блин, его только не хватало! Уберите его отсюда быстро.

Один из охранников полез за пистолетом.

— Я сказал уберите, а не убейте! — заорал на него шеф. — Эта обезьяна мне еще понадобится. Отнесите его куда-нибудь, пусть как следует продуплится.

Шеф хлопнул дверью и ушел. Бойцы попробовали приподнять большое черное тело.

— Блин, в этом кабане больше сотни кэгэ будет! Я не подписывался черномазых таскать. От него еще и водярой воняет. А если он нас облюет, пока мы его переть будем?

— Ну его на хер, пусть валяется, — согласился его напарник.

— А девку куда сунем?

— Пусть с ним посидит. Если он на пару с Лешим укололся, да еще водярой догнал, то не скоро пробалдеет.

— Да, Леший уже не пробалдеет. Откайфовал.

— Я ему сколько раз говорил — не ширяйся на посту. Ладно, давай заводи заложницу. Может пока трахнуть ее?

— Тебя шеф самого трахнет. Видел, он ваще как вольтанутый бегаёт.

— Тогда, может, зарядим по паре хапков?

— Это дело. У меня ганжибас — афганка. Десятка, блин, не ниже.

Зуб даю. Цвет почти белый. Тяга на сутки, ход — крышу на луну закидывает.

Они затолкали Ирину в кабинет к бесчувственному негру, проверили запоры на зарешеченных окнах и вышли в коридор. Через минуту до Ирины донесся терпкий специфический запах анаши.

Она села на единственный стул и посмотрела на неподвижно лежавшего Мерфи. Тот открыл один глаз и подмигнул ей. Ирина едва не вскрикнула от радости.

"Пятнадцатилетний капитан-два", — подумала она. — Пришел великий Мганга".

Мерфи приподнялся и сел.

— Надо уходить, — тихо сказал он и легко вскочил на ноги.

— Ты узнал коды? — шепотом спросила Ирина.

— Нет, но я узнал, что через компьютер с центрального пульта управления можно войти в систему управления Юнителом. Но для того, чтобы попасть на пульт, придется устроить небольшую войну.

— У тебя есть другие предложения?

— Попробуем пройти туда тихо. Может быть получится без войны?

— Ты знаешь, где вход на пульт управления?

Мерфи не успел ответить. Снова хлопнула дверь и в казарме послышались раздраженные голоса. Ирина узнала голос Ионы.

— Другой голос мне тоже знаком. Неужели?...

Она не договорила, потому что услышала свое имя. Собеседники уже не спорили, а открыто орали друг на друга.

— Кто это? — спросила Ирина.

Мерфи осторожно выглянул в дверную щель.

— Шеф местных наркоторговцев, — объяснил он.

Мне надоело покрывать тебя! — кричал на шефа наркоторговцев Иона. Ты Мясник! Из-за твоих закидонов может накрыться все дело! Маньяк! Сумасшедший!

Шеф наркоторговцев в ответ на упреки своего командира только весело оскалился:

— Я сумасшедший? Нет, это вы все сумасшедшие! Почему же ты раньше молчал, если знал, что я Мясник? Тогда я тебя устраивал? А когда после тенниса в раздевалке уговаривал меня занять место Бурого? Может быть ты забыл, что я для тебя сделал? А ведь это я расчистил тебе путь. Я убрал Касьяна и многих других. Я, наконец, убил Волкодава...

— Ты убил его, потому что он узнал о твоих связях с наркомафией!...

— А ты этими связями воспользовался! — перебил Иону Мясник. — Так кто из нас хуже? Но я, в отличие от тебя и твоих жирных боссов, не скрываю, что я в говне и не делаю вид, что на мне белый смокинг. И вот теперь ты приходишь сюда и требуешь. А, собственно, чего ты от меня хочешь?

— Отпусти Ирину и останови "Армагеддон", — потребовал Иона. — Тем более, что это в наших общих интересах.

— О чем ты? Какую Ирину? Ее похитил твой друг Бурый, которого я тоже убрал для тебя, а ты даже добить не сумел. Я здесь абсолютно не при чем. Теперь вообще что бы ни случилось, все валят на Мясника. И к "Армагеддону" я

не имею никакого отношения. Твой другой кореш и бывший босс генерал Павлов подцепил где-то на конец немножко СПИДа и решил утащить с собой в могилу весь мир! Чего же ты хочешь от меня?

— Откуда ты об этом знаешь?

— Он сам мне как-то по пьянке сболтнул.

— Но, если не остановить "Армагеддон", ты тоже можешь погибнуть.

— А ты уверен, что это не самый лучший выход из нашей дерьмового существования?

— Ты в натуре сумасшедший! — догадался Иона.

— Может и так. Но у меня имеется приказ генерала Павлова о проведении операции "Армагеддон" и я его выполню! Ты, Риф, не самый главный!

— Но Вагнер...

— Не знаю я никакого Вагнера. Мне твои фашисты не указ.

Иона понял, что Мясник просто издевается над ним. Он выхватил пистолет, но Мясник опередил его. Они стояли слишком близко друг к другу, почти рядом. Удар ножа наискось рассек гортань директора охранного предприятия "РИФ" и перебил шейные позвонки.

— И запомни — я не сумасшедший! — прорычал Мясник, словно мертвый Риф мог его слышать.

Мясник попытался пинками разбудить охранников, но, судя по суженным зрачкам и стеклянному взгляду, обоим было не до него. Мясник хотел было разделаться и с ними, но только зло сплюнул.

Дверь на улицу распахнулась и на пороге возник охранник:

— Шеф, — обратился он к Мяснику. — Мария, врачиха, с самого утра отправилась в больницу к генералу. Наш человек из больницы доложил она только что кому-то звонила. Похоже, что-то надыбалла. Может убрать ее?

— Ты лучше эту падаль убери, — Мясник ткнул ногой труп мертвого командира. — Потом вернешься и будешь сторожить бабу в канцелярии. А с Марией я сам разберусь.

* * *

Крюков доехал до больницы, где лежал генерал Павлов. Мария встретила его в вестибюле и отвела в сторону. Они остановились возле окна больничного коридора у большой наряженной елки. За окном тихо шел снег.

По улице торопливо двигались люди с последними новогодними покупками.

— Повтори, что ты сказала, — попросил Крюков.

Он был ошарашен и не вполне адекватно воспринимал окружающее.

— Слушай еще раз, — с некоторым недоумением произнесла Мария. — У генерала Павлова нет никакого СПИДа. Его кровь в норме. Повторить еще раз?

— Нет, спасибо. Пока хватит, — Крюков обескураженно помотал головой. — Ты что-нибудь понимаешь?

Мария пожала плечами:

— Единственное, что я могу предположить, это умышленный обман.

Кто-то морочил генералу голову с этими анализами, а тот поверил. Но почему генерал не мог перепроверить результаты анализов?

— Смеешься? В его-то роли спасителя отечества? Он же себя не в генеральные прокуроры, а в президенты готовил. Это все равно, что архиепископу зайти в венерологический диспансер и провериться на триппер. Значит подста-

вил его тот, кому он абсолютно доверял. Возможно и кровь принадлежала именно ему, этому помощнику. Знаешь, я почти уверен, что Галина была убита только с единственной целью — скрыть подмену анализов. Откуда они взялись в вашей лаборатории?

— Их привозил Антон.

— И ты его видела и сможешь опознать?

— Разумеется, — удивилась Мария. — А что?

— Странно, что ты еще жива, — ответил Крюков. — Ладно, пошли к генералу.

Тот неподвижно лежал на кровати, сверля оставшимся глазом трещины на потолке.

— Эй, товарищ генерал, ты меня слышишь? — не слишком любезно спросил его Крюков.

Тот никак не прореагировал.

— Он слышит, — тихо сказала Мария.

— Тогда слушай внимательно и ничего не пропусти. У нас для тебя очень хорошая новость. Поздравляю, ты здоров! У тебя нет никакого СПИДа.

Глаз генерала дернулся и буквально пронзил Крюкова. Взгляд был полон недоверия и отчаянного страха.

— Твои анализы проверили и перепроверили, — продолжал Крюков. — Все у тебя в порядке, если не считать пули в голове. В остальном ты абсолютно здоров. Тебя развели как последнего лоха. Кто-то из твоих шестерок подсунул тебе свои собственные анализы. В результате вы поменялись местами. Ты стал шестеркой у больного маньяка! С его подачи ты собрался угробить весь мир и угробил себя самого! Он, наверно, сейчас лопается со смеху.

Генерал переводил свой глаз с Крюкова на Марию и, судя по всему никак не мог поверить в происходящее.

— Это так, — подтвердила Мария. — В вашей крови не выявлен вирус иммунодефицита человека.

И генерал поверил. Взгляд его вдруг наполнился болью и потух. По щеке скатилась крупная слеза.

— Хватит реветь, ты уже взрослый, — вмешался Крюков. — Отвечай, кто был твоим помощником? Кто тебя так недорого купил? Я буду показывать тебе фотографии, а ты моргнешь, когда узнаешь своего благодетеля! Понял?

Но в неподвижном глазу генерала, казалось, навек застыл только ужас и бездна отчаяния.

Крюков и Мария подождали, но, видя, что генерал впал в прострацию и возвращаться не собирается, вышли из палаты.

— И что теперь делать? — спросил Крюков скорее сам себя, чем Марию. — Иона-Риф исчез с концами. Боюсь, его уже и в живых нет. У генерала испортилось настроение и он не желает разговаривать. От Антона и Питера — никаких следов. Мерфи, и тот пропал. Полный голяк.

В этот момент затрещал зуммер крюковского мобильного. Звонил Мерфи.

— Где ты? — загорелся Крюков. — Записываю! Так. И Ирина с тобой? И Шнопак там? Мертвый? Плохо. И парень Тюрина убит? Еще хуже. А Антона не видел? Нет? Так, значит, всех делов — захватить центральный пульт управления стратегическими ракетами? Проще простого, сейчас обменные пункты лучше охраняются. Все, вылетаю, жди!

— Слушай внимательно, — обратился Крюков к Марии. — Я сейчас еду за Ириной в одно нехорошее место. Там уже убили Питера и Шнопака. Теперь Антона можешь опознать только ты. Поэтому скажи, куда тебя отвезти. Во всяком случае до завтра тебе нужно побыть в безопасном месте.

— Не надо меня никуда отвозить, — ответила Мария. — Я останусь здесь. Я тут когда-то работала и всех знаю. Тут и охрана есть. Встречу Новый год с дежурной сменой.

— Хорошо, — согласился Крюков. — Если управимся раньше, я за тобой заеду. Ты говорила, что анализы вам в лабораторию Антон привозил? На всякий случай запомни — если вдруг увидишь Антона, прячься и звони мне на мобильник. Вот номер.

Не успел Крюков отъехать, как к больнице подкатила синяя "копейка" с проржавевшими крыльями. Из машины вышел Антон и огляделся. Он сверился с планом больницы и направился к корпусу, из которого недавно вышел Крюков.

* * *

Крюков уже начал беспокоиться за материальное благополучие тех на кого был абонирован его пиратский телефон-двойник. В последнее время он разговаривал по нему очень много. Может быть стоило включить в его обеспечение еще сотню абонентов? Вот и сейчас он снова жал кнопки мобильного:

— Алле, Бурый? Подъем! Тревога! Бери всех своих людей, встречаемся возле парка Боженово не старом месте.

— Характер работы? — Бурый был немногословен и спрашивал только самое необходимое.

— Готовься штурмовать Кремль. Если дело окажется проще, ты будешь приятно удивлен.

— А мой интерес?

— Если будешь себя хорошо вести, я тебя познакомлю с убийцей Волкодава и тем, кто в тебя стрелял. Кроме того, ты будешь спасать себя заодно с остальным миром. Тебе этого достаточно? Или ты непременно хочешь получить Рублевское шоссе с переулками на поток и разграбление на три дня?

— Кто убийца? — прорычал Бурый.

— Честно? Пока не знаю. Но зуб даю — ты найдешь его возле центрального пульта управления. А точнее он сам тебя там найдет.

— Ладно, договорились. Когда встречаемся?

Крюков посмотрел на часы:

— Не позднее, чем через час, а то мне еще елку наряжать. И постарайтесь не светиться со своей тяжелой артиллерией.

* * *

5

Не через час, но все-таки они собрались. Люди Бурого подъехали на двух микроавтобусах. Крюков молча оценил экипировку бойцов. Все они были облачены в хорошо знакомые Крюкову черные комбинезоны и мощные бронежилеты.

— Не мало народу будет?

— В самый раз.

Крюков постарался не обращать внимания на то, что все бойцы поголовно были вооружены бесшумными автоматами "вал". Для частного охранного предприятия это было серьезным правонарушением. Уступая "калашнику" в дальности стрельбы, "вал" значительно превосходил его в стрельбе на средней дистанции. Его пуля пробивала антикалашниковый бронежилет а при попадании в руку или ногу просто отрывала пораженную конечность.

— Ну что, начнем? — спросил Бурый.

— Только побыстрее. Спустя полчаса после первого выстрела нас окружают силами всего Московского округа.

— Мы постараемся сделать так, чтобы в военном городке и в штабе ничего не услышали, — сказал Бурый. — Мы не кинозвезды, нам реклама без надобности. А теперь не обижайся и отойди в сторонку, мне ребятам надо последние указания дать.

Бойцы Бурого рассредоточились и по одному скрылись в овраге. Их черная форма хорошо маскировала их на фоне черных древесных стволов и проталин. Бурый махнул Крюкову рукой:

— Вон тот большой курган за оврагом — и есть центральный пульт управления. Если останемся в живых, встретимся там. Об одном тебя прошу — если меня убьют, не упusti того, кто замочил Волкодава.

— Хоп, — Крюков хлопнул его по руке. — Заметано. Я иду за вами только сначала на ту сторону наведуясь.

— Не спеши особенно, воевать — это не твоя работа, — хлопнул его в ответ по плечу Бурый и отправился догонять своих бойцов.

Крюков, проваливаясь по колено в глубокие сугробы, перебрался через неширокую лощину. Здесь на лесной дороге он окончательно разглядел заинтересовавший его объект. Это были "жигули" первой модели синего цвета с сильно проржавевшим корпусом. Та самая машина из автохозяйства семенова банка, на которой часто ездил Антон.

Машина была пуста. Крюков нагнулся и постарался рассмотреть цепочки следов, которые вели от машины вглубь леса. Цепочек было две. От дверцы водителя шли следы мужчины, от пассажирской дверцы — следы женщины. Крюков прикинул на глаз генеральное направление. Следы уходили в направлении все того же центрального пульта.

С той стороны уже слышались тихие хлопки. Словно кто-то, не дождав-шись новогодней ночи, уже принялся открывать шампанское. Крюков потихоньку двинулся в ту сторону.

Он осторожно спустился в овраг и увидел первый труп. Судя по амуниции, это был один из шизанутых бойцов Мясника. Дальше ему попало еще несколько тел, среди убитых были и бойцы Бурого. Крюков убедился что раненых среди них не было — то ли их унесли, то ли добили. Во всяком случае он

заметил — сражение велось с необычайным ожесточением.

Так по цепочке трупов он все ближе приближался к своей цели. Наконец негромкие хлопки автоматов совершенно затихли. Пройдя еще с десятков метров, за высоким сугробом Крюков увидел Бурого. Тот был еще жив.

— Он ушел туда, — Бурый слабо махнул рукой в направлении поста. Моих всех положил, но его тоже... Он один...

Бурый слабеющей рукой сунул Крюкову свой "стечкин" с глушителем.

Крюков принял оружие и спросил:

— Ты его хотя бы задел?

Бурый с трудом покачал головой:

— Нет, не успел... А жаль...

И обвис на руках Крюкова.

Крюков проверил магазин пистолета. Там оставался еще с десятков патронов. Он чуть ли не бегом двинулся дальше, как вдруг услышал сбоку шорох. Он мгновенно развернулся и едва не выстрелил.

К его удивлению он увидел перед собой сидящего на снегу Питера.

Тот привалился спиной к стволу дерева, сжимая ногу. На его бедре темнело большое пятно крови.

— Ты живой? — удивился Крюков.

— А ты мне венчик на могилу принес? Спасибо, но пока рановато, — через силу улыбнулся Питер. — Как говорится, слухи о моей смерти немного преувеличены. Правда в балет Большого меня, боюсь, теперь не примут. Мне еще повезло, что бедренную артерию не зацепило. Через нее вся кровь из тела выхлестывается за сорок пять секунд. Не успеешь остановить.

— Кто тебя?

— Антон. Осторожно, он вооружен!

— Куда он потом пошел?

— На пульт. С ним Мария. Он может ее убить!

— Странно, что он ее до сих пор не убил. Тебе помочь?

— Нет, сам справлюсь. У тебя лишнего ствола нет? Или хотя бы патронов? А то мой боезапас кончился. Так, на всякий случай.

— Держи, — Крюков протянул ему пистолет Бурого. — Я скоро.

Наружные двери центрального пульта управления были распахнуты.

Крюков прошел по коридору и остановился перед шахтой. Где-то здесь его ждал Мясник.

Крюков загнал в патронник обреза любезно подаренный Спицыным пулевой патрон. Вниз вел крутой металлический трап. Крюков по-морскому скользнул вниз по перилам. Внизу он увидел странную, размером с двойное купе поезда, комнату, сплошь уставленную приборами. Это и был резервный центральный пульт управления ракетами. В тесноте за компьютером сидели Антон и Мария. Рядом лежал пистолет.

— Отсюда мы спокойно сможем войти в систему, не зная кода и пароля, — говорил Марии Антон.

Шум на лестнице заставил его обернуться. Он схватил пистолет направил его в сторону входа и выстрелил. Крюков пригнулся, но это было лишним. Пуля Антона ушла гораздо выше. Следующего выстрела не получилось, раздался лишь щелчок, показавший, что патроны кончились. Антон выругался, бросил пистолет и схватился за большой нож с зубчатым обухом.

Крюков посмотрел вверх, в ту сторону, куда стрелял Антон. По лестнице, быстро и ловко перебирая ногами, спускался Питер. Здоровый и веселый, с пистолетом, подаренным ему Крюковым.

— Вот и все, больше нам никто не помешает, — сказал Питер, спустившись на пол и помахивая пистолетом. — Там наверху остались одни покойники. Что, Крюков? Извини, не знаю как тебя по имени. Ты мечтал найти Мясника? Тебе повезло. Я — Мясник. Только не говори, что ты знал это с самого начала.

— Не знал, но предполагал найти тебя сегодня именно здесь, — признался Крюков, чем изрядно испортил Мяснику настроение. — А вообще-то я тебя давно подозревал.

Питер нервно рассмеялся:

— Теперь самое время всем собраться и послушать умного сыщика. Ну давай, рассказывай, а я поправлю, если будешь сильно врать.

— Все довольно просто, — начал Крюков. — После тяжелой службы в ОШБОНе и мытарств, связанных с увольнением, ты подсел на иглу. Ты убил вашего бывшего командира Волкодава и помог Ионе, то есть Рифу, стать главным. За это он помогал тебе в торговле наркотой. Ты присадил на иглу и своих ребят из ОШБОНа и использовал их в качестве ложных Мясников.

— А причем же здесь вообще Мясник? — делано удивился Питер.

— Когда ты обнаружил, что заразился СПИДом, то решил отомстить всему человечеству. Сначала ты бегал со шприцем по рынкам и магазинам и колол всех своей порченной кровью. Но когда узнал об особенностях проекта "Армагеддон", то решил насрать по-крупному. Для этого тебе нужно было влезть в "Фейерверк" и вместо фиктивного пуска ракет устроить настоящий. Самому тебе было с этим не справиться и ты сделал просто — подписал в крайние генерала Павлова, подсунув ему свои анализы.

— Жалко, что ты такой умный, а помрешь таким молодым. Мог бы карьеру сделать, — покачал головой Мясник. — Пока все излагаешь правильно. Дуй дальше.

— В Боженовском парке ты убил настоящего Питера. Ситуация знакомая. В советских детективах кулацкие сынки всегда убивали комсомольцев, а шпионы — героев-пограничников, чтобы под их именем втираться в доверие, взрывать заводы и отравлять колодцы. Бонза, толковый хакер ишачил на тебя и немножко на себя. Он знал очень много и ты не мог его не убить.

— Он и меня замочил бы, если бы я не свалил, — вставил Антон.

— Потом ты набросал мне на уши лапши, выдав себя за агента из группы Тюрина, — продолжал Крюков рассказывать Мяснику-Питеру его историю. — А им был Никсон. Его ты убил позднее. Как и самого Тюрина. Галину ты убрал, чтобы случайно не всплыла подмена анализов. К этому моменту генерал Павлов крепко сидел у тебя на крючке. А людей в парке продолжал убивать от скотства своей натуры и для того, чтобы никто не понял причины убийства настоящего Питера. И ребят своих обколотых мне вместо себя всю дорогу подставлял.

— Да, вовремя этот придурок из Питера приехал, — согласился Мясник. — А признайся, Крюк, ты поди думал, что я бессмертный? Может тебе что-то все-таки непонятно? Спрашивай, отвечу. Последняя просьба приговоренного — дело святое.

— За что ты убил Сармата?

— Сам же видел — он хотел убить меня. Ты меня тогда здорово выручил. Сармат дежурил в санчасти, когда я поменялся анализами с генералом и сумел кое-что разнюхать. И про убийство Волкодава что-то узнал.

Он попытался меня шантажировать, хотел заложить генералу.

— А ребят почему убил? Стаса и остальных?

— Когда я убил Бонзу и вы вломились в квартиру, я успел только спустить в окно веревку с ножом и закрылся в ванной. Я мог бы уйти незаметно, пока вы суетились, но Стас побежал блевать в ванную и наткнулся на меня. Я сделал вид, что тоже блюю, но он мне не очень поверил. Пришлось его убрать.

— А Мальвину? Ведь ее показания подтверждали виновность Антона.

Она ведь призналась, что сама закрыла замок на его двери.

— Но она не успела сказать, что видела его закрытым. Пока она была в кухне, я снова открыл его. Эта дура могла догадаться, пришлось и ее валить до кучи.

— Знаешь, чего я боюсь сейчас больше всего? — спросил Крюков. — Что ты бросишь ствол и задерешь вверх грабли. Если я тебя тут не замочу аппетит потеряю, потенцию утрачу. Дернись, как родного прошу. Ну пожалуйста.

— Смеешься? Думаешь, я не знаю, что у тебя патроны водой заряжены? — в голосе Мясника слышалось напряжение.

— Ошибаешься, один с пулей, — честно предупредил Крюков.

— Не свисти! Давай, стреляй, посмотрим, кто круче! — и Мясник вскинул тяжелый ствол "стечкина".

Крюков выстрелил немного раньше. Он попал противнику в ногу. Вероятно чисто рефлекторно мишенью он выбрал фальшивое красное пятно на штанине Питера. Кровь ударила из раны ярким фонтаном. Пуля, способная оторвать конечность, разорвала бедренную артерию.

Мясник в ответ выпустил из своего "стечкина" целую очередь. Крюков упал под кресло, рядом растянулся Антон, прижимая к полу голову Марии. Сверху на них посыпались осколки аппаратуры. Неожиданно стрельба прекратилась. Крюков осторожно приподнял голову, затем рывком вскочил на ноги.

Мясник плавал под лестницей в огромной луже крови, которая уже не была фонтаном, а едва вытекала из раны на бедре. Лицо его было белым словно над ним потрудилась тетя Ася. Но он был еще жив.

Губы его дрогнули, изо рта вырвался полусшепот:

— Ненавижу!... Всех вас ненавижу! — прошептал Мясник и умер.

На его шее на золотой цепочке болтался маленький золотой череп с крыльшками.

Крюков помог подняться Антону.

— Никого не задел? Он ведь запросто мог убить тебя или Марию.

— Он сделал лучше — убил нас всех, — Антон указал на осколки центрального компьютера.

По железной лестнице снова загрохотали шаги. Крюков с досадой оглядел свой арсенал — все оружие осталось без боезапаса. Но тревога оказалась напрасной. Это были Мерфи и Ирина.

— Что у вас тут творится?

— С этого пульта уже ничем нельзя управлять, — развел руками Антон.

— Антошка, ты живой? Слава Богу! — Ирина опустилась на край стола.

Мария широко раскрыла глаза:

— Это не Антон. Вот этот парень называл себя Антоном, — она указала на мертвого Питера.

— А мы его почему-то Питером называли, — слегка озадаченно протянул Антон.

— Это шеф здешних наркоторговцев, — пояснил Мерфи. — Он убил вашего Иону.

— Интересно, как его звали на самом деле? — спросил Антон.

— При жизни его звали Мясником, — ответил Крюков. — И на этот раз диагноз окончательный.

* * *

6

В рябухе было тесно. С Крюковым ехали Ирина, Антон, Мария и Мерфи. Настроение у всех было подавленным. Над миром все еще висела угроза катастрофы.

— Семен встречает Новый год у себя в банке, — сообщил Крюков. — Может завалим к нему? Помрем с музыкой и веселыми песнями. Это красиво.

— Жалко, что со Шнопаком побеседовать не успели, — вздохнул Крюков. — Он наверняка знал и код, и пароль.

— Перед смертью Шнопак успел сказать мне что-то, но я не понял, — встал слово Мерфи — Что именно?

— "Апекс"! Он просил разбить "Апекс"! Что бы это значило?

— Понятия не имею. Рудакову он предлагал остановить механизм. Загадка для идиота — Это же все равно, что остановить песочные часы. Как это сделать? Даже если их перевернуть, они все равно будут идти, пока не высыпется весь песок.

— На латыни "апекс" — верхушка, — сказала Мария.

— Верхушка чего? Пирамиды? — спросил Крюков.

— Эврика! — заорал Антон так, что у всех заложило уши. — Если Юнител состоит из двух пирамид, состыкованных вершинами, то это место стыковки и есть этот самый "апекс". Если его разрушить, то никакого "Армагеддона" не произойдет.

— Почему?

— Очень просто. Большая пирамида — это как бы бомба. Малая — управляемый взрыватель. Сигнал к взрыву уже дан и мы не можем его отменить, но мы можем перехватить его в точке перехода из малой пирамиды в большую. Если ее заблокировать, взрыва не будет! Это все равно, что заткнуть шейку песочных часов. Подбросить в песок тяжелый камушек, который закупорит дырку.

— И такой камушек — вирус "Минутка"! Быстро к Ирине. У нее есть подключение к Юнителу.

— Но как мы войдем в точку "Апекс"?

— У нас есть "золото" Бонзы. Его диск с записью игры "Армагеддон".

— Но мы же так и не узнали пароль и не сможем нейтрализовать вирус.

— А этого и не требуется, — кивнул Антон. — Всех делов-то — за пятьдесят секунд, которые остались на диске до срабатывания вируса дойти до этого "апекса". А дальше сам вирус сработает вместо взрывателя и разрушит весь сайт. Ищи друзей своих среди врагов своих. Если не можешь победить врага,

сделай его своим союзником. Так кажется?

— Точно, тогда вирус разрушит точку перехода между пирамидами и сигнал из малой не пройдет в большую. Ракеты не взлетят, деньги останутся на своих местах, и все такое прочее. Армагеддон откладывается еще на тысячу лет! — подхватил идею Крюков. — Мы приехали, выгружаемся!

— Куда? — спросила Ирина.

— К тебе. Нам нужен выход в Юнител.

Все оказалось на редкость буднично. В квартире Антон сразу бросился к компьютеру и загнал дискету в дисковод. Он работал мышью с быстротой и четкостью хирурга. Остальные, затаив дыхание, столпились у него за спиной.

Осталось сорок пять секунд до срабатывания "Минутки"! Тридцать!

Двадцать пять! Двадцать!

— Сейчас... Расслабьтесь, это совсем не больно... Есть! Мир спасен!

— А мой компьютер погиб! — всплеснула руками Ирина.

— Ерунда, — утешил ее племянник. — Железо я тебе бесплатно поменяю.

Почти бесплатно. Есть у меня на примете пентюх в хорошем состоянии.

— Молодец. Хочешь я тебя поцелую? Нет? Я так и подумал, — сказал Крюков.

— Отвали, ты небритый и у тебя ноги волосатые. Пусть меня Мария поцелует! — предложил Антон. — А где салют, где поздравления?

Крюков посмотрел на часы:

— Зачем "Салют"? Шампанское купим! Кстати о деньгах, когда ты копался в этих сайтах, не заметил случайно, куда делся "штабной фонд"

Юнитела? Теперь, конечно, им уже никто не сможет воспользоваться.

— Ну и хрен с ним, — беззаботно отмахнулся Антон. — Десяток миллионов долларов я успел перебросить в Германию, там у Марии счет открыт для ее центра помощи детям, инфицированным СПИДом.

— С чего такое внимание? Уж не собираешься ли ты на ней жениться?

— Как тебе сказать? Вообще-то она немного сумасшедшая. Боюсь, что с ее патологическим альтруизмом этих денег надолго не хватит.

— Какие проблемы? С твоими способностями тряхнешь пару кокаиновых банков. Или ты не успел скачать коды доступа?

Крюков посмотрел на часы:

— Блин! До Нового года осталось полчаса! Я сметаюсь за елкой и шампанским!

— Я с тобой! — вызвалась Ирина. — Один ты не успеешь, надо же чего-то к столу купить.

— Как всегда в последний момент, — вздохнул Антон и пояснил Марии. — Это у нас семейное, от прабабушки. Тогда и мы с вами!

— Все русские сумасшедшие, — подвел черту Мерфи. — Я тоже поеду.

Иначе мне придется сидеть здесь и встречать Новый год одному. Поехали?

— Куда вы? — удивился Крюков. — Дело-то на пару минут — туда и обратно. Я за углом елочный базар видел. Там же и ночной магазин.

Но его не послушались. Все быстро оделись и спустились вниз.

Впятером они разместились в не успевшей остыть рябухе, тронулись и завернули за угол. Вопреки утверждению Крюкова ни елок, ни ночного магазина они не обнаружили.

— Ничего, — обнадежил компанию Крюков. — Мир спасли, а уж елку с

шампанским найти — раз плюнуть!

— За двадцать минут до Нового года? — скептически прищурился Антон. — Ну-ну, поглядим.

— Ох уж эта молодежь! Ничему-то они не верят. Нигилисты прямо какие-то! — проворчал Крюков. — С машиной нам это — раз плюнуть.

— У тебя бензин на нуле, — заметила Ирина.

— Фигня, у меня полная канистра в багажнике, — успокоил всех Крюков.

— А ее не сперли? — продолжал сомневаться Антон.

— Слушай, после того как ты спас мир, с тобой стало просто невозможно общаться. Ты свое дело сделал? Отдыхай, — урезонил его Крюков. — У меня в багажнике тоже сигнализация натяжного действия. Если бы кто залез, то весь район услышал бы. Не волнуйся, успеем в лучшем виде.

Лейтенант в патрульной машине ГИБДД, несшей службу на перекрестке, заметил рябуху.

— Вон, смотри как чешет, — указал он сержанту, дремавшему за рулем. — Пошли тормознем? С праздничком поздравим?

— Да это же Крюков со спецухи, — проворчал сержант. — Его тачку вся Москва знает, — он громко зевнул. — Вот раздолбай, даже на Новый год опоздал! Таким нужно родиться.

— Думаешь не успеет? — с сомнением произнес лейтенант.

— Сто пудов. Мажемся на дичку баксов? Результат я у него потом узнаю.

— Давай тогда уж на полста, — протянул пятерню лейтенант.

Рябуха со свистом рассекала ночное пространство. Экипаж лихорадочно прощупывал взглядами пространство, с завистью отмечая сияющие огнями квартир жилые дома.

— Жалко, что никто так и не узнает, что мы спасли мир, — грустно произнес Антон.

— Но кое-кто все-таки знает, — обнадежила его Мария. — Например я.

— Спасибо, — в голосе Антона зазвучали непривычно сентиментальные нотки.

— А ты напиши мемуары, — предложил Крюков.

— На фига? Все равно не поверят, — махнул рукой Антон. — Стой! — заорал он. — Вон справа по борту елки!

— А слева магазин. И по-моему он работает, — добавил Мерфи.

Крюков загнал рябуху прямо на развалины елочного базара. Хозяева сняли и увезли забор и прочие служебные атрибуты. Непроданные елки никто вывезти не собирался. Они лежали неразобранной кучей.

От жадности Крюков напихал елками полный багажник. Антон помогал ему их заталкивать. Тем временем вернулись Ирина и Мерфи с пакетами и бутылками.

— Грузимся, у нас семь минут! — предупредил Крюков.

— Успеем? — на сей раз усомнилась Мария.

— А может все-таки двинем к Семену?

— Стыдись, малодушная! Тут через пустырь напрямик — три минуты.

Крюков дал газу и рябуха рванула с места.

— В детстве и ранней молодости я сразу после боя курантов мчался к окну и высматривал раздолбаев, которых Новый год застиг посреди улицы. Иногда таковых не наблюдалось, а иногда случалось сразу по несколько человек...

Мотор заглох через полторы минуты, как раз посреди пустыря. Крюков выскочил из машины и принялся выкидывать елки из багажника. Остальные тоже не усидели и отправились ему помогать.

Когда багажник опустел, Крюков озадаченно почесал в затылке.

— И где же твоя канистра? — осторожно озвучила Ирина мучивший всех вопрос.

Крюков обреченно ощупывал запаску, словно канистра могла завалиться под нее. Кроме запаски в багажнике ничего не было.

— А это что?

Мерфи нагнулся и отлепил от диска запасного колеса приклеенную скотчем бумажку.

— Баксы!

— Сто долларов!

— Что?

Крюков выхватил бумажку у него из рук и развернул. В тусклом свете лампочки на сгибе внутри мелкими буквами можно было разобрать слово "Взятка".

- ****ашка, сукин сын! Спер канистру!

Крюкова обступили и стали тормозить.

— Ладно, кончай нервничать! Праздник ведь!

— Первый раз встречаю Новый год на улице, — радостно сообщила Ирина.

— Действительно, в этом что-то есть, — уныло поддержал ее племянник. Он натыкал елки прямо в снег. — Жалко игрушек нет.

Крюков включил радио. Мария лихорадочно чистила мандарины, предусмотрительный Мерфи доставал из пакета пластмассовые стаканы.

— Ура! — сказала радио. — Поздравляем вас с Новым годом, дорогие россияне!

— А меня? — спросил Мерфи.

— А ты чем лучше? И тебя тоже, — Крюков бабахнул шампанским, которое еще не успело как следует остыть. — С Новым годом! С новым счастьем!

— Ура! — зашумели все. — С Новым, двухтысячным!

— Как Новый год встретишь, так его и проведешь!

— Как новый век встретишь, так его и проведешь!

— Как новое тысячелетие встретишь...

— Ну что же, получается, что я теперь, всю тысячу, лет буду бешено счастливым!

— Не суетитесь, новый век только через год наступит, — возразила Ирина.

— Раздай мандарины, поручик Мерфи, — распорядился Крюков.

— Между прочим меня зовут Роберт, — обратился к собравшимся Мерфи. — Можно просто Боб.

— Он и на Бобика откликается, — ввернул обиженный на весь свет, то есть на себя самого, Крюков.

— А вас как зовут? — спросила его Мария. — А то неудобно по фамилии.

— Меня зовут Крюков, — сказал Крюков.

— Нет, имя, — настаивала Мария.

— У него замечательное имя, но он его почему-то считает неприличным, — пояснила Ирина.

— Какое же? Акакий? Хераск? Фаллопий?

— Может Говней, Перебздей или Мудей какой-нибудь? — предположил Антон. — А что? Нормальные русские имена.

— Не угадали. У меня не русское имя, — сдался Крюков. — Когда меня привезли из роддома, отца срочно откомандировали в Восточную Германию а мама заболела. В то время у нас проездом гостила папина старшая сестра. Она была инженером на каком-то ударном строительстве и приехала в Москву получать орден за перевыполнение очередной пятилетки. Она меня и оформила в духе тогдашних идей. Родители потом чуть в обморок не упали. Но было поздно. С тех пор она к нам больше не приезжала, не звонит и не пишет.

— И как же она вас окрестила? Или озвездила? — поинтересовалась Мария. — Кто вы? Индустрий? Энергий? Днепрострой?

— Или Ленин-В-Ссылке? — предположил Антон.

— На букву "П". Угадайте с трех раз, — подсказала Ирина.

— Прораб?

— Паровоз?

— Политбюро?

— Прогресс! — продемонстрировал знание русского языка Мерфи.

— Полет-На-Луну! — снова блеснул интеллектом Антон. — Или Привет-Участникам-Двадцатого-Съезда-КПСС?

— Один идиот недавно сына Пушкиным назвал. Представляете? Пушкин Иванов! Или Пушкин Лермонтов! Хуже уже некуда.

— У меня хуже, — печально сообщил Крюков. — Меня зовут Пявчет.

— Как???

— Пявчет. Сокращенно от "Пятилетку в четыре года".

Все замолчали, придавленные страшной тайной этого сильного человека. Сумеет ли он и дальше пронести ее сквозь жизнь и не сломаться?

Где-то вдалеке в небо взмывали китайские петарды, с грохотом рвались хлопушки. Городские и федеральные власти почему-то не сочли наступление 2000-го года датой, достойной официального салюта, как, например, День банно-прачечных войск или Столетие изобретения революционером Кибальчишем вечного двигателя. Поэтому ночное новогоднее небо оставалось загадочно-темным.

Тихо падал снег. Пахло елкой и мандаринами и дешевое шампанское казалось сказочно прекрасным.

* * *

Примечания

1

Ст.224 УК РСФСР — незаконное изготовление, перевозка, сбыт и т. д. наркотических веществ (соотв. ст.228 УК РФ).

[^^^]

2

Статья 117 УК РСФСР — изнасилование (соотв. ст.131 УК РФ).

[^^^]

3

НИИ социальной и судебной психиатрии им. Сербского.

[^^^]

4

"Памятник"- бывший разведчик-нелегал на преподавательской работе.

[^^^]

5

Маленькая, маленький (жарг.) — доверенное лицо.

[^^^]

6

Глубокое бурение (жарг.) — КГБ, ФСБ.

[^^^]